

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-12-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-12-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет., 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board

of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilievich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanova@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in

the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq.

243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture
and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab.
Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the
Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str.,
66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management
(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035,
Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasiliyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031,
Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor
of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza,
99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher,
Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance,
53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

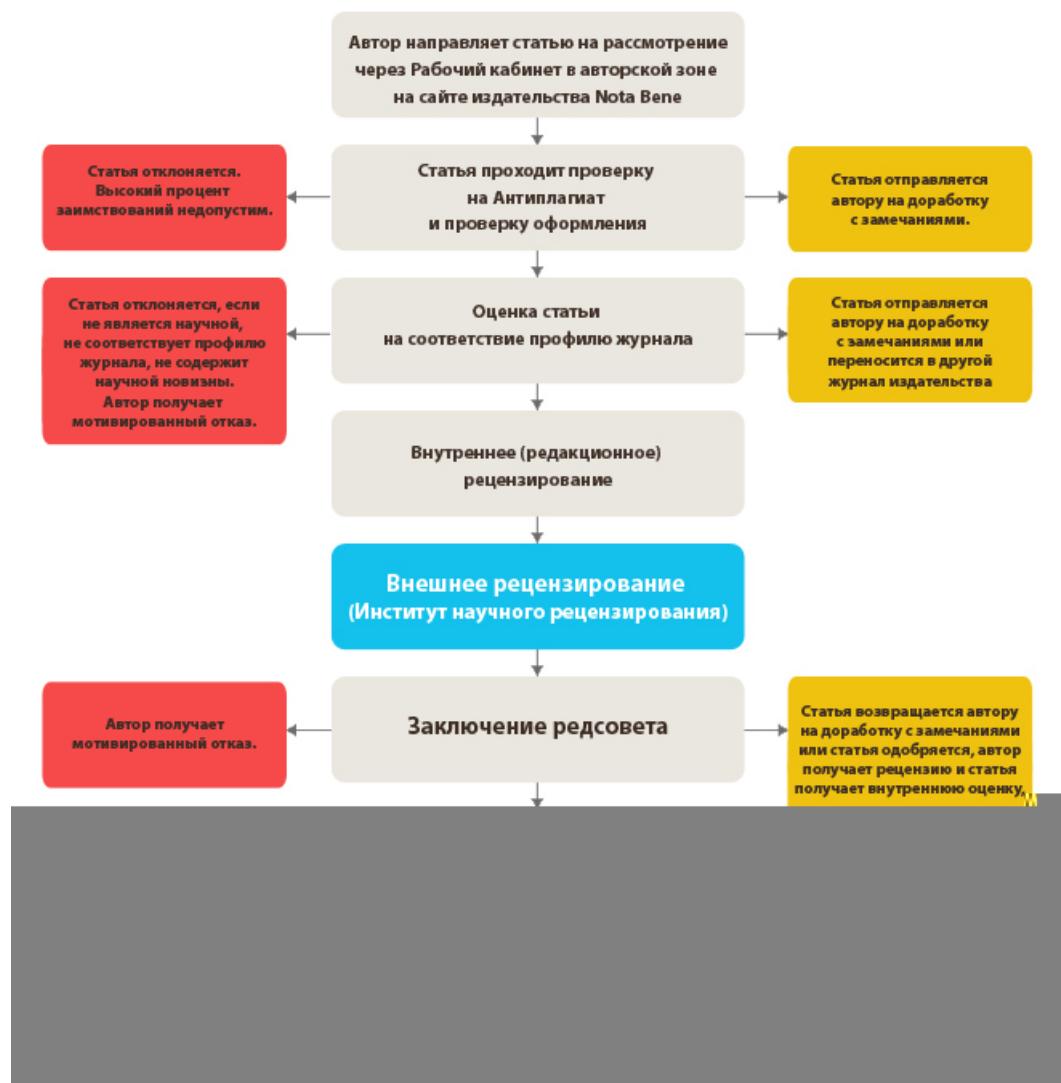
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Корецкая М.А. Становление нозологических классификаций в контексте проблемы социального конструирования научных фактов	1
Грибков А.А., Зеленский А.А. Концептуализация памяти в рамках теории когнитивных систем	17
Розин В.М. Природа страха перед смертью, а также возможно ли преодоление этих переживаний	36
Цельковский А.А., Полякова И.П., Яшина К.А. «Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)»	55
Бахарева М.Д. От философских концепций к психоаналитической практике: анализ эпистолярного наследия Лу Андреас-Саломе во взаимодействии с Зигмундом и Анной Фрейд	68
Аминов Э.Ф. Полифонический принцип и деконструкция субъективности: апории постмодернистской множественности	82
Саяпин В.О. Жильбер Симондон и генеалогия спекулятивного реализма: онтология «доиндивидуального»	93
Деменёв Д.Н., Подобреева Е.К., Хисматуллина Д.Д., Копылов К.С. Экзистенциальные и социальные проблемы современной архитектуры: пути преодоления одиночества и социальной изоляции	115
Креписов К.М. Трансформация связи нормы и долга в эпоху технологий искусственного интеллекта	138
Лисович И.И. Совершенствование тела, облагораживание чувств, обучение разума: об идеальной модели инкультурации в раннее Новое время	147
Москвитин В.А. За пределами алгоритмов: Философская критика Хьюберта Дрейфуса	161
Саяпин В.О. Преодоление разрыва: философия техники Жильбера Симондона между детерминизмом и конструктивизмом	179
Аторин Р.Ю. Универсум как система и её научно-философская рефлексия в контексте рациональной теологии Фомы Аквинского	200
Англоязычные метаданные	217

Contents

Koretskaya M.A. The development of nosological classifications in the context of the social construction of scientific facts problem	1
Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Conceptualization of memory within the framework of cognitive systems theory	17
Rozin V.M. The nature of the fear of death, as well as whether it is possible to overcome these experiences	36
Tselykovskiy A.A., Polyakova I.P., Yashina K.A. "Myth, ritual, discourse: mechanisms of constructing political habitus in everyday practices (using the example of the Soviet legacy)"	55
Bakhareva M.D. From Philosophical Concepts to Psychoanalytic Practice: An Analysis of the Epistolary Legacy of Lou Andreas-Salomé in Interaction with Sigmund and Anna Freud	68
Aminov E.F. The polyphonic principle and the deconstruction of subjectivity: the aporias of postmodern multiplicity.	82
Sayapin V.O. Gilbert Simondon and the Genealogy of Speculative Realism: Ontology of the "Pre-Individual"	93
Demenev D.N., Podobreeva E.K., Hismatullina D.D., Kopylov K.S. Existential and social issues in contemporary architecture: ways to overcome loneliness and social isolation	115
Krepisov K.M. Transformation of the connection between norm and duty in the era of artificial intelligence technologies.	138
Lisovich I.I. Perfecting the body, ennobling the senses, and educating the mind: about ideal model of inculcation in early Modern period	147
Moskvitin V.A. Beyond Algorithms: The Philosophical Critique of Hubert Dreyfus	161
Sayapin V.O. Overcoming the Gap: Gilbert Simondon's Philosophy of Technology Between Determinism and Constructivism	179
Atorin R.Y. The universe as a system and its scientific-philosophical reflection in the context of the rational theology of Thomas Aquinas.	200
Metadata in english	217

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Корецкая М.А. Становление нозологических классификаций в контексте проблемы социального конструирования научных фактов // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76568
EDN: KPRHDM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76568

Становление нозологических классификаций в контексте проблемы социального конструирования научных фактов**Корецкая Марина Александровна**

ORCID: 0000-0002-6910-8744

доктор философских наук

доцент, зав. кафедрой; кафедра философии и биоэтики; Самарский государственный медицинский университет

443100, Россия, Самарская обл., г. Самара, Октябрьский р-н, ул. Ново-Садовая, д. 2, кв. 47

[✉ listarh@list.ru](mailto:listarh@list.ru)[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.11.76568

EDN:

KPRHDM

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2025

Дата публикации:

01-11-2025

Аннотация: Западная медицина, пройдя исторический путь становления в качестве научного знания, оказалась включена в эпистемологические дискуссии о природе научного факта, социальном контексте процесса познания и организации науки как социального института. Здоровье является сколь биологическим феноменом, столь и социальным, а научные представления о здоровье и болезни зависят от конкретного культурного горизонта и принятых социальных практик. Цель статьи заключается в ответе на вопрос о том, что собой представляет конструирование научного факта, когда речь идет об истории медицины как науки и конкретно о становлении принципов нозологической классификации. Эта проблематика позволяет глубже понять процессы, связанные с актуальным развитием медицинского знания, в частности, эксплицировать

механизмы, лежащие за дискуссиями о системах Международной классификации болезней. Методологическая работа основывается на конструктивистской парадигме философии и социологии науки, а также на принципах социального конструкционизма. Кроме того, для данного исследования релевантны логика практического поворота в гуманитарном знании и междисциплинарный подход. В исследовании проведен анализ двух ключевых текстов, относящихся к конструктивистской традиции: Л. Флек «Возникновение и развитие научного факта» и М. Фуко «Рождение клиники». Результатом анализа стало описание становления медицины в перспективе конструктивистской эпистемологической парадигмы. Показано, что, если Флек писал о том, как понимание болезни зависит от стиля научного мышления, присущего культуре, то работа Фуко позволяет подтвердить гипотезу, что нозологический конструкт болезни формируется под влиянием определенных институтов, таких как клиника, которая структурирует госпитальное пространство по аналогии с пространством лабораторным и помещает феномен болезни в ячейки нозологической классификации, созданной в результате практических действий. Конструктивистский подход к медицинскому знанию позволил также рассмотреть систему МКБ как эпифеномен развития клинического мышления в эпоху биополитики и эксплицировать логику конфликта вокруг перехода от МКБ-10 к МКБ-11 эффект различия ценностных горизонтов, влияющих на стили научного мышления.

Ключевые слова:

конструктивизм, социальный конструкционизм, болезнь, нозология, научный факт, стили мышления, социальные институты, клиника, клинический взгляд, Международная классификация болезней

Введение

Западная медицина прошла долгий исторический путь становления в качестве научного знания и поэтому неудивительно, что она оказалась тематически включена в важнейшие дискуссии, происходившие в эпистемологии и социологии науки с конца XIX века. Это, прежде всего, дискуссии о природе научного факта, социальном контексте процесса познания и, наконец, об организации науки как социального института.

В классической философии познания предполагалось, что наука должна и может отстаивать свою автономию по отношению к другим сферам деятельности, субъект познания должен рассматриваться как носитель чистой рациональности вообще, отделенный от любых социокультурных контекстов. Ученый, входя в лабораторию, должен оставить за ее дверями не только все свои идеологические пристрастия, но и весь биографический, социальный, культурный и исторический контекст своей жизни, чтобы неискажать трансцендентальной чистоты своего мышления [2]. И только в таком случае в стерильном пространстве лаборатории в качестве объективного факта познающему разуму открывается тот или иной фрагмент природной реальности как таковой.

Тем не менее в XX веке такое понимание процесса познания было проблематизировано. Начиная с дискуссий о научных фактах: в Венском кружке Рудольф Карнап [7] и Отто Нейрат [13] обсуждали протокольные предложения, а Пьер Дюгем еще в конце XIX говорил о теоретической нагруженности фактов и наблюдения как такового [3], [23].

Следующим шагом стала гипотеза о том, что научные теории не существуют в мире чистых идей, а вплетены в социокультурный контекст своей эпохи. И в этом смысле в истории науки мы имеем дело не с простым поступательным накоплением информации о реальности как она есть, а с различными концептуализациями этой реальности, различными моделями мира. В таком случае научный факт начинает пониматься как конструкт, имеющий социальную природу. Идея о том, что из научного знания невозможно устраниć социальную компоненту, а наука должна быть рассмотрена как социальный институт, отвечающий на запросы общества, привела к появлению социологии науки как отдельной дисциплины, которая активно развивается по сей день.

Эта проблематика имеет прямое отношение и к медицинскому знанию. Как мы должны понимать болезни в качестве предмета медицинского знания и практики? Как некий непосредственно данный природный феномен, о котором мы поступательно наращиваем знания, неуклонно приближаясь к истине? Или же как познавательный конструкт, с помощью которого мы концептуализируем проблемы сохранения и восстановления здоровья людей? Здоровье является сколь биологическим феноменом, столь и социальным, а научные представления о здоровье и болезни (не менее, чем донаучные, мифологические) зависят от конкретного культурного горизонта и принятых социальных практик. Конструктивистский подход к пониманию болезни и процесса диагностики, мы видим в концепции Людвига Флека. Мишель Фуко, чьи труды вписываются в направление социального конструкционизма, дает описание специфики клинического взгляда врача и клиники как социального института. Обоих авторов объединяет установка на критику реалистического понимания сути познавательного процесса: знание не отражает некую самодостаточно существующую реальность, а конструирует свой объект в процессе социальной коммуникации, дискурсивных практик и становления институтов. Обе работы оказали значительное влияние не только на медицинскую антропологию, но и на философию и социологию науки [27]. Тема представляется важной не только в контексте истории или философии медицины, она позволяет глубже понять процессы, связанные с актуальным развитием медицинского знания, в частности, эксплицировать механизмы, лежащие за дискуссиями о системах Международной классификации болезней.

Цель статьи заключается в ответе на вопрос о том, что собой представляет конструирование научного факта, когда речь идет об истории медицины как науки и конкретно о становлении принципов нозологической классификации. Мы сначала остановимся на том, как Людвиг Флек в книге «Возникновение и развитие научного факта» ставит ту или иную концептуализацию болезни в зависимость от стиля мышления эпохи, далее рассмотрим как Мишель Фуко показывает в «Рождение клиники» влияние становления медицинских институтов на принципы нозологических классификаций, а в заключении посмотрим на процесс перехода от МКБ 10 к МКБ 11 в контексте конструктивистского подхода к нозологии.

Методологическая работа основывается, прежде всего, на конструктивистской парадигме философии и социологии науки, а также на принципах социального конструкционизма. Поскольку конструирование научных фактов (знание о болезнях) понимается как находящееся в прямой зависимости от практик, для методологической оптики данного исследования важна логика так называемого практического поворота в гуманитарном знании. Работа в тематическом поле данного исследования предполагает междисциплинарный подход, поскольку проблематика располагается на стыке нескольких дисциплин: философии и социологии науки, истории и философии медицины, а также медицинской антропологии.

Людвиг Флек: история концептуализации сифилиса в контексте проблемы стилей мышления

В книге Флека, которая вдохновила Томаса Куна на идею революционной смены научных парадигм [9; с. 15], рассматривается конкретный кейс: реакция Вассермана и ее роль в диагностировании сифилиса. Но этот пример используется для того, чтобы предложить концепцию социальной обусловленности любого научного факта. Это позволяет рассматривать Флека как предтечу социологического подхода в эпистемологии. В этом качестве его наследие было переосмыслено, прежде всего, социологом Брюно Латуром, в частности, в книге «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества», где автор разворачивает до полноценной концепции тезис о том, что в науке «Конструирование фактов, как и игра в регби, - процесс коллективный» [11; с. 171]. Следует отметить, что Флек имел медицинское образование, обширную медицинскую практику и значительную часть своей карьеры посвятил лабораторным исследованиям, связанным с методами диагностирования сифилиса, тифа и других эпидемических заболеваний, а также разработкам в области иммунологии. Эти биографические детали важны, поскольку позволяют отметить, что у концептуальных построений Флека практический, а не спекулятивный фундамент [26]. Флек реконструирует генеалогию медицинских знаний о сифилисе, показывая, что в течение нескольких столетий эти знания не просто накапливались, но достаточно радикально меняли свой мировоззренческий и культурный горизонт.

Принято считать, что история науки о сифилисе восходит к самому концу XV века, когда в ситуации, способствовавшей эпидемиям, на фоне войн, циклических засух, наводнений и вызванного ими голода, в Европе быстро распространялась некая зараза, природу которой пытались специфицировать авторы медицинских трактатов того времени. Врач и профессор Падуанского университета Джироламо Фракасторо в своей поэме 1530 года предложил сам термин «сифилис» [19]. Однако при внимательном взгляде на исторические источники вполне уместно задаться вопросом, в какой степени сифилис, о котором пишет Фракасторо и его современники и сифилис, знакомый современному медицинскому знанию, представляют собой один и тот же феномен. Прежде всего, очевидна размытость номенклатуры того времени и ее склонность к эвфемизмам. Предложенный Фракасторо концепт восходит к имени мифического пастуха Сифила, наказанного богами за нечестие болезнью. Этимологически имя Сифил означает «любящий свиней» – то есть перед нами очевидная метафора грязи и низости. Другие названия, бытовавшие в то время: люэс – от латинского *lues* – зараза, язва; а также «французская» или «немецкая» болезнь – в зависимости от того, какому чуждому и вредоносному влиянию приписывалось распространение этой напасти в добропорядочном обществе. Еще более показательно то, что авторы позднего Средневековья и Нового времени по нюансам клинической картины этой «французской хвори» не особенно стремились ее отделить от внушительного списка других заболеваний, таких как проказа, чесотка, туберкулез кожи, кости и желез, оспа, микозы кожи, гонорея, мягкий шанкр, и даже подагра. К примеру, «французская хвоя» нередко именуется «матерью» или «дочерью проказы». С другой же стороны, вплоть до XIX века некоторые врачи могли считать так называемые сухотку спинного мозга и прогрессивный паралич не проявлением одной из стадий сифилиса, а отдельными заболеваниями (или даже побочными эффектами лечения ртутью, как считал, например, Ульрих фон Гуттен). О сложном процессе установления причинно-следственной связи сифилиса и прогрессивного паралича пишут Е.М. Чумаков, Н.Н. Петрова и И.О. Смирнова [24]. Причина такой неразберихи была не столько в том, что у медицины вплоть до XIX века

было недостаточно данных о сифилисе, – ведь сведений за века медики собирали впечатляющее количество, – сколько в том, что перспектива взгляда на эту болезнь и болезни вообще выстраивалась из иного мировоззренческого и культурного горизонта, и соответственно, диагностические открытия в области микробиологии и серологии оказались возможны только после радикального сдвига в европейской научной картине мира, который произошел лишь на рубеже современности.

Флек обращает внимание читателя прежде всего на то, что сифилис начиная с XV века концептуализировался по преимуществу в религиозно-этическом контексте: «Религиозные учения, в соответствии с которыми болезнь рассматривалась как кара за греховное сладострастие, а половые связи рассматривались под углом зрения моральных норм, легли краеугольным камнем сифилидологии, придали ей особый этический смысл. Полагают, что эту болезнь посыпает Бог для того, чтобы люди бежали от греха сладострастия» [\[18; с. 27\]](#). Глядя под таким углом зрения, медицина того времени не имела особых оснований различать сифилис, гонорею и иные венерические заболевания. В этом смысле был вполне в духе эпохи самоотверженный, но ошибочный эксперимент шотландского хирурга Джона Хантера, привившего себе в 1767 году биоматериалы больного гонореей и в результате заболевшего также и сифилисом. Этот эксперимент в то время трактовался как эмпирическое доказательство тождества этих болезней. Контекст «греховности» привел к длительной стигматизации больных. Сифилитические поражения кожи буквально трактовались как «язвы порока», страдающим от болезни вменялось чувство вины и смижение перед лицом справедливого наказания, что могло приводить и вовсе к целенаправленному отказу от лечения. Моральная низость и сексуальная распущенность, трактуемые как непосредственная причина заболевания, подвергались постоянному порицанию как в проповедях священников, так и в пользовавшихся популярностью сатирических произведениях вроде знаменитой серии гравюр Уильяма Хоггарта «Карьера проститутки» (1732), на которой красочно показан весь путь некой Молл от морального падения до смерти от сифилиса в 23 года. К выдержанной в той же логике профилактике можно отнести и определенный комплекс административных мер борьбы с венерическими заболеваниями, среди которых были закрытие публичных домов, преследование, постановка на учет и принудительные медицинские обследования женщин, занимающихся проституцией. Например, как пишут в своей статье, посвященной истории сифилиса в России, В. Г. Коляденко и В. И. Степаненко, такого рода кампании начались при царе Алексее Михайловиче и периодически повторялись потом при Петре I, Екатерине II и далее, хотя существенно снизить эпидемиологический характер заболевания такие меры не помогли [\[8\]](#). Для религиозно-этической трактовки болезни некоторой проблемой было то, что люди часто болели целыми семьями, и врожденные формы заболевания были весьма распространены. Виновен ли в безнравственности ребенок, получивший сифилис наследственным путем? Эта дилемма снималась просто: погрязшими в пороке и деградирующими объявились как семьи, так и целые социальные группы, разумеется, из низов. Флек приводит красноречивую цитату из книги Райха о сифилисе (Reich E. Über den Einfluss der Syphilis auf das Familienleben. Amsterdam, 1894), описывающую одно из подобных семейств в целом как «неуправляемое, жестокое и грубое, склонное, бес tactное, невежественное, жадное и безрассудное» [\[18; с. 99\]](#).

Помимо религиозно-этического объяснения природы болезни было распространено также и астрологическое, видевшее причину эпидемического распространения «язвы» в движении небес: «Большинство авторов допускают, что соединение 25 ноября 1484 г. Сатурна и Юпитера под знаком Скорпиона в Доме Марса было причиной уязвления

плоти» (Rinius Benedictus. De morbo Gallico, tractatus. In: Luisinus. De morbo Gallico, v. 2, s. 18) [18; с. 27]. В таком объяснении нет ничего удивительного, если учесть, что в тот период астрология была весьма респектабельна и ученых мужей не возникало даже мысли противопоставлять ее научному знанию. Собственно, сами границы научного естествознания, как об этом пишет В.П. Визгин [2], начнут складываться лишь в XVII веке, а выдворение астрологии и иных эзотерических форм знания на маргинальные позиции в качестве лженауки займет без малого еще два столетия. Своя внутренняя логика в астрологическом объяснении была, поскольку Скорпион связывался астрологами с сексуальностью, а сильное влияние Сатурна рассматривалось как вредоносное. Таким образом, объяснялось, почему под воздействием звезд люди стали особенно склонны к «плотскому греху» и в результате получили наказание в эпидемическом масштабе. Мы видим, что и астрологический подход не давал врачам поводов для дифференции венерических заболеваний.

Некоторые основания для спецификации сифилиса, казалось, давал эмпирико-практический подход, базировавшийся на лечении ртутными препаратами: врачи замечали, что в некоторых случаях ртуть помогает при лечении «французской хвори», в других же нет. С позиций современного знания понятно, что ртуть совершенно бесполезна при гонорее. Однако общий мировоззренческий контекст склонял врачей XV-XVII веков объяснять такое избирательное воздействие ртути скорее причинами спиритуального характера. И это неудивительно, если учесть, что теоретической базой медицинского применения ртути была алхимическая металлотерапия. Флек подводит нас к выводу, что врачи обобщали и классифицировали наблюдения в соответствии со стилем мышления своей эпохи, для которого по ту сторону физического присутствует метафизическое; фундаментальные причины происходящего имеют духовно-мистический характер, а в природном порядке всегда есть место чуду. Флек пишет: «Представим себя в мире Парацельса! В мире, где каждая вещь, каждое событие выступают как символы, и в то же время любой символ, любая метафора обладают объективным значением. В мире, наполненном тайным смыслом, духами и неведомыми силами, в мире, где бунт уживается с покорностью, любовь с ненавистью. Как еще можно жить в реальности, столь бурной, неопределенной, опасной, иначе, чем верой в чудо? Чудо — это и есть самый фундаментальный принцип, самый непосредственный опыт этой действительности, оно таится везде и всюду и пронизывает собой все знание, является предпосылкой любого размышления и следствием из него» [18; с. 57].

Движение медицины в сторону становления микробиологии и серологии оказалось возможно не раньше, чем мир, пользуясь известным выражением Макса Вебера, начал расколдовываться. Этот новый стиль мышления, постепенно укоренявшийся в науке, предполагал, что причины любых природных процессов следует искать исключительно в физической реальности. В результате такого смещения внимания наука вместо постулирования зловредных духов и демонов, терзающих плоть больных за их грехи, стала искать биологических возбудителей, которые не видны невооруженным глазом, не потому, что имеют спиритуальную природу, а потому что являются микроорганизмами, и соответственно, они поддаются эмпирическому исследованию в специально организованном для этого пространстве биологической, а не алхимической лаборатории. Об этом перевороте в науке, связанном с учреждением микробиологии и произошедшем благодаря усилиям Коха и Пастера, уже после Флека писал Брюно Латур [10]. В случае сифилиса возбудителя болезни бактерию *Treponema pallidum* открыли в 1905 году венеролог Эрих Гоффман и протозоолог Фриц Шаудин. Микробиология имела революционный характер, потому что задала совершенно новые основания для

классификации болезней, позволив специфицировать их по принципу объективно наблюдаемых возбудителей.

Однако для диагностики сифилиса даже выявления возбудителя оказалось недостаточно, поскольку не всякий носитель болезнестворных микроорганизмов заболевает. В этом смысле решающую роль сыграла серологическая реакция, полученная исследовательской группой под руководством немецкого иммунолога Августа Вассермана в 1906 году, на основе которой позже была разработана методика диагностического тестирования сифилиса. Новая концептуализация сифилиса как болезни, вызываемой определенным микроорганизмом и новый серологический способ диагностики в конечном итоге сделали возможным и появление принципиально нового подхода к лечению: вместо малоэффективной проповеди воздержания, стигматизации и административно-карательных мер, направленных на больных, а также токсичной ртутной терапии (и более поздних вариантов препаратов на основе мышьяка и висмута), после открытия пенициллина складывается практика применения антибиотиков для целенаправленного устранения возбудителя.

Подробно разбирая историю открытия реакции Вассермана, Флек отмечает два момента, важные с точки зрения социологии медицинского знания. Во-первых, сама идея поиска именно серологического ключа могла возникнуть у Вассермана потому, что медицина с XV века повторяла гипотезу о «дурной сифилитической крови», в основе которой лежала полу mythologическая гуморальная теория Гиппократа и Галена. Испорченная кровь больного сифилисом описывалась как «обильная, густая и пенистая, зараженная ядовитым началом» [18; с. 37], однако это было умозрительно натуралистическое, а не эмпирически верифицируемое описание, то есть в таком виде оно совершенно не годилось для диагностических целей. Тем не менее культурная память о старой мифологеме, перекодированная в контексте позитивного биологического знания, и навела Вассермана на мысль о выявлении специфики крови больных сифилисом с помощью применения реакции связывания комплемента Борде-Жангу. Конечно, на сегодняшний день, разработаны уже другие методики тестирования сифилиса, более точные и специфицированные, чем реакция Вассермана, но в целом мы видим развитие именно серологического подхода к проблеме. Второй момент, на который обращает внимание читателя Флек, заключается в том, что разработки группы Вассермана оказались возможны, поскольку существовал прямой правительственный заказ, обеспечивший исследовательской группе организационные возможности и финансирование. А наличие заказа объяснялось повышенным вниманием общественности к сифилису как социально значимой болезни, что привело к отчаянной конкуренции немецкой и французской науки. Соответственно, делает вывод Флек, открытиями в науке (и научной медицине в том числе) движет не абстрактная любовь к чистой истине, а социальный заказ, направляющий ученых, соперничающих за престиж, в определенное предметное русло.

Подводя итоги, Флек заявляет о том, что в науке нет чистого познавательного отношения субъекта к объекту: «То, что мыслит в человеке – это не он сам, а его социальная среда» [18; с. 71]. Любой исследователь зависит от стиля мышления своей эпохи. Стиль мышления предполагает готовность к избирательному восприятию и направленному действию. Именно стиль мышления определяет общие проблемы, которыми занимается исследовательский коллектив; общие суждения, принимаемые ученым сообществом за очевидные; набор методов, которые считаются релевантными; литературные стили, приемлемые для актуальной жанровой структуры текста. Для индивида стиль мышления является принудительным, он задает то, о чем нельзя мыслить иначе, если ученого нет

желания и готовности обнаружить себя на маргинальных позициях.

То, что медицинское знание концептуализирует и конструирует болезни в соответствии со стилем мышления своей эпохи, объясняет парадокс, известный историкам медицины: даже весьма подробные описания страданий конкретных больных, представленные в исторических источниках, могут совершенно не конвертироваться на язык современного медицинского знания, оставляя нас в полном недоумении касательно релевантного диагноза. Приведем в качестве примера следующий кейс. Продолжая и развивая подход Флека, российская исследовательница, работающая в области медицинской антропологии, Мария Пироговская анализирует дневник секунд-майора Алексея Ржевского, который тот вел с 1755 по 1759 годы, описывая некий недуг, долгое время причиняющий ему страдания [14]. Ржевский пишет о скорби, тоске и ожидании смерти по причине болезни; отмечает периоды плохого сна, «колотье в боку», лихорадки и состояния «немочи», не позволяющие ему заниматься делами и нести службу; сообщает о беседах с различными докторами; фиксирует прием настоек, пильуль и клистиров (далеко не всегда сообщая об их составе) и говорит о результатах воздействия этих снадобий; а также шокирующее подробно описывает частоту, объем, запах и цвет всех возможных физиологических выделений, включая мокроту и пот. При этом в дневнике нигде не приводится собственно диагноз: недуг так и остается безымянным, а современные эксперты могут лишь с некоторой долей уверенности предполагать, основываясь на этих описаниях, что речь идет то ли о плевrite, то ли о пневмонии, то ли о туберкулезе. Мария Пироговская этот феномен объясняет тем, что и сам Ржевский, и его врачи, в соответствии со стилем мышления своей эпохи, мыслили в категориях гуморальной теории, которая оставалась все еще популярной даже в XVIII веке. Поэтому они выстраивали наблюдение за болезнью в соответствующей логике, согласно которой нозологической определенности диагноза просто не существует, потому что баланс и дисбаланс гуморов динамичен. Главное, что требовалось – это усиливать отток избыточных жидкостей из тела с помощью тех или иных средств, поэтому дотошное отслеживание выделений имело первостепенное терапевтическое значение и Ржевский, будучи дисциплинированным больным, в своем дневнике фиксировал именно то, что концептуально было видно медицинскому взгляду того времени. Соответственно, мы можем говорить о конструировании болезни в границах различных и при этом внутренне целостных медицинских систем.

Мишель Фуко: рождение нозологического конструкта болезни в институциональном пространстве клиники

Конструктивистский подход к пониманию болезни в истории медицинского знания представлен также в книге Мишеля Фуко «Рождение клиники», которая впервые была опубликована в 1963 году [20]. Фуко имел помимо философского образования также и образование в области психиатрии, он начинал свою карьеру с преподавания клинической психологии и работы в психиатрических клиниках, что также, как и в случае Флека, позволяет говорить о практическом горизонте предлагаемой им концепции. На протяжении всего своего исследовательского пути он неоднократно возвращался к медицинской проблематике, считая медицину одной из ключевых сфер, через которые власть управляет обществом. Если Флек писал о том, как понимание болезни зависит от стиля мышления, присущего культуре, то Фуко исходил из гипотезы, что нозологический конструкт болезни формируется под влиянием определенных институтов, таких как клиника. Описывая генеалогию клиники, сложившейся как институт в XVIII веке, мы понимаем и специфику клинического взгляда врача, а стало быть, и дискурсивные правила, по которым медицина в ту эпоху начинает соотносить «слова и

вещи», то есть помещать феномен болезни в ячейки заново созданной нозологической классификации.

Хотя клиники как небольшие учреждения, призванные обеспечивать отсутствовавшее в университетах практическое обучение будущих врачей, появляются во многих странах Европы с XVII века, Фуко показывает, что события XVIII века во Франции приводят к радикальной трансформации этих учреждений и превращению их в новый институт, критически значимый для медицины и поныне. Французская революция, радикально изменив политический режим, сделала возможной и радикальную перестройку множества институтов. Новый формат отношений власти и общества предполагал взятие государством на себя ответственности за состояние здоровья и благополучие населения. И хотя многие прогрессистские проекты того времени оказались утопическими (в их числе, например, проекты по борьбе с нищетой), однако они дали импульс реформам, значимым для становления биополитического типа управления, господствующего в современности [\[21\]](#),[\[22\]](#). Госпитальная реформа во Франции, приведшая к рождению клиники, связана с именами, прежде всего, трех врачей: психиатра Филиппа Пинеля (1745–1826), мыслителя-материалиста и главного врача парижской больницы Пьера-Жана Жоржа Кабаница (1757–1808) и Жана-Николя Корвизара (1755–1821), основоположника семиотического подхода к медицине внутренних болезней [\[4\]](#).

Итак, Фуко показывает, что по всей Франции в 1791–1792 годах целенаправленно упраздняются медицинские институции, унаследованные от Средних веков и являвшиеся основой для распространения гуморальной парадигмы медицинского знания, уже совершенно устаревшей к тому времени. Закрываются больницы, которые функционировали как места не столько лечения, сколько призрения для больных из низших слоев общества. Больницы к тому времени ассоциировались с нищетой и плохими условиями, в которых больные не выздоравливали, а лишь усугубляли свое состояние, получая новые болезни, и зачастую умирая. Такой отрицательный эффект объясняется тем, что без всякой дифференциации по полу, возрасту и заболеванию их всех размещали в общих палатах. К тому же больницы представляли собой обременительные для общества учреждения, финансирование которых было далеко не прозрачным и допускало злоупотребления. Расформировывая больницы, предполагали устраниćть нищету как явление, а не поддерживать ее: больные должны лечиться дома, на попечении семьи, в «естественных условиях», неискажающих природу болезни, а государство должно заботиться о том, чтобы бедность не препятствовала гражданам в этом. Разумеется, нищету преодолеть не удалось, а больницы через несколько лет были открыты вновь, но в совершенно новом качестве и иначе организованные.

Похожая ситуация произошла и с медицинскими факультетами, а также медицинскими обществами. К факультетам претензия заключалась в том, что они оставались прибежищем средневековой книжной медицины. Распространявшееся в них знание оставалось метафизическим, спекулятивным, далеким от новых идеалов Просвещения, требовавших эмпирической научной базы и практической ориентированности. Закончивший университет будущий врач должен был еще несколько лет платить кому-то из статусных докторов за то, что тот его частным порядком приобщал к медицинской практике. Медицинская корпорация держалась за такой способ передачи практических навыков, поскольку он обеспечивал элитарность и независимость медицинской профессии от внешнего контроля. Однако при сомнительной эффективности устаревшего медицинского знания, оно к тому же еще в силу дороговизны было недоступно абсолютному большинству населения. Социальные низы обращались за помощью не к титулованным докторам, а к разного рода знахарям и шарлатанам, которые фактически

ни перед кем за свою деятельность не отвечали. Чтобы исправить ситуацию, было открыто несколько медицинских школ под контролем государства. Образование в них строилось не на умозрительной, а на эмпирической базе. Как пишет Антуан де Фуркруа, член Парижской Академии Наук в отчете Конвенту об открытии Школы здоровья в Париже, «Практика, манипулирование, будут соединены с теоретическими наставлениями. Ученники будут практиковаться в химических опытах, анатомических вскрытиях, хирургических операциях, работе с приборами, немного читать, много видеть и много делать» [\[20; с. 115\]](#). Впредь будущий врач должен был не только читать трактаты, но и постоянно обучаться непосредственно у постели больного. Но в таком случае эта самая постель должна находиться не в пространстве частного дома, а в специально организованном пространстве клиник, где можно выполнить сразу три задачи: эффективно обучить будущих врачей, получить новое знание в соответствии с актуальными стандартами науки (для эпохи Просвещения это модель экспериментального естествознания) и оказать квалифицированную помощь пациентам. Со временем было найдено и институционально оформлено разумное равновесие между свободным характером медицинской профессии и государственным контролем за качеством медицинской деятельности. «Клиника, таким образом, становится основным элементом как научной связности, так и социальной полезности и политической чистоты новой организации медицины» [\[20; с. 116\]](#).

Заметим, что организационно пространство клиник приобрело черты, близкие к чертам научных лабораторий. В этих новых клиниках появляются четкость границ, отделяющих мир науки от мира повседневности. Само пространство становится структурированным и транспарентным: вместо общих палат формируются отделения, соответствующие самым общим классификационным принципам нозологии. В отделениях внутренних, наружных и смешанных болезней открывали «тематические» палаты (горячечные, хронические, сумасшедшие; венерические, кожные и чесоточные, скрбутные, неизлечимые; для больных с ранами, с язвами и послеоперационные) [\[16; с. 30\]](#). В таком пространстве становится возможно серийное наблюдение, позволяющее собирать большой объем данных, строго регистрируя события динамики болезней, а в случае смерти пациента – результатов его вскрытия. Более того, эти условия позволяли категоризировать факты с целью создания новой нозологической классификации. В клиниках складывается практика жесткого дисциплинарного контроля и регулярность временного режима. Постепенно в практику вводится использование разнообразных приборов, способствующих объективности обследования: стетоскоп, термометр, а к концу XIX-началу XX века манометр, цистоскоп, гастроскоп, ларингоскоп. В это же время появляются в клиниках и собственно лаборатории, позволяющие проводить анализ крови, мочи, мокроты и др. [\[16; с. 50\]](#).

Подчиняясь топологии клиники, и пациенты, и врачи говорят, мыслят и действуют определенным образом, что и задает новый на тот момент способ научного понимания болезней. Впрочем, важное отличие все же есть – клиническое знание представляет собой знание об индивидуальном, в то время как доказательное знание еще с аристотелевских времен всегда должно было быть построено как знание об общем. Классический эксперимент в рамках физики Ньютона и Галилея должен иметь дело с типичным объектом, материальным телом как таковым, почему и получающееся знание способно сообщать истину о законах природы. Тело больного в клинике, конечно, тоже должно рассматриваться как презентирующее болезнь, однако для успешности лечения невозможно игнорировать то обстоятельство, что каждый раз врач имеет дело со «случаем». Фуко пишет: «Нет иной болезни, кроме индивидуальной: не потому, что

индивидуид реагирует на свою собственную болезнь, но потому, что действие болезни по полному праву разворачивается в форме индивидуальности [\[20; с. 256\]](#).

Пространство клиники стало не просто исследовательским, но и экспериментальным, опять же в полном соответствии с новым духом науки, новым стилем мышления, о чём пишут российские историки медицины А.М. Сточик, С.Н. Затравкин, [\[17\]](#) В.И. Бородулин [\[11\]](#). В клинике не только аккумулировался и упорядочивался медицинский опыт, но и стал возможен поиск новых методов диагностики и лечения. Однако возникла и новая проблема этического характера. Больные, попадающие в клинику, в некоторой степени лишились приватности, становясь объектами наблюдения и экспериментирования. Поскольку по-прежнему это в основном были представители бедных сословий, после Революции во Франции такое проявление неравенства вызывало у общества вопросы. Найденное дискурсивное обоснование справедливости такого положения дел остается актуальным вплоть до современных практик клинических испытаний. На безвозмездных основаниях бедные получают квалифицированную медицинскую помощь, которую они сами себе никогда не могли бы обеспечить, но при этом они предоставляют себя в качестве объекта исследования и обучения и тем самым выполняют свой общественный и гражданский долг.

Каковы характеристики клинического взгляда, формирующегося в этом пространстве? Прежде всего, это материалистический взгляд, внедрению которого в новые медицинские институции поспособствовал Пьер Жан Жорж Кабанис, который был не только врачом, но и философом, а также политическим деятелем, проводившим госпитальную реформу [\[16; с. 25\]](#). В соответствии с принципами научной рациональности периода Нового времени, опирающейся на философию Рене Декарта, и ставшей господствовавшим в терминологии Флека стилем мышления этой эпохи, материя есть протяженная субстанция, соответственно, тело больного рассматривается не как страждущая плоть, а как протяженный материальный объект, в котором сущность каждой болезни становится объяснима через ее пространственную локализацию, – сначала в органах, потом и на более тонком уровне – в тканях и клетках. Тело, концептуализируемое как организм, постепенно лишается спиритуального измерения, хотя надо заметить, что спиритуализм еще в некоторой мере сопротивляется, проявляясь в концепции витальных жизненных сил, которую разделял, например, Биша [\[17; с. 107\]](#). Но все же в тенденции медицина начинает описывать все процессы в организме на языке естественных наук (биологии, химии, физики). Подход, который вслед за основателем патологической анатомии Джованни Морганти, развивали Жан Никола Корвизар и Мари Франсуа Ксавье Биша, заключался в том, что совершенно не существует болезней без их локализации в органах и тканях. Местоположение – «очаг», – это точка «крепления» к организму причинно-следственной цепи болезни, с ним и надлежит прежде всего работать [\[20; с. 284\]](#).

Поскольку механистический материализм как стиль мышления предполагает, что для познания сложное тело необходимо буквально разобрать на составляющие его части, анатомирование окончательно закрепляется в качестве базовой практики формирования клинического взгляда. В клиниках отводится специальное пространство для проведения аутопсии, благодаря чему сокращается до минимума временной разрыв между смертью и вскрытием, и поэтому мертвое тело пациента оказывается способно сообщить истину о работе болезни, не пряча ее за работой разложения [\[20; с. 216\]](#). Методологическое и эмпирическое обоснование этого подхода является заслугой, прежде всего, Биша. Корвизар, Биша и Лазенек увязывали данные вскрытий с изменениями, наблюдавшимися

в клинике при жизни больного, и этот клинико-анатомический подход позволил точно и доказательно распознавать болезни. Наблюдаемые и фиксируемые у пациентов симптомы теперь соотносятся не с идеей баланса гуморов, а с эмпирически фиксируемым изменением органов и тканей. Более того, клинический взгляд, при анатомировании с очевидностью различая легкие, пораженные туберкулезом и легкие при пневмонии, затем научается диагностировать соответствующие поражения по косвенным признакам, исследуя живое тело больного, «глубина» которого останется недоступной для непосредственного созерцания вплоть до изобретения рентгенодиагностики. Специфические поражения органов врачи учатся выслушивать с помощью перкуссии и аусcultации. Так, легкие с туберкулами при прослушивании «звучат» определенным образом, и для более внятного распознавания специфических для этой и других патологий звуков Рене Лаэннек изобретает в 1816 году стетоскоп. То есть, как отмечает Фуко, клинический взгляд – это взгляд, который не только видит, но и осознает, и слышит («стетоскоп» буквально – «осматриватель груди»), и при этом с помощью прибора устанавливается дистанция между субъектом и объектом знания («стетоскоп – застывшая дистанция») [20; с. 248]. Это важно не только с точки зрения обеспечения целомудрия и гигиены, поскольку освобождает врача от необходимости прикладывать ухо непосредственно к груди пациента, но также и с точки зрения достижимой объективности медицинского знания.

В итоге пространство клиники меняет принцип нозологической классификации. Первым классификацию болезней еще в доклиническую эпоху предложил английский врач Томас Сидденгам (1624–1689). Задача классификации – упорядочить многообразные данные наблюдения, отталкиваясь от внешних сходств и различий объектов и выстроив их в некую систему. Сидденгам дотошно описывал симптомы и группировал их в соответствии с эмпирически наблюданной повторяемостью, поскольку хотел точно и достоверно разграничить болезненные формы для того, чтобы найти научные основания для специфических способов терапии [15; с. 52]. Сидденгам описал и выделил в своей классификации такие болезни как скарлатина, хорея, подагра, коклюш, корь, натуральная оспа, малярия и истерия. Следующую нозологическую классификацию предложил Франсуа Августин Босье де Лакруа, более известный как де Соваж (1706–1767), который был лично знаком с Карлом фон Линнеем (1707–1778) и надеялся на то, что благодаря классификационному типу знания медицины, подобно биологии, сможет обосновать свой статус эмпирической, а не натурфилософской науки. Однако линнеевский тип классификационной таблицы оказался не особенно удобен для систематизации болезней, поскольку он дает только синхронический срез, в то время как для понимания болезни важна ее история (собственно, уже Сидденгам признавал, что болезнь есть прежде всего процесс). Более того, классификация растений или животных не предполагает, что одни виды могут «наслаждаться» на другие, и соответственно, порядку ячеек в таблице ничего не угрожает. Нозология же приходится иметь дело с подобными феноменами пересечений и наслоений. Клиническо-анатомическая практика привела к пересмотру нозологической классификации де Соважа, в качестве новых классификационных принципов выдвинув, с одной стороны, локализацию в органах и тканях, а с другой стороны, типы патологических процессов (воспаление, опухоли, нарушение целостности и т.п.).

В 1798 году Филипп Пинель опубликовал свой труд «Философская нозография или метод анализа в применении к медицине», основанный на клинико-анатомическом подходе Морганьи. Пинель сначала «разложил» сложные симптоматические комплексы всех болезней на отдельные симптомы, каждый из которых постарался связать с соответствующим органическим повреждением, которое следовало трактовать как его

непосредственную причину. Далее он вновь объединил симптомы в нозологические формы болезней и классифицировал их согласно принципу единства локализации морфологических повреждений [\[15; с. 54\]](#). Пинель ввел в нозографию большую группу органических болезней, отделив от них болезни нервов и летучие лихорадки как болезни без явных органических повреждений. Но в целом предложенная им классификация носила скорее переходный характер и многократно пересматривалась, в том числе и в контексте оспаривания неорганического характера психических заболеваний. Клинико-анатомический подход к нозологической классификации был развит благодаря открытиям Биша, который доказал, что органы состоят из нескольких простых типов тканей, имеющих определенную структуру и свойство, а болезнь поражает не орган целиком, а некоторые ткани органа. Это открытие позволило объяснить, почему различная клиническая симптоматика может наблюдаться при поражении одного и того же органа, но также возможны и сходные клинические проявления в случаях локализации морфологических изменений в разных органах и частях тела. При этом Биша не преувеличивал значения классификаций, считая, что никакая из них не даст нам точной таблицы развития природы [\[20; с. 266\]](#).

Международная классификация болезней: нозологические классификации и системы ценностей

Классификации, разработанные в контексте госпитальной реформы и основанные на тех знаниях и принципах, которые давал клинико-анатомический подход, носили эпистемологический характер, то есть служили предметом научных дискуссий, упорядочивали знания о природе болезней. Конечно, они были плотно связаны и собственно с медицинской практикой, однако они не имели регламентирующего характера в международном масштабе. Этот статус появился только у системы Международной классификации болезней, цели которой связаны, с одной стороны, со сбором статистики, а с другой стороны, с регламентацией медицинской помощи, в массовом порядке оказываемой населению. Обе эти цели возникли в контексте биополитического управления, которое складывается к концу XIX века и представляет собой господствующую парадигму власти в современности [\[21\]](#),[\[22\]](#).

Первый Международный статистический конгресс (Брюссель, 1853) инициировал подготовку единой классификации причин смерти, которая могла бы быть применима на международном уровне, и соответственно позволяла бы в перспективе корректным образом собирать статистические данные в планетарном масштабе. Статистик Уильям Фарр предложил систему из пяти основных рубрик классификации: эпидемические болезни, органические (системные) болезни, болезни, подразделяющиеся по анатомической локализации, болезни развития и болезни, являющиеся прямым следствием насилия. Эта классификация обсуждалась и пересматривалась Конгрессом на различных сессиях в течение нескольких лет. Далее комитет под руководством начальника статистической службы Парижа Жака Бертильона подготовил свою версию классификации причин смерти по заказу Международного статистического института. В этой классификации учитывались как предложения Фарра, так и собственная французская классификационная система, опирающаяся на рассмотренный нами клинико-анатомический подход. Классификация Бертильона была принята Международным статистическим институтом в Чикаго в 1893 году и стала применяться как в Америке, так и в Европе, пересматриваясь примерно раз в 10 лет, чтобы отражать новые научные данные. В 1948 году в рамках ООН была учреждена Всемирная организация здравоохранения (World Health Organization) и соответственно обновление

классификационной системы стало задачей именно этого международного института. В 1948 году во время утверждения 6-го пересмотра классификации характерным образом поменялись и ее название и наполнение: стали учитываться не только болезни, приводящие к летальному эффекту, но и все болезни вообще. Соответственно, новым названием документа было «Международная статистическая классификация болезней, травм и причин смерти». Еще раз название было изменено в 1989 году, когда принималась версия МКБ-10: «Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем» [25]. В этих изменениях заметна биополитическая логика, согласно которой управление сосредотачивается на обеспечении жизни и многообразных аспектах здоровья населения, статистика же смертности безусловно учитывается, но не она выходит на первый план. На официальном сайте Всемирной организации здравоохранения подчеркивается важность регламентирующей функции системы МКБ [5]. Статистика здравоохранения наиболее точно позволяет судить об уровне благополучия населения той или иной страны. Более того, «статистические данные о здоровье служат основой для почти каждого решения, которое принимается сегодня в области здравоохранения: знание о том, что служит причиной болезней и что в конечном итоге убивает людей, играет основополагающую роль в картировании тенденций заболеваемости и эпидемий и принятии решений о планировании медицинского обслуживания, об ассигновании средств на оказание медицинской помощи и об инвестициях в исследования и разработки.» [12] МКБ становится не только полем сотрудничества между странами, но и полем конкуренции за статус и влияние, что усиливает значимость и самой ВОЗ. В этом контексте ожидаемо, что работа, связанная с постоянным пересмотром классификации, ориентирована не только на прогресс научного знания в области медицины, но и на многочисленные социокультурные и даже идеологические аспекты. И Флек, и Фуко показывают нам, что наука не может выйти за пределы социального поля с присущей ему проблемой ангажированности и процессы, происходящие вокруг перехода от МКБ-10 к МКБ-11 являются прямым тому подтверждением. ВОЗ опубликовала МКБ-11 в 2018 году, через 18 лет после публикации МКБ-10, переход начался в 2022 году, переходный период планируется до 2027 года. Российская Федерация согласно распоряжению правительства РФ №2900-р начала внедрять МКБ-11, однако в 2024 году приостановила этот процесс на неопределенный срок. Министерство Здравоохранения РФ сослалось на обращения граждан и организаций о том, что МКБ-11 противоречит традиционным ценностям [6]. Казалось бы, нозологическая классификация должна опираться на позитивное научное знание и в силу его объективности и ценностной нейтральности науки (одного из критериев научности) не может иметь к ценностному горизонту никакого отношения. Однако это не так. Разработчики МКБ-11, существенно пересматривая раздел, посвященный психическим болезням, а также раздел, связанный с сексуальным здоровьем, ориентировались не только на научные данные, но и на ценности инклюзивности и дестигматизации [12], востребованные в горизонте либеральных идей, но вызвавшие сопротивление там, где взят тренд, прежде всего, на сохранение традиционных представлений о норме, структуре идентичности и морально-правовых регулятивах, и соответствующие подходы в биополитическом управлении. Предложенный Людвигом Флеком и Мишелем Фуко конструктивистский подход к медицинскому знанию, к тому, как конструируется под влиянием социальных институтов представление о болезни, позволяет понять логику этого конфликта, затрагивающего не только институты, но и жизни людей.

Библиография

1. Бородулин В.И. К проблеме научных революций в медицине XVII-XIX веков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 1. С. 109-113.
2. Визгин В.П. Границы Новоевропейской науки: модерн / постмодерн // Границы науки. М.: ИФ РАН, 2000. С. 192-227.
3. Дюгем П. Физическая теория, её цель и строение / Пер. с фр. Предисл. Э. Маха. СПб., 1910. (Репринт: М.: КомКнига, 2007. 328 с.).
4. Заблудовский П. Е. Медицина и врачи в эпоху Великой французской революции // Советское здравоохранение. 1989. № 7. С. 56-59.
5. Информационный бюллетень Международной классификации болезней (МКБ) / Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://who-fic.ru/icd/factsheet/> (дата обращения 04.09.2024).
6. Кабмин приостановил внедрение МКБ-11 из-за противоречия традиционным ценностям // Ведомости. 02 февраля 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/02/02/1018243-minzdrav-priostanovil-mkb-11> (дата обращения 10.09.2024).
7. Карнап Р. О протокольных предложениях // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VII. № 1. С. 219-231.
8. Коляденко В. Г., Степаненко В. И. Сифилис. История происхождения и распространения в Европе и Российской империи. Заболеваемость и борьба с сифилисом в Советском Союзе и Украине // Искусство Лечения. Мистецтво лікування. Киев, 2004. № 6. URL: <https://web.archive.org/web/20220419114953/https://m-l.com.ua/-aid=280> (дата обращения 12.04.2024).
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 608 с.
10. Латур Б. Дайте мне лабораторию и я переверну мир // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 211-242.
11. Латур Б. Наука в действии: следя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
12. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ). Кодирование заболеваемости и смертности / Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/international-classification-of-diseases> (дата обращения 04.09.2024).
13. Нейрат О. Протокольные предложения // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI. № 4. С. 226-234; EDN: NCOGBX.
14. Пироговская М. Дневник больного середины XVIII в.: Взгляд из России // Заботы и дни секунд-майора Алексея Ржевского. Записная книжка 1755-1759 гг. М.: Высшая школа экономики, 2019. С. 51-86. EDN: OQQMAF.
15. Сточик А. М., Затравкин С. Н. Практическая медицина и ее реформирование в XVII-XIX веках. Сообщение 1. Классификационная медицина. Возникновение клинической идеи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 1. С. 51-55. EDN: RBQLGX.
16. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Реформирование практической медицины в процессе научных революций 17-19 веков. М.: Шико, 2012. 128 с. EDN: QMBZKP.
17. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Формирование естественнонаучных основ медицины в процессе научных революций 17-19 веков. М.: Шико, 2011. 144 с. EDN: QMBZLJ.
18. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
19. Фракасторо Дж. О сифилисе / Пер. с лат. В. О. Горенштейна; Примеч. К. Р. Аствацатурова, П. Е. Заблудовского, В. П. Зубова. М.: Медгиз, 1956.

20. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
21. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1977–1978 уч. году / Пер. с фр. Ю. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 274 с. EDN: QXBZNV.
22. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 уч. году / Пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
23. Черняк В.С. Дюэм // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. URL:
<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH915aba5f4715ea41784291>
(дата обращения 12.04.2024).
24. Чумаков Е.М., Петрова Н.Н., Смирнова И.О. Эволюция взглядов на психические расстройства у больных сифилисом // Клиническая дерматология и венерология. 2019. Т. 18. № 1. С. 71-77. DOI: 10.17116/klinderma20191801171. EDN: ZDDFTV.
25. Щепин В.О., Проклова Т.Н., Тельнова Е.А. К вопросу о развитии международной классификации болезней // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. № 26(1). С. 10-12. DOI: 10.18821/0869-866X-2018-26-1-10-12. EDN: XRVHNZ.
26. Címbora G. Ludwik Fleck: Philosopher of Scientific Practice // Journal for General Philosophy of Science. 2025. URL: <https://doi.org/10.1007/s10838-024-09713-5>.
27. Sciortino, L. The Emergence of Objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // Studies in History and Philosophy of Science. 2021. 88: 128-137. URL:
<https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Грибков А.А., Зеленский А.А. Концептуализация памяти в рамках теории когнитивных систем // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76544 EDN: JVPJJU URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76544

Концептуализация памяти в рамках теории когнитивных систем**Грибков Андрей Армович**

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник; Научно-производственный комплекс "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ andarmo@yandex.ru

Зеленский Александр Александрович

ORCID: 0000-0002-3464-538X

кандидат технических наук

ведущий научный сотрудник; Научно-производственный комплекс "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия науки"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.11.76544

EDN:

JVPJJU

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2025

Дата публикации:

01-11-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является формирование обобщенных представлений о системах памяти. Системы памяти анализируются в

контексте различных описаний: в пределах и за пределами информационной модели сознания; в составе систем управления объектами с различным характером устойчивости, в том числе систем реального времени; в качестве элемента акторной модели когнитивной системы. Существенное внимание уделяется анализу существующих и перспективных возможностей познавательной модели памяти, включающей в себя принципы обучения, запоминания и обновление памяти, забывания, а также раскрытия механизма мультисистемной интеграции знаний в памяти, обеспечивающего способность интеллектуальных когнитивных систем к осмыслинию знаний через их интеграцию в комплекс существующих представлений, а также к креативной интеллектуальной деятельности – творчеству. В основу методологии исследования положен анализ памяти посредством теории систем, теории алгоритмов, теории когнитивных систем. Отправной точкой представленного анализа является определение памяти в рамках информационной концепции сознания, дополненной определением неинформационных составляющих памяти. Проведенное исследование выявило неразрывную связь памяти системы с ее изменениями во времени. Констатирована адекватность представления когнитивных систем, в том числе подсистем памяти, в рамках акторной модели. Предложена авторская интерпретация сложности когнитивных систем и входящих в них подсистем памяти, включающая временную, пространственную и конфигурационную сложности, рассмотрены возможности повышения эффективности памяти за счет снижения ее сложности при сохранении функциональности, определены приоритетные механизмы повышения эффективности процессов управления памятью. Научная новизна исследования состоит в формировании целостного представления об образовании, содержании, функционировании и взаимосвязях подсистем памяти в составе когнитивных систем, на основе которого могут быть определены направления их дальнейшего развития и совершенствования. В результате исследования установлено, что память является ключевой составляющей когнитивных систем, определяющей устойчивость и преемственность их изменений во времени, а также устанавливающей фундаментальные ограничения расширения знаний, которыми могут оперировать когнитивные системы.

Ключевые слова:

память, когнитивная система, информационная модель сознания, управление, акторная модель, обучение, преемственность изменений, неинформационная память, сложность, мультисистемная интеграция знаний

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда по гранту № 24-19-00692, <http://rscf.ru/project/24-19-00692/>

Введение

Память – необходима составляющая информационных систем, как искусственных, так и естественных. Функции, методы обучения, внутренне механизмы запоминания, забывания и обновления памяти, концептуальная модель памяти в составе информационных систем различного уровня – вопросы, неизбежно возникающие при детальном изучении и обобщении представлений о памяти.

Память – это функция информационной системы накапливать, воспроизводить (извлекать из накопленного объема) и забывать информацию. Наиболее полно функция памяти реализуется в когнитивных системах, причем как естественных (например, основанных

на носителе сознания в виде человека), так и искусственных. Последние могут быть основаны на обычных вычислительных машинах с центральным процессором в виде арифметико-логического устройства, либо на нейроморфных компьютерах на базе искусственных нейронных сетей.

Требование универсальности интерпретации памяти обуславливает необходимость расширения понятия памяти как на искусственные когнитивные системы, так и на области, традиционно относящиеся к человеческому мышлению. В частности, для достоверного представления памяти необходимо рассматривать ее одновременно на двух уровнях реализации: в пределах физической реализации носителя сознания, который также является носителем памяти или выполняет функцию диспетчеризации доступа к внешним системам хранения информации – памяти, физически отделенной от носителя сознания; в пределах сознания – информационной среды, в которой посредством связанных и взаимодействующих информационных объектов выстраивается расширенная модель реальности, отчасти являющаяся отображением (инъективным, сюръективным, реже биективным) свойств реального мира, транслированных через органы чувств носителя сознания, отчасти – порождением самого сознания, генерирующего информационные объекты, не имеющие аналогов в реальности [1].

Познавательные модели памяти могут оперировать инструментарием, соответствующим формальному (внешнему и недетерминированному) представлению памяти. Такое представление опирается: на определение алгоритмов обучения, основанное на практике и сравнительном анализе различных подходов к обучению; на формальное описание алгоритмов запоминания, забывания и обновления информации в памяти; на функциональное описание памяти, в том числе в контексте синергии функций хранения и передачи информации при осуществлении связи в когнитивной системе через память (общую или множество локальных).

Целью данной статьи является рассмотрение систем памяти в контексте различных представлений: в пределах и за пределами информационной модели сознания; при реализации систем управления объектами с различным характером устойчивости, в том числе систем реального времени; в качестве элемента акторной модели когнитивной системы. Заключительным этапом планируемого исследования является анализ существующих и перспективных представлений познавательной модели памяти, включающей в себя принципы обучения, запоминания и обновление памяти, забывания, а также раскрытие механизмов памяти, обеспечивающих способность интеллектуальных когнитивных систем к творчеству.

Память в информационной модели сознания

Наиболее универсальной моделью сознания, соответствующей как естественным, так и искусственным когнитивным системам, является упомянутая ранее информационная модель сознания [1-4]. Ключевым понятием, используемым в рамках этой модели, являются информационная среда – совокупность информационных объектов, взаимодействующих между собой в процессе мышления. Обобщая существующие представления о составляющих человеческого сознания и элементов вычислительных систем, можно выделить следующие необходимые элементы информационной модели сознания.

Первым из этих элементов является рассудок – аналог арифметико-логического устройства (АЛУ) в компьютерных системах. Оперируя данными, записанными в память,

рассудок позволяет решать тривиальные интеллектуальные задачи, т.е. задачи, для которых существует известное решение.

Рассудок является составляющей большего элемента – разума, обладающего способностью на основе тех же данных в памяти решать творческие задачи, не имеющие готовых решений и даже методов решения. Согласно авторским представлениям [5], детерминированным средством реализации указанной способности разума является механизм мультисистемной интеграции знаний, представляющий собой инструмент осмыслиения знаний (данных), поступивших в сознание в результате познания различных предметных областей. Указанное осмысление предполагает выявление в различных предметных областях паттернов форм и отношений, которые могут транслироваться между этими областями, позволяя решать возникающие при их представлении задачи на основе аналогии. Конечным результатом осмыслиения знания является его интеграция в общую систему знаний.

Необходимой составляющей сознания является область созерцания, включающая в себя рождающиеся и исчезающие информационные объекты в информационной среде (образы в сознании). Часть из них соответствует изменениям реального «большого» мира, транслируемым через носителя сознания, порождающим или не порождающим изменения объектов в информационной среде. Другая часть рождается внутри сознания и не имеет однозначной связи с реальностью. Аналогом области созерцания в компьютерных системах является оперативная память.

Часть содержимого оперативной памяти преобразуется в нервные импульсы, кодируется, а затем записывается, формируя сеть нейронов (естественных или искусственных). Также могут быть реализованы более сложные варианты фиксации информации, при которых в сознании (в области созерцания) формируются виртуальные механизмы диспетчеризации управления потоками информации, хранящейся как в пределах, так и за пределами носителя сознания. Постоянная память, располагающаяся за пределами носителя сознания, при этом продолжает оставаться частью сознания.

Физиологическое описание памяти естественной когнитивной системы складывается из ее представления как следов нервных процессов (энграмм) в виде кратковременных изменений активности нейронов (кратковременная память) или как структурных изменений в синапсах (долговременная память). Также в рамках теории когнитивных систем выделяют еще два типа памяти: рабочую, соответствующую возбужденным состояниям отдельных нейронов или ансамблей нейронов, которые остаются активными некоторое время (до нескольких минут) после утихания первоначального стимула, и эпизодическую, которая опосредована гиппокампом, подкорковой нейронной структурой, и содержит все эпизодические переживания, часть из которых (согласно одной из теорий) фиксируется в коре головного мозга во время фаз сновидений [6, р. 270].

Память обеспечивает в рамках сознания реализацию нескольких базовых функций. Оперативная память (область созерцания) предоставляет пространство для рождения, взаимодействия и трансформации информационных объектов в сознании, т.е. для реализации процесса мышления. При этом инструментарий диспетчеризации мышления (в том числе механизмы вычисления, логики, мультисистемной интеграции и др.) находятся в области разума.

Оперативная память выполняет в сознании коммуникативную функцию, обеспечивая связь между объектами в пространстве информационной среды, а также во времени, т.е. между последующими состояниями объектов. На уровне носителя сознания реализация

этой коммуникативной функции осуществляется в виде нейронной активности – возбуждения, передающегося от нейрона к нейрону, поддерживаемого в процессе мышления.

Неотъемлемой составляющей когнитивной системы являются ее подсистемы, обладающие своей локальной памятью, степень связанности которой с основной (центральной) памятью может быть различной. Распространенным является вариант, при котором локальная память служит для выполнения текущих и фоновых функций управления, а обмен информацией с основной памятью носит ограниченный характер (передача сенсорной информации от локальных подсистем, управляющих команд от информационных объектов в сознании, формируемом в основной памяти и т.п.).

Неинформационная память

Рассмотренная выше интерпретация памяти, включающей в себя оперативную память, существующую в области созерцания, и постоянную память, существующую в виде физической памяти, принадлежащей носителю сознания, или вынесенной за его пределы, – описание, сформированное в рамках информационной концепции сознания, отражает лишь одну (информационную) составляющую памяти. Между тем в когнитивной системе существенная часть памяти может служить фиксации и повторению ее состояния без трансляции через представление в виде информационных объектов.

Условно назовем такую память неинформационной. Эта память содержит данные в неорганизованном и необработанном виде. Частными формами такой памяти в биологических когнитивных системах являются сенсорная память, вегетативная память, структурная (например, мышечная) память, клеточная память.

Сенсорная память [\[7, с. 127-140\]](#) – механизм сохранения на небольшой интервал времени (1-2 сек.) сенсорных следов (каких-то изменений в органе чувств – сенсоре) для формирования реакции организма, в частности трансляции сенсорных следов в информационную форму и ее запоминания. Сенсорная память обладает большим объемом и высокой точностью. К числу основных форм сенсорной памяти относятся зрительная, слуховая, обонятельная, вкусовая и тактильная.

Вегетативная память обеспечивает способность вегетативной нервной системы [\[8\]](#) сохранять и с минимальной задержкой повторять прежние физиологические реакции и состояния, реагируя на стрессовые ситуации. Вегетативная память формируется за счет комплексной работы различных структур мозга: гиппокампа (формирование эмоций и запоминание), миндалевидного тела (обработка страха и других эмоций), гипоталамуса (регуляция внутренних органов), ядра в спинном мозге (вегетативная иннервация – связь с центральной нервной системой). Часть вегетативной нервной системы (метасимпатическая нервная система), представляющая собой нервные сплетениями и мелкими ганглиями в стенках различных органов, функционирует автономно и не контролируются корой больших полушарий мозга и гипоталамусом.

В основе мышечной памяти лежат структурные изменения в мышечных и нервных клетках, сформировавшиеся в результате прошлых длительных или многократных повторов видов физической активности. Эти изменения способны сохраняться и способствуют упрощению реализации или возвращению к этим видам физической активности. Примерами такой закрепляемой в мышечной памяти физической активности являются координация работы мышц в игровых видах спорта (футбол, хоккей, баскетбол и др.), в тяжелой атлетике (особенно рывковое упражнение) и др.

К видам биологической клеточной памяти в настоящее время обычно относят два вида: иммунологическую [\[9\]](#) и эпигенетическую [\[10, с. 225-259\]](#).

Иммунологическая память обеспечивает способность иммунной системы быстро узнавать и реагировать на антигены, с которыми она уже сталкивалась ранее. Носителями иммунологической памяти являются Т- и В-клетки, которые получают от рождения и далее накапливают маркеры для распознавания антигенов, соответствующих различным инфекциям, что обеспечивает быстрый и эффективный иммунный ответ.

Эпигенетическая память – механизм, основанный на присоединении к молекуле ДНК метильных групп, структура и количество которых указывает на то, были или будут ли задействованы гены на этом участке ДНК для формирования тканей и органов организма. Благодаря этому клетки сохраняют информацию о своей дифференциации (специализации) и передают ее при делении. Изменения метильных групп, соответствующие «включению» генов, а затем их переходу в «спящее» состояние, представляют собой основу эмбриональной памяти, фиксирующей активацию отдельных генов в процессе эмбрионального развития. Воздействуя на метильные группы можно активировать отдельные (ранее использованные) гены, что открывает путь для развития регенеративной медицины [\[11\]](#).

Обобщение представленных выше вариантов неинформационной памяти в биологических системах на все когнитивные системы, включая искусственные, – задача, не имеющая (и, вероятно, не требующая) полного решения ввиду существования значительных качественных различий между живыми (биологическими) и искусственными когнитивными системами. Основной причиной этих различий является генезис биологических систем, следствием которого стала распределение управления и квазиавтономность на всех уровнях их организации. Для искусственных когнитивных систем указанные свойства также возможны, но не являются обязательными.

Общим определением неинформационной памяти является соответствие следующим условиям: во-первых, автономность (полная или частичная) от памяти, существующей в виде виртуальной информационной системы, генерируемой центральной нервной или вычислительной системой носителя сознания; во-вторых, отсутствие трансляции сохраняемых данных в упорядоченную и систематизированную информационную запись.

В искусственных когнитивных системах неинформационная память может служить дополнением локальной («информационной») памяти какой-либо функциональной составляющей системы (например, в качестве входного буфера кратковременного хранения сенсорных и других данных), либо самостоятельным элементом оперативного (с максимальным быстродействием) реагирования без внесения записей информации в память при отклонениях когнитивной системы от состояния устойчивости под действием внешних воздействий или внутренних процессов. Фиксация данных неинформационной памяти (например, сенсорных следов) может происходить в виде изменений (в специально выделенном элементе) электрических и магнитных полей, химического состава среды, деформации материалов и т.д.

Память и управление во времени

Маркером необходимости задействования подсистем памяти для реализации функционального назначения системы является управление состоянием этой системы.

Практика показывает, что все изменения систем, как естественных (физических, химических, биологических и др.), так и искусственных (экономических, социальных, технических и др.), всегда управляются дискретно. В общем случае всякая управляемая система стремиться увеличивать свою энтропию (перейти в хаотическое состояние). Препятствием росту энтропии являются управляющие воздействия на систему, снижающие ее энтропию (приводящие параметры системы к требуемым значениям). Эти управляющие воздействия, однако, происходят не непрерывно, а дискретно, через определенные интервалы времени (равные или неравные, адаптивно регулируемые). В результате существование управляемой системы складывается из последовательных периодов хаотизации между упорядочивающими актами управляющих воздействий [12].

Базовой составляющей функции управления является сохранение системы в устойчивом состоянии (более сложные варианты управления формируются как расширение этой базовой составляющей). Как известно, существуют две основные модели устойчивости: равновесная и неравновесная устойчивость.

Равновесная устойчивость достигается при балансе (равновесии) противоположных процессов (расширение-сжатие, объединение-дезинтеграция, нагревание-охлаждение и т.д.). В гипотетическом, нереализуемом на практике случае, когда такая система не изменяется и на нее не оказываются никакие внешние воздействия, для ее сохранения не требуется память (нет необходимости фиксировать предыдущее состояния – состояние не изменяется). Если система изменяется (эволюционирует или хотя бы реагирует на внешние дестабилизирующие воздействия), то для ее сохранения необходима память, где системой управления (внешней или внутренней) фиксируется ее предыдущее состояние (например, более упорядоченное), относительно которого осуществляется управление.

В неравновесных системах устойчивость обеспечивается не для структуры системы, а для протекающих в ней процессов. Система устойчива в том случае, если протекающие в ней (или с ней) процессы стабильны во времени, т.е. эти процессы являются переходными. Переходное состояние динамической системы соответствует квазистационарному плато в значениях определяющих ее переменных [6, р. 260–261]. Управление неравновесной системой осуществляется посредством регулирования длительности переходного состояния. При моделировании трибологических систем выявляется еще один вариант управления – изменение средних значений параметров системы за счет смещения фазы управляющих воздействий, имеющих частоту, равную частоте собственных осцилляций трибологической системы [13].

В живых системах (а именно для таких систем характерна неравновесная устойчивость) устойчивость означает постоянство протекающих обменных (и других циркуляторных) процессов: дыхания, биения сердца, кровообращения, пищеварения и т.д. Если в системе наступает равновесие, все противоположные процессы компенсируются и останавливаются, то это означает смерть такой системы. Для систем с неравновесной устойчивостью обязательным является наличие памяти, обеспечивающей преемственность состояний системы во времени. Если речь идет о биологической («живой») системе, то эта память реализуется через нервную систему (центральную нервную систему, спинной мозг, периферическую нервную систему, в том числе соматическую и вегетативную), если об искусственной сложной динамической системе – через искусственную нейронную сеть (локализованную и распределенную по функциональным модулям системы).

Важным частным случаем динамических систем является система реального времени,

постоянное и своевременное взаимодействие (реакция или воздействие) которой с другой системой или надсистемой происходит в рамках временных ограничений. Если нарушения временных ограничений недопустимы (фатальны с точки зрения достижения цели взаимодействия), то говорят о системах жесткого реального времени. Такой вариант реализуется преимущественно в системах управления реального времени.

Одним из принципиальных отличий систем реального времени от систем без ограничений по времени является невозможность их определения без задания временных параметров. Косвенно (по умолчанию) время учитывается при определении любой системы, однако во многих случаях (если нет временных ограничений) напрямую параметр времени может в описание системы не вносится. В результате допустимым является структурное моделирование систем, определение алгоритмов их функционирования, в которых время не задается или задается опосредованно в виде последовательности выполнения действий или процессов без указания конкретных временных масштабов.

Преемственность последовательных состояний системы реального времени (обычно разделенных декретными временными интервалами, соответствующими реализации актов управления) требует наличия в такой системе подсистемы памяти. Всякое управление системы имеет ретроспективный характер, т.е. основывается на сохраняемых в памяти данных о предшествующем состоянии системы (в виде совокупности определяющих ее параметров). В результате память становится центром системы, а базовой архитектурой для построения систем реального времени становится память-центрическая (иногда ее также называют память-ориентированной) [\[14\]](#).

Память в акторной модели когнитивной системы

Одним из основных принципов компоновки «биологически вдохновленных» [\[6, р. 241\]](#) когнитивных систем является их построение из функциональных квазиавтономных модулей. Такие, состоящие из автономных модулей, системы наилучшим образом представляются посредством акторной модели. В рамках этой модели указанным квазиавтономным функциональным модулям ставятся в соответствие акторы – объекты с собственным состоянием, взаимодействующие с другими акторами исключительно через асинхронный обмен сообщениями. Каждый из акторов способен отправлять сообщения другим акторам, создавать новые акторы и изменять собственное поведение для обработки следующих сообщений.

Согласно авторскому представлению, в зависимости от степени автономности акторы могут определяться как акторы-функции, акторы-морфизмы и акторы-субъекты.

Наименьшей автономией обладают реализующие арифметические и логические функции акторы-функции, активность которых жестко регламентируется заданными (заранее определенными в результате оптимизации решения системы) связями между акторами и передаваемыми из центра управления операторами декларативного или императивного программирования. В первом случае функция центра управления ограничена диспетчеризацией заданий. Память когнитивной системы, образованной из акторов-функций, включает в себя общую память системы, через которую осуществляется обмен сообщениями, локальную память, связанную с отдельными акторами-функциями, необходимую для работы актора, и каналы связи между акторами для передачи существенных объемов данных.

Существенно большей автономией обладают акторы-морфизмы, служащие для отображения (в рамках заданного множества) информационных объектов (элементов заданной категории), т.е., в терминологии теории категорий, выступающие в роли морфизмов. Обычно для когнитивных систем этим морфизмом является отображение множеств параметров системы (входных, выходных и промежуточных). Актор-морфизм в общем случае представляет собой «черный ящик», инкапсулирующий все свои внутренние механизмы и процессы и задаваемый в рамках когнитивной системы в качестве элемента преобразования данных, хранящихся в памяти элементов категории (информационных объектов). Наличие памяти в акторе-морфизме не рассматривается (хотя, очевидно, что для акторов-морфизмов, реализующих сложные преобразования данных, память необходима). Благодаря вынесению элементов категории, наделенных памятью, за пределы акторов-морфизмов, последние существенно расширяют вариативность своего поведения. Акторы-морфизмы не привязаны жестко к памяти, сохраняющей результаты их работы, поэтому сразу после выполнения работы акторы освобождаются и могут быть вновь использованы. Каналы связи между акторами-морфизмами не являются статичными и переопределяются по согласованию между акторами. В результате когнитивная система, построенная из акторов-морфизмов, может работать в адаптивном режиме, когда каналы связи и последовательность задействования акторов заранее не заданы, а определяются в процессе функционирования.

Максимальной автономией обладают акторы-субъекты, через входные и выходные данные которых возможно обращение к их инкапсулированной локальной памяти, в которой актор фиксирует все необходимые данные о своем функционировании. Актор-субъект обладает полным набором свойств актора: автономен в принятии решений об установлении связей с другими акторами (в том числе, с актором-диспетчером, если в нем имеется необходимость), собственной активации и переопределения (трансформации), генерации (самостоятельно или по согласованию с другими акторами) дополнительных акторов. Поведение актора-субъекта задается вложенной в него разработчиком программой, служащей достижению системой целей ее существования. В этой связи следует акцентировать внимание, что никакой субъектности (в смысле свободы воли и активности, инициируемой собственными потребностями и желаниями) у актора-субъекта нет, он лишь выполняет заложенную него программу, определяя и реализуя все имеющиеся у него для этого функциональные возможности.

Память играет определяющую роль в любой когнитивной системе. При этом в зависимости от используемой акторной модели описания память задействуется по-разному, обеспечивая (за счет увеличения или снижения сложности модели) большую или меньшую вариативность и адаптивность системы. Для технических когнитивных систем, управляемых и контролируемых извне, от которых не требуется высокая адаптивность, достаточным, вероятно, является построение модели из акторов-морфизмов; для наименее сложных систем с постоянными свойствами – из акторов-функций.

Содержимым памяти когнитивной системы, как мы уже отмечали, являются значения параметров (переменных), определяющих состояние ее элементов (акторов). В рамках теории когнитивных систем представляется целесообразным разделить эти переменные на две группы: быстрые (первичные) и медленные (вторичные). Вторичные переменные следуют за долгосрочным средним изменением первичных переменных и играют ключевую роль в диффузном управлении [15] когнитивной системы. Диффузный управляющий сигнал генерируются внутри когнитивной системы, настраивая вторичные

переменные в расширенной области системы. При этом на состояние первичных переменных, с которыми работают элементы системы (акторы), влияние не оказывается. Диффузное управление является необходимым элементом не только активного контроля системы, но и действует в процессе мета-обучения [16] – эволюции во времени медленных переменных.

Познавательные модели памяти

Практика машинного обучения искусственных когнитивных систем невысокого уровня в настоящее время формируется в рамках представления о таких системах, как о «черном ящике», т.е. не предполагает определения внутренних механизмов их функционирования. В результате искусственные когнитивные системы и входящая в их состав память – недетерминированные. Методология обучения, характер запоминания, обновления памяти и забывания определяются эмпирическим опытом взаимодействия с искусственными когнитивными системами и фиксации их реакций на внешние воздействия. Представления о механизмах, лежащих в основе наблюдаемого поведения искусственных когнитивных систем, являются по большей части гипотетическими и соответствующими уровню качественных моделей, верификация которых не реализуется и по большей части нереализуема.

Практика использования искусственных когнитивных систем позволила сформировать базовые методологические подходы к их обучению. Основными методами обучения, применяемыми для искусственных когнитивных систем, в том числе систем искусственного интеллекта, являются следующие:

- Обучение под наблюдением (supervised learning), при котором изменения в памяти происходят не автономно, а управляются вручную извне «учителем». Данный вариант обучения обычно предполагает подготовку размеченных данных, где для каждого входного примера есть правильный ответ. Важной особенностью такого обучения является разделение периодов обучения и выполнения (вспоминания).
- Обучение с подкреплением (reinforcement learning), при котором обучение осуществляется на основе проб и ошибок с получением искусственной когнитивной системой «наград» или «штрафов» за свои действия.
- Обучение без учителя (unsupervised learning), предполагающее самостоятельный поиск искусственной когнитивной системой скрытых закономерности и структуры в неразмеченных данных. В наиболее простом случае, когда выбор действия в процессе обучения осуществляется случайно, имеет место обучение на ошибках (случайный выбор в большинстве случаев ошибочен).
- Биологически вдохновленное обучение (biologically inspired learning), имитирующее обучение человека, наиболее перспективным видом которого является геббианское обучение (Hebbian learning) [17]. В его основе лежит формирование связей между одновременно активируемыми нейронами. В обучении современных систем искусственного интеллекта также предпринимается попытка воспроизвести процесс спайк-зависимой пластичности [18], основанной на увеличении связей между нейронами при увеличении длительности их одновременной активности. В биологических системах эта активность проявляется в аксоне (длинном отростке нервной клетки) в виде испускания спайка (аксонного потенциала) – электрического сигнала с длительностью порядка 1 мс и интервалом между сигналами (рефрактерным периодом) порядка 10 мс.

Процесс спайк-зависимой пластичности считается ключевым механизмом в обучении и формировании памяти естественных когнитивных систем и помогает объяснить зависимое от активности развитие нейронных цепей.

На базе существующих методов обучения в случае достаточно высокой мощности используемых искусственных нейронных сетей может быть реализовано глубокое обучение (deep learning), объединяющее эти методы с целью обучения представлениям (representation learning) [19]. Наряду с алгоритмами обучения без учителя (ограниченная машина Больцмана – restricted Boltzmann machine), обучения с учителем (сверточная нейронная сеть – convolutional neural network), для глубокого обучения выстраиваются рекуррентные нейронные сети, позволяющие проводить обучение во времени, и рекурсивные нейронные сети, позволяющие обучение с использованием обратных связей между элементами сети и образующимися цепочками элементов.

Одним из определяющих компонентов глубокого обучения является трансферное обучение (transfer learning) [20], целью которого декларируется научение когнитивной системы «переносу знаний» между различными предметными областями, в рамках которых когнитивная система действует и обучается. Трансферное обучение является первым шагом к формированию предложенного авторами механизма мультистемной интеграции знаний – ключевого инструмента творчества и осмысливания знаний.

Необходимым условием наделения искусственной когнитивной системы разумом, позволяющей решать творческие задачи, для которых отсутствуют готовые методы решения, в отличие от рассудка, служащего для решения тривиальных задач, является формирование в информационной среде сознания (в области созерцания) механизма мультистемной интеграции знаний. Принцип действия данного механизма заключается в способности собирать знания во всех предметных областях, в которые интегрирована когнитивная система (субъект познания), выявлять в них изоморфизм в виде паттернов форм и законов и использовать формализованные в виде паттернов знания из одних систем в других системах. В результате открывается возможность решать задачи в одних предметных областях по аналогии с другими предметными областями исходя из констатации изоморфизма мироздания. Кроме того, знания, формируемые по результатам познания, могут быть осмыслены, т.е. интегрированы в систему целостных представлений о мироздании. Одной из известных интерпретаций памяти в рамках теории когнитивных систем является понимание памяти как хранения паттерна, найденного в потоке поступающих сенсорных данных, кодирующем информацию об окружающем мире [6, р. 267].

Фундаментальным ограничением при передаче данных когнитивной системе является изначальное отсутствие у нее априорных знаний об окружающем мире. Не представляется возможным расширить знания искусственной когнитивной системы подключив к ней базу с готовыми знаниями. Для интеграции этих знаний (применительно к обучению искусственных когнитивных систем обычно говорят о встраивании в существующие воспоминания) когнитивной системе необходим процесс обучения (изучения). Это процесс во многих случаях может быть сокращен (что является небесспорным решением, провоцирующим риски слабой связанныности конечной системы знаний), но не может быть исключен. Подготовка готовых знаний для их усвоения когнитивной системой – отдельная значимая задача обучения, обладающая существенной спецификой когда от когнитивной системы требуется не выявить корреляционные связи и тренды в данных, используемых для обучения, а включить в свой арсенал средств комплекс абстрактных, обобщенных и универсальных знаний,

практическое подкрепление которых (в силу их обобщенности) сравнительно слабое.

Сложность когнитивной системы и памяти

Сложность когнитивной системы и используемой в ней памяти, также как и сложность любой вычислительной системы реального времени [\[21\]](#), складывается из трех составляющих: временной сложности (определяется временным масштабом – длительностью цикла обновления используемых сенсорных данных), пространственной сложности (определяется объемом используемой памяти) и конфигурационной сложности (определяется числом связей элементов системы и, соответственно, необходимым количеством связанных с ними элементов памяти).

Когнитивный временной масштаб человека составляет 80-100 мс, что означает, что человек способен различать около 10-12 объектов секунду. Для систем реального времени, используемых для управления сложным технологическим оборудованием, временной масштаб существенно меньше и составляет от десятков микросекунд до десятков миллисекунд, причем, как показали исследования [\[12\]](#), чем выше сложность системы, тем меньше временной масштаб.

Пространственная сложность когнитивной системы определяется объемом доступной в ней памяти. В общем случае увеличение объема доступной памяти расширяет когнитивные возможности системы, а также позволяет при заданной вычислительной мощности сокращать временные масштабы памяти и системы в целом.

Априорное определение потребной когнитивной системе временной и пространственной сложности – задача, не имеющая однозначного решения. Это обусловлено неопределенностью сложности решаемых когнитивной системой задач. В настоящее время сформирована определенная теоретическая база для количественной оценки временной сложности вычислений (например, алгоритмической сложности, выражаемой с помощью O -нотации), которая, очевидно, всегда выше сложности задачи (что позволяет постепенно снижать сложность вычислений по мере их совершенствования). При этом достоверных средств оценки сложности задач до настоящего времени не существует. В результате, ориентиром в определении потребной временной и пространственной сложности является существующая практика решения планируемых для когнитивной системы задач.

Наряду с повышением пространственной сложности за счет увеличения объема памяти когнитивная система также может совершенствоваться за счет роста эффективности использования памяти. Некоторые из этих механизмов универсальны и могут быть применены как в естественных (биологических) когнитивных системах, так и искусственных. К универсальным механизмам, в частности, относится разреженное или распределенное кодирование – использование определенной доли элементов доступной памяти для записи новой информации при сохранении старой. Как для естественных, так и искусственных когнитивных систем возможно также использование механизмов восстановления данных, повреждаемых при перезаписи и обновлении памяти (за счет сохранения избыточной информации – формирования дополнительных связей нейронов).

Наиболее эффективным и радикальным механизмом повышения эффективности памяти является осмысление запоминаемой информации в виде систематизированных знаний. Чем выше степень систематизации знаний, их взаимосвязанность и взаимная обусловленность, тем меньший объем данных необходимо записывать в память. Первым

(в большинстве случаев доступным) этапом осмысления является понимание знаний, т.е. их синтаксическое представление, соответствующее описанию в известных терминах и понятиях с использованием принятых и допустимых обобщений. Вторым этапом является семантическое представление знаний, достижимое при условии эффективно работающего механизма мультисистемной интеграции знаний, оперирующего большим набором паттернов форм и процессов.

Конфигурационная сложность – новое понятие, введенное авторами данного исследования в контексте акторного представления моделей вычислительных систем реального времени [21]. Эта составляющая в оценке сложности отражает сложность реализации алгоритма (задаваемого в виде композиции акторов) в виде определенной конфигурации с распределением акторов по времени и потокам исполнения, а также с определением для них активных каналов связи (характеризуемых портовостью). В результате оптимизации вычислительной (в том числе когнитивной) системы возможно существенное уменьшение конфигурационной сложности, что снижает требования к временной и пространственной сложности – вычислительная система повышает быстродействие и требует меньше памяти.

Отдельной задачей, от решения которой зависит эффективность функционирования реальных систем любой природы, а особенно таких сложных, мульти-компонентных и многопараметрических систем, как когнитивные, является существование системы в условиях повреждения и потери функциональных элементов. Необходимыми условиями решения поставленной задачи являются изначальная избыточность и дублирование элементов, частичная или полная их взаимозаменяемость, а также сохранение управляемости в условиях несоответствия модели системы, используемой для управления, и реального состояния системы. Естественные системы, в том числе когнитивные, способны сохранять свою устойчивость даже при существенных повреждениях и некомплектности элементов. Состояние, в которое при этом переходит система, получило название паллиативного [22]. В этом состоянии система продолжает свое существование, но утрачивает (полностью или частично) свою функциональность, сохраняя внешние признаки «здоровой» системы. Сохранение системы дает время для определения вариантов и подготовки средств для ее выхода из паллиативного состояния: исправления повреждений, секвестрирования функций, трансформации или ликвидации.

Расширение функционала когнитивной системы возможностью существования в паллиативном состоянии предполагает общее повышение ее сложности, а также повышение сложности подсистем памяти, критичных для компенсации повреждений и некомплектности элементов. Необходимо увеличивать число элементов (вводя дублирующие), формировать избыточные связи, расширять вариативность каналов связи (ценой роста портовости) и т.д. Это соответствует неизбежному росту временной, пространственной и конфигурационной сложности.

Запоминание, обновление памяти и забывание

Основными процессами управления памяти являются запоминание, обновление воспоминаний и забывание. К числу ключевых механизмов повышения их эффективности следует отнести (некоторые из них мы уже констатировали): осмысление знаний, избыточность памяти, разреженность записей в памяти, реконструкцию памяти.

Минимальной, всегда доступной реализацией осмысления знаний является обобщение и

встраивание новых знаний в контекст существующих. Известно, что запоминание улучшается, а забывание замедляется если новые знания связываются со старыми. Это может быть эмоциональная, логическая, ассоциативная или любая другая связь.

Избыточность – обязательное условие сжатия сохраняемых данных, повсеместно используемого для архивирования. Выбрав нужный процент избыточных данных в параметрах архивации во многих компьютерных программах сжатия данных можно защитить данные от потери и повреждения. В психологии избыточность знаний способствует улучшению запоминания. Это обусловлено тем, что извлечение данных из памяти при избыточности становится альтернативным, что повышает ее надежность, а в некоторых случаях и скорость извлечения [\[23\]](#).

Реконструкция памяти – механизм более сложный, чем простое извлечение данных из памяти. При реконструкции происходит собирание воспоминания из фрагментов исходной информации, хранящихся в разных подсистемах памяти (в разных участках мозга). При этом часть воспоминаний безвозвратно теряется, часть заменяется исходя из текущих знаний, эмоций и воспоминаний. Восстановливаемые воспоминания верифицируются связями с другими знаниями, дополнительными формами записи тех же воспоминаний. Например, воспоминания о последовательности событий верифицируются воспоминаниями о (сенсорном, эмоциональном и др.) влиянии связанных с ними событий. Последовательное забывание и реконструкция памяти приводит к ее изменению и развитию, при котором каждое последующее воспроизведение воспоминания отличается от предыдущего. Следствием этого является снижение достоверности записей в памяти (именно этим обусловлена сравнительно низкая ценность для следствия свидетельских показаний по сравнению с материальными уликами и необходимость привлечения к допросу свидетеля специалиста, способного дополнительными уточняющими вопросами повысить достоверность показаний [\[24\]](#)). С другой стороны, изменение памяти обеспечивает ее актуальность, а также забывание информации, потерявшей свою ценность, и освобождение памяти для записи новой информации.

Процесс забывания – естественный и необходимый для функционирования памяти, однако протекание этого процесса во многих случаях имеет неблагоприятный характер, влияющий на устойчивую работу когнитивной системы. Наряду с допустимым процессом угасания памяти (старые и редко активируемые воспоминания замещаются новыми), возможно катастрофическое забывание, наблюдаемое в некоторых системах памяти, когда они превосходят свои возможности по сохранению информации. Катастрофическое забывание, в частности, характерно для систем памяти, построенных на основе рекуррентных нейронных сетей. Существующие исследования в данной области позволяют снизить риски катастрофического забывания ценой жесткого ограничения используемого объема памяти [\[25\]](#).

Заключение

Развитие информационных технологий, одним из знаковых достижений которого стало создание искусственных когнитивных систем, требует расширения существующих представлений, сформированных на базе исследования человеческого интеллекта, на более широкую сферу когнитивных систем. Одной из ключевых областей, требующих переосмысления, является память, занимающая центральное положение в системе представлений о когнитивной деятельности. В настоящее время представления о памяти сильно фрагментированы и относятся преимущественно к памяти естественных

(биологических) систем. Для консолидации существующих представлений о памяти и восполнения в них пробелов и неопределенностей, необходим комплексный анализ положения и роли памяти в контексте различных существующих моделей и описаний.

Очевидной отправной точкой для анализа памяти является ее философское осмысление, наиболее универсальным подходом к которому служит интерпретация памяти в рамках информационной концепции сознания, в которой память описывается как часть области созерцания, где отображаются и фиксируются информационные образы реального мира и порождаемых сознанием собственных информационных объектов. При этом сопоставление представления о памяти в рамках информационной концепции сознания и в реальности выявляет существование элементов памяти, не охватываемых этой интерпретацией, – неинформационной памяти, играющей важную роль в памяти естественных когнитивных систем. Такая неинформационная память, наряду с информационной, является обязательной составляющей памяти когнитивных систем независимо от их природы, а, значит, необходимы исследования по построению ее универсальных форм, не привязанных к биологическим процессам.

Определяющая роль памяти в когнитивных системах обусловлена существованием последних в состоянии постоянных изменений. Управление изменяющимися системами ставит проблему обеспечения преемственности в изменениях, условием которой является наличие в системе памяти, фиксирующей ее предшествующие состояния. В результате всякая достаточно сложная управляемая динамическая система, в том числе когнитивная, должна иметь память-ориентированную архитектуру.

Оптимальным и адекватным представлением сложных систем, образованных из большого числа квазиавтономных компонентов, к числу которых относятся когнитивные системы, является акторное моделирование, согласно которому функциональные элементы системы идентифицируются как акторы с различной степенью автономности. Согласно авторскому представлению, акторы делятся на акторы-функции, акторы-морфизмы и акторы-субъекты. Представление структуры и функционирования когнитивной системы в рамках формализма акторных моделей позволяет объективно оценивать их сложность, потребности и необходимую вариативность.

Анализ используемых и перспективных подходов к обучению искусственных когнитивных систем выявляет широкие возможности их дальнейшего совершенствования. Одним из приоритетных методов обучения является трансферное обучение, являющееся первым шагом к построению механизма мультисистемной интеграции знаний, лежащего, по мнению авторов, в основе осмыслиения знаний и творчества. Существующее фундаментальное ограничение в обучении искусственных когнитивных систем, заключающееся в исключительно апостериорном формировании системы знаний, актуализирует задачу формирования оригинальных методов обучения, радикально сокращающих длительность обучения, потребную для апостериорного познания.

Одним из значимых преимуществ акторного представления когнитивных систем является возможность на их основе определять для когнитивной системы и ее подсистем памяти всех составляющих сложности. Согласно выдвигаемой авторами интерпретации сложности, для вычислительных систем реального времени (к числу которых относятся искусственные когнитивные системы) сложность складывается из трех составляющих: временной, пространственной и конфигурационной. Оказывая на них влияние, можно при сохранении функциональности когнитивной системы снизить требования к потребному объему памяти и повысить скорость доступа к записанным в ней данным.

Эффективность известных в настоящее время процессов управления памяти (запоминание, обновление памяти и забывание) определяются действием ограниченного набора механизмов, важнейшие из которых – это осмысление знаний (интеграция знаний в целостную систему представлений, встраивание новых знаний в имеющиеся), разреженность записей и одновременно избыточность памяти, позволяющие сжимать воспоминания, осуществлять их восстановление и реконструкцию, обновлять воспоминания без потери в процессе обновления функциональности когнитивной системы.

Представленные в статье результаты исследований памяти в контексте различных моделей и представлений служат обобщению и универсализации наших знаний о памяти. По итогам исследования можно констатировать, что память является ключевой составляющей когнитивных систем, определяющая устойчивость и преемственность их изменений во времени, а также устанавливающей фундаментальные ограничения расширения знаний, которыми могут оперировать когнитивные системы.

Библиография

1. Грибков А.А., Зеленский А.А. Определение сознания, самосознания и субъектности в рамках информационной концепции // Философия и культура. 2023. № 12. С. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.12.69095 EDN: VZRLGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69095
2. Sayre K.M. Cybernetics and the Philosophy of Mind. Routledge and Kegan Paul, 1976. 265 р.
3. Дубровский Д.И. Проблема "Сознание и мозг": теоретическое решение. М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2015. 208 с.
4. Прыгин Г.С. Феномен сознания: является ли информационная концепция сознания прорывом в его понимании // Вестник Удмуртского университета. Серия философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 456-463. EDN: YMOXEP
5. Грибков А.А., Зеленский А.А. Общая теория систем и креативный искусственный интеллект // Философия и культура. 2023. № 11. С. 32-44. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.11.68986 EDN: EQVTJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68986
6. Gros C. Complex and Adaptive Dynamical Systems. A Primer. Third Edition. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013. 356 р. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-36586-7>. EDN: WTRAER
7. Нуркова В.В. Память / Общая психология. В 7 т.: учебник для студентов высш. учеб. заведений / под ред. Б.С. Братуся. Т. 3. М.: Издательский центр "Академия", 2006. 320 с.
8. Ноздрачев А.Д. Физиология вегетативной нервной системы. Л.: Медицина, 1983. 296 с.
9. Селедцов В.И., Литвинова Л.С., Гончаров А.Г., Шуплецова В.В., Селедцов Д.В., Гуцол А.А., Селедцова И.А. Клеточные механизмы генерации иммунологической памяти // Цитокины и воспаление. 2010. Т. 9. № 4. С. 9-15. EDN: OFYYIT
10. Циркин В.И., Трухина С.И., Трухин А.Н. Нейрофизиология: Физиология памяти: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 407 с.
11. Palacios S., Bruno S., Weiss R., Salibi E., Goodchild-Michelman I., Kane A., Ilia K., Del Vecchio D. Analog epigenetic memory revealed by targeted chromatin editing // Cell Genomics. 2025. Vol. 5. 100985. <https://doi.org/10.1016/j.xgen.2025.100985>
12. Зеленский А.А., Грибков А.А. Онтологические аспекты проблемы реализуемости управления сложными системами // Философская мысль. 2023. № 12. С. 21-31. DOI:

- 10.25136/2409-8728.2023.12.68807 EDN: VIVNFQ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68807
13. Попов В.Л. Наномашины: общий подход к индуцированию направленного движения на атомном уровне // Журнал технической физики. 2002. Т. 72. Вып. 11. С. 52-63. EDN: RYQVVZ
14. Зеленский А.А., Илюхин И.В., Грибков А.А. Память-центристические модели систем управления движением промышленных роботов // Вестник Московского авиационного института. 2021. Т. 28. № 4. С. 245-256. <https://doi.org/10.34759/vst-2021-4-245-256>. EDN: AJRVJD
15. Liu X., Zhou Y., Weigend F., Sonawani S., Shuhei Ikemoto S., Amor H.B. Diff-Control: A Stateful Diffusion-based Policy for Imitation Learning // 2024 IEEE/RSJ International Conference on Intelligent Robots and Systems (IROS).
<https://doi.org/10.1109/IROS58592.2024.10801557>.
16. Zhang B., Luo C., Yu D., Li X., Lin H., Ye Y., Zhang B. MetaDiff: Meta-Learning with Conditional Diffusion for Few-Shot Learning // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2024. Vol. 38. P. 16687-16695.
<https://doi.org/10.1609/aaai.v38i15.29608>. EDN: HMWVV
17. Keysers C., Gazzola V. Hebbian learning and predictive mirror neurons for actions, sensations and emotions // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2014. Vol. 369. Issue 1644. 20130175. <https://doi.org/10.1098/rstb.2013.0175>
18. Lu S., Sengupta A. Deep unsupervised learning using spike-timing-dependent plasticity // Neuromorphic Computing and Engineering. 2024. Vol. 4. Num. 2. 024004.
<https://doi.org/10.1088/2634-4386/ad3a95>. EDN: GADNCC
19. Mohamed A., Lee H., Borgholt L., Havtorn J.D., Edin J., Igel C. Self-Supervised Speech Representation Learning: A Review // IEEE Journal of Selected Topics in Signal Processing. 2022. Vol. 16. Issue 6. P. 1179–1210. <https://doi.org/10.1109/JSTSP.2022.3207050>. EDN: XOXOKN
20. Hosna A., Merry E., Gyalmo J., Alom X., Aung Z., Azim M.A. Transfer learning: a friendly introduction // Journal of Big Data. 2022. Vol. 9. 102. <https://doi.org/10.1186/s40537-022-00652-w>. EDN: AIMXEG
21. Зеленский А.А., Грибков А.А. Вычислительная сложность в реальном времени // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2025. Т. 13. № 3.
<https://doi.org/10.26102/2310-6018/2025.50.3.038>. EDN: HTXURG
22. Грибков А.А. Паллиативные системы с имитационной активностью: факторы устойчивости и сценарии управления // Философская мысль. 2025. № 4. С. 69-84. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.74090 EDN: KQUNND URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74090
23. Невельский П.Б., Фланчик В.Л. Избыточность и пропускная способность памяти // Проблемы бионики: республиканский межведомственный научно-технический сборник. 1970. № 2. С. 33-35.
24. Караванов А.А., Устинов И.Ю. Психофизиология и достоверность добросовестных свидетельских показаний // Территория науки. 2014. № 2. С. 170-176. EDN: TJDTHR
25. Осипов В.Ю. Пределы памяти рекуррентных нейронных сетей со стиранием устаревшей информации // Научный вестник НГТУ. 2014. Т. 56. № 3. С. 115-122. EDN: SNYWBL

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования статьи – феномен памяти, его структурный анализ, соответственно, методология исследования опирается на структурно-функциональный подход, так же статья отсылает к когнитивному направлению исследований, рассматривая не только память как часть когнитивных систем, но и анализируя процессы, связанные с функционирование памяти, в современных информационных системах.

Актуальность темы статьи определяется тем, что в современных условиях, когда вопросы искусственного интеллекта, когнитивных систем и нейронных сетей стали неотъемлемой частью повседневной жизни, анализ структуры и функций памяти выходит на новый исследовательский уровень, где техническое, биологическое, социальное представлены в системе крайне сложных взаимосвязей.

Научная новизна работы заключается в авторском формулировании «акторного представления когнитивных систем», которое позволит, по мнению авторов, преодолеть существующие ограничения искусственных когнитивных систем, что соответственно приведет к появлению новых, более эффективных способов обучения.

Несмотря на очевидные достоинства статьи – логичность повествования, системность, обоснованность выводов, ряд особенностей содержания статьи вызывает сомнение. Неочевидна связь с философскими науками (статья представлена к публикации в журнале «Философская мысль». В журнале представлены научные специальности по философским наукам, историческим наукам и скусствоведению). Понятия «память», «время», «система», «управление» не рассмотрены авторами в философском контексте. Этим понятиям даны определения в рамках психологических наук, технических наук, но философская парадигма в интерпретации этих понятий отсутствует. В списке литературы представлены работы классических психологов, работы по когнитивной психологии, работы в области управления системами, и нет ни одного философского текста. Более того, ключевое понятие «память» анализируется в статье исключительно с позиций психологии, нейрофизиологии, теории управления систем. Тогда как философский анализ памяти предполагает феноменологический, логический, лингвистический, дискурсивный анализ. Кроме того, выводы авторов об эффективном применении «акторного представления когнитивных систем» в обучающих целях не подтверждены эмпирически. Да и все остальные выводы и рассуждения в статье представлены исключительно в теоретическом, умозрительном ключе. Эмпирическая база в работе не представлена. Особенно недостаток эмпирики осознается в предложенной авторами классификации акторов. Все три типа акторов изложены абстрактно без отсылки к возможным (или «невозможным») искусственным когнитивным системам. Поэтому главный вопрос, который возникает после прочтения статьи – где эта схема может работать? Что именно функционирует в рамках изложенной модели. Если все предложенные рассуждения в статье – это только проект, работающий на усовершенствование нейронных сетей, искусственного интеллекта – то укажите критерии и показатели этого усовершенствования.

Стиль статьи сугубо научный, авторы демонстрируют высокий уровень владения понятийным аппаратом в области технических наук, информационных и когнитивных систем. Структура статьи логична, текст содержит необходимые разделы. Содержание статьи непротиворечиво, изложенные выводы согласуются с аналитической частью. Библиография соответствует содержанию статьи и оформлена согласно требованиям.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует, авторы излагают исключительно собственную точку зрения на вопросы функционирования искусственных когнитивных

систем.

Содержание статьи может вызвать интерес у специалистов в области ИИ теории управления системами. Однако для того, чтобы эта концепция получила распространение, необходимо выводы и аналитику сформулировать в рамках общенаучного и философского подходов.

Обращаю внимание на опечатку в первом предложении статьи. В авторском варианте: «Память – необходима составляющая информационных систем». Слово «необходима» нужно написать как «необходимая».

В целом статья соответствует требованиям, предъявляемым научным публикациям. Высказанные замечания носят дискуссионный и рекомендательный характер.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Розин В.М. Природа страха перед смертью, а также возможно ли преодоление этих переживаний // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.75787 EDN: GVOPQC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75787

Природа страха перед смертью, а также возможно ли преодоление этих переживаний**Розин Вадим Маркович**

доктор философских наук

главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт философии Российской академии наук"

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

 rozinvm@gmail.com[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.11.75787

EDN:

GVOPQC

Дата направления статьи в редакцию:

06-09-2025

Дата публикации:

20-11-2025

Аннотация: В статье обсуждается феномен страха перед смертью и возможность снизить или преодолеть этот страх. Существующие психологические объяснения этого явления учитываются автором, но кажутся ему недостаточными. Он предлагает рассмотреть страх перед смертью в разработанной им концепции схемологии, в которой главным объектом выступают семиотические схемы. На нескольких примерах характеризуется понимание автором понятия «схема», как структуры содержащей «проблемную ситуацию», «новую реальность», позволяющую понять происходящее, «новое действие». Автор показывает связь понятия схемы с понятием культуры. Исследования показывают, что в культуре складываются проблемные ситуации и формируется «семиозис», знаки и знания которого человек использует для задания схем (с семиотической точки зрения, схема представляет собой сложный знак, а в проекции к реальности знание). Обсуждается,

почему в архаической культуре и культуре средних веков страх перед смертью был минимальным, а в других, особенно в модерне он максимален. Это связано, прежде всего, с тем, что первые культуры основывались на духовных практиках, предполагающих существование бессмертных душ, в то время как в модерне такое существование отрицается наукой. Тем не менее, отдельные личности, и в новоевропейской культуре, о чём пишет В.С. Библер, могут преодолевать социальную и культурную обусловленность. Предлагается анализ, объясняющий в рамках схемологии, как происходит смена жизненного мира и чувственности человека. Эти процессы, по утверждению автора, лежат в основании страха перед смертью или его преодоления. Он старается показать, что построение схем и смена жизненного мира обусловливают перегруппировку и перестройку структур мозга и нейронов, но последние нельзя считать причиной схематизации и смены жизненного мира, поскольку указанная детерминация опосредована наличием таких посредников как воображение, осмысление и осознание.

Ключевые слова:

смерть, страх, схемы, культура, реконструкция, понимание, реальность, сновидение, жизненный мир, личность

Платон считал, что, если правильно жить, то возможно преодолеть страх перед смертью. «Такой человек, – пишет он в “Послезаконии”, – даже восполнив смертью удел своей жизни, на смертном одре не будет, как теперь иметь множества ощущений, но достигнет единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и вместе блажен» [\[8, с. 458\]](#).

Интересно, что в истории культуры были периоды (архаическая культура и Средние века), когда страх перед смертью был относительно невелик. В архаической культуре человек считал, что жизнь сосредоточена в душе, которая никогда не умирает. Смерть человека он понимал как уход души навсегда из тела в другой дом (могилу, страну предков, древо жизни). Поэтому, конечно тоже боялся, но не так сильно, ведь смена жилья достаточно обычное дело. В Средние века, если иметь в виду христианскую культуру, складывается убеждение, что Бог обязательно воскресит умершего, и он будет продолжать жить уже «там», с Господом. «Посему, – читаем в «Речи против эллинов» Татиана Ассирийца (112 – 185 гг., т.е. речь идет о становлении христианства, – В.Р.), – мы веруем, что по окончании всего будет Воскресение тел – не так как учат стоики, по мнению которых после некоторых периодов времени одни и те же существа всегда являются и погибают без всякой пользы, – но однажды, по исполнении наших веков, и единственно ради восстановления одних человеков для суда... Пусть огонь истребит мое тело, но мир примет это вещество, рассеявшееся подобно пару; пусть погибну в реках или морях, пусть буду растерзан зверями, но я сокроюсь в сокровищнице богатого Господа. Человек слабый и безбожник не знает, что сокрыто; а Царь Бог, когда захочет, восстановит в прежнее состояние сущность, которая видима для Него одного» [\[13\]](#).

Как мы видим, страх перед смертью отступал, если человек верил в бессмертие души, кстати, это убеждение сохраняется и в последующих культурах. Яркий пример учение Эмануэля Сведенборга, известного шведского ученого и инженера начала XVIII столетия. Как ученый и картезианец Сведенборг не мог принять убеждение христиан в

бессмертие души и воскрешение (при том что сам он был глубоко верующим человеком). Разрешая эту проблему, Сведенборг приходит к мысли, что смерти нет вообще. В его учении утверждается, что каждый человек – это бессмертный дух, и когда наступает время ухода из жизни, одни духи, любящие добро, становятся ангелами и поднимаются на небо служить Господу, а другие, склонные к злу, превращаются в демонов и опускаются в ад.

Каким образом психологи объясняют страх перед смертью? Вот одно из мнений, представляющий собой обзор от ИИ: «Человек боится смерти из-за страха перед неизвестностью, потери контроля, потери близких, страха перед одиночеством, а также из-за религиозных убеждений и личного негативного опыта. Этот страх является естественной частью инстинкта самосохранения, который помогает людям избегать рисков. Однако, когда страх становится чрезмерным и мешает жить, это может указывать на патологическое состояние – танатофобию» [\[10\]](#). Этот взгляд на страх перед смертью известен, в целом понятен, но мне как философу и семиотику в настоящее время кажется недостаточен.

В нашей культуре (модерне) страх смерти посещает почти каждого человека, причем некоторых даже гнетет и лишает жизненных сил. Спрашивается почему, в наш-то рациональный век, с его концепцией символического бессмертия, как продолжения индивидуальной жизни в форме трудов, наследников, отношений других к себе любимому. Очевидно, подвзывающихихся в страхе эта концепция не спасает, не убеждает, ведь твои труды и наследники (дети, или наследники твоего дела) – это не ты, они не сохраняют тебя с твоими уникальными ощущениями и мыслями, с твоим бытием, активностью и переживаниями. С неплохим анализом современного состояния проблемы страха перед смертью и путей его разрешения можно познакомиться в книгах Эрнста Беккера «Отрицание смерти» и Ирвина Ялома «Вглядываясь в солнце: жизнь без страха смерти». «Одной из ключевых идей Беккера, – пишет И. Шаповалов, – является то, что мы можем научиться жить лучше, осознавая неизбежность смерти. Он утверждает, что понимание того, что жизнь временна, может помочь нам ценить каждый момент и жить более осознанно» [\[15, с. 409\]](#). «Иными словами, – отмечает И.Ялом, – чем менее эффективно прожита жизнь, тем болезненнее страх смерти. Чем меньше вы совершили за свою жизнь, тем больше боитесь смерти. Ницше убедительно высказал эту мысль в двух коротких эпиграммах – “Проживи жизнь до конца” и “Умри вовремя!” Так сделал и Грек Зорба, сказав: “Не оставляй смерти ничего, кроме сожженного замка”» [\[18\]](#).

Существуют и другие исследования страха перед смертью, главным образом психологические и в рамках экзистенциализма. В них показывается, что страх перед смертью снижается или трансформируется (в направлении позитивного отношения к жизни), как в случае осмысления и переосмысления феномена смерти, так и практикования символической смерти. Можно согласиться, современные западные исследования показывают, страх смерти является фундаментальным и универсальным переживанием, глубоко влияющим на мироощущение и поведение человека. Что его преодоление рассматривается не как полное элиминирование, а скорее управление жизненными программами и стратегиями. В одном случае позволяющее нащупать смысл жизни, в другом, включить осознание смерти в саму жизнь, в третьем, работать с мифами и иррациональными идеями. Здесь можно сослаться не только на Беккера и Ялома, но и на других авторов и направления исследования (их много, укажем для примера [\[19-22\]](#)).

В отличие от указанных работ и подходов в данной статье будет обсуждаться, с одной стороны, выработанные историей семиотические средства, позволившие конституировать

смерть, страх перед ней, а также осмысление этого страха, снижающие его действие. С другой стороны, будет предложен еще один теоретический вариант объяснения становления страха перед смертью. Он относится частично к авторскому варианту психологии, частично к семиотике и культурологии (тоже в авторской разработке). Я предложу понимание смерти и страха перед ней, используя подход и понятия концепции «схемологии» [11]. На мой взгляд, схемология выполняет в гуманитарных науках роль, сходную с ролью математики в естественных науках. Схемы, выступая своеобразным мостом между проблемами человека и создаваемыми им новыми объектами, изобретаются человеком, позволяя ему разрешить проблемы, понять происходящее, задать новую реальность, а потом и объекты, по-новому действовать.

Сначала две гипотезы. Первая, переживания смерти в теоретическом плане могут быть поняты как обусловленные определенными схемами (культурными, позднее также приватными, личностными).

Схемы, конституирующие страх перед смертью или его преодоление

В культуре Древних царств человек впервые переживает глубокий страх перед смертью, понимаемой примерно как вечная тюрьма. Читаем эпос о Гильгамеше, где рассказывается о пребывании душ умерших в загробном мире.

«в дом мрака, в жилище Иркаллы,
 В дом, откуда вошедший никогда не выходит,
 В путь, по которому не выйти обратно,
 В дом, где живущие лишаются света,
 Где их пища – прах и еда их – глина,
 А одеты, как птицы, одеждою крыльев,
 И света не видят, но во тьме обитают,
 А засовы и двери покрыты пылью!» [6, с. 186]

проблемная ситуация	СХЕМА →	новое действие
	новая реальность	
понять, что такое смерть, и что надо делать	жизнь в царстве Иркаллы, где правит богиня смерти Эрешкигаль	переживание страха перед загробной жизнью, погребальные ритуалы

Рис. 1 (читается слева направо)

Эта таблица (Рис. 1) задает структуру схемы, которая не сводится только к приведенному

фрагменту эпоса о Гильгамеша. Помимо этого фрагмента (нarrатива), который в схемологии истолковывается как сложный **знак**, а с учетом коммуникации и общения, как **знание**, схема содержит «проблемную ситуацию», задает «новую реальность» и создает условия для «нового действия».

В античной культуре страх перед смертью во многом был связан с убеждением, что душа в царстве смерти (скажем, в Греции подземного бога Аида) без тела живет одними воспоминаниями, ей уже совершенно недоступны земные радости и переживания. К. Хюбнер пишет, что умершие в царстве Аида «обладают памятью и пролетевшая жизнь стоит перед их глазами, но они лишены всякого сознания будущего и тем самым также и настоящего, определяемого будущим. Поэтому Одиссей видит умерших в подземном мире как тени, “печальные души”, из которых ушло ожидание грядущего и тем самым жизнь... И все же, согласно гомеровским представлениям, как подчеркивает В. Отто, умерший “еще здесь”. Об этом же пишет и Кассирер: “умерший все еще ‘существует’”» [\[14, с. 211, 213\]](#).

Древние греки боялись приближение смерти, что отразилось в их поэзии. Вот два стихотворения Лесбоса Алкея и Феогнида, свидетельствующие об этом:

Что, Меланипп, обещает нам тризна плачевная?
 Вправду ли мнишь, переплыv Ахеронта великий вир,
 Некогда в теле воскреснуть и солнца небесного
 Чистый приветствовать свет? Высоко ты заносишься!..
 Тюжкий, под глыбами черной земли. Не надейся же,
 К мертвым сошед, преисподней покинуть обители [\[5, с. 171\]](#).

Матерь! Бессмертных дары мы терпеть, и страдая, повинны;
 Клонит под иго нужда: небожителей нам не осилить...
 Мы же бессмертных дары претерпеть, и страдая, повинны:
 Нудит к тому нас нужда, нам ярмо тяготеет на вые.
 Лучший удел из уделов земных – не родиться на землю;
 Дар вожделенный – не зреть солнечных острых лучей.
 Если ж родился, скорее пройти чрез ворота Аида, –
 В черную землю главу глухо зарыв, опочить [\[5, с. 198, 199\]](#).

Приведенные здесь нарративы в концепции схемологии могут быть истолкованы как схемы, позволяющие понять, что такое смерть и за счет этого частично преодолеть страх перед ней, т.е. первая функция схемы – разрешать «проблемные ситуации». Вторая функция – задавать «новую реальность», например, бытие души в загробном мире.

Третья – создавать условия для нового действия, скажем, как в античности, скорби об умершем и обращения к нему для облегчения его участи.

В Древнем мире проблемная ситуация была во многом обусловлена социальным неравенством. Боги, царь и, как бы мы сегодня сказали, элита присвоили себе право лучшей жизни, в том числе и на том свете, а остальное население вынуждено было принять эти условия, не исключая пребывания в загробном мире. Боги считались бессмертными и владеющими всеми мыслимыми благами, царь понимался как живой бог, представители элиты (полководцы, приближенные к царю, богатые писцы и торговцы) строили богатые захоронения, в которых по уверениям жрецов можно было создать бессмертные «дубли» их смертной души (например, в Древнем Египте по просьбе жрецов боги создавали для заказчика вторую душу «Ка», причем, она считалась бессмертной).

В оппозиции к этим схемам Платон создает новую схему (Рис. 2), позволяющую, действительно, преодолеть страх перед смертью. Для этого он наделяет души не только бессмертием, но и личностью. Одна из особенностей личности – выбор и самостоятельное поведение. В «Государстве» описана ситуация встречи богини судьбы с душами, готовящимися к очередному циклу земной жизни. Так вот, души самостоятельно выбирают свою будущую судьбу, представленную в определенном жребии.

«После этих слов прорицателя сразу же подошел тот, кому достался первый жребий, он взял себе жизнь могущественного тирана (выше богиня судьбы Лахесис, бросавшая в толпу душ жребии, сказала: «Добродетель не есть достояние кого-либо одного, почтая или не почтая ее, каждый приобщается к ней больше или меньше. Это – вина избирающего, бог не виновен». – В.Р.). Из-за своего неразумия и ненасытности он произвел выбор, не поразмыслив, а там таилась роковая для него участь – пожирание собственных детей и другие всевозможные беды. Когда же он потом, не торопясь, поразмыслил, он начал бить себя в грудь, горевать, что, делая свой выбор, не посчитался с предупреждением прорицателя, винил в этих бедах не себя, а судьбу, богов – все что угодно, кроме себя самого...Случайно самой последней из всех выпал жребий идти душе Одиссея. Она помнила прежние тяготы и, отбросив всякое честолюбие, долго бродила, разыскивая жизнь обыкновенного человека, далекого от дел; наконец, она насилиu нашла ее, где-то валявшуюся, все ведь ею пренебрегли, но душа Одиссея, чуть ее увидела, с радостью взяла себе» [\[9, с. 417, 418-419\]](#).

проблемная ситуация	СХЕМА →	новое действие
	новая реальность	
Как преодолеть страх перед смертью?	сознательная жизнь, включающая рефлексию и правильный выбор	поступок, пересмотр жизни

Рис. 2

Это пример одной из первых схем, позволяющих преодолеть страх перед смертью. Потом был создано, как правило, выдающими личностями много других подобных схем, но в культуре модерна, где отрицается бессмертие души, их построение очень затруднено, поскольку признание биологической ипостаси человека, предполагает и признание его конечности. Раз человекечен, он смертен, поскольку смертен, ему не избежать страха перед смертью. Поэтому снова ищется схема, в которой бы утверждалась бесконечность жизни человека. Вот яркий пример, размышление-схема Николая

Бердяева. Решение он видит в новом понимании человека, как принадлежащего вечности.

«Жизнь, – пишет Бердяев, – благородна только потому, что в ней есть смерть, есть конец, свидетельствующий о том, что человек предназначен к другой, высшей жизни. Она была бы подлой, если бы смерти и конца не было, и она была бы бессмысленной. В бесконечном времени смысл никогда не раскрывается, смысл лежит в вечности. Но между жизнью во времени и жизнью в вечности лежит бездна, через которую переход возможен только лишь путем смерти, путем ужаса разрыва. В этом мире, когда он воспринимается как замкнутый, самодостаточный и законченный, все представляется бессмысленным, потому что все тленное, преходящее, т. е. смерть и смертность всегда в этом мире и есть источник бессмыслицы этого мира и всего в нем происходящего. Такова одна половина истины, открытая для ограниченного и замкнутого кругозора. Гейдеггер прав, что обыденность (das Man) парализует тоску, связанную со смертью. Обыденность вызывает лишь низменный страх перед смертью, дрожание перед ней как перед источником бессмыслицы. Но есть другая половина истины, скрытая от обыденного кругозора. Смерть есть не только бессмыслица жизни в этом мире, тленность ее, но и знак, идущий из глубины, указующий на существование высшего смысла жизни. Не низменный страх, но глубокая тоска и ужас, который вызывает в нас смерть, есть показатель того, что мы принадлежим не только поверхности, но и глубине, не только обыденности жизни во времени, но и вечности. Вечность же во времени не только притягивает, но и вызывает ужас и тоску. Тоска и ужас вызываются не только тем, что кончается и умирает дорогое нам, к чему мы привязаны, но в большей степени и еще глубже тем, что разверзается бездна между временем и вечностью. Ужас и тоска, связанные со скачком через бездну, есть также надежда человека, упование, что окончательный смысл откроется и осуществится. Смерть есть не только ужас человека, но и надежда человека, хотя он не всегда это сознает и не называет соответственным именем. Смысл, идущий из другого мира, действует опаляюще на человека этого мира и требует прохождения через смерть. Смерть есть не только биологический и психологический факт, но и явление духа» [\[2, с. 218\]](#).

Таким образом, как понимание страха перед смертью, так и преодоление этого страха задается схемами, но, конечно, надо понимать, что за схемами стоят культура и личность. Культура беременна проблемными ситуациями, в ней складывается определенный «семиозис», знаки и знания которого человек использует для задания схем (я показываю, что с семиотической точки зрения, схема представляет собой сложный знак, а в проекции к реальности знание). В архаической культуре и культуре средних веков страх перед смертью был минимальным, в других, особенно в модерне он максимален. И связано это, прежде всего, с тем, что первые культуры основывались на духовных практиках, предполагающих существование бессмертных душ, в то время как в модерне такое существование отрицается наукой. Тем не менее, отдельные личности, и в нашей культуре, о чём пишет В.С. Библер, могут преодолевать социальную и культурную обусловленность. Возможность самоотстранения и самоостранения, считает Библер, позволяет индивиду «вырываться за пределы внешней социальной и идеологической детерминации и самодетерминировать свою судьбу, свое сознание, т. е. жить в горизонте личности. То есть быть индивидом, а не социальной ролью» [\[3, с. 122\]](#). Следовательно, отдельные личности, что и наблюдается, могут подниматься до создания схем, снижающих или полностью снимающих страх перед смертью.

Обратим теперь внимание, что страх перед смертью или его преодоление явно сопровождаются сильными переживаниями и эмоциями. Что это такое в рамках данного

подхода и обсуждения, а не просто с психологической точки зрения? На этот вопрос проливает свет вторая гипотеза.

Разрешение экзистенциальных проблемных ситуаций нередко влечет за собой смену жизненного мира и чувственности (видения, восприятия, ощущений себя и мира)

Для лучшего понимания и опоры на фактический материал, рассмотрим сначала кейс – одно воспоминание, рассказанное Карлом Юнгом в его последней книге. Этот кейс настолько выразителен и продуктивен, что я его часто привлекаю для анализа. Будучи еще подростком, в летний день 1887 года Юнг, подумал: «Мир прекрасен и церковь прекрасна, и Бог, который создал все это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и ... Здесь мысли мои оборвались и я почувствовал удущье. Я оцепенел и помнил только одно: Сейчас не думать! Наступает что-то ужасное.

(После трех тяжелых от внутренней борьбы и переживаний дней и бессонных ночей Юнг все же позволил себе додумать начатую и такую, казалось бы, безобидную мысль. – В.Р.).

Я собрал всю свою храбрость, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пламя, и дал мысли возможность появиться. Я увидел перед собой кафедральный собор, голубое небо. Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром – и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушиться, стены собора разламываются на куски».

Интересно, что вместо очередного страха Юнг пережил огромное облегчение. Он понял волю Бога, а также поступки своего отца. Последний формально верил в Бога, как предписывала Библия, не знал живого Бога, который может заставить отца оставить его взгляды и даже ради свободы разрушить Церковь. [\[16, с. 46, 50\]](#).

Перед нами сложная схема и новое видение реальности, на которые Юнг выходил трое суток. Она задает не только новое понимание Бога, но и установку на практическое новое действие – разрыв с церковью и творцом.

«В этой религии, – пишет Юнг после первого причастия, – я больше не находил Бога. Я знал, что больше никогда не смогу принимать участие в этой церемонии. Церковь – это такое место, куда я больше не пойду. Там все мертвые, там нет жизни. Меня охватила жалость к отцу. Я осознал весь трагизм его профессии и жизни. Он боролся со смертью, существование, которой не мог признать. Между ним и мной открылась пропасть, она была безгранична, и я не видел возможность когда-либо преодолеть ее» [\[16, с. 64\]](#).

Рис.3 Церковь в Кесвиле, в которой служил отец Юнга

Что собой представляла для Юнга проблемная ситуация. Его занимали две экзистенциальные проблемы. Первая. Взаимоотношения с отцом, потомственным священнослужителем, который по мнению Юнга догматически выполнял свой долг: имея религиозные сомнения, не пытался их разрешить, и вообще был несвободен в отношении христианской веры. Вторая проблема – выстраивание собственных отношений с Богом, уяснение отношения к Церкви. Зная, что Юнг потом сделал, разорвав кардинально с отцом и церковью, мы можем предположить, что еще до первого причастия он хотел разорвать эти отношения, но не мог в этом себе признаться, поскольку такой поступок выглядел бы в глазах верующих (а Юнг, безусловно, к ним принадлежал) кощунственным.

Интересно, что за Юнга решение сначала берет на себя его психика, которая под давлением желания разрешить проблемную ситуацию продуцировала испугавшую его как верующего человека удивительную галлюцинацию-фантазию. Три дня Юнг сживался с этой подсказкой и невольно искал способ ее оправдать, поскольку именно такого разворота событий он, не признаваясь в этом, желал. Препятствием на пути признания возможности разорвать с отцом и церковью выступала именно вера, страх, что Бог его покарает. Какой Бог? Тот, о котором говорили отец и в церкви. А что (вероятно, где-то на заднем плане сознания), подумал Юнг, Бог совсем другой, больше напоминающий революционера. Такой Бог Юнгу очень подходил, он мог дать санкцию на разрыв с отцом и церковью. Но каким образом такого Бога вывести на свет (в сознание)? Воспоминания Юнга подсказывают ответ: построив схему, где Бог был уже другой. В этой новой реальности «свободный и всемогущий» Бог, «стоит над Библией и над Церковью», «призывает людей стать столь же свободным», Он «может заставить отца оставить все его взгляды и убеждения», «заставляет отказываться от традиций, сколь бы священными они ни были» (все это явно схемы).

Каким образом Юнг создал нового Бога. Вынуждено, конечно, но начинает он со старой реальности, заимствуя из нее фигуру Бога. Дальше он приписывает Господу ипостась революционера. В результате ряд характеристик Творца, противоречившие новой ипостаси, Юнг вынужден был опустить (забыть). Как революционер новый Бог может устроить революцию, что-то разрушить и создать. Вот Юнг и устраивает своеобразную революцию, в которой Бог непотребным образом разрушает церковь и дает санкцию на нужный Юнгу разрыв.

Специально обращаю внимание: Юнг не только вводит новый «предмет» – Бога-революционера, но и обустраивает Его в новом мире, одновременно обустраивая и сам

этот мир. Новый мир – мир Бога-революционера, мир революционных преобразований. Вероятно, недостаточно создать один или несколько новых предметов, нужно сформировать новую реальность, в которой можно по-новому жить. Иначе говоря, в результате творчества Юнга его жизненный мир меняется, претерпевает метаморфоз.

По Гуссерлю «жизненный мир состоит из суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения... В границах инвариантов жизненного мира возникает нечто, что может быть отождествлено со сферой субъективного» [4]. Для нас, однако, не менее важна характеристика, позволяющая считать жизненный мир реальностью, в которой существуют значимые для индивида предметы, связанные определенными отношениями (в одном случае канонический Бог, церковь, отец; в другом Бог-революционер, разрыв с церковью и отцом). Кроме того, будем исходить из того, что жизненный мир может сохраняться, несмотря на то, что в него включаются новые предметы, но когда-то наступает период перестройки жизненного мира (создаются новые предметы, складываются отношения между ними, не похожие на прежние).

Если опираться на анализ нашего кейса, обобщая его, то конструирование новых предметов можно помыслить следующим образом. Первоначально в жизненном мире появляется неосмысленный феномен (фантазия Юнга). На его основе при двух условиях складывается новый предмет. Во-первых, индивиду удается изобрести схему (в виде нарратива, метафоры, символа и пр.). Во-вторых, сравнить новый предмет с другими в отношении сходства и различия. В результате предмет входит в реальность жизненного мира.

Осознает ли Юнг, что он оказался в новой реальности, попал в новый мир (кстати, который он сам и выстроил)? Думаю, отчасти да, об этом свидетельствует его фраза: «вместо ожидаемого проклятия благодать снизошла на меня, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал... Я понял многое, чего не понимал раньше, я понял то, чего так и не понял мой отец, – волю Бога». Роль **осознания новой реальности (мира)**, как отличающейся от других реальностей, здесь очень важна, без этого **невозможно изменение сознания и поведения**. Чтобы лучше понять этот тезис, приведу еще один кейс – детские сновидения автора, относящиеся к периоду эвакуации нашей семьи во время войны в город Куйбышев.

Мне было пять или шесть лет. Мама день и ночь работала на авиационном заводе и лишь изредка урывала несколько часов, чтобы навестить меня и брата в детском саду. Почти всегда она приносила что-то вкусное: какао в термосе, шоколад или что-нибудь еще. И вот мне упорно стал сниться сон с мамой и вкусными продуктами в придачу. Понятно, как я огорчался, когда просыпался: нет ни мамы, ни какао. Наконец, чтобы не обманываться и не огорчаться понапрасну, я решил проверять себя – щипать за ухо: если больно – не сплю, если не больно – сплю. И в ту же ночь мне приснился сон: приезжает мама, я дергаю себя за ухо, убеждаюсь, что не сплю, пью какао и затем... просыпаюсь. Дальше все ясно. Сила огорчения прочно отпечатала этот сон в моей памяти.

Что я понял, вспоминая этот сон? То, что я видел во сне, не существует наяву, мама во сне, хотя и мама, но ее нет. Начиная с этих сновидений, я постепенно начал понимать, что есть сон и не сон, что предметы и события, приснившиеся во сне, не существуют наяву, в обычной жизни. Позднее, уже школьником, я сообразил, что логика

сновидческих событий очень не похожа на обычную. Время прерывается и скачет, темы и события часто сменяют друг друга без всякого смысла, снявшиеся люди нередко составлены из нескольких знакомых лиц, события выглядят необычно и странно. Кроме того, проснувшись, я перестал воспринимать сновидческие предметы и события натурально как реально существующие. Начал их ощущать и понимать как воспоминания, образы, фантазии. Моя чувственность в отношении сновидений изменилась. Другими словами, в результате разрешения описанной здесь экзистенциальной ситуации изменился не только мой жизненный мир, в котором я развел сновидения и бодрственную жизнь (восприятие), но и моя чувственность.

Подумаем, как в первом кейсе устроена проблемная экзистенциальная ситуация? С одной стороны, существуют старые структуры, которые отбросить невозможно (не может Юнг перестать верить в Бога). С другой стороны, проблемная ситуация задает новые содержания (желание Юнга порвать с церковью и отцом). Кажется, полный тупик. Но Юнг приходит к мысли, что раз Бог всемогущий и свободный, Он может все, даже самое невероятное, противоречащее Библии и Новому Завету.

Открытие подобных «посредников» (термин Бруно Латура [7, с. 331-332]), а это настоящие посредники, наводящие «мосты» между новыми и старыми структурами и содержаниями, позволяет Юнгу сделать следующий креативный шаг – построить схему, разрешающую, проблемную ситуацию. Могущественный и свободный Бог, разрушающий церковь, не только позволяет существовать старым и новым структурам, правда, ограничивая их территорию, но и разрешает проблемную экзистенциальную ситуацию, открывая дверь в чреватый серьезными последствиями поступок. Ну, а с точки зрения соматического подкрепления, психика «строит» галлюцинацию (сон наяву), который сознанием воспринимается как видение нового феномена (Бога, разрушающего церковь). Впрочем, разворачивающаяся галлюцинация не образует целого; целое задается проблемной ситуацией, интерсубъективным контекстом, творчеством индивида, включающим изобретение посредников и схем.

Теоретическое обобщение

Таким образом, мы предполагаем, что как страх перед смертью, так и его преодоление связаны со сменой жизненного мира и чувственности человека. Здесь так и напрашивается редуцировать чувственность к работе мозга или нейронных сетей и объяснить указанную смену их физикалистской природой. Но мы этого делать не будем, и потому, что помимо мозга не меньшую роль играет психика, и потому, что придерживаемся другой методологии, считая мозг не причиной функционирования психики и сознания, а их субстратом. В этом отношении наш дискурс примерно такой. Да, построение схем и смена жизненного мира обусловливают перегруппировку и перестройку структур мозга и нейронов, но последние нельзя считать **причиной** схематизации и смены жизненного мира. Здесь детерминация опосредована наличием таких посредников как **воображение, осмысление и осознание**, которые, в свою очередь, обусловлены, с одной стороны, **индивидуальностью человека**, с другой – **общением и интерсубъективными обстоятельствами** (например, как в нашем примере семейным воспитанием, общением Юнга с отцом, школой и пр.). Конкретные механизмы детерминации (от схематизации к работе мозга) и обеспечения (от работы мозга к сознанию) пока неизвестны (подобно тому, как мы не знаем, что происходит в нейронных сетях, когда мы их обучаем или когда они работают). В своих исследованиях автор

установил только следующую, но на его взгляд, важную закономерность: построение схем предполагает воображение и означение, а те, в свою очередь, обусловливают нужное функционирование «психобиологического плацдарма» (мозга, нервной системы, чувств).

В указанной смене, как видно из материала кейсов, большую роль играет осознание новых предметов и в целом жизненного мира (появление Бога-революционера, различие реальностей сновидения и бодрствования). В схемологии осознание можно понять тоже как процесс построения особых схем, назовем их «рефлексивными», разрешающими, как правило, экзистенциальные проблемные ситуации. Например, Юнг должен был понять, чем его новый Бог отличается от канонического, школьного; я – чем мама во сне отличается от настоящей мамы. Схемы, разрешающие подобные проблемы, по отношению к предыдущим обычно выглядят как обобщения, осознания многих частных случаев. Соответственно этим обобщением и структурируется субстрат (мозг, сеть нейронов и пр.); скажем, канонический Бог и Бог-революционер, сновидческие события и обычные в период бодрствования.

Кстати, встав взрослым и пройдя уже большой жизненный путь, Юнг создает рефлексивные схемы, разрешающие его мировоззренческие экзистенциальные проблемы.

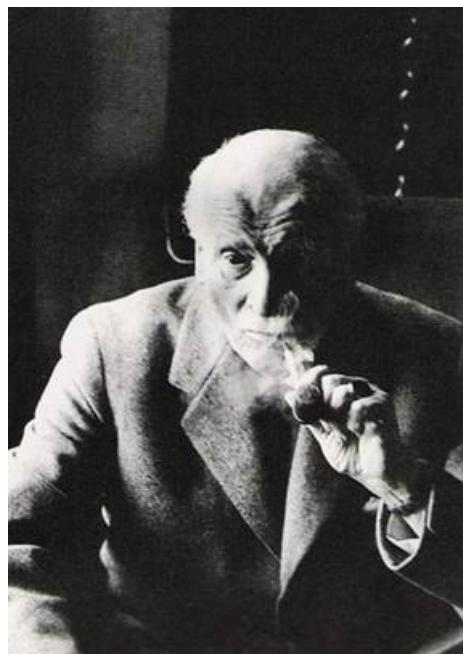

Рис. 4. Юнг в старости, когда была написана его последняя книга

«Тогда, – вспоминает Юнг, – я не видел различия между “я” первым и “я” вторым, кроме того, что мир второго “я” был только моим. И все же меня никогда не покидало чувство, что в том втором мире было замешано что-то еще помимо меня. Что же именно? Вот: “Будто невидимый дух витал в моей комнате — дух кого-то, кого давно нет, но кто будет всегда, кто существует вне времени. В этом было нечто потустороннее”... Мне казалось, что горы, реки, озера, прекрасные деревья, цветы и звери с большим правом могут называться Божьими подобиями, нежели люди с их смехотворными одеждами, с их бесстыдливостью и тщеславием, лживостью и отвратительным эгоизмом – со всем тем, что я так хорошо узнал в себе, то есть в моем “номере 1”, школьнике из 1890 года. Но

существовал и другой мир, и он был как храм, где каждый забывает себя, с удивлением и восторгом постигая совершенство Божьего творения. В этом мире жил мой "другой", который знал Бога в себе, знал Его как тайну, хоть это была не только его тайна. Там, в этом мире, ничто не отделяло человека от Бога. Там все было так, будто дух человеческий был с Богом заодно и глядел вместе с ним на все созданное» [\[17\]](#).

Можно усомниться, действительно, ли Юнг видел, ощущал себя двояко как номер один и два, как обычного человека и «человеческого духа». Уверен, что это так, подобно тому, как в подростковом возрасте Юнг развел Бога-революционера и канонического Бога, а я сновидения и бодрствование, и поэтому стал видеть-понимать сны иначе, чем обычные события. Чувственность человека послушно следует за схематизацией, осознанием и сменой жизненного мира.

Заключение

Один из вариантов работы со своим страхом смерти такой. Продумывание природы человека как биологического и культурного существа, признавая конечность первого и бесконечность второго. Стремление так жить, чтобы к концу жизни полностью реализовать свои замыслы и планы. При этом делать все, чтобы справляться с болезнями и чувствовать себя хорошо. Размышлять о жизни и смерти, в том числе в отношении самого себя. Стремиться жить в соответствие с этими размышлениями, понимая, что это не просто рассуждения, а схемы, разрешающие экзистенциальные проблемы, меняющие жизненный мир и видение.

Предполагаю, читатель мог понять, что нет одного для всех правильного решения для преодоления страха перед смертью. Мог он также понять, что трудности с разрешением этой проблемы в наше время связаны с особенностью модерна. Еще он мог уяснить роль схем и, возможно, подумать, какие схемы он сам должен построить, чтобы преодолеть или снизить страх перед смертью, если таковой его преследует. При этом автор понимает, что представление о схемах – не универсальная отмычка, это одно из современных понятий семиотики и теории мышления. Использование этого представления предполагает семиотическую и культурно-историческую реконструкцию текстов со всеми сопровождающими подобную работу ограничениями.

Библиография

1. Беккер Э. Отрицание смерти. М.: ACT, 2023. 416 с.
  2. Бердяев Н. Смерть и бессмертие // Николай Бердяев "О назначении человека". М.: Республика, 1993. 383 с.
  3. Библер В. С. Образ простеца и идея личности в культуре Средних веков // Человек и культура. М.: Наука, 1990. С. 81-125. EDN: QAZYXN
  4. Жизненный мир. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%坚持以就> (дата обращения: 25.10.2023).
  5. Иванов В. Дионис и прадионисийство. Санкт-Петербург: Издательство "АЛЕТЕЙЯ", 1994. 350 с.
  6. Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983.
  7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с анг. И.

- Полонской. М., 2014. 384 с. EDN: SYZVMJ
8. Платон. Послезаконие. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 438-460.
  9. Платон. Государство. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
  10. Почему люди боятся смерти. URL: <https://www.google.com/search?q=Почему+человек+боится+смерти&oq=chrome..69i57.12094j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (дата обращения: 25.10.2023).
  11. Розин В. М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: URSS, 2011. 256 с.
  12. Розин В. М. Феномен множественной личности: По материалам книги Дэниела Киза "Множественные умы Билли Миллигана". С. 89.
  13. Татиан Ассириец. Речь против эллинов. 2023. URL: http://k-istine.ru/library/tatian_asiriec-01.htm (дата обращения: 25.10.2023).
  14. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1966. 448 с.
  15. Шаповалов И. С. Постижение смерти в культурной антропологии Эрнеста Беккера // Манускрипт. 2023. Вып. 6. С. 398-409. DOI: 10.30853/mns20230071 EDN: IGEDQK
  16. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Air Land, 1994. 405 с.
  17. Юнг К. Перемены. Веб-журнал. URL: <https://www.peremeny.ru/column/view/1202/> (дата обращения: 25.10.2023).
  18. Ялом И. Вглядываясь в солнце: жизнь без страха смерти. М.: Бомбора, 2021. (цит. по URL: <https://kraevushka.livejournal.com/872876.html>) (дата обращения: 25.10.2023).
  19. Greenberg, J., Pyszczynski, T., & Solomon, S. The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory. In Public self and private self. New York, NY: Springer, 1986. С. 189-212.
  20. Iverach, L., Menzies, R. G., & Menzies, R. E. Death anxiety and its role in psychopathology: Reviewing the status of a transdiagnostic construct. Clinical Psychology Review, 2014. Т. 34, № 7. С. 580-593.
  21. Furer, P., & Walker, J. R. Death anxiety: A cognitive-behavioral approach. Journal of Cognitive Psychotherapy, 2008. Т. 22, № 2. С. 167-182.
  22. Solomon, S., Greenberg, J., & Pyszczynski, T. The Worm at the Core: On the Role of Death in Life. Random House, 2015. 274 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена философскому анализу природы страха перед смертью и возможностей его преодоления. Автор исследует этот феномен через призму авторской концепции "схемологии", рассматривая страх смерти как культурно и исторически обусловленное явление, которое может быть преодолено посредством создания определенных когнитивных схем.

Методология исследования

Автор применяет оригинальную методологию "схемологии" в сочетании с историко-культурным анализом и феноменологическим подходом. Используется сравнительный анализ различных культурных эпох, case-study метод (на примере воспоминаний К.Г. Юнга), а также элементы семиотического анализа. Методологический аппарат

представляется достаточно разработанным, хотя концепция "схемологии" требует более детального обоснования.

Актуальность

Тема исследования, безусловно, актуальна. В условиях современного секулярного общества вопрос о преодолении экзистенциального страха смерти приобретает особую остроту. Автор справедливо отмечает, что в культуре модерна страх смерти достигает максимальной интенсивности из-за отрицания наукой бессмертия души. Однако актуальность темы могла бы быть лучше обоснована ссылками на современные психологические и социологические исследования.

Научная новизна

Основная новизна исследования заключается в применении авторской концепции "схемологии" к анализу страха смерти. Оригинальным является тезис о том, что как страх перед смертью, так и его преодоление связаны со сменой жизненного мира и чувственности человека через построение определенных схем. Новизной обладает и историко-культурный анализ различных способов преодоления страха смерти в разные эпохи.

Однако степень новизны ограничивается тем, что многие положения статьи перекликаются с уже известными в философии концепциями (экзистенциализм, феноменология, культурно-историческая психология).

Стиль, структура, содержание

Структура статьи логична и последовательна. Автор движется от исторического обзора к теоретическому анализу, затем к конкретным случаям и обобщениям. Выделение подразделов способствует ясности изложения.

Стиль изложения академический, но местами избыточно усложненный. Некоторые формулировки требуют упрощения для лучшего понимания. Например, определение схемы как "сложного знака, а в проекции к реальности знания" нуждается в более ясном объяснении.

Содержательно статья богата историческими примерами и философскими размышлениями. Особенно ценным представляется анализ различных культурных подходов к смерти - от эпоса о Гильгамеше до христианской традиции и современности.

Критические замечания по содержанию:

Переход от исторического обзора к концепции "схемологии" недостаточно мотивирован. Понятие "схемы" используется в разных значениях без четкой дифференциации. Связь между схемами и нейробиологическими процессами постулируется, но не раскрывается.

Библиография

Библиография включает 15 источников, что представляется недостаточным для столь широкой темы. В списке преобладают классические философские работы и труды автора. Отсутствуют современные исследования по танатологии, психологии смерти, нейронауке. Три источника являются интернет-ссылками, что снижает научную весомость работы.

Рекомендации по библиографии:

Включить работы современных танатологов (Э. Беккер, И. Ялом)

Добавить психологические исследования страха смерти

Расширить философскую базу работами по экзистенциализму

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными подходами к проблеме страха смерти, упоминая психологические объяснения, религиозные концепции, философские учения. Однако полноценной дискуссии с оппонентами не ведется. Автор скорее использует существующие концепции как иллюстративный материал для своей теории, чем вступает с ними в содержательный диалог.

Отсутствует критический анализ ограничений собственного подхода и сопоставление с альтернативными объяснениями феномена страха смерти.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы статьи:

Страх смерти и его преодоление обусловлены культурными схемами

В разные исторические эпохи существовали различные способы преодоления страха смерти

Современная культура модерна создает максимальные условия для возникновения страха смерти

Преодоление страха возможно через создание новых схем и изменение жизненного мира

Интерес для читательской аудитории: Статья может заинтересовать философов, культурологов, психологов, работающих в области экзистенциальной проблематики. Практическая значимость работы ограничена абстрактностью предлагаемых решений.

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет оригинальный философский подход к важной экзистенциальной проблеме. Автор демонстрирует широкую эрудицию и способность к системному мышлению. Концепция "схемологии" заслуживает внимания как потенциально плодотворный исследовательский подход.

Основные недостатки:

Недостаточная разработанность методологического аппарата

Ограниченная библиографическая база

Отсутствие эмпирических данных

Неясность практических следствий теории

Рекомендации к доработке:

Более четко определить понятийный аппарат "схемологии"

Расширить библиографию современными исследованиями

Добавить эмпирические данные или конкретные примеры применения

Усилить дискуссию с альтернативными подходами

Конкретизировать практические рекомендации

Вердикт: Статья может быть рекомендована к публикации после доработки с учетом высказанных замечаний. Работа содержит интересные идеи, но нуждается в более

строгом научном обосновании и расширении исследовательской базы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – природа страха перед смертью. Методологической базой исследования является метаанализ как интеграция, обобщение и философское осмысление природы данного явления; а также кейс-анализ и дескриптивные методы исследования. Актуальность темы исследования состоит в изучении природы страха перед смертью как социокультурного конструкта, а также философских дискуссий о возможностях его преодоления.

В работе достаточно корректно используются термины, при этом автор обращается к научным категориям, анализирует труды философов и психологов, посвящённых изучаемой проблематике. Вместе с тем автор использует методы наглядного представления результатов исследования. Так, в тексте представлено две таблицы, однако они не имеют названий. Библиография содержит 18 источников на русском языке.

В тоже время автор не придерживается логики изложения, свойственной научному стилю. Например, в заключении он делится своим личным опытом: «Лично автор работает со своим страхом смерти следующим образом. Я продумываю природу человека как биологического и культурного существа, признавая конечность первого и бесконечность второго. Стараюсь так жить, чтобы к концу жизни полностью реализовать свои замыслы и планы. При этом делаю все, чтобы справляться с болезнями и чувствовать себя хорошо. Размышляю о жизни и смерти человека, в том числе в отношении самого себя. Стараюсь жить в соответствие с этими размышлениями, понимая, что это не просто рассуждения, а схемы, разрешающие мои экзистенциальные проблемы, меняющие мой жизненный мир и видение». В целом, статья имеет реферативный характер. В работе отсутствует научная новизна. Вместе с тем статья не структурирована, согласно общепринятой логике изложения материала. Так, в ней отсутствует раздел «Введение», соответственно, не представлено анализа степени научной разработанности проблемы, отсутствует описание методологии исследования, не обозначены его цели и задачи и т.д. Наряду с этим не обозначены и результаты исследования, отсутствуют обоснованные, чётко сформулированные выводы. Формально выделен раздел «Заключение», но реально в нём содержатся личные наблюдения автора, а не итоги научной работы. В разделе «Библиография» представлена литература только на русском языке, несмотря на то, что изучаемая тематика широко представлена в трудах зарубежных учёных, философов, культурологов, социологов.

Следует отметить, что заявленная тематика исследования интересна для широкого круга читательской аудитории. Результаты такого социально-философского анализа природы страха перед смертью и возможностей его преодоления могут быть использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе. Вместе с тем они представляют интерес для психологов и социальных работников. Однако статья нуждается в основательную переработке как с точки зрения её структуры,

так и содержания.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предлагаемая статья настолько яркая, интересная, эрудированная и методологически выверенная, что мне даже как-то неловко рассматривать вопрос, достойна или недостойна она публикации. Но это не исключает того, что с некоторыми ее утверждениями хочется поспорить.

У меня есть сомнение, например, что в истории культуры были периоды (архаическая культура и Средние века), когда страх перед смертью был относительно невелик. «В архаической культуре, – утверждает автор, – человек считал, что жизнь сосредоточена в душе, которая никогда не умирает. Смерть человека он понимал как уход души навсегда из тела в другой дом ... Поэтому, конечно, тоже боялся, но не так сильно, ведь смена жилья достаточно обычное дело. В Средние века, если иметь в виду христианскую культуру, складывается убеждение, что Бог обязательно воскресит умершего, и он будет продолжать жить уже «там», с Господом».

На это можно возразить следующим образом.

Во-первых, мы не знаем, как в века повсеместной религиозности относились к смерти. Судить об этом по проповеднической литературе, типа сочинения Татиана или Сведенборга, не вполне корректно, так как ее цель как раз и состояла в стремлении освободить от страха смерти тех, кто очень сильно ее боится. А если мы предположим, что об архаических культурах мы можем судить по современным нам «примитивным культурам», то опыт этнографов, антропологов и просто путешественников часто свидетельствует, что у дикарей страх смерти намного выше, чем у представителей современных цивилизаций, даже секуляризованных.

Во-вторых, мне кажется убедительным встречающееся мнение, что религиозность никак не снижает и не уменьшает страх смерти. Иначе как мы объясним тот страх, который испытывал перед смертью сам Иисус Христос. А ведь сказано: «начал ужасаться и тосковать» (Мк.14:32), «с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему Спасти его от смерти» (Евр.5:7). «Не такое уж это решительное средство против страха – говорил литературовед и переводчик Б. М. Энгельгардт. – Если бы вера действительно снимала страх смерти мог бы случиться повсеместный крах религиозного сознания». Посмертная жизнь всегда мыслится настолько в «иной модальности», что ничего не компенсирует из того, что мы теряем в жизни земной. Не случайно В. В. Розанов говорил, что уйти «на тот свет» он согласен лишь со своим носовым платком, т. е. во всей конкретности своего земного существования.

Можно спорить и с таким утверждением: «Отдельные личности, и в нашей культуре – говорит автор со ссылкой на В. С. Библера – могут преодолевать социальную и культурную обусловленность. Возможность самоотстранения и самоостранения ... позволяет индивиду вырываться за пределы внешней социальной и идеологической

детерминации и самодетерминировать свою судьбу, свое сознание, т. е. жить в горизонте личности. То есть быть индивидом, а не социальной ролью. Следовательно, отдельные личности, что и наблюдается, могут подниматься до создания схем, снижающих или полностью снимающих страх перед смертью».

На самом деле, большинство людей – как интеллектуальных, так и не очень – запросто преодолевают или даже «полностью снимают» страх смерти простым психологическим механизмом, который можно назвать «отвлечением». «Катон и Брут, – писал Ф. де Ларошфуко, – обратились к возвышенным помыслам, а не так давно некий лакей удовольствовался тем, что пустился в пляс на том самом эшафоте, где его должны были колесовать. Невзирая на то, что способы различны – результат один и тот же». «Отвлечения человеческие располагаются на многих уровнях – от обжорства до философствования, – писала литературовед Л. Я. Гинзбург. – Человек отвлекается, потому что иначе ему остается нестерпимое, попросту невозможное, чистое ожидание конца».

Многие философы – вроде Хайдеггера, Библера или автора данной статьи – в повседневном бегстве от смерти усматривают механизм превращения человека в то, что характеризовалось ими безлично-общее "Man". «Но "Man", дающее нам язык и культуру, дает и возможность жить, зная о смерти и не веря в бессмертие – утверждает опять Л. Гинзбург. – Социальный человек в процесс своей социализации (то есть обучения у "Man") приспособливается к этому знанию, как он приспособливается, по возможности, ко всему, мешающему жить».

В статье есть еще утверждения, с которыми хочется поспорить, но это превратило бы рецензию в полемику.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Целыковский А.А., Полякова И.П., Яшина К.А. «Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)» // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76800 EDN: GQGOSY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76800

«Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)»

Целыковский Алексей Андреевич

ORCID: 0000-0002-2442-5463

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии и социальных коммуникаций; Липецкий государственный технический университет

398055, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Московская, 30

✉ alts1085@mail.ru

Полякова Ирина Павловна

ORCID: 0000-0003-4213-3680

доктор философских наук

профессор; кафедра философии и социальных коммуникаций; ФГБОУ ВО "Липецкий государственный технический университет"

398055, Россия, г. Липецк, ул. Московская, д.30

✉ polyakova_ip@stu.lipetsk.ru

Яшина Кристина Александровна

ORCID: 0009-0008-8042-1871

младший научный сотрудник; Научно-исследовательский институт; ФГБОУ ВО "Липецкий государственный технический университет"

398055, Россия, г. Липецк, ул. Московская, д.30

✉ yashina_ka@stu.lipetsk.ru

[Статья из рубрики "Политическая философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76800

EDN:

GQGOSY

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2025

Дата публикации:

23-11-2025

Аннотация: Объектом исследования является политический габитус как устойчивая система диспозиций, формирующихся в повседневных практиках через ритуалы и дискурс. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмыслиения сложных и противоречивых процессов в российской социально-политической жизни. При этом ключевую роль в механизме формирования габитуса в повседневной сфере играют три взаимосвязанных элемента: современное мифотворчество, ритуалы и дискурсивные практики. Через их призму в статье исследуется, как латентные политические установки и ценности транслируются и закрепляются в массовом сознании. В исследовании данные процессы анализируются на примере возвращения советского наследия в российскую социально-политическую практику. В современных условиях специфика этих процессов заключается в активной мобилизации символического капитала советской эпохи для легитимации текущего политического порядка и консолидации общества. Таким образом, предметом анализа выступают механизмы конструирования данного габитуса через триаду «миф-ритуал-дискурс», исследуемые на материале рецепции советского наследия. Теоретико-методологической основой статьи служит концепция габитуса П. Бурдье, а также подходы к изучению политической мифологии и перформативных практик. Научная новизна исследования заключается в предложенном аналитическом инструментарии, который позволяет рассматривать конструирование политического габитуса не через призму институциональной политики, а сквозь триаду «миф-ритуал-дискурс» в повседневных практиках. На примере рецепции советского наследия наглядно продемонстрировано, как происходит реактуализация мифологем и ритуалов прошедшей эпохи. Основные выводы работы свидетельствуют, что символический капитал советского периода активно используется в современной России для формирования целостного политического габитуса. Анализ показывает, что именно через рутинизированные повседневные практики – такие, как использование специфической лексики, участие в ритуалах или потребление медиапродукции – массовое сознание усваивает ключевые политические диспозиции. Таким образом, миф, ритуал и дискурс выступают ключевыми механизмами инкорпорации «советского» как неотрефлексированной схемы восприятия и действия в структуры современного политического сознания и поведения.

Ключевые слова:

политический габитус, миф, мифотворчество, ритуал, дискурс, повседневность, символический капитал, власть, идентичность, СССР

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00610 «Мифологизация советского прошлого в современном российском обществе: актуальные медийные практики и возможные социальные эффекты».

Введение

Современный российский политический ландшафт в значительной степени строится на интенсивной мобилизации символических ресурсов прошлого. В этом процессе символический капитал советской эпохи занимает центральное место, выступая мощным инструментом легитимации и консолидации. Однако ключевой вопрос заключается не в самом факте мобилизации, а в том, каким образом устойчивые исторические нарративы транслируются на уровне индивидуального сознания и повседневного поведения, формируя устойчивые политические диспозиции.

Данное исследование посвящено изучению специфики этого механизма – конструированию политического габитуса через усвоение советского наследия в повседневных практиках. В рамках исследования выдвигается гипотеза, что основными каналами такой трансляции выступают взаимосвязанные процессы мифотворчества, ритуализации и дискурсивных практик. На примере реактуализации таких мифологем, как «великая держава» или «социальная справедливость», мы проследим, как данные абстрактные концепции обретают воплощение в публичных церемониях и повседневных дискурсах, становясь частью «естественного» мировоззрения.

Таким образом, объектом данного исследования выступает политический габитус как система устойчивых диспозиций, формирующихся в пространстве повседневности. Предметом исследования являются конкретные механизмы конструирования данного габитуса – миф, ритуал и дискурс – в контексте реактуализации советского символического капитала в современной России.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмыслиения сложных процессов реидеологизации и поиска оснований для коллективной идентичности в современном российском обществе, где обращение к советскому наследию стало ключевым ресурсом легитимации.

Методологическую основу исследования составляет теория П. Бурдье (габитус, поле, символический капитал), а также концепции современной мифологии (Р. Барт, Ю.М. Лотман), культурной памяти (Я. Ассман) и ностальгических дискурсов (С. Бойм). Это позволяет рассмотреть политическое не как исключительно институциональную сферу, но и как неотъемлемый элемент повседневных практик.

Научная новизна заключается в предложенном аналитическом инструментарии, который позволяет проследить, как триада «миф-ритуал-дискурс» функционирует как единый операционный механизм по инкорпорации исторического символического капитала в структуры современного политического сознания на уровне повседневности.

Теоретико-методологические основания анализа политического габитуса

Прежде всего, остановимся подробнее на концепции П. Бурдье. Габитус в социологии П. Бурдье представляет собой систему материальных и мыслительных диспозиций, приобретаемых через социализацию в конкретных условиях (через класс, профессию, образование). П. Бурдье писал: «габитусы – системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, то есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления» [\[4, с. 44\]](#)

Понятие «социальное пространство» у П. Бурдье представляет собой многомерную

систему распределения агентов и групп, структурированную по объемам и сочетаниям различных форм капитала (экономического, культурного, социального, символического). При этом П. Бурдье акцентирует внимание на том, что это пространство одновременно объективно (существует независимо от воли агентов) и субъективно (воспринимается через категории мышления). Он подчеркивает, что социальное пространство – это пространство социальных позиций [5].

У П. Бурдье «позиция» интерпретируется как сложный синтез объективного места в социальной иерархии и субъективного способа его освоения, где внешние детерминанты (объем и структура капиталов) преломляются через внутренние диспозиции габитуса. Стоит отметить, что позиция – это не статичная точка в социального пространства, а динамическое соотношение сил, постоянно воспроизводимое через практики агентов и их стратегии накопления.

Концепция поля (политического, культурного, научного) раскрывает автономную логику различных социальных сфер, где те или иные агенты борются за влияние. Ключевая особенность теории П. Бурдье – демонстрация того, как социальные иерархии воспроизводятся через повседневные практики, образовательные системы и культурные предпочтения, создавая видимость естественного порядка.

Политическое поле, в свою очередь, предстает как арена борьбы за символическую власть, где ключевым ресурсом является легитимность. Эта борьба ведется не в абстрактной сфере, а через конкретные механизмы: дискурсивные практики, которые устанавливают легитимные проблемы и категории; ритуалы (как официальные, так и повседневные), закрепляющие иерархии и членство в группе; и политическое мифотворчество, которое можно рассматривать как мощный инструмент создания и накопления символического капитала.

Таким образом, власть в теории П. Бурдье осуществляется не столько через прямое принуждение, сколько через символические механизмы классификации и наименования, которые, пронизывая повседневность, делают социальный и политический порядок самоочевидным. Ключевая особенность его подхода – демонстрация того, как через эти, казалось бы, обыденные практики воспроизводится и легитимируется социальный порядок.

Концепция габитуса П. Бурдье неразрывно связана с повседневностью, поскольку именно в ее пространстве происходит формирование и постоянное воспроизведение этой системы диспозиций. Сама же повседневность является частью социальной реальности, определенной целостностью духовно-ментального и материального, необходимым условием общественной жизни, которая разворачивается в социальном пространстве и времени в сферах быта, труда и досуга с помощью различных видов деятельности.

Повседневность формируется в динамике традиций и новаций, механизм взаимодействия которых фундаментально влияет на конструирование пространства социального бытия [9]. Повседневность существует в границах частного и публичного пространства и времени, существенно различаясь своей открытостью в пределах жизненного мира. Личностное бытие и бытие общественное связаны теснейшим образом. Эта связь выражается включенностью человека в систему общества в качестве полноправного его члена, живого органа, свободно и творчески решающего задачи, порученные ему системой. Можно сказать, что повседневность является неотъемлемым атрибутом социального бытия в целом, она гетерогенна и пронизана коммуникацией на всех уровнях взаимодействия со средой и детерминирована экономической, культурной,

политической сторонами социального бытия, исторически изменчивая и представляющая собой сплав природных, коммуникативных и общественных структур.

Можно сказать, что повседневность является тем полем, где внешние социальные структуры через механизмы, описанные П. Бурдье, инкорпорируются индивидом, превращаясь в «естественные» и нерефлексируемые способы восприятия и действия. То есть влияние политического габитуса на практики повседневности достаточно велико. Во всех сферах повседневного бытия они представлены в виде мировоззренческих установок, базирующихся на политической мифологии и ритуальных практиках.

Как уже было сказано, современная мифология играет ключевую роль в формировании символического капитала и конструировании политического габитуса. Характерная особенность современной политической мифологии заключается в том, что мифы трансформируют историю, маскируя идеологические установки под «очевидные» истины. Например, один из первых исследователей современных мифов Ролан Барт отмечал: «Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом» [\[2, с. 295\]](#). То есть, Р. Барту утверждал, что мифом может стать фактически любой дискурс. В повседневном сознании этот процесс приводит к натурализации мифа, когда специально сконструированные смыслы (например, риторика о «возрождении традиций» или «особом пути») воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и не требующее критической рефлексии. То есть миф формирует символический капитал, превращая идеологию в повседневные дискурсивные и ритуальные практики.

Подобно Р. Барту Ю.М. Лотман рассматривал миф в качестве семиотического механизма, организующего культурное пространство через бинарные оппозиции («свой-чужой», «сакральное-профанное» и т.д.). В его концепции «семиосферы» мифы выступают как «тексты культуры», которые структурируют коллективное сознание, создавая общий язык символов [\[8\]](#). То есть в повседневном сознании политические и социальные явления начинают восприниматься сквозь призму мифологических архетипов и универсальных культурных сценариев, что делает их интуитивно понятными и эмоционально заряженными. Соответственно, мифология в теории Ю.М. Лотмана обеспечивает семиотическое единство культуры, переводя многомерные процессы в простые и воспроизводимые в повседневной коммуникации символические коды.

Таким образом, современную мифологию можно определить, как совокупность рационализированных и выраженных в символической форме традиционных мифов, конструируемых и воспроизведимых в рамках какой-либо идеологической программы или дискурса. Транслируемые мифами идеи и ценности, программируют определенное социальное поведение и формируют устойчивые мировоззренческие стереотипы, которые, в свою очередь, постепенно становятся значимыми составляющими национальной идентичности.

В целом можно сказать, что миф является основой коллективной идентичности. Об этом, в частности, говорил Я. Ассман. По его мысли: «Миф – это обосновывающая история, историю, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [\[1, с. 55\]](#). На уровне официального идеологического дискурса, согласно Я. Ассману, миф формирует «культурную память» – устойчивый набор образов и нарративов, которые воспроизводятся через ритуалы, символы и язык, создавая чувство коллективной принадлежности. На повседневном уровне – «коммуникативную память», представляющую собой живую, неформализованную память, передаваемую через межличностное общение (разговоры в семье, воспоминания старших поколений,

бытовые практики и традиции). Говоря о коммуникативной памяти и ее значении в процессе конструирования политического габитуса в повседневных практиках, следует подробнее остановиться на понятии семейной памяти.

Семейная память как форма коллективной (коммуникативной) памяти представляет собой совокупность воспоминаний внутри семьи или близкого круга родственников, охватывающая, как правило, несколько поколений и определяющая контекст воспоминаний индивида семьи или близкого круга родственников, охватывающая, как правило, несколько поколений и определяющая контекст воспоминаний индивида [10].

Семейная память служит ключевым каналом передачи неофициальных исторических нарративов и ценностных ориентаций, которые формируют базовые диспозиции индивида. Через личные истории, оценки прошлых событий и транслируемые в быту модели интерпретации реальности она закладывает основу политического сознания. В процессе повседневного общения усваиваются не только конкретные факты, но и схемы их осмыслиения – например, отношение к власти, представления о справедливости или степень доверия к институтам. Семейная память инкорпорируется в габитус как система «естественных» установок, предопределяющих способ взаимодействия индивида с политическим полем.

Таким образом, политический габитус конструируется в повседневности через неразрывную связь трех ключевых механизмов. Миф предоставляет легитимирующие нарративы, которые натурализуются в сознании. Дискурс служит средством постоянного воспроизведения и актуализации этих мифологических конструкций в языке. Ритуал (включая повседневные и семейные практики) обеспечивает практическое закрепление диспозиций, переводя абстрактные идеи в устойчивые схемы восприятия и действия. Исходя из этого можно заключить, что повседневность выступает основным полем, где внешние политические структуры через эти механизмы инкорпорируются индивидом, формируя габитус.

Советское наследие как символический капитал в современной России

Процесс возвращения советского наследия в российскую политическую практику является ярким примером, демонстрирующим то, как мифологемы прошлого актуализируются в современном политическом дискурсе, наполняясь новым идеологическим содержанием. Через публичные ритуалы и повседневные практики эти мифы инкорпорируются в габитус, формируя устойчивые диспозиции восприятия власти и коллективной идентичности. Это позволяет проследить, как символический капитал исторической эпохи преобразуется в инструмент легитимации текущего политического порядка через механизмы повседневности.

В последнее десятилетие российская социально-политическая сфера характеризуется активным обращением к советской истории. На смену политике десоветизации политического пространства, последовавшей вслед за распадом СССР, пришли противоположные тенденции. Элементы советского символического капитала систематически включаются в идеологическую и мифотворческую практику.

В постсоветской России не сложился целостный политический габитус в силу резкого разрыва с советской системой ценностей и символов, которая десятилетиями формировалась диспозиции. Идеологический вакуум 1990-х годов и политика десоветизации привели к кризису идентичности и фрагментации коллективного сознания, лишенного объединяющего «мифа основания». Возвращение советского символического капитала было призвано заполнить данный пробел, так как советская

эпоха представляла собой готовый набор мифологем и ритуалов, способных быстро легитимировать новый политический порядок. Этот процесс позволил реактуализировать уже существующие в коммуникативной и семейной памяти диспозиции, придав им новое идеологическое содержание и интегрировав их в современный официальный дискурс для консолидации общества.

То есть с начала 2000-х годов политическое руководство стремилось выстроить единый исторический нарратив, в котором советскому периоду отводилось одно из центральных мест. В официальном дискурсе и медиасреде это проявляется в системном конструировании образа СССР как эпохи героических достижений, социальной справедливости и геополитического могущества, что достигалось за счет селекции позитивных символов.

Одним из социальных феноменов, описывающих процесс возвращение советского символического капитала на уровне повседневного сознания, является феномен ностальгии. В определенной степени ностальгию можно трактовать как разновидность мифотворчества. При этом следует разграничивать различные виды социального феномена ностальгии. Русско-американская исследовательница С. Бойм писала о том, что настальгия проявляется в двух формах – рефлексирующей (критической) и реставрирующей. Реставрирующая ностальгия стремится к воссозданию мифологизированного прошлого в социально-политической практике. Данный тип характерен для государственных институтов, эксплуатирующих советские символы (например, риторика о «возрождении СССР» или процесс восстановления советских практик). Рефлексирующая ностальгия, напротив, допускает критику и иронию, осмысляя прошлое как сложный, незавершенный опыт. Рефлексирующая ностальгия в большей степени характерна для медиасреды и повседневного сознания. По мысли С. Бойм: «Реставрирующая ностальгия проявляет себя в тотальной реконструкции монументов прошлого, в то время как рефлексирующая ностальгия тяготеет к руинам, патине времени, мечтам об иных местах и других эпохах» [\[3, с. 120\]](#).

На уровне повседневного сознания ностальгия выступает мощным психологическим механизмом, который облегчает внедрение официальных мифологем, превращая их в лично значимые переживания. Рефлексирующая ностальгия, доминирующая в частной сфере, создает эмоционально насыщенную почву – личные воспоминания, семейные истории, ностальгию по «уверенности в завтрашнем дне». Эта почва затем активно используется реставрирующей ностальгией официального дискурса, которая предлагает готовые, очищенные от противоречий образы прошлого. То есть личные, часто аполитичные чувства утраты и тоски встраиваются в поддерживаемые государством ритуалы и дискурсы, что способствует бессознательному принятию и усвоению обновленного политического габитуса, основанного на советском символическом капитале.

Семейная память служит ключевым проводником ностальгических настроений, переводя абстрактные официальные мифологемы в плоскость личного, эмоционально пережитого опыта. Через рассказы старших поколений о советской повседневности (стабильности, трудовых подвигах, общем быте) формируется эмоциональный фундамент реставрирующей ностальгии, придающий официальным ритуалам и символам личную значимость. При этом семейные нарративы часто носят амбивалентный характер, сочетая критику системы (рефлексирующая ностальгия) с теплотой воспоминаний, что делает усвоение советского символического капитала в новом контексте более органичным и менее конфликтным для повседневного сознания.

Механизмы конструирования габитуса: анализ конкретных практик

В современном российском политическом и медиа дискурсе конструирование политического габитуса осуществляется через системную мифологизацию советского прошлого, реализуемую в формате рефлексирующей ностальгии. Телепроекты («Старая квартира», «Какие наши годы», «Лучшие годы нашей жизни» и т.д.), многочисленные интернет-сообщества («Однажды в СССР», «Мы из СССР – Вспомним лучшее», «СССР Ностальжи – как это было...» и т.д.) создают идеализированные репрезентации повседневности, где акцент на личных воспоминаниях и эмоциональных деталях маскирует идеологическую составляющую. Этот дискурс, избегая противоречий, трансформирует коллективную травму распада СССР в позитивный символический капитал, который принимается аудиторией через узнаваемые образы и ритуалы (советские песни, атрибутика быта).

В дальнейшем в российскую социально политическую жизнь были возвращены уже конкретные советские практики. Например, возвращение советских наградных практик, выступающее выступает эффективным ритуальным механизмом реактуализации символического капитала труда и материнства. Учреждение званий «Герой Труда» (2013) и «Мать-героиня» (2022) воспроизводит не только советскую символическую атрибутику, но и связанные с ней дискурсивные конструкции – прославление коллективного труда и традиционной семьи как основы государственности. Церемонии награждения, приуроченные к советскому по происхождению празднику Дню труда, выполняют функцию легитимизирующего ритуала, связывая текущую политику с героизированным прошлым. Через эти практики формируется габитус социального признания, где лояльность системе естественно ассоциируется с советскими моделями поощрения, интегрируя исторические диспозиции в современные условия.

Еще одним примером может послужить созданное в 2022 году (в столетие всесоюзной пионерской организации) «Движение первых». Организация представляет собой яркий пример ритуализированного заимствования советского символического капитала. Патриотическое воспитание как ключевая задача движения воспроизводит дискурсивные конструкции советской эпохи, легитимируя преемственность ценностей. Само позиционирование движения как «наследника» пионерской организации актуализирует миф о непрерывной традиции государственной заботы о молодежи, интегрируя исторические диспозиции в современный контекст формирования политического габитуса.

Центральным нарративом постсоветской политической мифологии, конструирующем политический габитус, стала Победа в Великой Отечественной войне. Как отмечают российские исследователи: «В современных условиях он фактически обрел статус главного праздника, предоставив власти неограниченные возможности в интерпретации своей символики» [6, с. 25]. Празднование Дня Победы, превратившееся в главное политическое событие года, выполняет функцию легитимизирующего механизма, связывая современность с сакрализованным прошлым. Как замечает по этому поводу Н.Е. Копосов: «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [7, с. 163]. Через ритуализацию Победы в повседневное сознание инкорпорируются диспозиции, связывающие национальную идентичность с образом герического государства-победителя, что напрямую влияет на формирование восприятия легитимности внешней и внутренней политики. На повседневном уровне семейная память о Великой Победе становится каналом трансляции неофициального, эмоционально насыщенного исторического опыта, где личные семейные истории формируют уважение к

символике подвига.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что конструирование политического габитуса в современной России осуществляется через системную реактуализацию советского символического капитала, где ключевую роль играет триада «миф-ритуал-дискурс». Пример советского наследия демонстрирует, как масштабные идеологические конструкции транслируются на уровень повседневности, приобретая форму узнаваемых мифологем («великая держава», «социальная справедливость»), публичных ритуалов (День Победы, трудовые награды) и ностальгического медиадискурса. Особую значимость в этом процессе имеет семейная память, выступающая эмоциональным проводником, который превращает официальные нарративы в личностно значимые переживания.

Включение советских диспозиций происходит не через прямое идеологическое давление, а через их натурализацию в повседневных практиках, где они начинают восприниматься как естественная основа коллективной идентичности. Таким образом, повседневность подтверждает свою роль как основного поля формирования габитуса, где исторические символы, будучи вплетенными в ткань обыденной жизни, обеспечивают легитимацию текущего политического порядка и воспроизведение соответствующих ему схем поведения.

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 364 с.
2. Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во Академический проект, 2008. – 352 с.
3. Бойм С. Будущее ностальгии. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 680 с.
4. Бурдье П. Практический смысл. – М.: Алетейя, 2001. – 560 с. EDN: QOGTMH
5. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Алетейя, 2017. – 576 с.
6. Гигаури Д.И., Гуторов В.А. Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 2. С. 24-45. EDN: ZRKNOP
7. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
9. Полякова И.П. Повседневность как объект научного познания // Философия и культура. 2019. № 2. С. 24-37. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.2.29185 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29185
10. Целыковский А.А. Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти // Философская мысль. 2024. № 10. С. 1-11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.10.72095 EDN: ZBJIBD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72095

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)»

В рецензируемой статье автор не формулирует так, как это определяется в требованиях к оформлению научных статей, основные положения социально-философского исследования (объект, предмет, методологию, актуальность и научную новизну) и не выделяет основные структурные элементы статьи (введение, основная часть, заключение). Тем не менее в тексте статьи соблюдается определенная последовательность и достаточно высокий научно-методологический уровень социально-философского исследования. Исходя из названия статьи и содержания работы предмет исследования — конструирование политического габитуса в повседневных практиках современности с помощью триады «миф, ритуал, дискурс» на примере советского наследия. В процессе социально-философского анализа автору удается исследовать данную проблематику и продемонстрировать, что «современный российский политический ландшафт в значительной степени строится на интенсивной мобилизации символических ресурсов прошлого».

Методология исследования опирается на разнообразные методы и принципы философского исследования социальной действительности, общественного и индивидуального сознания и развития современного российского общества. В частности используется ретроспективный метод, критическая рефлексия и компаративный анализ темы исследования. Однако, в тексте статьи автор не представил методы собственного исследования.

Актуальность темы исследования статьи не вызывает сомнения и определяется в частности тем, что обсуждаемые социально-философские проблемы конструирования политического габитуса представляются элементами не только научной теории, но и предметом повседневных практик в современном обществе. В этой связи автором статьи обоснованно отмечается, что в современных условиях символический капитал советской эпохи занимает центральное место, выступая инструментом легитимации и консолидации; при этом основной проблемой является то, каким образом «устойчивые исторические нарративы транслируются на уровне индивидуального сознания и повседневного поведения, формируя устойчивые политические диспозиции». Однако, в тексте статьи автор отдельно не выделяет актуальность темы своего исследования.

Научная новизна данной работы автором статьи также отдельно не прописывается, тем не менее элементы новизны могут быть представлены в собственно попытке провести критическую рефлексию категорий «миф», «ритуал» и «дискурс» в пространстве политической и социальной философии; в попытке обосновать гипотезу, что основными каналами трансляции выступают взаимосвязанные процессы мифотворчества, ритуализации и дискурсивных практик. Кроме того, автор пытается по-новому «вскрыть специфические механизмы инкорпорации исторического символического капитала в структуры современного политического сознания».

Несмотря на общее позитивное впечатление и определенные достоинства данного социально-философского исследования (логичность повествования, концептуальность, обоснованность выводов и другое) в статье имеются некоторые погрешности. Например, автор в тексте (начиная с первой страницы) приписывает неодушевленным предметам активность. «Концепция поля...раскрывает...», «Политическое поле...предстает как...» и так далее. Но поле — это не человек (субъект), поэтому оно ничего делать не может. Правильно говорить «В концепции поля...раскрывается..», «Политическое поле...

представляется как...» и тому подобное. Далее автор часто неуместно использует предлог «по» («По Барту...», «По Лотману» и так далее). Правильно говорить «Барт отмечает...» или «В теории Лотмана...». Также есть замечание относительно ссылок в тексте. В ссылках часто отсутствуют страницы цитирования. Например, в ссылках на цитаты Бурдье нет страниц. Кроме того, в списке литературы работы расположены не по алфавиту. Впрочем эти комментарии имеют больше рекомендательный характер. Основное замечание заключается в том, что автор не сформулировал основные положения исследования (объект, предмет, методологию, актуальность и научную новизну) и не выделил основные структурные элементы (введение, основная часть, заключение).

Стиль данной статьи — научный, автор демонстрирует достаточно высокий уровень владения социально-философской терминологией.

Структура работы отличается логичностью, однако в тексте не содержатся все необходимые разделы. Содержание статьи непротиворечиво, выводы обоснованы и согласуются с аналитической частью работы.

Библиография оформлена согласно предъявляемым требованиям и полностью соответствует содержанию статьи.

Апелляция к оппонентам в работе отсутствует, автор излагает собственную концепцию социально-философского анализа проблемы.

Содержание статьи может представлять определенный интерес для специалистов в сфере современной политической и социальной философии, исследователей общественно-политического сознания и повседневных практик, преподавателей социально-гуманитарных предметов и всех интересующихся проблемами конструирования политического габитуса.

Таким образом, в целом статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Однако, требуются незначительные корректировки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)»

В рецензируемой статье автор формулирует так, как это определяется в требованиях к оформлению научных статей, основные положения социально-философского исследования (объект, предмет, методологию, актуальность и научную новизну) и выделяет основные структурные элементы статьи (введение, основная часть, заключение). В тексте статьи соблюдается определенная последовательность и достаточно высокий научно-методологический уровень социально-философского исследования. Исходя из названия статьи и содержания работы предмет исследования — конструирование политического габитуса в повседневных практиках современности с помощью триады «миф, ритуал, дискурс» на примере советского наследия. В процессе

социально-философского анализа автору удаётся исследовать данную проблематику и продемонстрировать, что «современный российский политический ландшафт в значительной степени строится на интенсивной мобилизации символических ресурсов прошлого».

Методология исследования опирается на разнообразные методы и принципы философского исследования социальной действительности, общественного и индивидуального сознания и развития современного российского общества. В частности используется ретроспективный метод, критическая рефлексия и компаративный анализ темы исследования. Однако, в тексте статьи автор не представил методы собственного исследования.

Актуальность темы исследования статьи не вызывает сомнения и определяется в частности тем, что обсуждаемые социально-философские проблемы конструирования политического габитуса представляются элементами не только научной теории, но и предметом повседневных практик в современном обществе. В этой связи автором статьи обоснованно отмечается, что в современных условиях символический капитал советской эпохи занимает центральное место, выступая инструментом легитимации и консолидации; при этом основной проблемой является то, каким образом «устойчивые исторические нарративы транслируются на уровне индивидуального сознания и повседневного поведения, формируя устойчивые политические диспозиции».

Научная новизна данной работы представлена в собственно попытке провести критическую рефлексию категорий «миф», «ритуал» и «дискурс» в пространстве политической и социальной философии; в попытке обосновать гипотезу, что основными каналами трансляции выступают взаимосвязанные процессы мифотворчества, ритуализации и дискурсивных практик. Кроме того, автор пытается по-новому «вскрыть специфические механизмы инкорпорации исторического символического капитала в структуры современного политического сознания».

Несмотря на общее позитивное впечатление и определенные достоинства данного социально-философского исследования (логичность повествования, концептуальность, обоснованность выводов и другое) в статье имели место некоторые погрешности, которые после доработки статьи были устранено автором. Впрочем эти комментарии носили рекомендательный характер.

Стиль данной статьи — научный, автор демонстрирует достаточно высокий уровень владения социально-философской терминологией.

Структура работы отличается логичностью, однако в тексте не содержатся все необходимые разделы. Содержание статьи непротиворечиво, выводы обоснованы и согласуются с аналитической частью работы.

Библиография оформлена согласно предъявляемым требованиям и полностью соответствует содержанию статьи.

Апелляция к оппонентам в работе отсутствует, автор излагает собственную концепцию социально-философского анализа проблемы.

Содержание статьи может представлять определенный интерес для специалистов в сфере современной политической и социальной философии, исследователей общественно-политического сознания и повседневных практик, преподавателей социально-гуманитарных предметов и всех интересующихся проблемами конструирования политического габитуса.

Таким образом, в целом статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Бахарева М.Д. От философских концепций к психоаналитической практике: анализ эпистолярного наследия Лу Андреас-Саломе во взаимодействии с Зигмундом и Анной Фрейд // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76912 EDN: EMYBKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76912

От философских концепций к психоаналитической практике: анализ эпистолярного наследия Лу Андреас-Саломе во взаимодействии с Зигмундом и Анной Фрейд

Бахарева Марина Дмитриевна

ORCID: 0009-0004-1841-4903

кандидат философских наук

преподаватель; кафедра международной журналистики; Московский государственный институт международных отношений (университет)

119454, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76

[✉ marbakhareva@mail.ru](mailto:marbakhareva@mail.ru)[Статья из рубрики "Психоанализ как философия"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.11.76912

EDN:

EMYBKK

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2025

Дата публикации:

27-11-2025

Аннотация: В статье рассматривается философское и научное наследие Лу Андреас-Саломе, ее вклад в развитие психоанализа и роль в интеллектуальной жизни Европы начала XX века. Особое внимание уделяется анализу её переписки с Зигмундом и Анной Фрейд. Цель статьи – раскрыть роль Лу Андреас-Саломе в развитии психоаналитической мысли и исследовать характер отношений с Фрейдами. Результаты исследования демонстрируют уникальный характер отношений Саломе с Фрейдами и ее вклад в развитие психоаналитической теории, особенно в исследовании творческого процесса. Саломе рассматривает нарциссизм как источник творчества, а сублимацию – как способ преобразования внутренней энергии в художественное творчество, уделяя особое

внимание концепции художника как исследователя собственного «я». Методология исследования основана на герменевтически-интерпретативном подходе и включает анализ переписки, биографических материалов и психоаналитических работ Саломе. Научная новизна заключается во всестороннем анализе переписки Саломе с Фрейдами, раскрывающей малоизвестные аспекты развития психоанализа и роли женщин в интеллектуальной жизни начала XX века. Практическое значение работы заключается в возможности применения результатов в дальнейших исследованиях истории психоанализа, интеллектуальной истории женщин и эпистолярной культуры. Выводы исследования свидетельствуют о том, вклад Лу Андреас-Саломе в историю психоанализа выходит за рамки роли «музы» и включает в себя оригинальные научные идеи. Изученная переписка Зигмунда Фрейда, Анны Фрейд и Лу Андреас-Саломе – исторический документ, проливающий свет на развитие психоаналитической мысли, и образует уникальный треугольник в истории философии и психоанализа и заслуживает дальнейшего концептуального прочтения.

Ключевые слова:

эпистолярное наследие, Лу Андреас-Саломе, Зигмунд Фрейд, Анна Фрейд, психоанализ, нарциссизм, творческий процесс, Райнер Мария-Рильке, философский дискурс, переписка

Одной из малоизученных в России страниц европейской интеллектуальной жизни начала XX века является творчество Лу Андреас-Саломе (1861–1937), одной из выдающихся женщин своего времени, проявлявшей особый интерес к преобладающим философским дискурсам рубежа веков. Сегодня мы ассоциируем ее имя не столько с литературным творчеством и эссе об искусстве, религии и психоанализе, сколько с тремя важнейшими фигурами в истории немецкой мысли: Фридрихом Ницше, Райнером Марией Рильке и Зигмундом Фрейдом. Анализ писем Лу Андреас-Саломе охватывает, прежде всего, ее знаменитую переписку с Р.М. Рильке – литературный шедевр, раскрывающий глубокую эмоциональную связь между ними. Однако среди известных адресатов Саломе можно также отметить Зигмунда Фрейда (1856–1939) и его дочь, Анну Фрейд (1895–1982), с которыми Саломе вела переписку на протяжении десятилетий. В данной статье проведен анализ опубликованных писем, цель которого – дать представление о философском и психоаналитическом наследии Лу Андреас-Саломе в свете культурных и политических событий того времени.

Письмо – это отсроченная во времени форма коммуникации, хронологически определяемая моментом отправления, между автором и одним или несколькими указанными получателями [1, с.21]. Поскольку письма по сути своей колеблются между утилитарностью и литературностью, приватностью и публичностью, документальностью и вымыслом, литературоведческий подход к этой форме коммуникации представляет определенные сложности и затрагивает множество аспектов, что объясняет отсутствие единого аналитического инструмента для подобных текстов. В настоящем исследовании используется герменевтически-интерпретативный подход: проведенный анализ основан на отрывках из переписки, а также на биографической информации о Фрейдах и Андреас-Саломе. Анализ начинается с представления базовой временной и тематической структуры переписки, а основная часть состоит из анализа отрывков переписки на протяжении многих лет.

Лу Андреас-Саломе родилась в 1861 году в Санкт-Петербурге, детство провела в родном

городе. «Выросшая в Петербурге среди пяти братьев в немецкоязычной семье, где лишь изредка говорили по-русски, Луиза фон Саломе не многое знала о своей родине. Ее отец, генерал царской армии, велел в конце концов обучать ее дома по западному образовательному канону, потому что русским языком она владела недостаточно хорошо» [2, с.60]. В 1878 году она познакомилась с голландским проповедником Хендриком Гийо, который преподавал ей историю теологии и общие принципы различных религий, познакомил со строгим методическим мышлением западной философии, открыл труды Спинозы, Лейбница, Канта и Кьеркегора: «Произошел бурный процесс, внезапное пробуждение от мира детских мечтаний, но Саломе получила интеллектуальное образование, которое оказалось очень полезным ей в дальнейшей жизни» [3, с. 41]. В 1880 году Саломе начала изучать теологию, философию и историю искусств в Цюрихе, но оставила учебу по состоянию здоровья. Она много путешествовала по Европе, где поддерживала связи с писателями и философами Паулем Рэ, Фридрихом Ницше, Райннером Марией Рильке и другими, оказавшими огромное влияние на ее мировоззрение и творчество. Как писал Ницше в письмах, «я еще никого не встречал настолько свободного от предрассудков, настолько умного и настолько подготовленного к сути моих проблем» [2, с.56]. В 1887 году Саломе вышла замуж за ориенталиста Фридриха Карла Андреаса.

Биографии, эссе и разнообразные работы о Лу Андреас-Саломе прежде всего повествуют о ее культурной жизни в кругу современных философов и ведущих деятелей того времени. Как пишет Линде Зальбер, «как и многие другие интеллектуалы, Ницше, Рильке и Фрейд искали общения с Лу. Они нашли в ней женщину, которая бросала им вызов и вдохновляла, давая их мыслям адекватный отклик, поскольку она была способна понимать их и развивать самостоятельно. Ее ясный ум, захватывающее воображение, стремление к нестандартному осмыслению очаровывали их всех» [3, с.28]. Лу Андреас-Саломе, несомненно, занимала особое место среди выдающихся людей своей эпохи, однако приписывать ей исключительно роль музы, вдохновляющей интеллектуальных мужчин, было бы слишком упрощенным подходом и полностью игнорировало бы ее литературное и философское творчество.

До встречи с Фрейдом Саломе уже размышляла над проблемой любви к себе: так, в своей книге «Эротика» (Die Erothik, 1910) и в более ранней статье «Физическая любовь» (Physische Liebe, 1901) она рассматривала акт любви как сочетание двух противоположных чувств: любви к себе и стремления к самоотдаче [4]. Фундаментальная двойственность бессознательного становится центральной темой в произведениях Саломе; кульминацией ее психоаналитических идей стало утверждение, что нарциссизм всегда представляет собой одновременно себялюбие и самоотречение [5]. Саломе не рассматривала нарциссизм как патологию, а скорее как метафорическое зеркало, позволяющее людям идентифицировать себя со всем миром. Для неё нарциссизм был не просто любовью к себе, но способом погрузиться в глубины собственного «я» и соединиться с универсальным целым. Эгоцентризм и альтруизм, самовосхваление и великолюбие - это дуалистическое напряжение характеризует и личность Саломе. По этой причине различные события ее жизни, а также литературные и эссеистические произведения можно интерпретировать и анализировать по-разному.

В 1911 году на Веймарском психоаналитическом конгрессе, который Саломе посетила вместе с Полом Бьером, шведским психиатром, состоялась ее первая встреча с Зигмундом Фрейдом. Веймарский конгресс Международной психоаналитической ассоциации открылся 21 сентября 1911 года, в нем приняли участие около пятидесяти

пяти членов и гостей из разных уголков мира. Переписка между Зигмундом Фрейдом и Лу Андреас-Саломе началась через год, 27 сентября 1912 года, когда Саломе обратилась к Фрейду с просьбой посещать его лекции и вечера по средам в Вене. В то время Саломе был 51 год, а Фрейду — 56. Уэлш отмечает: «В психоанализе Лу Андреас-Саломе нашла свой интеллектуальный дом» [\[6, с.213\]](#). Между ними завязалась глубокая дружба, которая переросла в пожизненную переписку. Последнее письмо Фрейда Саломе датировано маем 1936 года, за несколько месяцев до смерти Лу [\[6, с.213\]](#). Письма были впервые опубликованы в 1966 году отдельной книгой под названием «Зигмунд Фрейд — Лу Андреас-Саломе — Переписка». Работа документирует необычайные отношения между двумя выдающимися личностями той эпохи и их жизни, а также проливает свет на развитие Лу Андреас-Саломе теории Фрейда, которую она дополнила собственными идеями.

Ознакомившись с опубликованными работами Фрейда и желая глубже погрузиться в теорию психоанализа, Саломе в 1912 году обратилась к Фрейду с просьбой разрешить ей посещать его университетские лекции и вечерние заседания Венского психоаналитического общества по средам в Вене: «Уважаемый профессор, с тех пор, как мне посчастливилось присутствовать на Веймарском конгрессе прошлой осенью, изучение психоанализа захватило меня, и чем глубже я в него погружаюсь, тем сильнее оно меня захватывает. Теперь мое желание поехать в Вену на несколько месяцев исполняется: могу ли я связаться с вами, посетить ваши лекции, а также попросить разрешения посещать лекции по средам вечером? Всецело посвятить себя этому делу — единственная цель моего пребывания там. С глубочайшим уважением, Лу Андреас-Саломе» [\[7, с.7\]](#).

Фрейд с готовностью удовлетворил ее просьбу. В своем ответе он пишет: «Уважаемая госпожа, когда вы приедете в Вену, мы все постараемся сделать доступным для вас то немногое, что можно показать и передать о психоанализе. Я уже расценил Ваше участие в Веймарском конгрессе как благоприятное предзнаменование. С высочайшей преданностью, искренне Ваш, Фрейд» [\[7, с.7\]](#). Воодушевленная словами Фрейда, Саломе в конце октября отправилась в Вену в сопровождении молодой подруги Эллен Дельп и провела там шесть месяцев. Хотя поначалу Фрейд не воспринимал всерьез интерес Саломе к психоаналитическому учению, он вскоре стал одним из почитателей ее интеллектуальных способностей, а общение между Фрейдом и Андреас-Саломе становилось все более личным. Во время пребывания Андреас-Саломе в Вене она встречалась с Фрейдом и вне психоаналитического общества для бесед, затрагивающих многие теоретические и организационные вопросы. Отношения между Фрейдом и Саломе, изначально основанные на взаимном уважении, с годами становились все более теплыми и в целом оставались свободными от серьезных разногласий. Это тем более примечательно, учитывая, что обоим было трудно отказаться от своих интеллектуальных позиций ради дружбы.

Фрейд нашел в Саломе верного интерпретатора своих работ. К моменту знакомства с Саломе Фрейд был вовлечен в ряд неприятных споров с некоторыми из своих бывших последователей, в частности, с бывшим коллегой Альфредом Адлером, членом ближайшего окружения Вильгельмом Штекелем и швейцарским коллегой Карлом Юнгом. Саломе, сама того не ведая, оказалась втянута в конфликт между Фрейдом и Адлером, поскольку выразила желание посещать лекции обоих. Все контакты между двумя противниками и их последователями были прерваны, однако обе стороны согласились сделать исключение и разрешили ей посещать сессии при условии, что она будет хранить в тайне то, чему научится в каждой из групп. Так Саломе познакомилась с одним

из самых неприятных аспектов психоаналитической школы: яростными личными распрыами ее ведущих деятелей и их ожесточенными взаимными обвинениями. Некоторое время Саломе терпела эту двойственность, но в конце концов отказалась от лекций Адлера и полностью приняла позицию Фрейда. Этот опыт лег в основу ее защиты Фрейда в более поздних психоаналитических работах: почти каждая статья Лу Андреас-Саломе начинается со ссылки на критиков Фрейда и заканчивается заявлениями о глубоком почтении к основателю психоанализа.

Лу отказалась от позиции Адлера, поскольку была не согласна с его утверждением, что причиной психических расстройств являются органические дефекты. Она считала, что психоанализ ничего не выигрывает от поиска физических объяснений каждого комплекса неполноценности. Ироничное неприятие Адлером теории либido Фрейда – фрейдистская школа, как он писал Лу, принимала «сексуальную банальность за сущность вещей» [\[8, с.109\]](#) – стало еще одной причиной, по которой Саломе приняла сторону Фрейда. Она, как и Фрейд, была убеждена, что сексуальное влечение, в самом широком смысле этого слова, является главной движущей силой человеческих поступков. И, наконец, Саломе не нравились личные нападки Адлера на Фрейда; она считала эти оскорблении недостойными и несправедливыми. Особенно ее восхищала во Фрейде честность его научной воли, стремление проникнуть в темные глубины души и раскрыть порой самые отвратительные аспекты бессознательного. Психоанализ дал Саломе «сияющее расширение собственной жизни через нащупывание корней, с которыми она связана в целостности» [\[9, с.88\]](#).

Вхождение Саломе в круг Фрейда было воспринято как «благоприятное предзнаменование» [\[10\]](#) не только самим Фрейдом, который признавался, что настолько привык к ее присутствию, что его беспокоило, когда ее место оставалось пустым во время его лекций, но и одобрено его последователями. Саломе обычно держалась в тени и молча слушала; иногда она делала заметки, иногда вязала, но всегда была полностью погружена в происходящее. Фрейд восхищался ее способностью смеяться над собой, отсутствием злопамятности и тем, что она не кичилась ни своими литературными достижениями, ни своими знаменитыми друзьями. Фрейд с восхищением объяснял, что разница между ним и Саломе заключалась в том, что он писал прозу, в то время как Саломе была «поэтом психоанализа» [\[9, с.261\]](#). В своих работах Саломе часто обращалась к психоаналитическим темам: для журнала Фрейда «Имаго» (Imago) она написала статьи «О раннем поклонении» (Vom fruhen Gottesdienst, 1913), «О женском типе» (Zum Typus Weib, 1914), «Анальное и сексуальное» (Anal und sexual, 1915), «Нарциссизм как двойственное направление» (Narzissmus als Doppelrichtung, 1921). «Профессор», как она всегда называла Фрейда в письмах, и Саломе поддерживали связь даже во время Первой мировой войны, однако их внимание было сосредоточено не на политике, а на личных вопросах.

В книге «Моя благодарность Фрейду» (Mein Dank an Freud), написанной в 1931 году к семидесятилетию Фрейда, Саломе излагает свою позицию по отношению к его учению. Как следует из названия, это публичная дань уважения как исследователю, так и человеку; но в то же время Саломе дает критический комментарий к некоторым пунктам фрейдистской концепции. В частности, она возражает против переоценки грез наяву, «которые, конечно, могут быть особенно яркими у художника, но из которых мы, тем не менее, меньше всего можем узнать о проблеме искусства» [\[8, с.76\]](#). Она не находит убедительным появление художественного из вытеснений и полагает, что оно исходит, скорее, «из силы невольного, неизбежного осуществления еще не осознанного

личного» [8, с.77]. Наконец, она выступает против переоценки социального момента в художественном творчестве: общественные мотивы, такие как амбиции и жажда наживы, играют определенную роль, однако «творец – это человек, существующий исключительно из ликования и энтузиазма от своей работы, и даже если он в остальном очень созвучен своим собратьям, будь то «этически» или «эротически», ни один из этих факторов не способствует созданию произведения» [8, с.78].

Отношение Саломе к психоанализу определялось прежде всего ее неизменным интересом к творческому процессу, а участие психоаналитика к больному она сравнивала с чувствами поэта к своим творениям. И хотя ее целью как психоаналитика была помочь больным, теоретический интерес Andreas-Salomе был почти исключительно сосредоточен на исследовании пограничных состояний психики, ведущих к реализации творческого начала. Во второй части работы Саломе обращается к часто затрагиваемой ею проблеме художника, опираясь на личный опыт дружбы с Рильке. Утверждая, что художник всегда выражает прежде всего нарциссическое влечение, причем сексуальному началу противостоит ярко выраженное аскетическое, она заключает: «Его [художника] эротизм отчасти ускользает от своего телесного назначения и развития. Произведение – его воплощение» [8, с.79]. Затем, используя Рильке в качестве примера, она описывает трагедию превращения человеческой судьбы в искусство, ради которого художник жертвует жизнью, и подобно тому, как ребенок отдает свою любовь куклам, так и поэт позволяет своей жизненной силе трансформироваться в художественные образы. Саломе объясняет образ ангела в поэзии Рильке как проекцию неудовлетворенной человеческой тоски по любви: «вся преданность направлена на ангела, узурпирующего реальность, <...> ангел стал возлюбленным» [11, с.50]. Саломе связывала сублимацию с художественным творчеством и понимала ее не просто как подавление влечений, а как способ преобразования внутренней энергии в творческую силу. Она считала, что страдание необходимо творцу для создания истинной поэзии и видела в искусстве путь метафорического самообновления, возвращения к истокам бытия, поэтому она также отговаривала Рильке от сеансов психоанализа.

Смелость образов и сравнений, с помощью которых Саломе прослеживает и интерпретирует творческий процесс с позиции психоанализа, произвела глубокое впечатление на Фрейда: он признал ее авторитет в этой области и назвал эссе «истинным синтезом <...> которому можно довериться, чтобы он смог превратить в живой организм совокупность нервов, сухожилий и сосудов, в которую аналитический нож превратил тело». Многие идеи Саломе проливают свет на трагедию художника, его экзистенциальную тревогу и привязанность к своему творчеству. Лу Andreas-Salomе, «дама опасного ума», как назвал ее Фрейд в письме к Ш. Ференци в 1912 году [2, с.56], стала единственной женщиной, помимо членов семьи, которой Фрейд писал письма более двадцати пяти лет.

Переписка между Лу Andreas-Salomе и Зигмундом Фрейдом охватывает период с 1912 по 1936 год и включает 219 документов: 131 было написано Саломе и 88 – Фрейдом. Пик переписки приходится на 1916-1918 гг. и 1923-1925 гг., тогда как в период с 1926 по 1930 гг. обмен письмами был весьма скучным, хотя не было ни одного года, когда бы корреспонденции не было вообще. Большое количество писем между 1916 и 1918 годами говорит о редкости личных встреч, что обусловлено событиями Первой мировой войны. Об этом свидетельствуют, например, слова Саломе в 1916 году: «Если бы только Вена была вместо Берлина!» [7, с.58] или «А теперь в Вене снова начинаются встречи по средам, не так ли? Сколько бы ни отсутствовало людей, вечера не исчезают совсем?» [7,

[c.581](#) или в декабре того же года: «В каком году я смогу снова увидеть вас и поговорить с вами! Мне уже кажется, что прошло неописуемо много времени с последней встречи» [\[7, c.62\]](#). В мае 1918 года она пишет: «тот факт, что общество (Международное психоаналитическое общество – прим. пер.) сейчас так активно действует, заставляет меня, изгнанницу, зеленеть от зависти. Я скоро перестану верить, что наступит время, когда я смогу присоединиться» [\[7, c.87\]](#). Другая причина участившихся писем связана с растущим интересом Саломе к более глубокому изучению психоанализа: в некоторых своих посланиях она развивает теории Фрейда в манере эссе или запрашивает психоаналитические работы, например, о бессознательном, а затем комментирует их. Так, в письме от 14 июня 1917 года она пишет: «сердечное спасибо за вашу новую книгу и за то, что вы прислали ее мне! Я с огромным энтузиазмом проглотила ее, как только она попала мне в руки четыре дня назад» [\[7, c.63\]](#). В 1916 году Саломе указывает в письме, ссылаясь на четыре журнальные статьи: «Именно поэтому для меня так важно, полностью ли я поняла каждую, не истолковала ли я что-либо неверно, и это же беспокоило меня в прошлый раз. <...> Внутреннее восприятие текста у каждого человека разное, но я ни в коем случае не должна неправильно понимать то, что вы имели в виду; по крайней мере, я честно и искренне хочу приложить все усилия» [\[7, c.49\]](#).

Из переписки видно, что личные встречи Фрейда и Саломе происходили неоднократно на протяжении многих лет и стали основой их письменной переписки, отправной точкой которой послужило пребывание в Вене. В 1914 году Фрейд пишет: «Шлю вам самые теплые приветствия <...> после войны неизбежно возникнет потребность снова увидеться» [\[7, c.23\]](#). В 1916 году Саломе замечает: «В каком году я смогу снова увидеть вас и поговорить с вами! Кажется, прошло уже невообразимо долго» [\[7, c.62\]](#), а в 1918 году риторически спрашивает: «Каково будет, когда мы наконец снова увидимся? И увидимся ли?» [\[7, c.95\]](#). В 1920 году она пишет: «Тоскую по воссоединению, прежде чем мы оба станем „древними и крошечными“» [\[7, c.112\]](#). Осознавая ограничения эпистолярного общения, Саломе пишет: «Я бы с удовольствием обсудила эту тему с вами устно! О, и еще многое другое!» [\[7, c.195\]](#) или: «Жаль, что в письмах можно обсудить так мало» [\[7, c.204\]](#). В более поздние годы Фрейд отвечает: «лично я заметил, что мне трудно разговаривать с вами, и предоставил беседу Анне. Причиной послужило наблюдение, что из-за моего слабого слуха я не понимал вашей тихой речи, и мне пришлось признать, что понимание моих слов также было для вас трудным» [\[7, c.196\]](#).

Первая мировая война неоднократно звучит как тема в их переписке: «Кризис витает в воздухе. Пусть он скорее разразится, и воздух прояснится!» [\[7, c.16\]](#); «Что вы делаете в эти трудные для всех нас времена? Вы ожидали этого и представляли, что все будет именно так?» [\[7, c.21\]](#) или: «Они все стали дьяволами. (Но так бывает, когда государства не поддаются психоанализу)» [\[7, c.22\]](#). При этом, хотя в переписке военный контекст резонирует, он никогда не доминирует полностью. Помимо тем психоанализа и Первой мировой войны, постоянно всплывают и личные темы. Например, в апреле 1918 года Фрейд пишет: «Один из моих сыновей дома с (незначительным) заболеванием легких; моя младшая дочь сдала выпускной экзамен на учителя и, поскольку ей пришлось скрывать тяжелую ангину, все еще довольно несчастна» [\[7, c.87\]](#). Возможной причиной редкости писем может быть нехватка времени, как подтверждает Фрейд в одном из своих посланий 1929 года: «Вы, с Вашей обычной проницательностью, догадались, почему я так долго не отвечал Вам. Анна уже сообщила Вам, что я пишу что-то, и сегодня я

написал последнее предложение, которое завершает работу, насколько это возможно здесь — без библиотеки» [\[7, с.198\]](#). Кроме того, в последние годы здоровье обоих стало предметом обсуждения и также причиной редкого общения. Например, Саломе пишет в 1930 году: «Жаль, что мы можем обсудить друг с другом так мало в письмах; но путешествия, к сожалению, не для меня, этого не изменить. О своем состоянии сейчас могу сказать вам: я все еще испытываю боль, часто даже по ночам, но говорить или слышать об этом совсем неприятно [\[7, с.204\]](#). И Фрейд отвечает: «Вам не стоит тратить время на подозрения, что ваше письмо потерялось. Почтовый штемпель на этом ответе немного говорит вам о недавних событиях. Он не может показать, что я (мы) были в санатории <...> 10 дней до этого» [\[7, с.204\]](#).

Андреас-Саломе неизменно называет Фрейда «профессором»: вначале «глубокоуважаемым», затем - «уважаемым» [\[7, с.13\]](#), наконец - «уважаемым профессором Фрейдом» [\[7, с.206\]](#). В завершающих фразах писем Саломе использовала более разнообразные выражения: «с благодарностью» [\[7, с.8\]](#), «с наилучшими пожеланиями» [\[7, с.24\]](#), «от всего сердца» [\[7, с.195\]](#) или «с теплыми мыслями о вас» [\[7, с.209\]](#). Интересно, однако, что только в 1922 году Саломе стала подписывать письма к Фрейду просто своим именем: «Искренне ваша, Лу» [\[7, с.122\]](#). В письме от 23 декабря 1932 года она пишет в конце: «Дорогой профессор Фрейд, дорогой, самый дорогой. Ваша старая Лу» [\[7, с.217\]](#). До 1922 года Фрейд обращается к Саломе как к «Уважаемой госпоже», не упоминая имени, затем заменяя приветствие на более личное «дорогая Лу» [\[7, с.124\]](#). В 1927 году он однажды назвал Саломе «Моя дорогая, несокрушимая подруга!». В подписи к письмам чередуются фразы «Ваш преданный Фрейд» [\[7, с.18\]](#), «Ваш преданнейший Фрейд» [\[7, с.17\]](#) и «Ваш искренне преданный Фрейд» [\[7, с.19\]](#). Позже он добавляет: «Ваш старый Фрейд» [\[7, с.199\]](#), «Ваш очень старый Фрейд самолично» [\[7, с.205\]](#) или: «С самыми теплыми пожеланиями, то немногое, что осталось от вашего Фрейда» [\[7, с.208\]](#). Можно проследить развитие от первоначально вежливой дистанции к теплому, дружескому тону. Тем не менее, на протяжении всей переписки они неизменно используют формальное местоимение «Sie» (Вы).

Из переписки становится ясно, что общение с Фрейдом стимулирует Саломе к изучению психоанализа и влияет на формирование ее идентичности, на что она отвечает благодарностью, например, в новогоднем письме 1914 года: «Для меня прошел год, в котором все самое лучшее было так тесно связано с Вами, что я не могу оглянуться назад, не сказав про себя еще раз „Спасибо!“» [\[7, с.17\]](#). Другой пример можно найти в 1915 году: «Однако, когда я представляю, сколько хорошего сделал для меня психоанализ, даже в этот совершенно ужасный год, мне хотелось бы быть для Вас более полезной, чем я есть. Всякий раз, когда Ваши разъяснения наполняют меня радостью, потому что они движут меня вперед не только в теории, но и в самом человеческом смысле, я преисполнюсь самой искренней благодарности» [\[7, с.38\]](#). Следующий отрывок также указывает на то, что Фрейд является для нее направляющей силой в интеллектуальном плане: «Для меня и то, и другое так важно и является источником радости: каждое совпадение с Вами, а также тот факт, что в некоторых вопросах Ваше мнение отличается от моего. Именно на это я ориентируюсь: как если бы меня дергали за поводок – не сажая на цепь, а лишь указывая путь. Поскольку я в этом уверена, я не захожу слишком далеко и следую за своими мыслями более беззаботно, чем когда-либо» [\[7, с.51\]](#).

С 1915 года размышления о работах по психоанализу становятся более частыми, чем прежде, при этом Саломе не только разделяет взгляды Фрейда, но и критически их анализирует. Так, комментируя работу о концепции нарциссизма Фрейда, Саломе спрашивает: «Должен ли чисто телесный процесс рассматриваться здесь совершенно отдельно <...>?» [7, с.28]. Фрейд отвечает: «Я воспринимаю ваши замечания о нарциссизме не как возражения, а как указания к дальнейшим концептуальным и фактическим пояснениям» [7, с.29]. Стремление верно интерпретировать ход мыслей друг друга приводит к интеллектуальному синтезу: Саломе способна открыто высказывать свои взгляды на психоаналитические темы, а Фрейд позволяет ей понять свои методы работы. В письме от 5 ноября 1915 года Фрейд пишет: «Вы умеете придавать человеку смелость и поднимать настроение. Я бы не поверил, особенно сейчас, в изоляции, что психоанализ может значить так много для кого-то другого или что кто-то может так много прочитать в моих словах» [7, с.38]. Фрейд неоднократно упоминает об искусстве синтеза, которым владеет Саломе: «В этом прекрасно выражены как Ваша невероятная тонкость понимания, так и масштабность Вашего стремления синтезировать то, что было отделено от исследования» [7, с.40]; «Совершенно очевидно, как Вы всегда опережаете меня и дополняете меня, как Вы пророчески стремитесь соединить мои фрагменты в единое целое» [7, с.68]; «Я каждый раз заново восхищаюсь Вашим искусством синтеза, которое соединяет воедино разрозненные части, полученные анализом, и обволакивает их живой тканью» [7, с.75]; «В ваших рассуждениях о детских неврозах я вновь смог восхититься вашим искусством продолжать и объединять идеи» [7, с.100]. Даже в более поздние годы он подчеркивает свое восхищение образом мышления Саломе: «Я начинаю мелодию — обычно довольно простую — вы добавляете более высокие октавы; я отделяю одно от другого, а вы объединяете разрозненные элементы в высшее единство; я молчаливо предполагаю условия наших субъективных ограничений, а вы открыто указываете на них. В целом мы поняли друг друга и единодушны. Только я склонен исключать все мнения, кроме одного, а вы склонны соединять все мнения вместе» [7, с.202].

В более поздние годы роль Фрейда как отцовской фигуры и значимость их отношений становится более отчетливо выраженной в письмах: «От всего сердца приветствую вас обоих (Анну и Фрейда — прим.пер.) — как тайный спутник, который редко может расстаться с вами; недавно я представила себе, каково было бы, если бы я состарила, не имея вас в своей жизни» [7, с.140]. В письме ко дню рождения от 1925 года Саломе пишет: «Дорогой профессор, я ничего не могу сказать о счастье, которого я желаю и жажду для Вас; я лишь глубоко чувствую, насколько я всецело с Вами, <...> неразрывно связана с вами» [7, с.168]. Одно из самых явных указаний на то, что Саломе считала Фрейда своим интеллектуальным отцом, содержится в письме от 4 мая 1935 года: «Если бы я могла взглянуть на Ваше лицо хотя бы на десять минут — на лицо отца, превосходящее мою жизнь» [7, с.227]. Хотя, с одной стороны, она видит во Фрейде духовного отца, с другой стороны, она берет на себя роль его женской противоположности и дополняет его теории, что, по мнению Фрейда, делает ее идеальным интерпретатором.

Переписка Лу Андреас-Саломе и Анны Фрейд дополняет представление о Фрейде как об отцовской фигуре, но, помимо этого, является важнейшим свидетельством дружбы двух женщин и предлагает личный взгляд на психоаналитическое движение и его развитие в Австрии и Германии в период между двумя мировыми войнами. Эпистолярное общение

Лу Андреас-Саломе и Анны Фрейд начинается в декабре 1919 года, когда Саломе почти шестьдесят, а Анне - двадцать четыре. Фрейд инициировал переписку между младшей дочерью и любимой ученицей из Геттингена в надежде, что это общение окажет благотворное влияние. Хотя Фрейд ценил интимность переписки Анны и Саломе, иногда он чувствовал себя исключенным из этого треугольника отношений, особенно во время болезней.

Первые письма, опубликованные под названием «...как будто я возвращаюсь домой к отцу и сестре», датируются 1919 годом, последние – 1937 годом, годом смерти Саломе. Переписка отличается тонким стилем: так, можно встретить почти литературные описания природы, в которых воспеваются красота Вены или цветущих деревьев в саду. Среди прочего, читатель получает представление о нетрадиционных методах лечения, применявшимся в доме Фрейда, и о трудностях, связанных с психоанализом в 1920-х и 1930-х годах. Однако двух женщин объединяло не только обсуждение научных открытий – между ними быстро завязались близкие дружеские отношения, гармония которых лишь однажды нарушается резким разладом, хотя с самого начала переписки Анну Фрейд терзает сильный страх утраты любви своей старшей подруги. «Я всегда — пока ты этого хочешь — твоя Анна» [\[12, с.38\]](#), — завершает она письмо в апреле 1922 года, а полгода спустя добавляет: «(Пока ты можешь меня выносить) Твоя Анна» [\[12, с.72\]](#). Она также часто приижает себя по отношению к своей корреспондентке: «Я очень, очень благодарна Вам за то, что Вы так любезно принимаете и даже отвечаете на всю эту ерунду, которую я думаю, говорю и пишу», – пишет она в 1922 году и спрашивает: «Если Вы когда-нибудь почувствуете, что больше не хотите этого, Вы скажете?» [\[12, с.89\]](#) В 1927 году Анна Фрейд отправляет подруге свою недавно опубликованную первую работу – «Введение в технику детского психоанализа». Саломе в восторге после прочтения книги, и новоиспеченная автор с огромным облегчением признается, как сильно она переживала, что Саломе книга не понравится. В ответ Саломе критически замечает, что Анна Фрейд «легко поддается таким странным тревогам <...> словно непременно где-то всплывает какая-то критика, неуверенность, неудовлетворенность или пессимизм» [\[12, с.536\]](#). Анна Фрейд реагирует «ужасно оскорблена» на упреки Саломе в неуверенности и постоянном ожидании критики. Она молчит не менее полугода и, наконец, отвергает «обвинение» в негодящем письме, которое, однако, заканчивается словами: «Как бы мне хотелось, чтобы Вы все еще меня любили», – и вскоре прежняя гармония восстанавливается [\[12, с.540\]](#).

В переписке встречаются повторяющиеся отсылки к психоанализу: Саломе, в частности, неоднократно вплетает в тексты мимолетные оценки других психоаналитиков и их теорий, например, о «философской чепухе Юнга или Адлера», которую она по-прежнему считает выше «долларовой звезды, взошедшей над Ранком». В другом месте она подчеркивает, что Отто Фенихель «очень умен, даже слишком» [\[12, с.143\]](#), комментирует «чрезмерно диалектичного» Ранка [\[12, с.352\]](#), хвалит «объективно превосходную» Хелен Дойч, критикует «жалкую Мелани Кляйн» [\[12, с.323\]](#) или сообщает Анне Фрейд, что «хотела бы познакомиться» с Вильгельмом Райхом. Анна Фрейд, со своей стороны, в основном воздерживается от суждений: когда Саломе прямо спрашивает, нужно ли знакомиться с «Книгой об “Оно”» Гроддека, она не высказывает собственного мнения, предпочитая переадресовать этот вопрос Фрейду [\[12, с.329\]](#). Сообщения Анны Фрейд часто ограничиваются лишь самым необходимым, когда речь идет об официальных делах: «Несколько дней назад нас посетил Ромен Роллан. Он очень приятен» [\[12, с.310\]](#). О вечерах в психоаналитическом обществе Анна пишет: «Одну из последних лекций читал

Зильберер, который впоследствии покончил с собой» [\[12, с.140\]](#); «Позавчера у нас был еще один большой светский вечер <...>. Темой была книга доктора Райха «Функция оргазма» [\[12, с.281\]](#). И даже в более поздние годы, уже будучи известным психоаналитиком, она просто сообщает Саломе: «Конгресс занял почти все лето, я была секретарем Международной психоаналитической ассоциации, и управлять им было практически невозможно <...> Нам пришлось исключить Райха; он был больше не приемлем» [\[12, с.440\]](#), не говоря ни слова по существу спора. Несмотря на все разногласия между зарождающимися психоаналитическими школами, обе женщины однозначно и безоговорочно разделяют позицию Фрейда. Иногда Саломе ограничивается психологическими объяснениями противоречивых взглядов других, а не их теоретическим опровержением. Так происходит, например, с Полем Бьером, о котором Саломе пишет, что он «уже не наш, а Юнговский», а расхождения во взглядах объясняет его «собственным обсессивно-компульсивным неврозом, который никто другой никогда не анализировал» [\[12, с.141\]](#).

Особый интерес представляют подробные объяснения Саломе взаимосвязи бессознательного и литературы, о которых Анна Фрейд неоднократно ее спрашивает. Уже в самых ранних письмах Саломе рассуждает о художественном творчестве и детском понимании связи между сном и явью. Например, в одном из писем 1922 года она пишет «касательно неспособности ребенка различать сон и реальность», что «даже самый маленький ребенок не только по глупости не может отличить одно от другого, но и на самом деле переживает единство сна и реальности» [\[12, с.39\]](#). Ребенок «все еще одной ногой» в «тотальной реальности», которую «наше сознание» лишь позднее разделяет «на субъект и объект». В последующих письмах она неоднократно возвращается к параллелям и различиям между грезами наяву и творческой работой. В то время как Саломе обстоятельно комментирует и оценивает публикации Анны Фрейд, последняя воздерживается от подробных рецензий и лишь неоднократно пишет о том, как ей нравятся книги подруги. В одном из писем она выражает изумление по поводу книги Саломе 1894 года о Ницше: «Разве она не была написана задолго до того, как ты стала аналитиком?» и недоумевает: «Многое в ней звучит настолько аналитически. Думали ли об этом люди тогда, или это было просто твое восприятие?» Андреас-Саломе отвечает, что психоанализ был для нее «чужой страной» в то время, когда она писала книгу — «к сожалению, иначе она была бы гораздо ценнее» [\[12, с.363\]](#).

Письма также позволяют заглянуть в личную жизнь и эмоциональный мир двух женщин, которые относились друг к другу как «сестры». Так, Саломе пишет о супруге Андреасе: «глубочайшая часть нашей связи заключалась в нежной защите, которой мы оберегали одиночество друг друга — и друг от друга!» [\[12, с.578\]](#). Анна утверждает: «я не гожусь для брака», и пишет, что для мужчины она была бы не более чем предметом мебели, «не лучше стола, дивана или собственного кресла-качалки» [\[12, с.266\]](#). В другом письме она замечает: «Жаль, что я не родилась индийским странствующим монахом. Я бы все равно хотела стать кем-то подобным» [\[12, с.310\]](#). В ответ Саломе пишет: «Если бы ты действительно была тем индийским странствующим монахом, которым тебе хотелось бы быть, мы бы, наверное, еще где-нибудь встретились» [\[12, с.317\]](#). Она хорошо понимает, о каком одиночестве пишет Анна: «в глубине души я думаю, что на самом деле отшельница, и только из-за этого оказалась в этом беспокойном мире» [\[12, с.318\]](#). Политические темы редко становятся предметом обсуждений, тем не менее, в отдельных письмах Саломе затрагивает проблему националистических настроений: «Геттинген стал отвратителен из-за своего немецкого национализма» [\[12, с.288\]](#) или «Интересно, до какой

степени настоящий идиотизм может быть воспламенен дорогой родиной» [\[12, с.358\]](#).

В течение нескольких лет в переписке большое внимание уделяется онкологическому заболеванию Фрейда и беспокойству о нем. В отличие от болезни Фрейда, здоровье Саломе — в 1930-х годах она страдала диабетом — практически не затрагивается. Переписка раскрывает подробности поведения Фрейда в связи с операциями и последующим возобновлением курения: «Вчера вечером папа внезапно объявил, что в субботу утром ему предстоит небольшая операция на горле... опухоли, которые якобы иногда встречаются у курильщиков» [\[12, с.176\]](#). А через несколько дней Анна пишет: «Папа курит, но совсем немного, может быть, три сигары в день» [\[12, с.181\]](#). Саломе отвечает: «Твои близкие отношения с отцом теперь приобретают особое значение; если кто-то и должен выполнить свою миссию, так это ты» [\[12, с.183\]](#). В начале октября 1923 года Фрейд переносит вторую операцию. Он все еще находится в больнице, когда Анна снова пишет: «Только представь, сегодня папа был одет, лежал в постели полдня и выкурил свою первую сигару» [\[12, с.236\]](#). А несколько недель спустя: «Я вижу, как он много курит, почти постоянно» [\[12, с.270\]](#).

До конца 1920-х годов интенсивная переписка имела большое значение для Анны Фрейд, во второй половине 1920-х годов письма стали реже, и в основном были написаны Саломе, которая, имея всегда отвечала сразу, и для которой Анна Фрейд приобрела значение связующего звена с внешним миром. В 1925 году Анна встречает еще одну «сестру» - Дороти Берлингем, дочь американского промышленника и фабриканта Тиффани, почитателя Фрейда, и пишет Саломе: «Тебе бы она тоже очень понравилась» [\[12, с.156\]](#). В 1929 году Дороти с детьми переехала в квартиру над домом Фрейда на Берггассе, а в 1938 году эмигрировала в Англию вместе с семьей Фрейдов. Две трети всех писем Саломе и Анна Фрейд были написаны до встречи Анны с Дороти, затем же интервалы в переписке становятся длиннее. И если раньше Анна писала Саломе следующее письмо еще до того, как Саломе успевала ответить на предыдущее, то теперь Саломе отвечает быстро, долго ожидая нового письма. Последнее письмо Анны, заканчивающееся вопросом «Как ваше здоровье?», остается без ответа: Саломе умирает 5 февраля 1937 года.

Таким образом, Лу Андреас-Саломе представляет значительную женскую фигуру в интеллектуальной картине начала XX века. Она оставила свой след в философии, литературе и психоанализе, увлечение которым позволило ей систематизировать свои знания и привело к Фрейду, который, несмотря на первоначальные сомнения, принял ее в ученицы и оценил ее интеллектуальные и личные качества. В одном из своих писем он назвал Саломе превосходным интерпретатором, а в некрологе описал ее как «удивительную женщину», которая внесла вклад в психоанализ «своими цennыми научными работами», подчеркнув: «Вряд ли я покажусь чрезмерным, если признаю, что все мы восприняли за честь ее вступление в ряды наших сотрудников и соратников и одновременно в качестве новой поруки истинного содержания аналитического учения» [\[10\]](#). Изучение их переписки подтверждает, что Саломе вдохновляла Фрейда, а тот, в свою очередь, способствовал личностному развитию Саломе и формированию ее идентичности как психоаналитика через признание ее идей. Письма Лу Андреас-Саломе и Анны Фрейд являются интересными документами своего времени, поскольку женщины вели дискуссии о культуре и философии, о Фрейде и о его заболевании, и, наконец, о психоанализе — центральном деле их жизни. Изученная переписка Зигмунда Фрейда, Анны Фрейд и Лу Андреас-Саломе образует уникальный треугольник в истории

философии и психоанализа и заслуживает дальнейшего концептуального прочтения.

Библиография

1. Эберт Х. О связи стратегии, структуры и стиля на примере "анатомии" частного письма / Х. Эберт // "Я к тебе". Издание, рецепция и комментирование писем / Под ред. В. М. Бауэра, Й. Джона, В. Висмюллера. – Серия "Германстика". – Band 62. – 2001. – 278 с. – ISBN 978-3-901064-25-8. (на нем. языке)
2. Рильке и Россия / Сост. Т. Шмидт ; пер. с нем. В. Агафонова, О. Асписова, Е. Соколова, В. Кузавлев ; ред. А. Александрова, О. Старикова ; верстка А. Епанешникова, А. Липцис, М. Кондрашова. – М. : Литературный музей, 2018. – 304 с. : ил. – ISBN 978-5-9500566-3-5.
3. Зальбер, Л. Лу Андреас-Саломе / Л. Зальбер. – Ровольт Ташенбух Ферлаг, 1990. – ISBN 13: 978-3499504631. (на нем. языке)
4. Андреас-Саломе Л. Эротика / Бочкирева М. М., пер.; Сироткин С. Ф., Чиркова И. Н., ред. // Лу Андреас-Саломе. Собрание трудов. – Эрго, 2011. – 80 с. – ISBN 978-5-98904-112-1.
5. Андреас-Саломе, Л. Очерки и эссе. Т. 2: "Идеал и аскеза" (Философия) / с комментариями и послесловием Х. Р. Шваба. – 2-е исправленное изд. – В кн.: Сочинения и письма Лу Андреас-Саломе. – 352 с. (на нем. языке)
6. Вельш, У. Лу Андреас-Саломе. От "близнеца по уму" Ницше к "интерпретатору" Фрейда / У. Вельш // DOI: 10.30965/9783846749586_012 (на нем. языке)
7. Фрейд, З., Андреас-Саломе, Л. Переписка / Под ред. Э. Пфайффера. – Франкфурт-на-Майне: С. Фишер Ферлаг, 1966. – 293 с. (на нем. языке)
8. Андреас-Саломе, Л. Моя благодарность Фрейду. Открытое письмо профессору Фрейду по случаю его 75-летия / Л. Андреас-Саломе. – Вена: Международный психоаналитический издательский дом, 1931. – 127 с. (на нем. языке)
9. Андреас-Саломе, Л. В школе у Фрейда: Дневник 1912/13 года / Под ред. М. Клеманна. – 2017. – 246 с. – ISBN 978-3937211503. – (Дневники и письма). (на нем. языке)
10. Фрейд, З. Художник и фантазирование: сборник работ / Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева, А.М. Кессель. – М.: Республика, 1995. – С. 350-351.
11. Рильке, Р. М., Андреас-Саломе, Л. Переписка / Р. М. Рильке, Л. Андреас-Саломе. – 643 с. – ISBN 978-3458059868. (на нем. языке)
12. Андреас-Саломе, Л., Фрейд, А. "...словно я вернулась к отцу и сестре": Лу Андреас-Саломе – Анна Фрейд. Переписка 1919–1937 / В 2-х томах. – Гётtingен: Вальштейн Ферлаг, 2001. – 907 с. – ISBN 9783892442134. (на нем. языке)

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья является примером «камерного» исследования в полне определённого явления истории культуры, которое, тем не менее, может быть интересно самому широкому кругу читателей. Одна из причин этого – сама личность Лу Андреас-Саломе и не утихающий читательский интерес к главному из рассматриваемых в статье её корреспондентов – Зигмунду Фрейду, другая – простота, ясность и, в то же время, содержательная глубина и верно найденный автором стиль этой небольшой научной

работы, несомненно, заслуживающей публикации в научном журнале. Конечно, даже в очень хорошей статье рецензент должен отметить недоработки и упущения. В данном случае хотелось бы порекомендовать автору расширить список источников, чтобы получить возможность более основательно «вписать» рассматриваемый феномен переписки трёх исключительно оригинальных деятелей культуры своего времени в его исторический и интеллектуальный контекст. Думается, даже «камерная» статья требует указания на связи рассматриваемого предмета с другими духовными веяниями эпохи, а также влияние на более поздние явления истории культуры. Вряд ли дополнительную информацию следует «точечно» вводить в текст, скорее, можно было бы заново написать концептуальное заключение к статье, лаконично определяющее место рассматриваемой в статье переписки в духовной жизни Европы этого исторического периода. Далее, статье присутствует несколько очень тонких замечаний о специфике эпистолярного жанра, их можно расширить, чтобы читатель яснее увидел, какие именно стороны жизни наших корреспондентов открываются в их переписке. В некоторых фрагментах, особенно, в самом начале статьи встречаются выражения, которые читателю, наверняка, захочется «поправить». Например, вместо «интерес к преобладающим философским дискурсам рубежа веков» можно было бы поставить «интерес к философским дискуссиям, которые имели место на рубеже 19–20 веков», а «сегодня мы ассоциируем ее имя...», конечно, необходимо заменить на «её имя ассоциируется сегодня», ведь это не «мы ассоциируем», а так сложилась история культуры, что оно само «ассоциируется». Встречаются и пунктуационные погрешности: «работы о Лу Андреас-Саломе прежде всего повествуют...» (почему нет запятых?); «и в основном были...» (то же самое) и т.п. Кажется, в некоторых случаях имеются опечатки («написаны Саломе, которая, имея всегда отвечала сразу, и...» – «которая, имея время, всегда отвечала...»; «письма Лу Андреас-Саломе и Анны Фрейд являются...» – «являются»). Высказанные замечания, однако, не являются препятствием к публикации статьи, поскольку автор в рабочем порядке может расширить список источников, внести дополнительную информацию в текст и более тщательно отредактировать его.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Аминов Э.Ф. Полифонический принцип и деконструкция субъективности: апории постмодернистской множественности // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76773 EDN: KIATUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76773

Полифонический принцип и деконструкция субъективности: апории постмодернистской множественности

Аминов Эльдар Фазилович

аспирант; кафедра Онтология и теория познания; Дагестанский государственный университет

367000, Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 43А

✉ eldar@aminov.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76773

EDN:

KIATUE

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: В данной статье предпринимается систематическое исследование критических пределов и внутренних противоречий полифонического принципа в постмодернистской философии. Категория полифонии, заимствованная Бахтиным из музыкальной традиции и развитая постструктурализмом, переосмысливается с точки зрения ее апоретических структур. В центре внимания находится деконструкция картезианского субъекта и трансформация понимания субъективности от *cogito* к модели резонансного поля множественных процессов. Исследуется три взаимосвязанных измерения этой трансформации: темпоральное (деррианский анализ автоаффекции, делезовские синтезы времени), аффективное (спинозовская философия аффектов, фукольдианские техники себя) и событийное (делезовская концепция преиндивидидуальных сингуллярностей). Анализируется переосмысление оппозиции индивидуального и коллективного через делезо-гваттарианскую концепцию коллективных машин высказывания, понятие множества у Негри и Хардта, а также симондонскую теорию индивидуации. Рассматриваются этические импликации

полифонического принципа: левинасовская этика лица, деррианская концепция апоретического решения и лиотаровский дифферанд. В исследовании применен апоретический метод анализа, интегрирующий деконструктивную стратегию Деррида, делезовский анализ множественности и левинасовскую феноменологию идентичности. Научная новизна заключается в систематической экспозиции трех фундаментальных апорий: самообоснования (универсальность критики универсальности), коммуникации (несоизмеримость языковых игр) и критериев (оценка без трансцендентных оснований). Демонстрируется, что эти апории представляют не внешние препятствия, а продуктивные напряжения, конституирующие динамизм полифонического мышления. Разработана концепция резонансных отношений как альтернатива модели перевода и предложена стратегия имманентной валидации. Показано, что полифонический принцип трансформирует субъективность от субстанциального субъекта к событийной кристаллизации в силовых полях. Установлено также, что задача полифонической философии состоит не в преодолении апорий, а в разработке способов продуктивной работы с ними, что открывает новые перспективы для постфункционалистской мысли в области политической философии, этики и эпистемологии.

Ключевые слова:

полифония, множественность, субъективность, апория, деконструкция, постмодернизм, дифферанд, индивидуация, событие, несоизмеримость

Полифонический принцип, заимствованный из музыкальной теории М. М. Бахтиным^[1] и впоследствии развитый в постструктуральной философии, представляет собой одну из наиболее влиятельных концептуальных рамок для осмысливания множественности в современной философии. Однако за несколько десятилетий своего развития эта концепция столкнулась с рядом фундаментальных противоречий, требующих систематического анализа.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью критического переосмысливания оснований полифонического мышления в контексте современных философских дискуссий о субъективности, множественности и справедливости. В то время как значительная часть литературы посвящена конструктивным аспектам полифонии, вопрос о внутренних пределах и противоречиях этого подхода остается недостаточно проработанным. При этом качественное понимание полифонии (где качественный подход не исключает, а органично дополняет количественный анализ множественности в тех контекстах, где последний применим) требует именно экспозиции ее апорий, поскольку продуктивность философской концепции измеряется не только ее объяснительной силой, но и способностью работать с собственными противоречиями.

Проблема исследования формулируется следующим образом: каковы критические пределы полифонического принципа и как внутренние апории этого принципа соотносятся с его продуктивными возможностями? Более конкретно: как полифонический принцип может обосновать собственную универсальность, не впадая в противоречие? Как возможна коммуникация при принципиальной несоизмеримости дискурсов? На каких основаниях можно проводить оценку и различение при отказе от трансцендентных критериев?

Научная новизна работы заключается в систематической экспозиции трех фундаментальных апорий полифонического принципа и демонстрации их продуктивного

характера. Важно подчеркнуть, что термин «полифония» здесь используется как концептуальная метафора для обозначения множественности без иерархического подчинения голосов единому центру, что создает определенное терминологическое напряжение между музыкальным происхождением термина и его философским применением. Это напряжение, однако, является продуктивным, поскольку само указывает на центральную проблему работы: как можно говорить о множественности, сохраняя при этом возможность философской артикуляции? Структура статьи последовательно развертывает проблематику от деконструкции субъекта через этические импликации к критическому анализу апорий, завершаясь рассмотрением продуктивности этих противоречий для постфункционалистской мысли.

1. Деконструкция картезианского субъекта: темпоральность, аффективность и событийность

Полифонический принцип радикально трансформирует понимание субъективности, замещая картезианскоe *cogito* моделью субъективности как резонансного поля множественных процессов. Эта трансформация касается трех взаимосвязанных измерений: темпорального, аффективного и событийного.

Темпоральное измерение

Деррианский анализ автоаффекции в «Голосе и феномене» [2, с. 95-112] демонстрирует, что даже внутренняя речь лишена непосредственного самоприсутствия, будучи структурирована игрой различения. Делезовская концепция «трех синтезов времени» в «Различии и повторении» [3, с. 112-178] развивает эту интуицию. Первый синтез (привычка) конституирует настоящее через сокращение повторяющихся мгновений. Второй синтез (память) конституирует прошлое как виртуальное целое, несводимое к последовательности актуальных моментов. Третий синтез (вечное возвращение) конституирует будущее как открытость радикально новому. Субъективность кристаллизуется в пересечении этих темпоральных потоков, а не управляет ими как трансцендентальная инстанция.

Аффективное измерение

Спинозовская философия аффектов, реактуализированная Делезом в «Спинозе: практическая философия» [4, с. 89-133], рассматривает субъективность через способность тела вступать в композицию с другими телами. Индивид характеризуется не сущностью или формой, а соотношениями движения и покоя, скорости и медленности [5, с. 102-115]. Встреча тел продуктивна, когда она композирует их отношения, увеличивая способность к действию; деструктивна, когда разлагает эти отношения. Фукольдианский анализ «техник себя» [6, с. 45-89] показывает историческую вариативность практик самоформирования – от античной заботы о себе до христианской исповеди и современных психотерапевтических технологий. Каждая эпоха производит специфические режимы телесности и аффективности.

Событийное измерение

Делезовская концепция «преиндивидуальных сингулярностей» в «Логике смысла» [7, с. 145-189] мыслит субъективность как кристаллизацию в точках перегиба силовых полей, а не как субстанциальную данность. Субъект – это не то, что имеет события, а то, что происходит как событие. Стюарт Холл определяет идентичность как «точки временного крепления к субъектным позициям» [8, с. 8-12] – всегда незавершенные, подвижные,

открытые для реконфигурации.

2. Коллективная субъектизация и политика множественности

Полифонический принцип требует переосмыслиния оппозиции индивидуального и коллективного. Делезо-гваттарианская концепция «коллективных машин высказывания» [9, с. 178-215] показывает, что язык не является инструментом индивидуального выражения. Высказывание «Я приказываю вам» функционирует только внутри институциональной машины (армия, школа, семья), которая распределяет субъектные позиции и наделяет их специфической силой, а концепция «множества» (multitude) у Негри и Хардта [10, с. 112-167] переносит эту логику в сферу политической философии. Множество противопоставляется народу: если народ конституируется через гомогенизацию и исключение, то множество сохраняет внутренние различия как источник политической силы, это не сумма индивидов и не масса, а форма коллективной субъективности, где сингуларности взаимодействуют без подчинения единой идентичности.

Симондонская концепция индивидуации [11, с. 89-156] требует более пристального внимания, поскольку она выводит проблематику коллективной субъективности за пределы социологических описаний, располагая ее в горизонте фундаментальной онтологии. Преиндивидуальное у Симондона – это не примордиальное единство, предшествующее различию, и не трансцендентный план, возвышающийся над эмпирической множественностью. Оно представляет собой метастабильную систему, насыщенную потенциалами, которая разрешается в процессе индивидуации, оставляя при этом неисчерпаемый остаток. Это позволяет переформулировать классическую проблему индивидуального и коллективного вне рамок субстанциалистской оппозиции. Если либеральная традиция от Гоббса до Ролза полагает индивида как онтологически первичную данность, а общество – как производное от договора, то коммunitаристская критика инвертирует эту схему, утверждая конститтивную роль сообщества по отношению к индивидуальной идентичности. Симондон обнаруживает ложность самого вопроса: индивидуальное и коллективное не предшествуют друг другу, но кристаллизуются симультанно в едином процессе, где преиндивидуальное функционирует как резервуар виртуальных возможностей [11, с. 178-201]. Решающим моментом здесь оказывается тезис о принципиальной незавершенности всякой индивидуации. Актуализация никогда не исчерпывает виртуальное – каждая индивидуация сохраняет «заряд» преиндивидуального, который становится условием последующих трансформаций. Субъект, следовательно, не есть субстанция с устойчивыми предикатами, но процесс, траектория, линия изменения. Политические импликации этой онтологии радикальны: эманципация перестает мыслиться как восстановление подлинной идентичности или освобождение от внешнего принуждения. Она становится производством новых модусов существования, изобретением нешаблонных траекторий субъектизации [10, с. 234-267].

Делезо-гваттарианская теория коллективных машин высказывания [9, с. 289-312] экстраполирует эту логику на сферу дискурсивных практик. Их тезис о том, что язык функционирует не как инструмент индивидуального выражения, а как машина, распределяющая позиции высказывания, созвучен симондонскому отказу от субстанциального субъекта. Перформативная сила высказывания «Я объявляю заседание открытым» не черпается из интенций говорящего, но предполагает институциональную машину, которая легитимирует данную позицию энунциации. Здесь

обнаруживается фундаментальная деперсонализация речи: говорит не индивид, но сборка, ассамбляж, в котором индивид занимает определенную позицию.

Политическая философия Негри и Хардта [10, с. 334-389] развертывает эти онтологические интуиции применительно к анализу современных форм коллективности. Их концепт множества призван преодолеть ограничения как либерального индивидуализма, так и якобинской логики народа-суверена. Если народ конституируется через редукцию множественности к единству репрезентации, а масса означает индифферентную совокупность, утратившую всякую дифференциацию, то множество сохраняет внутренние различия как продуктивную силу. Речь идет о коллективной субъективности, где сингулярности вступают в композицию без подчинения трансцендентному единству.

Вместе с тем, теоретический статус множества остается проблематичным. Каким образом множество способно к коллективному действию без централизованной координации? Как отличить продуктивную композицию сингулярностей от деструктивной какофонии? На каком основании проводится различие между эманципаторным множеством и реакционной толпой? Эти вопросы не получают удовлетворительного ответа у Негри и Хардта, указывая на апоретическую структуру самой идеи коллективного субъекта без субъекта. К систематическому анализу этих апорий мы обратимся в четвертом разделе.

3. Этические импликации полифонического принципа: к этике различия

От универсальных принципов к сингулярному решению

Полифонический принцип делает проблематичной классическую модель этического обоснования. Кантовская этика долга, утилитаристское исчисление, аристотелевская этика добродетелей – все эти системы предполагают возможность формулировки универсальных принципов, применимых независимо от конкретных обстоятельств. Однако если каждая ситуация является сингулярной конфигурацией сил, а субъект конституируется в событии решения, то универсальные правила оказываются неприменимыми. Левинсовская этика лица в «Тотальности и бесконечном» [12, с. 234-289] предлагает радикальную альтернативу, этическое отношение возникает не из применения принципов, а из встречи с Другим, который не может быть тематизирован или понят. Лицо Другого не является феноменом – оно не дает себя в созерцании, а обращается с требованием, предшествующим любому познанию [5, с. 187-215]. Этическая ответственность характеризуется асимметрией: я отвечаю за Другого, не требуя взаимности и эта ответственность не основана на договоре, а представляет изначальную структуру субъективности – субъект конституируется как заложник Другого. Деррида же в «Политиках дружбы» [13, с. 89-145] развивает эту интуицию через концепцию апоретического решения. Подлинное этическое решение принимается в отсутствие достаточных оснований. Если решение было бы применением готового правила, оно не было бы решением, а лишь вычислением. Этичность связана с неопределенностью – необходимостью изобретать способ действия в каждой сингулярной ситуации [13, с. 178-201]. Это указывает на ответственность, которая не может быть делегирована правилу или процедуре, хотя и не означает произвола.

Важно отметить, что апоретическое решение в понимании Деррида не является произвольным актом, лишенным рациональности. Напротив, оно требует максимального усилия рефлексии, изучения контекста, взвешивания аргументов – но все эти процедуры не могут устранить момент неопределенности, который и делает решение подлинно этическим. Решение должно быть одновременно информированным и спонтанным,

обоснованным и рискованным, ответственным и уязвимым перед непредсказуемыми следствиями. Эта парадоксальная структура указывает на то, что этика различия не противопоставляет себя рациональности, но требует расширенного понимания рациональности, способной работать с неопределенностью и сингулярностью [13, с. 234-256].

Полифоническая справедливость: дифферанд и событие различия

Лиотаровская концепция «дифферанда» [14, с. 45-89] обостряет проблему справедливости в условиях множественности. Дифферанд возникает, когда стороны конфликта не имеют общего языка для его разрешения. Каждая сторона говорит в своей языковой игре, имеет собственные критерии справедливости [15, с. 67-92]. Попытка разрешить конфликт в рамках одной языковой игры совершает насилие над другой стороной, лишая ее средств артикуляции. Классический пример – конфликт между экономическим дискурсом, измеряющим ценность в терминах эффективности и прибыли, и экологическим дискурсом, апеллирующим к правам будущих поколений или нечеловеческих существ, здесь не оказывается метаязыка, который мог бы обеспечить справедливое разрешение: перевод экологических требований в экономические термины (монетизация природы) уже есть капитуляция перед экономической логикой [14, с. 112-134].

Деррида в «Силе закона» [16, с. 34-78] различает право и справедливость. Право – система установленных правил, применимых к конкретным случаям. Справедливость – опыт невозможного, требование, которое не может быть удовлетворено. Справедливость требует одновременно применения правила (универсальность) и его приостановки (внимание к сингулярности). Каждый акт суждения должен быть как законным, так и справедливым, однако эти требования несоизмеримы. Утверждение несоизмеримости не ведет к релятивизму и не означает, что все позиции равнозначны. Критерии оценки, впрочем, не могут быть установлены заранее – они возникают в самом процессе конфликта. Справедливость становится задачей изобретения новых форм артикуляции, которые могли бы дать голос тому, что было исключено из существующих языковых игр [16, с. 89-112].

Таким образом, полифоническая справедливость не означает отказа от всякого суждения или принятия принципа «все дозволено». Скорее, она требует изобретения новых форм артикуляции конфликтов, которые не редуцируют различие к тождеству, но и не оставляют стороны в состоянии абсолютной изоляции. Практики медиации, переговоров, консультаций с заинтересованными сторонами, создание гибридных дискурсов – все эти механизмы могут служить инструментами полифонической справедливости, при условии, что они сохраняют открытость для артикуляции того, что еще не получило голоса в существующих языковых играх [17, с. 145-178]. Критерий здесь процедурный, а не субстанциальный: справедливым является процесс, который максимирует возможности артикуляции различий и минимизирует предварительное исключение позиций.

4. Критические пределы и апории полифонического принципа

Апория самообоснования: универсальность полифонического принципа

Полифонический принцип сталкивается с апорией самообоснования: как может критика универсальности сама претендовать на универсальную значимость? Если полифонический принцип утверждает, что всякая претензия на универсальность

является насилием над множественностью, то его собственное утверждение попадает под эту критику. Классическая логика видит здесь неразрешимое противоречие: либо полифонический принцип универсален (и тогда противоречит себе), либо партикулярен (и тогда теряет критическую силу). Однако мышление в стиле «И» позволяет увидеть продуктивность этого напряжения. Полифонический принцип остается полифоническим даже тогда, когда имеет валентность единицы. Единство здесь – не противоположность множественности, а ее частный случай. Одна стратегия работы с этой апорией – концепция «слабой универсальности», которая утверждает не определенное содержание как истинное для всех контекстов, а структуру открытости для инаковости как условие любого мышления. Эта универсальность процедурна, а не субстанциальна. Другая стратегия – понимание универсальности как события, а не данности. Полифонический принцип универсален не потому, что содержит все возможные содержания, а потому, что в каждой ситуации способен породить новые конфигурации мысли. Апория самообоснования становится одним из голосов в полифонической композиции – голосом, который не заглушает другие, а резонирует с ними, создавая более сложную гармонию мысли, вместо того чтобы требовать разрешения.

Апория коммуникации: проблема несоизмеримости

Если каждый план имеет собственную логику и критерии валидности, как возможно взаимопонимание? Лиотаровское утверждение несоизмеримости языковых игр [14, с. 178-201] ставит под вопрос саму возможность коммуникации. Если научная языковая игра и этическая языковая игра принципиально несоизмеримы, то на каком основании можно критиковать сциентизм? Полифоническое мышление предлагает решение через концепцию резонансных отношений. Коммуникация происходит не через перевод готовых смыслов из одного кода в другой, а через создание новых смысловых возможностей в зонах соприкосновения. Каждая встреча дискурсов порождает уникальное событие смысла, не принадлежащее ни одному из исходных дискурсов.

Гадамеровская герменевтика «слияния горизонтов» [17, с. 234-278] описывает похожий процесс: понимание не восстанавливает исходную интенцию автора, а создает новый горизонт смысла, где встречаются традиция текста и ситуация интерпретатора. Этот третий горизонт не редуцируется к простой сумме двух исходных. Рикер в «Конфликте интерпретаций» [18, с. 89-134] предлагает концепцию «продуктивного конфликта»: различные герменевтические стратегии (психоанализ, феноменология, структурализм) не синтезируются в метатеории, однако их конфликт производит более богатое понимание текста. Полифония означает не гармоничное согласие, а продуктивное напряжение между несводимыми перспективами.

Апория критериев: проблема оценки и различия

Отказ от трансцендентальных оснований порождает вопрос: как отличить продуктивные конфигурации от деструктивных, творческие трансформации от хаотических изменений? Если все голоса равноправны, то как критиковать фашистский дискурс или расистскую идеологию?

Попытки установить имманентные критерии различия продуктивных и деструктивных конфигураций сталкиваются с методологическими трудностями, о чем свидетельствует неразработанность этой проблематики даже у ведущих теоретиков множественности. Опасность релятивизма особенно остра в политическом контексте: полифоническое мышление может быть использовано для легитимации любых партикулярных требований.

Выход намечается через концепцию имманентной валидации. Критерии не привносятся извне как трансцендентные нормы, а возникают в самом процессе взаимодействия. Продуктивность конфигурации измеряется ее способностью генерировать новые возможности мышления, чувствования, действия. Продуктивные конфигурации характеризуются открытостью для неожиданных соединений, готовностью к самотрансформации, способностью порождать различия. Деструктивные образования стремятся к замыканию перспектив, фиксации идентичностей, подавлению инаковости. Важно понимать, что это различие процессуально, а не субстанциально. И то, что в одном контексте функционирует как продуктивная сила, в другом может стать препятствием. Критерий темпорален: продуктивно то, что открывает будущее, расширяет горизонт возможного; непродуктивно то, что его закрывает. Спинозовская концепция аффектов [5, с. 187-234] предоставляет дополнительный критерий: встреча тел продуктивна, если композирует их отношения, создавая более сложные индивидуальности, способные к разнообразным взаимодействиям. Деструктивна встреча, которая разлагает эти отношения, уменьшая способность к аффицированию и действию.

Эта логика оценки избегает как догматического морализма, так и беспринципного релятивизма. Она не предписывает заранее данные нормы, а предоставляет инструменты анализа конкретных ситуаций в их сингулярности. Она не отказывается от различия, а переносит его из сферы трансцендентных принципов в план имманентного анализа сил и их композиций.

Заключение

Исследование пределов и апорий полифонического принципа обнаруживает, что эти трудности представляют собой продуктивные напряжения, конституирующие динамизм полифонического мышления, а не внешние препятствия, требующие устранения. Апория самообоснования демонстрирует принципиальную незавершимость любой легитимации. Апория коммуникации обнаруживает творческий потенциал межкультурных встреч. Апория критериев свидетельствует о событийной природе истины. Трансформация субъективности, которую влечет за собой полифонический принцип, радикальна: от картезианского *cogito* к множественной субъективации, от субстанциального субъекта к событийной кристаллизации в силовых полях, от индивидуальной автономии к коллективным машинам высказывания. Эта трансформация переопределяет субъективность как процесс, а не данность, вместо того чтобы устраниТЬ ее.

Этические импликации полифонического принципа требуют отказа от поиска универсальных моральных законов в пользу ответственности за сингулярное решение. Этика различия указывает на необходимость изобретения способов действия в каждой уникальной ситуации, что не означает морального релятивизма. Справедливость понимается не как применение правил, а как опыт невозможного – требование, которое не может быть полностью удовлетворено, однако задает направление этического усилия.

Критические апории полифонического принципа не подлежат окончательному разрешению. Они указывают на фундаментальные напряжения, которые конституируют пространство постмодернистской мысли. Задача состоит не в преодолении этих апорий через синтетическое решение, а в разработке способов продуктивной работы с ними. Полифоническое мышление предлагает не новую систему истин, а альтернативный способ организации мысли – способ, который способен работать с множественностью, не редуцируя ее к единству и не распыляя в хаотической дисперсии.

Практические импликации данного исследования распространяются на несколько

областей. В политической философии полифонический подход предлагает альтернативу как либеральному индивидуализму, так и коммунитаристскому холизму, открывая перспективу демократии множества, основанной на признании продуктивности конфликта. В этике он указывает путь между универсалистским абсолютизмом и культурным релятивизмом через концепцию ситуативной ответственности. В эпистемологии полифонический принцип позволяет переосмыслить отношения между различными дисциплинами и дискурсами не как конкуренцию за истину, а как резонансное взаимодействие, порождающее новые смысловые конфигурации. Будущие исследования могут развить эти интуиции в направлении конкретных практических приложений: от разработки процедур принятия решений в мультикультурных обществах до создания институциональных форм, способных работать с множественностью без ее подавления. Ключевой вопрос здесь – как институционализировать апорию, не устранивая ее продуктивного напряжения? Этот вопрос остается открытым и требует дальнейшей философской и практической проработки.

Необходимо, однако, ввести существенное уточнение относительно нормативного статуса полифонического принципа. Утверждение равноправия голосов не следует понимать дескриптивно, как констатацию фактического равенства. В действительности различные дискурсы располагают несоизмеримыми ресурсами: институциональной поддержкой, символическим капиталом, доступом к каналам производства и циркуляции знания. Академический дискурс, медицинская экспертиза, юридическая аргументация обладают легитимностью, которой лишены альтернативные формы знания – будь то народная медицина, локальные практики или маргинализированные интеллектуальные традиции.

Полифония как нормативный принцип предполагает не наивный плюрализм, игнорирующий эти асимметрии, но критическую работу по выявлению властных отношений, структурирующих поле возможных высказываний. Задача полифонической философии – не механическое уравнивание всех позиций, но создание условий для артикуляции тех голосов, которые систематически исключаются из доминирующих режимов истины. Это требует сочетания герменевтической установки (понимание внутренней логики различных дискурсивных формаций) с критикой идеологии (анализ механизмов, конституирующих одни дискурсы как легитимные формы знания, а другие – как донаучные, иррациональные или маргинальные) [\[17, с. 345-389\]](#). Методологически это означает, что полифонический анализ не может ограничиваться нейтральным описанием существующих дискурсов. Он должен включать критическую генеалогию, эксплицирующую исторические условия, при которых определенные формы знания получают привилегированный статус, в то время как альтернативные традиции подвергаются эпистемологической дисквалификации. В этом отношении полифония представляет собой не столько теорию множественности, сколько критический проект, направленный на расширение пространства легитимных артикуляций и демократизацию эпистемологического режима.

Библиография

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с. EDN: VQMUUV.
2. Деррида, Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. с фр. С. Г. Калинина, Н. В. Суслова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
3. Делез, Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с. EDN: TCNXLB.
4. Делез, Ж. Спиноза: практическая философия / пер. с фр. С. Ермаков. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 256 с.

5. Спиноза, Б. Этика / пер. с лат. Н. А. Иванцова. – СПб.: Аксиома, 1993. – 250 с.
6. Фуко, М. История сексуальности – III: Забота о себе / пер. с фр. Т. Н. Титовой, О. И. Хомы. – Киев: Дух и литература, 1998. – 288 с.
7. Делез, Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с. EDN: QXABFT.
8. Холл, С. Вопросы культурной идентичности / С. Холл // Логос. – 2004. – № 3-4. – С. 5-15.
9. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
10. Негри, А., Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
11. Simondon, G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information / G. Simondon. – Grenoble: Millon, 2005. – 571 p.
12. Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное. Эссе о внешности / пер. с фр. А. В. Парибка. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.
13. Деррида, Ж. Политики дружбы / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – М.: Grundrisse, 2021. – 400 с.
14. Лиотар, Ж.-Ф. Различие / пер. с фр. В. Е. Лапицкого. – СПб.: Machina, 2007. – 184 с.
15. Lyotard, J.-F. The Differend: Phrases in Dispute / J.-F. Lyotard; trans. G. Van Den Abbeele. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. – 200 p.
16. Деррида, Ж. Сила закона: мистическое основание авторитета / пер. с фр. Б. М. Скуратова. – М.: Издательский дом "ТERRITORIЯ будущего", 2014. – 96 с.
17. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
18. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2002. – 624 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья представляет собой обзорное историко-философское исследование, предметом которой является восходящий к работам М.М. Бахтина полифонический принцип, развитие которого в постструктуральной и постмодернистской философии было рассмотрено автором. Сам Бахтин, как известно, апеллировал к романам Достоевского. Полифония описывает ситуацию, когда в произведении сосуществуют множество равноправных голосов и сознаний. Каждый герой имеет свою собственную точку зрения и не подчиняется авторской воле.

Автор рецензируемой статьи стремится критически переосмыслить основания полифонического мышления в контексте современных философских дискуссий о субъективности, множественности и справедливости. Термин «полифония» он использует как концептуальную метафору «для обозначения множественности без иерархического подчинения голосов единому центру, что создает определенное терминологическое напряжение между музыкальным происхождением термина и его философским применением».

Использованная автором методология историко-философского исследования позволяет ему рассмотреть проблему критических пределов полифонического принципа и решить

вопрос о том, как внутренние апории этого принципа соотносятся с его продуктивными возможностями. Автор прав, когда утверждает, что полифонический анализ не может ограничиваться нейтральным описанием существующих дискурсов. Такой анализ должен включать критическую генеалогию, эксплицирующую исторические условия.

Выполненное автором исследование представляется достаточно актуальным по причине того, что оно затрагивает круг вопросов и персоналий, мало или недостаточно освещаемых в современной отечественной историко-философской литературе, посвященной постструктурализму и постмодернизму – например, оригинальную фигуру Жильбера Симондона (1924-1989), влияние творчества которого прослеживается в работах на только Жиля Делеза, но и Бруно Латура, Бернарда Стиглера и Юк Хуэя.

Научная новизна работы в том, что автор систематически рассматривает три фундаментальные апории полифонического принципа и демонстрирует их продуктивный характер. Согласно автору, апория самообоснования демонстрирует принципиальную незавершность любой легитимации. Апория коммуникации выявляет творческий потенциал межкультурных встреч. Апория критериев свидетельствует о событийной природе истины.

Работа выдержана в характерном для постмодернистского философствования стиле. Рецензент критически относится к большинству идей постмодернизма, но отмечает, что структура и само содержание статьи логичны и подчинены раскрытию авторской идеи. Библиография включает важнейшие для темы работы, многие из которых стали классическими для постструктуральной философии и «состояния постмодерна». Автор обнаруживает основательное знакомство с идеями Ж. Делеза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Деррида, С Холла и других мыслителей.

На наш взгляд, данное историко-философское исследование, хотя и носящее по большей части обзорный характер, рассматривает важную проблему для переживаемой современным человечеством исторической эпохи. Полифония отражает сложность, многогранность и противоречивость современного мира, в котором нет единой, абсолютной истины. Этот принцип может быть применён и к анализу социальных явлений, где различные группы и индивиды отстаивают свои интересы и ценности.

К сожалению, автор в своей статье не обратился к исследованиям В.М. Розина, который рассматривал полифоничность в философии как характеристику современного мышления в целом, как совокупность «многих разных мышлений», находящихся между собой в различных отношениях (дополнения, противостояния, независимости). С другой стороны, «нельзя объять необъятное», как утверждал никогда не существовавший Козьма Прутков.

Тем не менее, данная статья, несомненно вызовет интерес не только у специалистов в области современного любомуздрия, но и у широкой аудитории отечественных гуманитариев. Ведь искусство и литература невозможны без полифонии, которая часто становится важным художественным приемом (в «Голосах памяти» У. Фолкнера, «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, «Столпах Земли К. Фоллетта и прочих замечательных вещах). Как отмечает сам автор, «полифония представляет собой не столько теорию множественности, сколько критический проект, направленный на расширение пространства легитимных артикуляций и демократизацию эпистемологического режима». С этим утверждением, на наш взгляд, стоит согласиться.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Саяпин В.О. Жильбер Симондон и генеалогия спекулятивного реализма: онтология «доиндивидуального» // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.75717 EDN: KIHIUS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75717

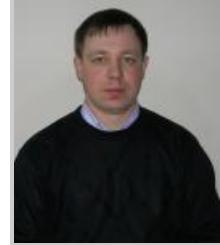
Жильбер Симондон и генеалогия спекулятивного реализма: онтология «доиндивидуального»**Саяпин Владислав Олегович**

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

[✉ vlad2015@yandex.ru](mailto:vlad2015@yandex.ru)[Статья из рубрики "Рубежи и теории познания"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.11.75717

EDN:

KIHIUS

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2025

Аннотация: Философский проект Жильбера Симондона, долгое время остававшийся малоизвестным, сегодня раскрывается как ключевое звено в генеалогии современного спекулятивного поворота. Данная статья демонстрирует, что разработанная Симондоном онтология «доиндивидуального» – метастабильного поля виртуальных потенциалов, предшествующего любой оформленной индивидуальности, представляет собой радикальный вызов антропоцентристическому корреляционизму. Через призму процессов индивидуации его мысль позволяет артикулировать реальность как независимую от человеческого доступа, предвосхищая тем самым центральный пафос спекулятивного реализма по преодолению «коперниканской революции» Канта. Анализ Симондона, технических объектов и нечеловеческих форм жизни предлагает конкретную феноменологию «мира-без-нас» служащую мостом между спекулятивной теорией и эмпирическим исследованием, и находит прямое продолжение в четырех основных ветвях спекулятивного реализма: спекулятивном материализме Мейасу, объективно-

ориентированной онтологии Хармана, трансцендентальном материализме Гранта и трансцендентальном нигилизме Брасье. Методологический подход исследования базируется на последовательном применении генеалогического и сравнительно-аналитического методов. Эти методы используются для системного сопоставления и онтологического моделирования положений Симондона с работами ключевых представителей спекулятивного реализма (Хармана, Мейясу, Гранта). Это позволяет концептуализировать онтологию «доиндивидуального» как основание для неантропоцентричного реализма, преодолевающего ограничения корреляционизма. Такой комплексный подход позволяет не только установить историко-философскую преемственность, но и выявить эвристический потенциал концепции «доиндивидуального» для решения проблем, поставленных спекулятивным реализмом. Актуальность и новизна исследования заключается в систематическом сопоставлении концепта «доиндивидуального» с разнообразными проектами спекулятивного реализма, объединенными критикой корреляционизма, но расходящимися в его преодолении. Если традиционные интерпретации видят в Симондоне прежде всего философа техники и культуры, то настоящая работа раскрывает его как главного предшественника нечеловеческой онтологии. Такое перепрочтение не только проясняет истоки самого «спекулятивного импульса» XXI века, но и выявляет в наследии Симондона недооцененный ресурс для философского осмысления актуальных проблем – от экологии и технологии до вопроса о статусе нечеловеческих акторов. Новизна подхода состоит в демонстрации того, как онтология процесса у Симондона предлагает альтернативу как корреляционизму, так и ригидным схемам спекулятивной метафизики, открывая путь к динамическому и полиморфному пониманию реальности через принципы индивидуации, метастабильности и трансдукции.

Ключевые слова:

Симондон, Харман, Мейясу, Брасье, Грант, спекулятивный реализм, онтология, доиндивидуальное, индивидуация, корреляционизм

Введение

Историю развития философии на европейском континенте нередко представляют как череду радикальных смен интеллектуальных парадигм. Эти фундаментальные изменения принято обозначать термином «поворот». Суть такого поворота заключается в смещении основного вектора философского исследования. Меняется сама оптика и круг проблем, попадающих в фокус внимания мыслителей. Среди ключевых примеров называют повороты: антропологический, лингвистический и теологический. В настоящее время, судя по всему, можно говорить о новом спекулятивном повороте. Иными словами, сегодня современная континентальная философия переживает радикальный поворот к «спекулятивному реализму». Это направление бросает вызов многовековой гегемонии корреляционизма, утверждающего неразрывную связь между человеческим сознанием и бытием.

Что в данном случае хотят спекулятивные реалисты? Они хотят вернуть философии способность говорить о реальности как она есть сама по себе, независимо от человеческого восприятия, сознания и языка. Их главная цель – преодолеть корреляционизм, а именно представление о том, что мы можем познавать только отношения между мышлением и бытием, но никогда не бытие само по себе. Поэтому реальность существует независимо от нас. Мир не является продуктом нашего сознания,

социальных договоренностей или языковых конструкций. Камень был камнем до появления человека и останется им после. Человек – не центр Вселенной. Философия должна перестать быть антропоцентричной и начать исследовать мир нечеловеческих объектов, сил и процессов (от夸ков до планет, от вирусов до вымышленных персонажей). Кроме того, они критикуют Иммануила Канта (1724–1804) – основателя корреляционизма. Именно Кант, по их мнению, запер философию в «тюрьме языка и сознания», заявив, что мы познаем не «вещи-в-себе», а лишь явления, пропущенные через наши категории. Отсюда требование «спекулятивного» подхода. Необходимо строить смелые спекулятивные онтологические модели мира, которые выходят за рамки ограниченного человеческого опыта и пытаются описать реальность объективно. В итоге главная цель спекулятивного реализма – совершить «коперниканский переворот» в философии, сместив акцент с человека на реальность как таковую, и предложить новые неантропоцентрические способы ее осмыслиения.

Однако за декларативным разрывом с посткантианской традицией часто скрывается потребность в позитивной онтологической программе, способной не только отрицать, но и утверждать реализм. Именно в этом контексте наследие Жильбера Симондона (1924–1989)[\[1,2,3,4\]](#) долгое время остававшееся в числе философских невостребованных идей, обретает новую актуальность. Его концепция «доиндивидуального» нередуцируемого поля метастабильных потенциалов, аффективных сил и напряжений, предшествующего любой стабильной структуре, предлагает не просто критику антропоцентризма, но и разработанный понятийный аппарат для мысли о реальности как независимой от человеческого доступа. Онтология Симондона, центрированная вокруг процесса индивидуации, позволяет переосмыслить саму материю реальности не как совокупность готовых объектов, а как динамическую и метастабильную среду, непрерывно порождающую новые структуры существования – от кристалла и живого организма до технического объекта и коллектива. Такой подход принципиально децентрирует человека, помещая его в один ряд с другими модусами индивидуации, и открывает возможность для подлинно спекулятивного мышления. А именно такого мышления, которое способно артикулировать условия существования мира «до», «после» и «вне» человека. В этом смысле Симондон оказывается не просто предшественником, но и систематическим философом, чья работа предоставляет онтологический фундамент, отсутствующий у многих современных спекулятивных реалистов.

Цель данной статьи – продемонстрировать, что философия Симондона выполняет двойную генеалогическую функцию по отношению к спекулятивному реализму: с одной стороны, она предвосхищает его основной пафос, предлагая конкретную феноменологию нечеловеческого, а с другой – служит критическим зеркалом, выявляя внутренние противоречия и ограничения некоторых его версий. Через сравнительный анализ с проектами Квентина Мейясу (род. 1967)[\[5,6\]](#), Грэма Хармана (род. 1968)[\[7,8,9,10\]](#), Иэна Гамильтона Гранта (род. 1963)[\[11,12\]](#) и Рэя Брассье (род. 1965)[\[13\]](#) мы покажем, как онтология «доиндивидуального» не только предваряет, но и потенциально обогащает современные спекулятивные дебаты, предлагая путь к процессуальному, полиморфному и нередуктивному пониманию реальности.

Онтологический проект Симондона: от субстанции к процессу

Проблема индивидуальности, что делает сущность единой и целостной, а не просто

совокупностью частей, является одной из фундаментальных и в то же время самых сложных в истории философии. Однако, как отмечал Жиль Делез (1925–1995) хотя этой темой занимались многие – от последователей Аристотеля (др.-греч. Πριστότελης, 384–322 гг. до н.э.) до экзистенциалистов, в Новое время произошел своего рода раскол [14, p. 86]. Философы и ученые стали говорить об индивидуации на разных языках: физика, биология и психология разрабатывали свои частные принципы, но не переосмысливали саму основу понятия. В результате древний философский вопрос оказался «затушеван», а не решен. Прорыв совершил французский мыслитель в области техники и технологических новшеств Жильбер Симондон, предложивший радикально новую и целостную теорию «онтогенеза». Его гениальность, по мнению Делеза, заключается в том, что он сумел синтезировать новейшие для середины XX века научные открытия в области квантовой механики и термодинамики с глубинным философским поиском. Симондон не просто дополнил старую дискуссию новыми данными, а он построил совершенно оригинальную философскую систему, в центре которой находится не готовый индивид, а непрерывный и динамичный процесс индивидуации, объясняющий, как любая индивидуальность возникает, сохраняется и трансформируется.

Итак, в своей ключевой работе «Индивидуация в свете понятий формы и информации» (2005) [14] Симондон ставит амбициозную задачу: переосмыслить с позиций современной ему физики XX века классическую философскую проблему индивидуации [15], восходящую к средневековому шотландскому теологу Дунсу Скоту (1266–1308). В этой работе Ж. Симондон представляет важнейший научный тезис, защищенный им в основной докторской диссертации по философии во Французской академии 1958 году под руководством Жоржа Кангилема (1904–1995), что аристотелевская гилеморфическая модель формы и материи является недостаточной для описания генезиса (происхождения и становления) индивидов. Иными словами, согласно гилеморфной доктрине Аристотеля, любая вещь понимается как результат соединения пассивной материи (потенции) и активной нематериальной формы (акта). Симондон же, вслед за философом науки Гастоном Башляром (1884–1962) понимает эту гилеморфическую схему как операциональный инструмент. Однако он показывает, что она не объясняет, как именно происходит становление (индивидуация) нового индивида, а лишь констатирует наличие уже готовых составляющих. Критика Симондоном гилеморфической схемы – это не просто частный эпизод в истории философии, а фундаментальный вызов всей западной метафизической традиции. Он выявляет центральную апорию (логическую трудность): невозможно объяснить процесс становления и генезиса индивида, если исходить из уже готовых сформировавшихся сущностей, будь то материя или форма. В результате его проект выходит далеко за рамки эпистемологии (теории познания). Его конечная цель – онтологическая реформа, создание новой теории, которая позволит мыслить индивида не как статичную субстанцию, а как результат непрерывного процесса индивидуации. Эта критика затрагивает не только Аристотеля, но и субстанциалистскую физику и даже кантовскую трансцендентальную философию [16, с. 210–224], построенную на дуализме формы и содержания, предлагая вместо них динамическую и процессуальную онтологию.

Очевидно, что Аристотель становится главным интеллектуальным оппонентом и «привилегированным собеседником» Симондона в его проекте создания процессуальной онтологии. Критикуя центральную для аристотелевской физики пару «материя и форма», Симондон одновременно отталкивается от нее и ведет с ней «диалог» особенно в части понимания принципа индивидуации. Однако если его работа представляет собой систематический разрыв с гилеморфной парадигмой и полный отказ от понятия

субстанции, то закономерно возникает вопрос: можно ли вообще говорить о каком-либо «аристотелизме» Симондона? Парадоксальным образом ответ, вероятно, будет положительным, хотя и с серьезной оговоркой. Несмотря на радикальный отказ от гилеморфизма, Симондон не порывает полностью с аристотелевским понятийным аппаратом. Он переосмысливает и переводит его на язык современности. Так, понятие «формы» трансформируется у него в «информацию», а ключевая для Аристотеля концепция «потенциала», которая имеет некоторую аналогию с концепцией «динамики» (греч. δύναμις «сила», «мощь») находит свое отражение в симондонианском внимании к «доиндивидуальному полю» и внутренним потенциалам системы. Поэтому, резко выступая против аристотелевской физики, Симондон косвенно заимствует и творчески развивает заложенные в ней идеи о движении и становлении, создавая на её обломках свою собственную «нередукционистскую онтологию процесса».

Следует признать, что Симондон в своей процессуальной онтологии предпринимает масштабную попытку не просто обновить классическую проблему индивидуации, унаследованную от Дунса Скота с помощью современных ему научных парадигм (квантовой механики, кибернетики), но и предлагает совершенно оригинальный метод. Его ключевая идея заключается в том, чтобы начать анализ с простейших физических сущих и их становления, а затем, используя эти модели как парадигмы, осмыслить индивидуацию более сложных витальных, психических и коллективных образований. При этом само «сущее» (*être*) понимается им не как готовый индивид, а как изначальное доиндивидуальное поле потенциала^[4,р.58], располагающееся между материей и формой, которое существует «до», «в процессе» и «после» фазы индивидуации. В результате любая индивидуальность для Симондона по своей сути множественна и может быть понята только через призму своего конкретного «режима» становления^[4,р.32]. Именно поэтому он отказывается от традиционного термина «этовость» (*haecceitas*) в пользу понятия Дунса Скота «вотность» (*esceité*), смешая акцент с абстрактной этовости на конкретное «вот-здесь-бытие», возникающее в акте индивидуации. В итоге реальность для Симондона – это не совокупность отдельных субстанций, а сеть отношений, где каждое отношение является модусом самого сущего, а не просто связью между независимыми терминами^[17,с.430].

В своей философской стратегии Симондон сознательно выбирает в качестве отправной точки модель физического бытия – процесс кристаллизации^[4,р.26]. Этот пример служит ему мощным инструментом для радикального пересмотра традиционной гилеморфической схемы, унаследованной от Аристотеля. Кристалл становится для него не просто объектом изучения, а ключевой парадигмой, которая позволяет выявить ограниченность субстанциалистского мышления, доминировавшего в западной метафизике. Через призму кристаллизации Симондон показывает, что становление индивида нельзя свести к простому соединению заранее данных пассивной материи и активной формы. Это динамический, непрерывный и самоподдерживающийся процесс, в котором «структура» (форма) возникает имманентно из внутренних напряжений системы, а не привносится извне. Симондон подвергает критике как Дунса Скота, так, и опосредованно, Аристотеля за то, что они помещают операцию индивидуации в «темную зону», не подлежащую анализу. В их подходе индивидуация оказывается чем-то, что нужно реконструировать, исходя из уже завершенного индивида. Симондон же утверждает обратное: не индивид является первичной реальностью, а сам процесс индивидуации. Он предлагает совершить «онтологический переворот»: не искать принцип, который объяснял бы «готового» индивида, а признать, что онтологический приоритет принадлежит самому становлению. Другими словами: «Постулатом в поисках принципа индивидуации

является то, что принцип индивидуации – это то, что принцип индивидуации – это принцип, а не принцип индивидуации имеет принцип. В самом этом понятии принципа есть определенный характер, который предвосхищает понятие принципа индивидуации и в определенной степени вытекает из обратного генезиса, из перевернутого онтогенеза»[\[4,п.23\]](#). В данном контексте, как утверждает Симондон, во все времена существует не индивид, а индивидуации. Именно индивидуация несет онтологическую нагрузку. И постулатом в таком поиске принципа индивидуации является то, что у индивидуации есть принцип. Больше нет необходимости искать первый принцип бытия, предшествующий его становлению. Объект всегда является объектом незавершенного исследования. Он есть в индивидуации, которая полностью познаваема, хотя и никогда не завершается. Поскольку нет сформированного индивида, которого можно было бы познать, больше нет и различия между субъектом и объектом, между наблюдателем и наблюдаемым, а есть только индивидуации, связанные по составу[\[4,п.26\]](#).

Критика Симондона направлена на фундаментальное противоречие традиционной философии: невозможно объяснить процесс становления (индивидуацию) исходя из уже готовых сформировавшихся принципов или индивидов. Это все равно, что пытаться понять возникновение чего-либо заранее, имея его в качестве причины. Такой подход создает замкнутый круг, где объясняющий принцип сам требует объяснения. Чтобы разорвать этот порочный круг, Симондон вводит ключевую операцию «трансдукции»[\[4,п.23\]](#). Трансдукция – это не дедуктивный вывод из общих принципов и не индуктивное обобщение частных случаев. Это имманентный процесс, в котором разрешающая структура или принцип возникают из самих напряжений проблемной ситуации. Трансдукция представляет собой прогрессирующее движение, которое устанавливает соизмеримость между различными и даже неизмеримыми порядками реальности (физическими, биологическими, ментальными, социальными) через изобретение новых способов измерения и организации. Именно в этом Симондон видит ограничение кибернетики: она рассматривает передачу информации как простое перемещение готового сообщения, а не как трансдуктивную операцию, которая активно преобразует саму структуру взаимодействующих систем. Этот процесс лишен заранее заданной формы или линейной детерминации[\[4,п.35\]](#). Он представляет собой имманентное разрешение внутренних напряжений системы, в ходе которого одновременно и творчески порождаются как индивид, так и его ассоциированная среда – два неразрывных полюса единой операции становления.

Следовательно, Симондон предлагает онтологию, в которой бытие понимается не как статичная данность, а как непрерывная и самоорганизующаяся динамика трансдуктивных операций. Структура процесса не предшествует его развертыванию, а возникает из его собственного движения, определяя каждый следующий шаг через актуальное состояние системы, подобно тому, как растущий кристалл спонтанно организует свою структуру, используя потенциал окружающего раствора. Вместе с тем этот переход от субстанции к процессу означает, что любая оформленная и устойчивая структура (например, кристалл, живой организм или личность) понимается не как замкнутая в себе сущность, а как временное, относительное и всегда незавершенное состояние в рамках продолжающегося становления. Индивид – это не исходная точка, а результат и одновременно фаза процесса разрешения внутренних напряжений и проблематизации, имманентных самой реальности. Такой подход позволяет Симондону преодолеть традиционные дуализмы (субъект/объект, природа/культура, материя/сознание). Индивид не противопоставлен «индивиду-среде», а является временным и неустойчивым результатом ее взаимодействия с доиндивидуальным полем.

Таким образом, реальность, с позиции Симондона, – это совокупность фаз становления, непрерывный поток индивидуаций, которые всегда незавершены и открыты для новых трансформаций. В этой связи нередукционистская онтология Симондона оказывается глубоко экологической: она описывает мир как сеть взаимозависимых процессов, где ни один элемент не существует самостоятельно, а только в отношении к другим и в состоянии постоянного становления. Этот отказ от субстанциального мышления и переход к процессуальной онтологии позволяют увидеть в Симондоне «посткорреляциониста до корреляционизма» – мыслителя, который еще до формулировки самой проблемы корреляционизма предлагал через радикальный пересмотр традиционной онтологии путь ее преодоления. В то время как последующая философская традиция, в частности, Мейясу в работе «После конечности: Эссе о необходимости контингентности» (2006)^[5] пытается разорвать «корреляционный круг» взаимообусловленности мысли и бытия через спекулятивные допущения, Симондон принципиально обходит эту проблему. Он смешает акцент с отношения между субъектом и объектом на имманентные процессы индивидуации, которые предшествуют самому разделению на мысль и мир. Его онтология процесса становится альтернативой как корреляционизму, так и наивному реализму, предлагая третий путь – мышление бытия как изначального доиндивидудального поля, в котором мысль и реальность возникают как сопряженные результаты единых процессов трансдукции.

Симондон как «посткорреляционист до корреляционизма»: онтология процесса против «круга соотнесения»

Итак, это парадоксальное определение «посткорреляционист до корреляционизма» подчеркивает уникальность позиции Симондона в истории философии XX века. Чтобы понять это определение, нужно раскрыть три термина. Во-первых, понять, что такое «корреляционизм»? Это термин, введенный современным философом Квентином Мейясу для обозначения главной, по его мнению, онтологической установки всей посткантовской философии. Корреляционизм утверждает, что мы не имеем доступа к реальности «самой по себе», а только к реальности, данной нам в нашей связи с ней, в корреляции между «мышлением» и «бытием», «субъектом» и «объектом». То есть корреляционизм – это философская идея о том, что мы не можем познать мир «как он есть на самом деле». Вместо этого мы имеем доступ только к тому, как мир является нам через наше восприятие, мышление или язык. Например, мы видим дерево не как «дерево-в-себе», а как «дерево-для-нас» или по-другому, через призму наших чувств, понятий и опыта. Этот подход стал центральным после Канта, который утверждал, что мы познаем не вещи сами по себе, а лишь их явления. Такие направления, как феноменология (Эдмунд Гуссерль (1859–1938)) или герменевтика (Мартин Хайдеггер (1889–1976)) также исходят из того, что реальность всегда дана нам в связи с нашим сознанием или интерпретацией. Проще говоря: корреляционизм – это позиция, которая определяет, что реальность недоступна напрямую. Мы всегда имеем дело только с ее субъективным отражением в нашем сознании.

В 2006 году Мейясу выпустил свою дебютную книгу «После конечности: Эссе о необходимости контингентности», которая оказала непосредственное влияние на всю континентальную философию и катализировала формирование движения спекулятивного реализма. Кроме того, в этой работе он поставил цель – преодоление корреляционизма^[5, с.15] – доминирующей в посткантианской философии установки, согласно которой мы можем познавать только корреляцию между мышлением и бытием,

но не бытие как таковое. Корреляционизм, восходящий к кантовскому разделению на «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас» приводит к тому, что любое утверждение о реальности становится относительным: мы не можем выйти за пределы собственных условий познания. Как отмечает Мейясу, это порождает «Дух скептицизма», при котором любое научное или философское утверждение о мире встречается ответом: «а все может быть иначе»[\[5.c.18\]](#). Такой подход, по его мнению, открывает дорогу иррационализму и фидеизму (главенству веры над разумом), лишая науку ее главного преимущества – способности описывать мир независимо от наблюдателя. Вместе с тем в попытке спасти «научный дискурс» Мейясу предлагает реабилитировать понятие «Абсолюта», но не в его догматическом, а в спекулятивном смысле. Единственным «Абсолютом», который можно обосновать, оставаясь внутри корреляционистского круга, является, по его мнению, «абсолютная контингентность» всего сущего[\[5.c.105\]](#). Однако этот ход оказывается недостаточным: абсолютизация контингентности не позволяет сделать позитивных утверждений о бытии самом по себе, а только о его принципиальной непредопределенности. Позднее он отмечает, что математизация знания может дать «ключ» к описанию независимой от мысли реальности[\[6.c.87\]](#). Однако при этом проблема разрыва между бытием и мышлением, унаследованная от Канта и усиленная Фридрихом Шеллингом (1775–1854) остается не до конца преодоленной. В результате проект Мейясу остается незавершенным. Его проект показывает границы корреляционизма, но не находит полноценного выхода к онтологии, свободной от антропоцентризма.

То есть проект Мейясу оказывается в парадоксальной ситуации: он вынужден бороться с корреляционизмом, используя его же собственные инструменты и принимая его базовые ограничения. Его стратегия заключается не в том, чтобы просто отрицать разделение между мышлением и бытием, а в том, чтобы найти внутри самого корреляционистского дискурса точку опоры для прорыва к «Абсолюту». Такой точкой, по мнению Мейясу, является фактичность самого «корреляционного круга» или то, что он контингентно устроен именно так, а не иначе. Он утверждает, что корреляционист, признавая контингентность и условность любых наших познавательных структур, невольно допускает возможность мыслить «Абсолют», но не как необходимое сущее, а как абсолютную контингентность всех вещей. Именно эта радикальная контингентность, возможность того, что все могло бы быть иначе без всякой причины, и становится для Мейясу новым «Абсолютом», который он возводит в ранг необходимого закона бытия[\[5.c.76\]](#). Однако этот ход сталкивается с серьезным возражением: можно ли из простого признания факта нашей ограниченности логически вывести необходимость абсолютной контингентности? Мейясу настаивает, что да[\[5.c.105\]](#). Поскольку сама фактичность подразумевает наш доступ к миру, что никакой необходимости в том, каков мир и каковы наши условия его познания, не существует. Вот почему единственное необходимое утверждение, которое мы можем сделать о «бытии-самом-по-себе» – это то, что оно необходимо контингентно. То есть, как отмечает Мейясу, математика становится для него моделью мышления, способного описывать контингентные структуры, независимые от человеческого сознания[\[6.c.87\]](#). Это позволяет ему надеяться на построение «спекулятивного реализма», который, оставаясь внутри критической традиции, все же сможет утверждать нечто позитивное о реальности как таковой.

Следовательно, Мейясу делает ключевой вывод: сама возможность нашего несуществования (например, смерть) не может быть просто продуктом нашего мышления или коррелятом сознания. Ведь в момент небытия сознания уже не существует, чтобы ее «соотносить»[\[5.c.105-106\]](#). Эта возможность должна быть абсолютным свойством самой реальности, ее радикальной способностью быть иной без всякой причины. Фактичность

нашего существования (то, что мы вообще есть), оказывается одновременно фактом его принципиальной хрупкости и незащищенности. Но эта хрупкость уже не просто наше субъективное переживание, а закон самого бытия. Как подчеркивает Мейясу, мы можем помыслить мир без нас только в том случае, если контингентность является необходимым свойством «вещей-самых-по-себе», а не лишь отражением ограниченности нашего познания [5.с.107]. Именно этот ход позволяет Мейясу утверждать, что он нашел «выход» из корреляционизма, не отрицая его критический пафос, а радикализируя его до уровня онтологического принципа. Абсолютная контингентность становится для него тем необходимым «Абсолютом», который одновременно описывает и нашу познавательную ситуацию, и структуру реальности как таковой. В работе «Число и сирена» (2011) Мейясу развивает эту идею, показывая, что математические структуры (например, в поэзии Малларме) [6.с.89-90] способны выражать эту абсолютную контингентность, так как они мыслят возможные миры и отношения независимо от человеческого восприятия. Поэтому математика становится моделью мышления, которое впервые оказывается способным говорить о реальном как таковом не как о корреляте мысли, а как о поле «абсолютно контингентных», но познаваемых необходимостей.

Таким образом, несмотря на всю оригинальность проекта Мейясу, его попытка вывести существование абсолютной контингентности из самого «корреляционистского круга» оказывается неубедительной. Как справедливо отмечает Харман, Мейясу действительно демонстрирует, что мы вынуждены мыслить контингентность как необходимое условие любого мышления о мире [18.р.25-30]. Однако это остается в рамках феноменологического Абсолюта категорией нашей мысли, а не свойством «бытия-самого-по-себе». Корреляционист может последовательно утверждать, что контингентность – это лишь то, как нам неизбежно является реальность, но не то, какова она на самом деле. В итоге круг корреляционизма не разрывается, а замыкается: Мейясу показывает пределы мысли, но не находит выхода к онтологии. То есть его философия остается скорее мощным инструментом критики, чем завершенной онтологической программой. Отсюда и задача будущей философии состоит в том, чтобы разработать методы такого мышления, не впадая ни в догматизм, ни в скептицизм.

Во-вторых, почему Симондон – «посткорреляционист»? Потому что его процессуальная онтология выходит за пределы корреляции субъекта и объекта. Он не начинает с уже готового отношения «человек-мир». Вместо этого он спускается на более глубокий, «доиндивидуальный уровень», из которого одновременно возникают и индивид, и его ассоциированная среда. Для Симондона первична не корреляция между двумя уже готовыми терминами (субъектом и объектом), а сам процесс, который их порождает как два полюса единого акта становления. Мы наблюдаем не объект, а фазу в процессе индивидуации, в которую мы сами вовлечены. В результате он преодолевает антропоцентризм корреляционизма, распространяя принцип становления на всю реальность – физическую, биологическую, техническую и социальную.

В чем радикальное отличие подхода Симондона от традиционного взгляда на отношение «человек и мир»? Потому что он обходит главный вопрос классической философии: «Как субъект (наше сознание) связан с объектом (миром)?». Вместо этого Симондон говорит: давайте забудем на время про это разделение и посмотрим, как вообще рождаются и субъекты, и объекты. Как это работает? Простой пример: формирование кристалла в растворе. Представим себе перенасыщенный солевой раствор. В нем еще нет ни кристалла («объекта»), ни наблюдателя («субъекта»). Есть только метастабильное поле с потенциалом к изменению. Это и есть «доиндивидуальное состояние» до появления

каких-либо отдельных индивидов (структур). В растворе возникает малейшая нестабильность (например, частица), и вокруг нее начинается процесс кристаллизации. Кристалл растет, одновременно структурируя и упорядочивая пространство вокруг себя (среду). Они возникают вместе в одном процессе. Где здесь «субъект» и «объект»? В этой модели нет изначального одинокого субъекта, который смотрит на готовый кристалл-объект. Наблюдатель-человек, который «позже придет» и увидит кристалл – это тоже результат своих собственных процессов становления (биологических, психических, социальных). И кристалл, и наблюдатель являются равноправные «индивидуами» разных, но схожих процессов индивидуации.

Что это меняет? Нет привилегированного наблюдателя: человек и его сознание – не центр Вселенной, а лишь один из многих типов «индивидуов» возникших в мире. Такая модель легко описывает процессы, которые шли до появления человека (образование планет, эволюция жизни). Поскольку они не требуют наблюдателя для своего объяснения. Они объясняются через имманентные (внутренние) процессы самоорганизации. Таким образом, Симондон – посткорреляционист, поскольку он выходит за пределы проблемы связи субъекта и объекта. Он показывает, что и то и другое – всего лишь временные результаты более фундаментальных процессов, идущих в мире. Более того, его процессуальная онтология не борется с разрывом между мыслью и бытием, а показывает, что его никогда и не было, есть лишь бесконечное преобразование, в котором мы участвуем.

В-третьих, почему Симондона называют философом «до корреляционизма»? Потому что по своей проблематике и методу Симондон оказывается ближе к докантовской философии, которая смело рассуждала о бытии самом по себе (например, Бенедикт Спиноза (1632–1677) или Готфрид Лейбниц (1646–1716)). Однако он делает это не наивно, а вооружившись достижениями современной ему науки (квантовая механика, кибернетика, термодинамика). Он не возвращается к старой метафизике субстанции, а строит новую процессуальную метафизику, которая описывает реальность «до» и «помимо» ее соотнесения с человеческим сознанием. В этом смысле он обходит корреляционистский тупик «сбоку» как бы минуя его. Отсюда и формулировка «до корреляционизма». Например, представим себе, что философы долго спорили о том, как зритель (субъект) видит фильм (объект). Корреляционисты сказали бы: «Мы не знаем, каков фильм на самом деле, мы знаем только свое восприятие его». Симондон же подходит иначе: он изучает, как вообще возникает кинопленка, проектор и зритель. То есть исследует процесс создания всей системы, где рождаются и «фильм» и «зритель» как взаимосвязанные элементы. Как это связано с наукой? Симондон использует данные из квантовой механики (где частицы – не предметы, а процессы), термодинамики (как из метастабильности рождается порядок) и кибернетики (как системы самоорганизуются). Это помогает ему говорить о реальности «до» человека: «Как образуются кристаллы?», «Как возникает жизнь?», «Как технологические объекты эволюционируют?». Все это процессы, которые идут без участия человеческого сознания. Поэтому Симондон обходит спор о «соотнесенности» мира и человека. Он показывает, что мир существовал и без нас, а наше рефлексивное сознание (*conscience*) – это лишь один из продуктов таких же природных процессов. И более того, это незавершенный процесс, укорененный в жизненной активности и ориентированный на «трансиндивидуальное»[\[3, p.203-205\]](#), чья полнота возможна лишь в интеграции с аффективными уровнями и техникой. Следовательно, Симондон «до корреляционизма», потому что возвращает онтологии право изучать бытие как таковое, но не через спекуляции о Боге или субстанции, а через анализ процессов, которые можно наблюдать в науке. Это «минуя тупик» бесконечных споров о пределах человеческого познания.

Таким образом, фигура Симондона предстает как уникальный случай «посткорреляциониста до корреляционизма» – мыслителя, который не борется с «кругом соотнесения» между субъектом и объектом, а радикально обходит его, предлагая онтологию процесса, в которой сама эта оппозиция утрачивает смысл. Его концепция «доиндивидуального поля» и «трансдукции» позволяет мыслить реальность как имманентный процесс становления, где мысль и бытие не противопоставлены, а являются сопряженными фазами единой динамики. В отличие от проекта Мейясу, который пытается спасти доступ к «Абсолюту» через гипостазирование контингентности, Симондон показывает, что контингентность – не нечто, что нужно доказать, а фундаментальное свойство самого бытия, проявляющееся в непрерывном образовании новых структур. Именно поэтому онтология процесса не только предвосхищает критику корреляционизма, но и предлагает более последовательный путь к реальности как таковой через анализ ее собственных, нередуцируемых к сознанию операций индивидуации. Вот почему его подход позволяет избежать «туников» как классического метафизического реализма, так и радикального конструктивизма, открывая путь к нередуцируемому и автономному описанию реальности. В этом смысле философия Симондона оказывается не историческим курьезом, а живым ресурсом для преодоления ограничений современной спекулятивной мысли.

Между объектом и процессом: генеалогия спекулятивного реализма сквозь призму онтогенеза Симондона

Истоки спекулятивного реализма принято связывать с конференцией, прошедшей в апреле 2007 года в Голдсмитском колледже Лондонского университета. Данное событие стало отправной точкой для формирования данного философского течения, ядро которого составили четверо выступавших: Мейясу, Харман, Грант и Брассье. Однако к настоящему времени стало очевидно, что о едином «движении» в традиционном понимании этого слова (например, феноменологическое) говорить пока еще не приходится. Парадокс заключается в том, что разговор о спекулятивном реализме следует начинать с констатации: спекулятивного реализма как цельного направления не существует. Правильнее рассматривать это явление как общий поворот или подход, поскольку авторы, ассоциируемые с брендом «спекулятивного реализма» развивают собственные, зачастую несводимые друг к другу проекты, имеющие лишь несколько точек схождения. Их принципиальные расхождения значительно, чем консенсус. Тем не менее после 2007 года «спекулятивный Дух» начал активно распространяться в академической среде.

Вместе с тем спекулятивный реализм, возникший как реакция на доминирование корреляционизма в современной философии, с самого начала демонстрировал глубокий внутренний раскол. С одной стороны, такие фигуры, как Харман, разрабатывали объектно-ориентированную онтологию, настаивая на существовании автономных, устойчивых объектов, чья реальность никогда не исчерпывается их отношениями. С другой – мыслители вроде Гранта и Брассье делали акцент на динамике, силе и процессуальности, утверждая примат становления над бытием. Этот спор между «объектами» и «процессами» быстро стал центральной дилеммой движения, определяя его внутренние границы и интеллектуальную напряженность. В этом споре онтогенетический проект Симондона предлагает не просто компромисс, а радикальный выход за рамки самой дилеммы. Его концепция «индивидуации» или процесса, в котором индивид и «индивиду-среда» возникают одновременно из доиндивидуального поля напряжений, позволяет переформулировать сам вопрос онтологии. Вместо того,

чтобы спрашивать «Что существует...?» (объекты или процессы), Симондон спрашивает «Как нечто становится...?». Этот сдвиг предоставляет мощный критический инструмент для анализа как объектно-ориентированного, так и процессуального подходов, раскрывая их общую зависимость от уже «готовых» онтологических терминов, которые сами требуют генетического объяснения. В результате Симондон не только предвосхищает проблематику спекулятивного реализма, но и предлагает более последовательную онтологию, способную преодолеть его внутренние противоречия.

Итак, с точки зрения объектно-ориентированной онтологии, разработанной Харманом, ключевая проблема традиционной философии заключается в систематическом игнорировании объекта как такового. Вместо этого философская мысль часто тяготеет к «радикальным» подходам, стремящимся редуцировать все многообразие сущего до более фундаментальных и абстрактных категорий, таких как субстанция с ее акциденциями, «мировой Дух» или космос. Подобная традиция, по мнению Хармана, осуществляет «подрыв» [7.с.7] объектов, утверждая, во-первых, что они являются лишь поверхностным проявлением некой глубинной реальности, а во-вторых, что сама концепция объекта представляет собой наивную, «народную» онтологию. В противовес этому Харман провозглашает, что абсолютно все является «объектом» – от почтового ящика и электромагнитных волн до искривленного пространства-времени и политических образований вроде Содружества наций. При этом не имеет значения, реальны эти сущности или являются плодом воображения, их онтологический статус всегда одинаков. Другими словами, согласно позиции Хармана, все сущности, будь то материальные предметы или идеальные конструкты, наделены одинаковой онтологической значимостью. Его философия провозглашает, что универсум фундаментально состоит из объектов, и их существование не обусловлено человеческим восприятием: они сохраняются в бытии независимо от того, наблюдает за ними кто-либо или нет.

Отсюда следует, что ни один объект не может быть познан исчерпывающим образом, то есть ни другим объектом и ни субъектом. Его глубинное ядро остается скрытым, ускользая от любых попыток полного постижения. Например, стол как объект существует сам по себе, даже когда на него никто не смотрит. Однако его внутренняя сущность остается недоступной. Мы взаимодействуем лишь с внешними проявлениями, видимой формой, фактурой поверхности, но не с самой «сущностью» стола. Этот принцип работает и в отношениях между объектами. Когда молоток забивает гвоздь, они вступают во взаимодействие, но при этом не раскрываются друг другу полностью. Каждый из них сохраняет свою обособленность и внутреннюю целостность, никогда не становясь всецело прозрачным для «Другого». То есть здесь концепция «плоской онтологии», являющаяся краеугольным камнем объектно-ориентированного подхода и других направлений спекулятивного реализма, постулирует принципиальное отсутствие какой-либо иерархии среди объектов. В рамках этой модели все сущности, будь то элементарные частицы, социальные институты, вымышленные персонажи или инструменты, обладают равным онтологическим статусом и существуют на одном уровне. Это означает отказ от традиционных метафизических противопоставлений, таких как фундаментальное и производное, реальное и иллюзорное, материальное и идеальное.

Необходимо подчеркнуть, оспаривая классический субстанционализм, Харман утверждает, что объекты способны формировать новые объекты в процессе взаимодействия, не нуждаясь в каком-либо субстанциальном посреднике [9.с.45]. Реальность, таким образом, состоит исключительно из объектов, количество которых бесконечно. В своей системе объектно-ориентированной онтологии Харман различает идею о том, что каждый объект состоит из четырех аспектов: (1) реального объекта, (2)

чувственного объекта, (3) реальных качеств и (4) чувственных качеств^[7]. Реальный объект: скрытая, никогда не исчерпываемая до конца сущность вещи. Например, сама по себе чаша как таковая. Реальные качества: свойства, которые присущи реальному объекту, но так же скрыты от прямого доступа. Например, конкретная форма – материал, из которого сделана чаша. Чувственный объект: то, как реальный объект является нам или другому объекту в опыте. Например, эта конкретная чаша, которую я вижу и держу в руках прямо сейчас. Чувственные качества: конкретные свойства, которыми чувственный объект обладает в нашем восприятии. Например, «белизна», «шероховатость», «теплота» этой чаши. В этом случае ключевая мысль здесь в том, что реальный объект и его реальные качества всегда остаются «в тени» и никогда не даны напрямую. Мы и другие объекты взаимодействуем только с их чувственными проявлениями, то есть с чувственным объектом и его чувственными качествами. Отсюда непосредственному взаимодействию доступны лишь чувственные объекты, своего рода «карикатуры» на реальные сущности. Например, когда хлопок горит в огне, где пламени этого огня доступна не сокровенная сущность хлопка, которая остается неприкосновенной, а лишь его поверхностные чувственные качества^[7,с.50-52]. Мы наблюдаем именно это взаимодействие и его результат – процесс горения. Этот механизм Харман определяет как «опосредованную» или «замещающую» причинность. Иными словами, акт взаимодействия возможен исключительно между ограниченными наборами качеств различных объектов или, по-другому, их упрощенными проекциями (согласно Харману, близко к гуссерлевским «интенциональным объектам»). Основные положения этой теории, а также расхождения между различными ответвлениями спекулятивного реализма подробно изложены Харманом в его книге «Спекулятивный реализм: введение», которая была переведена на русский язык в 2019 году^[8].

Таким образом, данная модель объектно-ориентированной онтологии исходит из принципа «неисчерпаемой глубины бытия любого объекта»^[7,с.68]: его реальная сущность всегда «изымает» себя из любых отношений, оставаясь неприкосновенной. Понятие «изъятия» заимствованное у Хайдеггера и радикально переосмысленное, означает, что объект никогда не дан другому объекту или наблюдателю целиком, а только через частичные аспекты^[10,с.235]. Поэтому реальный объект определяется своим отличием от всех тех отношений, в которые он вступает. Следствием этого является особая эпистемологическая позиция: человеческое познание способно охватить лишь отдельные аспекты чувственного объекта, что делает классическое противопоставление теории и практике нерелевантным. Причинность, по Харману, существует не объективно, а внутри пространства «ментальности» под которой понимается не только человеческое сознание, но и любая «точка зрения» объекта, вступающего во взаимодействие. В качестве одного из немногих путей косвенного доступа к реальному объекту Харман рассматривает искусство, которое функционирует не через прямое изображение, а через систему намеков, аллюзий и намеков на скрытую глубину вещей^[9,с.120-125].

Однако, если рассмотреть эту позицию через призму онтогенеза Симондона, акцент смещается со статичного существования объектов на процесс их непрерывного становления^[4,р.30-35]. Симондон развивает концепцию индивидуации, согласно которой любой объект не является заранее данным образованием, но постоянно находится в процессе становления, возникая из доиндивидуального поля через разрешение напряжений и кристаллизацию форм. В этом свете понимание объекта Харманом как устойчивой сущности приобретает динамическое измерение: то, что Харман называет «объектом», может быть переосмыслено как временная стабилизация в непрерывном процессе индивидуации. Принцип «ускользания» объекта от полного познания также

получает новое прочтение в рамках симондонианского онтогенетического подхода. Если у Хармана объект принципиально скрыт и недоступен, то у Симондона познание объекта смещается в плоскость понимания процессов его становления и трансформаций. Мы познаем не «сущность» стола, а схемы его индивидуации, историю его материального и функционального становления [4.p.55-60].

В связи с этим сопоставление объектно-ориентированной онтологии Хармана и онтогенетики Симондона выявляет фундаментальное напряжение между двумя способами мышления: онтологией устойчивых объектов и онтологией процессов становления. При этом сильная сторона теории Хармана заключается в последовательной защите, автономии и целостности объектов. Харман убедительно показывает, что вещи не растворяются полностью в своих отношениях или восприятии. Его модель объясняет устойчивость и надежность мира повседневного опыта: стол остается столом независимо от того, как мы его используем или воспринимаем. Его теория «создания пар» и эстетического доступа к объектам предлагает мощный инструмент для анализа искусства и культуры, где объекты действительно часто предстают как цельные и таинственные [7.c.120]. Что охватывает лучше теория Симондона: онтогенетический подход радикально превосходит объектно-ориентированную онтологию в объяснении изменения, развития и взаимосвязей. Для Хармана взаимодействие между объектами – это всегда столкновение их «поверхностных карикатур». Для Симондона же отношение – это сам источник бытия. Его теория не нуждается в противопоставлении «реального» и «чувственного» объекта, так как реальность есть сам трансдуктивный процесс их взаимного становления. Симондоновская схема позволяет описать, как технологический объект (например, любой технический объект) не просто «взаимодействует» со средой, а совместно эволюционирует с ней, проходя фазы перестройки индивидуации [4.p.160-165]. Это делает его подход незаменимым для философии техники, биологии и социальных наук, где процессы важнее статичных сущностей. Вместе с тем вопрос «Что лучше?» неправомерен, так как эти теории отвечают на разные вопросы. Объектно-ориентированная онтология Хармана – это метафизика бытия и пределов доступа. Онтогенетика Симондона – это метафизика становления и генезиса, где эти понятия не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. Объект Хармана может быть понят как временная стабилизация в непрерывном потоке симондонианской индивидуации. Их синтез позволяет говорить об объектах как об устойчивых, но не статичных узлах в сети процессов, сохраняющих свою автономию именно благодаря постоянному и диническому обмену с потенциальными энергиями доиндивидуального поля.

Вместе с тем центральным проектом другого спекулятивного реалиста, Иэна Гранта, является реабилитация натурфилософии как полноценной философской программы, противостоящей редукционизму кантовской традиции. Грант утверждает, например, что Шеллинг разрабатывал не просто дополнение к трансцендентальному идеализму, а радикальную философию природы, где материя понимается как активная динамическая сила – «природа творящая» («*natura naturans* ») [11.p.16]. Иными словами, это активная производящая сила, рассматриваемая как свободная причина, которая существует и действует исключительно в силу своей собственной природы. Поэтому один из важных тезисов Гранта заключается в том, что природа предшествует мышлению и определяет его, а не наоборот. Другими словами, в основу его философии положен примат природы, которая трактуется не как совокупность физических тел, а как нематериальная производящая сила, порождающая все сущее, включая мысль [12.p.70]. Природа, как полагает Грант, – это бесконечный процесс становления, возникающий из напряженного

взаимодействия положительных и отрицательных сил. Эти силы не только действуют на материю, но являются ее имманентными выражениями, что исключает дуализм формы и содержания. Грант подчеркивает, что такая онтология требует отказа от «соматизма»[\[11, p.119\]](#) (редукции природы к телам и линейной причинности) в пользу умозрительной физики, где материя сама организуется в сложные структуры. Вот почему, по мнению Гранта, этот подход сближает Шеллинга с платоновской традицией, где материя – это и «идея» и «вместилище», а не просто объект для познания.

Кроме того, Грант подчеркивает, что человеческая мысль не является персональной или обусловленной «интериорностью» (внутренним опытом). Мысль всегда объективна и возникает как один из продуктов природы наряду с другими сущностями[\[12, p.75\]](#). Это требует отказа от кантовского дуализма ноуменов и феноменов в пользу платоновского динанизма, где идеи интерпретируются как производящие причины вещей, а не абстрактные формы. Ошибка Аристотеля и Канта, по логике Гранта, заключалась в искусственном разделении физики (как учения о разрозненных вещах) и метафизики (как учения о единой причине), что привело к игнорированию имманентной продуктивности материи. В результате Грант предлагает трансцендентальный материализм, где природа становится условием возможности идеальности, а ее силы, включая «замедляющую» силу, обеспечивающую конденсацию явлений, объясняют динамику становления[\[12, p.80\]](#). В этом случае Грант в своем стремлении реабилитации реализма утверждает, что трансцендентальное явление имеет физическую основу: «Борясь в полной мере с последствиями критического поворота Канта, даже конструктивно противостоя ему, Грант пытается вывести трансцендентальный проект за пределы его идеалистических тенденций, чтобы соединить его с темным и грохочущим полем чистой «продуктивности», лежащим под всеми феноменальными продуктами. Именно из этих глубин рождаются природа, ум, общество и культура»[\[19, p.7\]](#), – подчеркивают Брайант, Срничек и Харман.

Таким образом, Грант предлагает оригинальный вариант критики корреляционизма, акцентируя его антропоцентричную сущность. Он интерпретирует приверженность субъективизму как элиминацию истинной, независимой от человека природы и возведение практического разума в ранг онтологического принципа, что превращает онтологию в этизированную феноменологию. Согласно Гранту, редукция природного порядка к человеческим описаниям не только ограничивает масштабы природного становления горизонтом человеческого восприятия, но и приписывает ему антропоморфный вектор прогресса, венчающим достижением которого объявляется сам человек, присваивающий себе порождающую активность природы («*natura naturans*»). В противовес этому реабилитация подлинной онтологии, согласно Гранту, требует радикального отказа от привилегированного статуса человека и возвращения к исследованию сферы неорганического как фундаментального условия самого мышления, ибо бытие, предшествующее мысли, является абсолютным основанием для любого возможного познания[\[12, p.82\]](#).

Отсюда, с точки зрения Симондона, проект Гранта был бы встречен с глубокой симпатией в своей попытке преодолеть корреляционизм через реабилитацию натурфилософии и утверждение первичности имманентной самопорождающей природы (*natura naturans*) по отношению к мышлению. Ключевой точкой схождения стала бы критика антропоцентризма и утверждение, что мышление и сознание не являются изначальными данностями, а возникают из более фундаментальных доиндивидуальных процессов. Симондон, как и Грант, настаивает на том, что индивидуация, будь то психическая,

биологическая или физическая, всегда является лишь фазой в продолжающемся становлении реальности, которая коренится в доиндивидуальном поле [4, р. 26], насыщенном потенциалами и напряжениями. Этот доиндивидуальный запас реальности, согласно логике Симондона, является условием возможности любого становления, включая возникновение мысли, что напрямую перекликается с тезисом Гранта о том, что «бытие предшествует мышлению». В результате оба мыслителя видят задачу философии в том, чтобы мыслить из самого первоисточника становления, а не из его готовых продуктов.

Однако Симондон, вероятно, предложил бы и более тонкий аналитический инструментарий для понимания того, как именно природа («физис») предшествует мышлению. Если Грант делает акцент на динамике положительных и отрицательных сил, Симондон описывает процесс индивидуации через понятия «трансдукции», «метастабильности» и «информации». Для него природа – это не просто слепая производящая сила, а система напряжений, которая разрешается через акты структурирования и коммуникации между разными порядками реальности. В то время как Грант, следя Шеллингу, онтологизирует силы, Симондон сместил бы акцент на отношения и операции, которые конституируют реальность в ее постоянном самопреодолении. Его концепция «психической и коллективной индивидуации» [3, р. 10] показывает, как мышление возникает не как пассивный продукт природы, а как фаза в процессе разрешения метастабильности, то есть как активный ответ на проблематичность, содержащуюся в доиндивидуальном поле. Поэтому, разделяя с Грантом цель деантропологизации онтологии, Симондон настаивал бы на необходимости прослеживать конкретные процессы трансдукции, через которые рождаются и мысль, и материя, избегая тем самым любого возврата к субстанциализму, даже под видом динамической натурфилософии.

Наконец, Рэй Брассье, известный не только как перспективный англоязычный философ, но и как переводчик французской мысли, сегодня последовательно дистанцировался от большинства современных течений, включая спекулятивный реализм, указывая на их недостаточную радикальность и непоследовательность. Он объясняет это отсутствием у них необходимой радикальности и последовательности. В своем труде «Несвязное Ничто: просвещение и вымирание» (2007) [20] философ заявляет, что современная мысль пытается уклониться от угрозы нигилизма, делая акцент на значимости смысла как фундамента человеческого бытия. В противоположность этому Брассье ставит целью развитие духа нигилизма до его конечных выводов. Интегрируя концепции французских авторов (таких как Ален Бадью (род. 1937), Франсуа Ларюэль (1937–2024) и др.) с открытиями в области когнитивных наук и натуралистического подхода, он формирует платформу радикального нигилизма. То есть он ставит под сомнение или полностью отрицает общепринятые ценности, нормы, идеалы, мораль, культуру и даже смысл жизни. «Нигилизм, – как утверждает Брассье, – это не экзистенциальное затруднение, а спекулятивная возможность. Мышление имеет интересы, которые не совпадают с интересами жизни, более того, они могут быть противопоставлены последним» [20, р. 11]. В связи с этим Брассье настаивает на существовании непреодолимого разрыва между человеческой субъективностью и безразличной, если не враждебной материальной действительностью. С его точки зрения, именно последовательный нигилизм открывает путь к постижению абсолютной истины, очищенной от антропоцентристических наслоений. Поэтому задача философии, согласно Брассье, заключается не в защите иллюзорных смыслов, а в принятии тотального «Ничто».

В рамках корреляционистского подхода Брассье выделяет три ключевых составляющих.

Прежде всего, этот подход, по его мнению, переносит акцент философского анализа с реальности, существующей независимо от мышления, на комплекс отношений между субъектом и этой реальностью, включая трансцендентальные структуры, язык, культурные и социально-исторические практики. Во-вторых, он приписывает реальности атрибуты, изначально свойственные человеку, такие как способность чувствовать, мыслить или обладать волей. В-третьих, он делает центральным объектом исследования человека, что обуславливает его ярко выраженный антропоцентризм. Вместе с тем Брассье прямо не формулирует, какой трактовки корреляционизма он придерживается, однако контекст его работы позволяет заключить, что он придерживается понимание корреляционизма, включающей все три указанных компонента. Его философский проект направлен на то, чтобы сместить акцент с человека и его взаимодействия с миром на реальность как таковую, существующую автономно от мышления и лишенную антропоморфных качеств. Особенностью позиции Брассье является акцент на противостоянии человеческой феноменальности, а именно на преодолении обыденных и психологических интерпретаций реальности в пользу научных моделей, которые, по его мнению, точнее отражают независимую от сознания действительность. Поэтому центральная задача Брассье заключается в демонстрации возможности смещения человека с центральной позиции в философии и познания реальности, не связанной с мышлением и свободной от человеческих свойств. Особое значение в его работе приобретает критика повседневных представлений о реальности и феноменальных аспектов ее данности.

Итак, трансцендентальный нигилизм Брассье проникнут глубоким пессимизмом. Брассье стремится развеять иллюзии о центральном месте человека во Вселенной, рисуя будущее человечества в мрачных тонах. Его основная цель – направить мысль на поиск бессмысленной, слепой и автономной реальности, существующей независимо от нашего сознания и подчиняющей его себе. В этой связи Брассье видит путь к преодолению антропоцентризма (корреляционизма) через синтез философии и естествознания. Ключевую роль в его аргументации играют нейронауки и элиминивизм (направление утверждающее, что феномены сознания полностью сводятся к нейронным процессам). Другими словами, Брассье предлагает радикальную программу: принять бессмысленность реальности и найти истину в объективном знании, которое описывает мир безотносительно к человеческому восприятию. При этом Брассье утверждает, что естественные науки, в частности нейронаука, являются «адекватными» в описании реальности, независимой от человеческого сознания. Под «адекватностью» он понимает способность науки объективно отражать мир благодаря строгим процедурам и критериям, в отличие от повседневных представлений, которые часто искажают реальность. В этом случае Брассье опирается на идею Уилфрида Селларса (1912–1989) о двух образах [21]: манифестном (повседневном субъективном) и научном (объективном теоретическом). Научный образ, по его мнению, должен заменить манифестный [20, p. 26], так как последний подвержен корреляционизму и антропоцентризму. Задача философии – ускорить этот процесс, используя достижения наук и математики. Для обоснования своей позиции Брассье еще дополнительно обращается и к «субтрактивной (вычитательной) онтологии» Бадью, где математика служит инструментом для очищения реальности от человеческих иллюзий [22, c. 67]. Это приводит к радикальному выводу: истинная реальность бессмыслена и безразлична к человеку, а ее познание требует отказа от удобных, но ложных представлений.

Очевидно, что позиция трансцендентального нигилизма Брассье основана на нескольких ключевых моментах, которые он не всегда подробно разъясняет, но которые важны для

его философии. Во-первых, Брассье считает, что современное естествознание, включая нейрофизиологию, опирается на математический аппарат. Это позволяет науке объективно описывать реальность, свободную от человеческих искажений. Он использует термин «вычитание» как метафору для замены повседневных представлений (манифестного образа) научными данными. Во-вторых, Брассье из философии Бадью заимствует идею онтологии как «пустого множества», что ассоциируется с нигилистическим будущим человечества, а у Ларюэля он берет концепцию унилатеральности (односторонней дуальности)[\[20, р. 147\]](#). Это означает, что «Реальное» (объективная реальность) определяет мышление, но само остается безразличным к человеческим категориям. Мысль пытается отделиться от «Реального», но «Реальное» не зависит от этого процесса. В-третьих, Брассье стремится разорвать порочный круг корреляции (взаимосвязи между субъектом и объектом). Он предлагает «хирургическое вмешательство»[\[20, р. 147\]](#) – отрыв объекта от субъекта, где объект активен, а субъект лишь пассивно отражает его воздействие. Поэтому мышление не конструирует реальность, а лишь реагирует на ее воздействие. В-четвертых, человек, согласно логике Брассье, не центр мироздания, а всего лишь «эффект» «Реального». Объекты определяют мысль, а не наоборот[\[20, р. 149\]](#). Это приводит к радикальному выводу: реальность бессмыслена и безразлична к человеческому существованию. В итоге Брассье предлагает отказаться от иллюзий антропоцентризма и принять мир таким, каким его описывает наука: холодным, пустым и независимым от нашего сознания.

Кроме того, Брассье связывает концепцию «унилатеральности» (односторонней дуальности) с процессом познания. В этой связи научный образ заменяет повседневный. То есть объективная реальность («научный образ») прорывается через субъективные человеческие представления («манифестный образ») и заставляет себя признать. Этот процесс Брассье называет «унилатерализацией» – односторонним воздействием реальности на сознание. При этом знание не является «соответствием» между мыслью и реальностью. Вместо этого оно является механизмом, через который реальность (активна) насилиственно вторгается в сознание (пассивно) и производит представления о себе. «Адекватность» означает, что научное знание отражает реальность именно потому, что ею детерминировано. Отсюда следует, что унилатеральность – это не взаимный процесс. Реальность воздействует на субъект, но не нуждается в нем. Субъект лишь обнаруживает в себе «брешь» через которую реальность проявляется, разрушая иллюзии корреляции (связи между человеком и миром). В результате унилатеральность соединяет субъект и объект без их слияния или создания третьей структуры[\[23\]](#). Они остаются разными, но действуют как единый механизм, где объект доминирует. Мысль становится «вещью» подчиненной реальности. Именно поэтому унилатеральность для Брассье – это одновременно и процесс познания, и само знание о реальности, которое ломает антропоцентризм и открывает путь к миру, независимому от человеческого сознания.

Согласно Брассье, существует фундаментальное различие между объектом (который проявляется через одностороннюю дуальность) и «бытием-ничто». Объект – это сила, которая через унилатеральность принудительно раскрывает реальность, независимую от человеческого сознания. В то время как «бытие-ничто» представляет собой глубокий уровень реальности, тотальное отрицание, связанное с космологическим вымиранием и полным исчезновением всякой возможности существования. Брассье считает: ««Опустошение» (voiding) – еще один способ описать унилатерализацию. Мы будем отличать пустоту как одностороннюю дуальность от «бытия-ничто», в котором она укоренена...»[\[20, р. 148\]](#). «Бытие-ничто» – не просто «Бытие» или «Ничто», а их

парадоксальное единство: «Бытие» постоянно разъедает само себя, стремится к «Ничто», но никогда не достигает полного уничтожения. Это драматическое напряжение пронизывает реальность и отражается в человеческом опыте как борьба между повседневными иллюзиями и научной истиной. То есть унилатеральность ведет к объекту, а объект указывает на «бытие-ничто» как на конечную истину реальности – то, что Брассье называет «Реальным».

Таким образом, если объект действует через одностороннюю дуальность, то «бытие-ничто» является его онтологическим основанием, абсолютной пустотой, которая не просто уничтожает сущее, но и раскрывает иллюзорность антропоцентрических конструкций. Брассье связывает концепцию «бытия-ничто» с научным сценарием полного вымирания – космологической эсхатологией. «Видимо, Брассье в своих размышлениях подразумевает наиболее вероятную и самую зловещую теорию об исчезновении всего – Большой разрыв»[\[24, с.140\]](#). Согласно этой модели, темная энергия приведет к ускоренному расширению Вселенной, которое завершится распадом материи, пространства-времени и фундаментальных физических взаимодействий. Это не просто гибель человечества, но тотальное исчезновение всякой возможности существования, абсолютное «Ничто». Для Брассье этот сценарий не просто гипотетичен, он уже сейчас определяет реальность. Если корреляция (связь между человеком и миром) неизбежно исчезнет, то ее, по сути, никогда и не было. Мы – «живые мертвецы», контингентные продукты безразличной реальности, обреченные на исчезновение. Философия становится инструментом принятия этой истины: она должна ускорить разрушение антропоцентрических иллюзий и помочь осознать, что «Ничто» – не будущее событие, а фундаментальное условие настоящего. Такое вымирание – это не просто физический процесс, а онтологический горизонт, который невозможно осмыслить, но можно принять как реальность, ломающую саму возможность человеческого смысла[\[20, р.229\]](#).

Можно отметить, что идея «смерти индивида» у Брассье и Симондона обнаруживает неожиданное сходство, но приводит к радикально разным выводам. Оба философа отвергают классическое понимание индивида как устойчивой замкнутой сущности. Но если Брассье видит в этом распаде конечный пункт нигилистического Просвещения, то Симондон – начало новых процессов трансформации. Иначе говоря, Брассье использует распад индивида для деантропологизации философии, подчиняя ее «голосу безразличного космоса». Симондон видит в нем условие творческой эволюции, где «смерть» индивида – лишь момент в бесконечном процессе индивидуации. Это различие отражает дилемму современной мысли: принять ли нигилизм как итог (Брассье) или как точку отсчета для новых экспериментов с реальностью (Симондон). Более того, «Ничто» у Брассье – это «доиндивидуальное» у Симондона, поскольку оба философа говорят о фундаментальном, досубъективном и доиндивидуальном уровне реальности. Однако они дают ему прямо противоположные оценки. Для Симондона это уровень жизненной силы, творчества и производства. Для Брассье это уровень смерти, распада и уничтожения. Брассье, по сути, берет онтологическую рамку Симондона (отказ от готовых индивидов, поиск лежащего в основе уровня) и наполняет ее абсолютно противоположным нигилистическим содержанием. Если Симондон – философ «жизни и техники», то Брассье – философ «смерти» и радикального нигилизма. Это сравнение показывает, как одна и та же философская проблема («Что лежит в основе индивидуального?») может привести к диаметрально противоположным выводам.

Заключение

В заключение можно сказать, что Жильбер Симондон предлагает не просто альтернативную процессуальную онтологию, а совершает радикальный переворот в самой постановке философского вопроса. Если спекулятивный реализм стремится преодолеть корреляционизм, спрашивая «Что существует независимо от нас?», то Симондон смещает акцент на процессуальность бытия: «Как нечто становится?». Такой подход позволяет выйти за тупиковые оппозиции объекта и субъекта, материи и сознания, открывая путь к подлинно нередукционистской онтологии. Его концепция доиндивидуального поля и трансдукции показывает, что реальность – это не коллекция готовых сущностей, а бесконечный процесс индивидуации, где любая структура – лишь временная стадия в непрерывном становлении. Особую силу позиции Симондона придает то, что он избегает как наивного реализма, так и радикального нигилизма. Вместо того чтобы противопоставлять человека миру или объявлять его существование бессмысленным, он вписывает мысль и жизнь в единый онтологический процесс, там, где все возникает из напряжений и потенциалов, а распад есть лишь условие нового синтеза. Онтогенез Симондона, таким образом, должен стать новой программой для спекулятивной философии: он позволит мыслить реальность как имманентное и динамичное целое, в котором человек участвует, но не господствует.

Именно поэтому наследие Симондона, сегодня оказывается не просто историческим ориентиром, а живым инструментом для философии будущего. Его идеи предлагают язык, на котором можно говорить о реальности, не упрощая ее до объектов и не растворяя в языке, а как о языке процессов, отношений и творческих переходов. В этом смысле онтология Симондона становится ключом к преодолению кризиса спекулятивного реализма, предлагая перейти от поиска «вещей-в-себе» к внимательному прослеживанию рождения структур из потенциала и возникновения индивидуального из доиндивидуального. Мы, люди, всегда участвуем в этом потоке, не будучи ни его центром, ни конечной целью. Гениальность Симондона заключается в том, что он совершил настоящий переворот в онтологии, предложив не просто новые ответы, но полностью изменив саму оптику философского вопроса. Его уникальная концепция «онтогенеза» открывает путь к радикально новому пониманию реальности не как набора статичных объектов, а как бесконечного динамического процесса, в котором материя, жизнь и мысль оказываются связаны в единую ткань «Становления».

Библиография

1. Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. *L'individu et sa genèse physico-biologique*. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
3. Simondon G. *L'individuation psychique et collective*. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
4. Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
5. Мейасу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
6. Мейасу К. Число и сирена. Чтение "Броска костей" Малларме. Москва: Носорог, 2018. 224 с.
7. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Hyle Press, 2015. 152 с.
8. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. Москва: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.
9. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2018. 152 с.

10. Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4. С. 229-248. EDN: TGWGOR
11. Grant I.H. Philosophies of Nature After Schelling. Лондон; Нью-Йорк: Continuum, 2006. 246 р.
12. Grant I.H. Does Nature Stay What-it-is? Dynamics and the Antecedence Criterion // The Speculative Turn Continental Materialism and Realism. Мельбурн, 2011. С. 66-83.
13. Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 227-262. EDN: YMICHV
14. Делёз Ж., Гваттари Ф. Desert Islands and Other Texts 1953-1974. Л.: Распространяется MIT Press, 2004. 323 р.
15. Скот И.Д. Трактат о первоначале. Москва: Изд-во "Францисканцев", 2001. 181 с.
16. Кант И. Критика чистого разума. Москва: Академический проект, 2020. 567 с.
17. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. 895 с.
18. Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. Эдинбург: Edinburgh University Press, 2011. 247 р.
19. Bryant L., Srnicek N., Harman G. Towards a Speculative Philosophy // The Speculative Turn Continental Materialism and Realism. Мельбурн, 2011. С. 1-18.
20. Brassier R. Nihil Unbound. Enlightenment and Extinction. Лондон: Palgrave Macmillan, 2007. 275 р.
21. Sellars W. Philosophy and the Scientific Image of Man // Frontiers of Science and Philosophy. Питтсбург, 1962. С. 35-78.
22. Брассье Р. Презентация как анти-феномен в "Бытии и событии" Алена Бадью // Хора. 2008. № 1. С. 63-80.
23. Брассье Р. Танатоз Просвещения // Логос. 2019. Т. 29. № 4. С. 83-106. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-4-83-104 EDN: TNJQNZ
24. Девайкин И.А. Программа преодоления корреляционизма в книге "Несвязанное Ничто: просвещение и вымирание" Рэя Брассье // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 132-146.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предпринимается попытка реконструировать отношение философской концепции Симондона к «спекулятивному реализму» (представляется правильным закавычивать это выражение, поскольку читатель философского журнала может и не знать о том, какому конкретно кругу публикаций соответствует это обозначение). В целом эту попытку можно оценить как удачную, во всяком случае, вполне компетентную, однако, знакомство с текстом побуждает высказать несколько критических замечаний. Они носят дискуссионный характер, и автор, если сочтёт целесообразным, сможет учесть их в последующих работах. Казалось бы, естественно, что в тексте статьи появляется Кант как самый «маститый корреляционист», а Симондон и современный исследователи, стремящиеся прорваться к «самой реальности», выступают единственным «антикантианским фронтом» против пресловутого отрыва «явлений» от «вещей в себе», утверждая снова возможность постижения последних методами теоретической философии. Однако при этом автор не замечает или считает возможность игнорировать весьма известное (мягко говоря) историко-философское явление –

послекантовский немецкий идеализм. Работавшие в русле этого движения мыслители не были «догматиками-метафизиками», они сохранили принципы критического метода, но при этом считали возможным возвращение к той самой «реальности», которую, якобы, навсегда изгнал из философии Кант. Как они обосновывали возможность такого подхода? Когда автор статьи противопоставляет «корреляционизм» и «антропологизму», он, кажется, не замечает того, что между ними лежит открытое Кантом обширное поле трансцендентальной философии. И когда он говорит о стремлении «новых философов» – «спекулятивных реалистов» – преодолеть зависимость от «человеческого восприятия, сознания и языка», то упускает из виду, что подобный опыт уже имел место, поскольку «сознание» у Фихте или Гегеля – это не «человеческое», а «трансцендентальное» сознание, соответственно, «корреляционизм» не всегда ведёт к «антропологизму», поскольку «субъект» не сводится к «единичному человеку». Конечно, легко было бы привести примеры того, как «изобретение велосипеда» в истории философии оказывалось полезным, а часто и просто новаторским предприятием, но недопустимо всё же умалчивать о той выросшей из кантовской философии форме «спекулятивного реализма», которая по содержательной глубине и тонкости подхода, безусловно, превосходила сегодняшние дискуссии. Ещё одно критическое замечание связано с тем, что автор, кажется, излишне непосредственно воспринимает квалификацию новоевропейской докантовской философии как «догматизма», которая, якобы, не задавалась вопросом о роли «наблюдателя» в философском познании. Прочитаем следующий характерный фрагмент статьи: «почему Симондона называют философом «до корреляционизма»? Потому что по своей проблематике и методу Симондон оказывается ближе к докантовской философии, которая смело рассуждала о бытии самом по себе (например, Бенедикт Спиноза ... или Готфрид Лейбниц ...). Однако он делает это не наивно, а вооружившись достижениями современной ему науки...». Чтобы понять, насколько далеки от «наивности» Спиноза и Лейбница, достаточно вспомнить, что у первого субъект, наблюдатель («ум») буквально «вмонтирован» в его определение атрибута, а второй утверждал невозможность обнаружения расхождений между результатами познания, полученными на основе использования «аналитического» и «синтетического» методов, то есть утверждал «изначально-перцептивную» природу реальности. Если кто-то из сегодняшних «модных» авторов поверхностно относится к истории философии, укладывая её в рубрики «догматизма» и «корреляционизма», то вряд ли мы должны следовать этой далёкой от научности манере. Наконец, из текста статьи необходимо удалить указания на годы жизни или год рождения философов, указание греческого написания имени Аристотеля, общезвестных латинских или французских терминов и другую подобную информацию, которая «засоряет» его, необходимо исправить и пунктуационные ошибки («наследие Симондона, сегодня оказывается...» – зачем запятая? и т.п.). Высказанные замечания не ставят под сомнение общий высокий уровень статьи, она может быть рекомендована к печати.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Деменёв Д.Н., Подобреева Е.К., Хисматуллина Д.Д., Копылов К.С. Экзистенциальные и социальные проблемы современной архитектуры: пути преодоления одиночества и социальной изоляции // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76517 EDN: KLWOTO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76517

Экзистенциальные и социальные проблемы современной архитектуры: пути преодоления одиночества и социальной изоляции

Деменёв Денис Николаевич

ORCID: 0000-0002-3033-8585

кандидат философских наук

доцент; кафедра архитектуры и изобразительного искусства; ФГБОУ ВО "Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова"

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ denis-demenev@mail.ru

Подобреева Екатерина Константиновна

ORCID: 0000-0002-7673-7266

кандидат архитектуры

доцент; кафедра архитектуры и изобразительного искусства; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

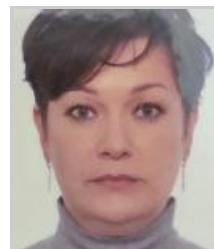
✉ mgnket@mail.ru

Хисматуллина Дина Дамировна

ORCID: 0000-0002-4454-7126

доцент; кафедра архитектуры и изобразительного искусства; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ xdd.dina@yandex.ru

Копылов Кирилл Сергеевич

ORCID: 0009-0008-3975-7867

студент; кафедра архитектуры и изобразительного искусства; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ urqs@mail.ru

[Статья из рубрики "Муки коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76517

EDN:

KLWOTO

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2025

Аннотация: На сегодняшний день проблема одиночества и социальной изоляции в условиях городской застройки становится особенно острой в контексте изменения образа жизни, цифровизации и утраты традиционных форм соседского общения. Урбанизация, цифровизация, однотипная застройка и дефицит качественных общественных пространств значительно снижают возможности для установления и поддержания социальных связей. В связи с этим, предметом исследования становится влияние архитектуры на уровень одиночества и социальной изоляции. Целью данной статьи является анализ взаимосвязи архитектурной среды и социальной изоляции с последующей разработкой рекомендаций по проектированию инклюзивных городских пространств. Рассматривая архитектуру как фактор социальных взаимодействий, особое внимание в работе уделено балансу между частными и общественными пространствами, а также принципам инклюзивного проектирования. Методология исследования базируется на последовательном применении элементов исторического подхода, историко-искусствоведческого анализа, герменевтического метода, методов сравнительного анализа и теоретического синтеза, кейс-метода (анализа конкретных архитектурных решений и градостроительных практик), а также визуального анализа некоторых общественных пространств и проектных решений, влияющих на социальную вовлеченность. Элементом новизны исследования является авторский подход, посредством которого: 1) архитектура рассматривается как социально-экзистенциальный инструмент, влияющий на качество человеческих взаимодействий в городской среде; 2) даются определения «одиночества» и «социальной изоляции»; 3) обобщается и расширяется представление о междисциплинарной природе архитектуры, соединяя философские, социологические, искусствоведческие и проектные подходы к городской среде. Теоретическая база статьи может быть использована для дальнейших исследований в области социальной урбанистики. Практическая значимость исследования заключается в предложенных авторских рекомендациях, которые могут быть применены при разработке проектов городской среды, жилых комплексов и общественных пространств, а также в образовательной деятельности для подготовки специалистов в области архитектуры и градостроительства. Фиксируется, что пространственные решения, принимаемые сегодня, определяют не только визуальный облик среды, но и качество жизни, степень участия, солидарность и ощущение принадлежности человека к обществу. Поскольку архитектура оказывает значительное влияние на формирование общественно-социальной ткани города, следовательно в будущем должна учитывать потребности всех групп населения, обеспечивать доступность, безопасность и вариативность использования среды.

Ключевые слова:

архитектура, урбанизация, одиночество, социальная изоляция, техносоциальная

реальность, инклюзивное пространство, вовлеченность, взаимодействие, коммуникация, цифровизация

Введение

Отправной точкой наших размышлений послужила живопись американского художника XX века Эдварда Хоппера (его зрелого периода творчества) – «поэта пустых пространств», излюбленной тематикой которого стал пустынный или лишенный жизни город, в котором «Одиноко застывшие неизвестные фигуры людей и четкие геометрические формы создают ощущение отчужденности, драматизма и одиночества» [1]. Художник-урбанист, Эдвард Хоппер уже тогда явился проблематизатором социального взаимодействия в городской среде, которое сегодня, в результате тотальной технологизации и цифровизации, – становится все более неоднозначным. В этом контексте нельзя не согласиться с высказыванием В.В. Бычкова: «Одно из самых сильных чувств, доставшихся нам в наследие от древности, – это предчувствие, дар пророчества, и истинный художник обладает этим чувством» [2, с. 418]. Следует отдельно отметить, что авторы данного исследования не особо ярые поклонники кисти Эдварда Хоппера, но могут сказать однозначно: в своем искусстве он почувствовал и самым непосредственным образом передал то, что мы обозначили в заглавии статьи – одну из самых актуальнейших градостроительных и социальных проблем XX–XXI века. Его живопись стала своеобразным практико-философским осмысливанием одиночества и социальной изоляции в условиях современной урбанизации и позволила на неверbalном уровне почувствовать и понять смысл данных феноменов...

Современные города становятся все более плотными, технологичными и урбанизированными, что, с одной стороны, способствует развитию комфортной среды и инфраструктуры, а с другой – усиливает тенденцию к социальной изоляции. Архитектура, являясь основным инструментом формирования городской среды, оказывает прямое влияние на характер и интенсивность социальных взаимодействий. Проблема одиночества и социальной изоляции в условиях городской застройки становится особенно острой в контексте изменения образа жизни, цифровизации и утраты традиционных форм соседского общения. Следовательно, исследование архитектурных решений как факторов, влияющих на степень социальной изоляции, представляется актуальным и социально значимым. На сегодняшний день можно отметить обилие различных направлений в исследовании данной темы, в которых зачастую прослеживаются две ярко выраженные тенденции: 1) линия, характеризующая дисциплинарные исследования, совершенствующие, уточняющие и расширяющие как теорию в целом, так и ее отдельные положения, а также понятийный аппарат [3-5]; 2) тенденция, характеризующаяся поисками междисциплинарного характера [6-8].

Целью данной работы является анализ взаимосвязи архитектурной среды и социальной изоляции с последующей разработкой рекомендаций по проектированию инклюзивных городских пространств. Предметом исследования является влияние архитектурных и планировочных решений на уровень одиночества и социальной изоляции.

Методология исследования базируется на последовательном применении элементов исторического подхода, историко-искусствоведческого анализа, герменевтического метода, методов сравнительного анализа и теоретического синтеза, кейс-метода (анализа конкретных архитектурных решений и градостроительных практик). Исходным методологическим допущением, является положение о том, что архитектура в эпоху

технологического прогресса и цифровизации может как способствовать социальной интеграции, так и усиливать чувство изоляции и одиночества. Памятуя о том, что город – это, прежде всего, «системно пространственный процесс (урбаногенез), а потом уже объект» [9, с. 39], позволим себе повторить уже известное восклицание XVII века: «Magnacivitas, magnasolitudo!» (Большой город, большое одиночество!) [10, с. 409], становящееся еще более актуальным в нашу эпоху беспрецедентного слияния технологий и социальной жизни. Следовательно, попытаемся проанализировать основные проблемы архитектурной среды и наметить пути к их преодолению.

Архитектура как фактор социальных взаимодействий

Прежде чем начинать разговор об архитектуре как одном из основных факторов социального взаимодействия или изоляции, методологически уместным будет провести краткий исторический экскурс с целью увидеть, какими разными были архитектурные решения в тот или иной период. Историческое развитие архитектуры свидетельствует о ее неразрывной связи с социальными и экзистенциальными функциями, которые она выполняла и выполняет поныне на каждом этапе развития общества. Еще в античные времена архитектура активно формировала общественные взаимодействия: агоры в Древней Греции и форумы в Древнем Риме были не просто торговыми или административными центрами, но и ключевыми точками социальной жизни. На бытовом уровне эти пространства способствовали спонтанному общению, обсуждению общественных дел и культурному обмену, играя роль «социальных концентраторов». А на уровне мировоззренческом и идеологическом, к примеру, реконструкция Акрополя в V в. до н.э. была «поддержана всеми афинянами, став выражением идеи общеэллинского единства, единства человека (свободного гражданина полиса) и государства» [11, с. 101].

Средневековые города с их узкими улицами и площадями способствовали плотному взаимодействию между жителями, однако в то же время могли создавать условия для изоляции определенных социальных групп, таких как нищие, ремесленники или иноверцы. Появление городских стен и строгое зонирование усиливали социальную и пространственную сегрегацию, подчеркивая связь между архитектурным контролем и социальной стратификацией [12, с. 17]. Однако остроту данной сегрегации сглаживала эстетическая составляющая Средневековой городской среды – искусство, которое существовало не только в церкви и которое, по меткому замечанию В.Г. Власова «еще не выделилось из других форм городских зрелиц» [13, с. 211]. Так, историк и теоретик культуры Й. Хёйзинга в своем труде «Осень Средневековья» пишет: «В те времена [...] Чувство стиля не вполне отвечало тем требованиям, которые выдвигает современное почитание Средневековья. Никакой реалистический эффект не казался чересчур грубым: делали подвижные статуи... Для представления картины Сотворения мира на подмостки доставляли живых зверей, в том числе рыб. Высокое искусство и дорогостоящий хлам преспокойно сочетались друг с другом, вызывая одинаковое изумление зрителей [14, с. 285-286]. С помощью изощренных технических устройств с башен соборов спускались и исчезали ангелы, в водах Сены резвились обнаженные девы, изображая морских сирен. На площадях перед соборами разыгрывалось множество различных мистерий, происходили диспуты и лекции, которые в целом сглаживали «острые углы» социальной и пространственной сегрегации строгого городского зонирования.

С началом индустриализации в XIX веке архитектура утрачивает ориентир на социальную интеграцию. Как справедливо указывает А.Ф. Зотов: «общество, в котором развилось

индустриальное производство, расценивает определение производства как определение самого общества. Оно понимает себя как индустриальное общество. Произошло самоотчуждение, и вместе с ним все более углубляющийся отрыв от изначальной целостности, включавшей человека как органичный компонент» [\[15, с. 425\]](#). Массовое строительство рабочих кварталов вело к формированию пространств, в которых отсутствовали элементы для общения и отдыха. Жилищные комплексы проектировались преимущественно с экономической, а не социальной точки зрения. Узкие улицы, плотная застройка и отсутствие общественных пространств стали причинами роста изоляции и отчужденности среди жителей промышленных городов [\[16\]](#).

В XX веке модернистская архитектура, вдохновленная идеями функционализма, стремилась к универсальности и стандартизации. Такие проекты, как жилой комплекс Pruitt-Igoe в Сент-Луисе (США), построенный в середине XX века (рис. 1), иллюстрируют, как архитектурные утопии оборачивались социальной катастрофой. Формально направленные на улучшение условий жизни, они на деле создавали отчужденную, замкнутую среду, лишенную живых общественных связей. Позднее этот комплекс был признан неудачным и снесен, став символом краха архитектурного модернизма в социальном аспекте [\[17, с. 11-12\]](#).

Рисунок 1 – Pruitt-Igoe в США

Справедливости ради, следует отметить, что далеко не вся модернистская архитектура несла в себе потенциал социальных катастроф. Взять, к примеру, идеи и проекты Ле Корбюзье (как частного, так и общественного назначения) или же воплощенный (хотя и не в полной мере, ввиду финансирования по остаточному принципу) проект 1-го квартала «Социалистического городка» в г. Магнитогорске немецкого архитектора Э. Майя (рис. 1). Эрнст Май применил так называемую «строчную» застройку: все окна выходили на скверы с фонтанами и зеленые зоны, а не на дороги и торцевые фасады соседних домов. В конце 1980-х годах появился план сноса и переноса всей левобережной жилой застройки как не отвечающей современным на тот момент экологическим стандартам (ввиду непосредственной близости ММК). Однако грянувший развал СССР поставил на этих планах «крест», и в условиях капиталистической общественно-экономической формации, левобережная жилая застройка «обрела вторую жизнь».

Рисунок 2 – 1-й квартал «Соцгородка» в г. Магнитогорске

Во второй половине XX века усиливается интерес к гуманистической архитектуре, ориентированной на потребности человека. Проекты с акцентом на межпоколенческое взаимодействие, создание зеленых зон, доступных пространств для досуга и общения становятся примерами новой парадигмы проектирования [18]. В частности, жилой комплекс Хундертвассерхаус в Вене и концепция «нового урбанизма» демонстрируют попытку вернуть архитектуре ее социальное измерение, ориентированное на устойчивость, инклюзивность и эмоциональный комфорт (рис. 3).

Рисунок 3 – Хундертвассерхаус в Вене

Таким образом, эволюция архитектурных решений показывает, что архитектура может как способствовать социальной интеграции, так и усиливать изоляцию. В разные периоды доминировали разные подходы: от открытых общественных пространств античности до изолированных жилых комплексов индустриального времени. Следовательно, историческая практика свидетельствует о том, что архитектура представляет собой не только совокупность функциональных и эстетических решений, но и важнейший инструмент формирования социальной среды, а следовательно, тех или иных человеческих взаимодействий в них. Пространственные структуры, созданные архитекторами, образуют особые поля, которые напрямую влияют на повседневную жизнь людей, их поведение, маршруты передвижения и возможности для общения. От

того, как организовано пространство – открыто оно или замкнуто, доступно или изолировано, – зависит характер социальных взаимодействий в городах. Качественные общественные пространства, такие как парки, площади, дворы и набережные, способствуют укреплению социальной сплоченности, предоставляя платформу для спонтанных встреч, культурных мероприятий и неформального общения. Их наличие особенно важно в условиях плотной городской застройки, где людям требуется место для отдыха, совместной активности и формирования чувства общности.

Современная архитектура возвращается к необходимости проектирования среды, ориентированной на человека, и признает значимость социальной функции пространства как одного из ключевых условий устойчивого развития города [\[19\]](#). Архитектурные решения, в которых учтены социальные аспекты, способны не только улучшить внешний облик города, но и повысить уровень социальной вовлеченности. Примером может служить преобразование заброшенных территорий в инклюзивные общественные пространства – как, например, проект High Line в Нью-Йорке (рис. 4), ставший популярным местом для прогулок и общения. Такие решения показывают, что архитектура может выступать катализатором социального взаимодействия и даже способом социальной реабилитации [\[20, с. 26–27\]](#).

Рисунок 4 – High Line

В противоположность этому, монотонные, однотипные жилые кварталы с недостатком общественных зон, как правило, усиливают отчуждение между жителями. Исследования показывают, что избыточная изоляция жилых комплексов, отсутствие точек притяжения и удобной инфраструктуры «снижает уровень доверия между соседями и ослабляет неформальные связи» [\[21, с. 5\]](#). Архитектура в таких случаях становится барьером, а не инструментом сближения. Формирование общественных пространств с учетом принципов инклюзивности позволяет обеспечить доступность городской среды для людей разных возрастов, статуса и физического состояния. При этом важно учитывать не только физическую, но и психологическую доступность: насколько человек чувствует себя желанным и включенным в происходящее [\[22, с. 61\]](#).

Таким образом, архитектура является важным посредником между индивидуумом и

обществом, а ее роль в формировании социальной структуры города требует переосмысления в сторону гуманистических и инклюзивных подходов. Успешные примеры показывают, что продуманная организация пространств может снижать уровень социальной изоляции и укреплять чувство принадлежности и взаимопонимания. Однако, урбанизация в XXI веке приобрела беспрецедентные масштабы. Рост городского населения, уплотнение застройки и формирование закрытых жилых комплексов зачастую способствуют разобщению людей и ослаблению социальных связей. В густонаселенных районах с ограниченным количеством качественных общественных пространств люди нередко испытывают одиночество, несмотря на постоянное нахождение среди других. В таких условиях даже возможность общения становится затрудненной. Особенно это касается мегаполисов, где доминируют анонимные формы существования и преобладают однотипные жилые структуры без мест для спонтанного взаимодействия.

Одиночество и социальная изоляция как спутники современных городов

Проанализировав архитектуру как особое поле, в котором разворачиваются социальные взаимодействия, а также ее эволюцию в контексте дилеммы «социальная интеграция – изоляция», далее следует сфокусировать свое внимание непосредственно на таких понятиях как «одиночество» и «социальная изоляция», которые все чаще обращают на себя внимание в условиях современного урбанизма. Как мы уже писали вначале, на неверbalном уровне с определенной долей сопереживания данные феномены помогают понять и почувствовать некоторые произведения искусства, ибо искусство позволяет прямо и непосредственно выражать сложные (душевно-духовные) аспекты бытия.

Осмысление явления одиночества прямо или косвенно отражено в фундаментальных исследованиях таких авторитетных философов XIX-XX веков, как Н.А. Бердяев, Э. Фромм, М. Бубер, С. Франк, А. Камю, Ж.П. Сартр и др. Помимо философии, данный эпифеномен цивилизации активно исследуется психологами, социологами, культурологами и др. На протяжении всей истории человеческой мысли, суть данного понятия эксплицируется неоднозначно, и в настоящее время среди мыслителей не достигнуто единства в его понимании. Тем не менее, можно предельно условно классифицировать все существующие взгляды на несколько основных групп, в зависимости от того, под каким предметным или междисциплинарным углом рассматривается одиночество: философские, социологические, психологические, гуманитарные, феноменологические, интеракционистические.

Исследуя феноменологию одиночества, В.А. Сакутин считает, что человеческая ностальгия по целостности «являет себя бесконечными ликами одиночества», главнейшей проблемой которой является «„экзистенциальная неукорененность“ человека» [23]. Представители социологического подхода пишут, что одиночество человека влияет на его жизнедеятельность в целом: «...крепнет его неуверенность в будущем, растет психологическое напряжение, что находит свое выражение во всех сферах человеческого сознания: в морали, праве, культуре и искусстве» [24]. Подразумевая под одиночеством, в основном, негативные коннотации (изоляция), данный феномен, тем не менее, также трактуется и в позитивном ключе (уединенность) – как «важный этап в понимании возможностей своего Я, процесс свободного самоопределения и самоутверждения в социуме» [25, с. 236]. Представители психоанализа также не обошли стороной данное явление. Так, З. Фрейд анализировал одиночество в контексте двух основных аспектов: во-первых, – что оно является неотъемлемой частью человеческого существования («мы входим в мир одинокими и

одинокими покидаем его») и, во-вторых, способность быть в одиночестве – связана с ранним опытом надежной поддержки со стороны матери. Исследуя одиночество в контексте проблемы смерти, Фрейд пришел к выводу, что люди боятся не столько самой смерти, сколько одиночества, ощущение которого возникает вследствие отсутствия общения, как способа подтверждения человеческого существования. Сопоставляя его анализ «меланхолии» и наиболее общие характеристики одиночества, можно констатировать, что поводы для возникновения обоих близких психических состояний дают жизненные обстоятельства, которые приносят с собой тяжелые отклонения от нормального образа жизни. И в том, и в другом случае, происходит отрыв от реальности, но благополучным исходом которого «является ситуация, когда принцип реальности одерживает победу» [\[26, с. 253\]](#).

Проанализировав ряд источников и выявив некоторые характерные особенности схожих по сути экзистенциальных проблем, можно обозначить некоторые комплементарно-корреляционные пары (как дополняющие друг друга в негативном смысле), так или иначе раскрывающие определенные философские аспекты одиночества. Первой комплементарной парой можно обозначить «одиночество↔индивидуализм». Характерной чертой последнего, получившего полное выражение в период Ренессанса и положившего начало западной цивилизации «является уважение к личности как таковой, то есть признание абсолютного суверенитета, взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования» [\[27, с. 121\]](#). Угнетение и/или нарушение второй, комплементарной к одиночеству части – индивидуальности, «самости», «Я» – и ведет к отчетливому проявлению одиночества. Понятно, что если по каким-то причинам человек не имеет возможности хоть в какой-то степени выразить свои мысли, убеждения и личный суверенитет в целом, то он особо уязвим перед «лицом одиночества».

Второй корреляционной парой можно назвать «одиночество↔отчуждение», которая в полной мере выражает отчужденность от реального мира, как форму человеческого существования в современном мире. А.А. Ивин рассматривает отчуждение как интегральную характеристику представителей открытого (индивидуалистического) общества, говорящую «об их оторванности друг от друга и от общества в целом, о глубоких, болезненно переживаемых ими расхождениях в мыслях, чувствах и поступках» [\[28, с. 244\]](#). «Отчуждение» исследователь противопоставляет «обнаженности» индивидов закрытого (коллективистического) общества, выражающей единство идеалов его субъектов. Отчуждение, в свою очередь, прокладывает пути к таким аспектам как: «бессилие», «утрата смысла», «изолированность» и «самоустранимость», вызванными к жизни неодинакостью индивидов капиталистического общества, отсутствием у них глобальной объединяющей и воодушевляющей всех цели, их неравенством, которые в совокупности «ведут, в конечном счете, многих из этих индивидов к чувству неудовлетворенности существующим порядком вещей и к ослаблению социальной коммуникации» [там же, с. 249] и далее – к одиночеству через социальную изоляцию. В противоположность первой корреляционной паре, здесь наоборот, не угнетение, а стимулирование второй, комплементарной к одиночеству части – отчуждения – чаще всего приводит к одиночеству.

Третьей и ключевой в явлении одиночества, на наш взгляд, является связка «одиночество↔свобода», которая, в свою очередь, прямо коррелирует и с первыми двумя. Свобода, как одна из сквозных, непреходящих философских проблем, наиболее

гулко отзывалась и продолжает звучать в душе и мыслях каждого человека: «Все народы, все люди, представители всех политических режимов единодушно требуют свободы. Однако в понимании того, что есть свобода и что делает возможной ее реализацию, все сразу же расходятся. Быть может, самые глубокие противоречия между людьми обусловлены их пониманием свободы [...]. Иногда даже создается впечатление, что люди совсем не хотят свободы, более того, стремятся избежать самой возможности свободы» [29, с. 22-23]. Свобода выбора как раз и наделяет феномен одиночества неоднозначностью (проблема уединенности как осознанного одиночества), в результате чего дискутирующие обычно говорят о различных его значениях и не приходят к единому знаменателю. Размышая о проблеме одиночества в нашем современном мире, нельзя забывать старого, но, наш взгляд, важного правила, сформулированного когда-то И. Кантом: «Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвала каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» [30, с. 596]. Не осознавший этой максимы, вовлекаемый в техно-социальную коммуникацию субъект, рискует столкнуться с невидимым для него барьером, который окажется большим препятствием в освоении мира. Ибо привыкший (к примеру, с детства, вследствие семейного воспитания) действовать своевольно и получать от жизни многое, наталкиваясь на непреодолимые или трудно преодолимые бытийные барьеры, может буквально впасть в состояние фрустрации от разваливающегося ощущения своей исключительности и закрыться от реального мира в своем «розовом» в «гордом одиночестве».

Соотнося данную экзистенциальную связку с первыми двумя комплементарными парами, можно утверждать, что кристаллизация одиночества в данном контексте обусловлена как угнетением второй коррелирующей части, так и ее стимулированием, в зависимости от исходного состояния психосоматической системы человека, его финансовых, интеллектуальных, творческих и иных возможностей. Ведь нельзя отрицать того факта, что в определенных случаях «скромность украшает человека», позволяя не нарушать «красные линии» другого человека или системы, что способствует социальной эмпатии по отношению к данному субъекту, неотторжению системой, а наоборот – его вовлеченности в «процессуальность бытия» [31]. В других случаях полезнее будет (и для статуса человека, и для скорейшего благополучного завершения архитектурного проекта, к примеру) не промолчать, не утаить свои интуитивные догадки и прозрения от коллектива единомышленников.

Таким образом, одиночество – это полимодальный феномен, результат утраты гармоничного восприятия реального мира, осознанно/неосознанного его отторжения, отрицательно влияющий на личность, его жизнедеятельность и проявляющийся в эмоциональном переживании своей инаковости, субъектности, а также пониманием онтологической исключенности в целом. Важнейшим же триггером для проявления одиночества, как тончайшей реакции «самости» и «эго» [32] при взаимодействии одного субъекта с другими субъектами и объектами окружающей действительности, в результате чего реципиент переводит вербальные/невербальные знаки и образы мира в свои мысли (декодирование информации) – считается осознанно или неосознанно созданная пространственная (физическая) и/или коммуникативная (душевно-духовная) изоляция человека. И та и другая прокладывают путь к социальной изоляции в целом.

Социальная изоляция представляет собой состояние, при котором человек или группа людей испытывают недостаток значимых социальных связей и взаимодействий. Согласно исследованиям, социальная изоляция тесно связана с ухудшением психического и физического здоровья, повышенным уровнем тревожности, депрессии, а также риском

преждевременной смертности [16]. Это явление охватывает широкий спектр факторов – от физической изолированности и урбанистических ограничений до психологических и культурных барьеров, препятствующих полноценному участию в общественной жизни. Особую уязвимость в условиях социальной изоляции демонстрируют пожилые люди, лица с ограниченными возможностями и молодежь. В условиях недостаточно адаптированной городской среды эти группы нередко оказываются исключенными из активной социальной жизни, что требует пересмотра архитектурных решений с позиции социальной инклюзии. С нашей точки зрения, пустота, одиночество, социальная изоляция в условиях современной урбанизации обусловлены, в первую очередь, «внешними» (по отношению к архитектуре) факторами технологизации, цифровизации и др., и «внутренними» детерминантами – эстетически неадекватной организацией архитектурной среды и пространственными барьерами.

Одним из наиболее очевидных факторов (своебразным атTRACTором) социальной изоляции становится влияние цифровых технологий, которые, наряду с другими элементами современного мира образуют совершенно новую техносоциальную реальность как «неразрывное единство и динамическое взаимодействие человека, технических систем («интерфейсов» и «со-агентов» одновременно) и социальных структур» [33]. В условиях ограниченного физического пространства люди все чаще проводят время в виртуальной среде. Как показали результаты опроса, значительное число пользователей социальных сетей осознают, что «проводят 2–3 часа в день на бессмысленное общение онлайн, при этом ощущая нехватку живого взаимодействия» [17, с. 11–12]. Такая подмена реального общения виртуальным усиливает социальную фрагментацию: виртуальные контакты частично заменяют живое общение, но не всегда способны компенсировать потребность человека в эмоциональном взаимодействии. По данным социологических исследований, значительное количество людей ежедневно проводят по несколько часов в социальных сетях, при этом испытывая острый дефицит реального общения. Несмотря на формальную доступность связи, ощущение отчужденности и социальной ненужности остается острым актуальным.

Дополнительной проблемой в современной архитектурной среде порой остается эстетическая несуразица городского пространства, которая психологически угнетает не меньше, чем нескончаемые дожди в летнюю пору. Преобладание монотонно-серой, многоэтажной застройки с отсутствием доминант и цветовых акцентов, на многих действует психологически отрицательно, являясь триггером апатии и неудовлетворенности. Те же античные города являли собой пример не только рациональной градостроительной застройки, но и умелого эстетического преобразования среды посредством архитектурных ансамблей с применением ордерной системы (к примеру, храмового зодчества в честь главного божества [34, с. 12]) и других выразительных художественно-пластических средств [35, с. 21]. Не последнее место в этой организации принадлежало и продолжает принадлежать цвету, потенциал которого для архитектурной среды до конца не исследован...

Важнейшим фактором, способствующим социальной изоляции в городской среде, с нашей точки зрения, являются пространственные барьеры. Одним из модусов таких барьеров является архитектурное разделение пространства. В целом архитектуре, наряду с объединением, свойственно также и разделение пространства, о чем указывали (правда, в другом контексте) еще А. Ригль и Х. Зедльмайр: «...из усмоктения того, что архитектура оформляет (gestaltet) „ограниченные (begrenzte) пространства“» [...] «следует, что она способна делать акцент на „пространстве“ или границах (выд.

автором) пространства» [\[36, с. 28\]](#).

Будь то физическое, визуальное или функциональное, разделение пространства потенциально может существенно затруднять формирование и поддержание социальных связей. Это касается как масштабных урбанистических решений, так и отдельных элементов жилой застройки. Характерным примером негативного воздействия архитектуры на социальные связи вследствие злоупотребления пространственными барьерами стал, уже упоминавшийся в первом параграфе жилой комплекс Pruitt-Igoe в США. Архитектурная концепция комплекса изначально предполагала изоляцию от остальной городской структуры, сегрегацию населения и жесткое зонирование. Вместо ожидаемого улучшения условий проживания это привело к росту преступности, отчужденности и социальной дезинтеграции. В результате комплекс был снесен менее чем через 20 лет после постройки, став символом провала архитектуры, игнорирующей социальные факторы.

Вторым модусом пространственного барьера – является нехватка или низкое качество общественных пространств, предназначенных для взаимодействия. В районах плотной застройки, где отсутствуют парки, дворы и места для отдыха, уровень социальной активности значительно снижается. Исследования показывают, что наличие зеленых зон в шаговой доступности может повысить вовлеченность жителей в общественную жизнь и снизить ощущение одиночества [\[20, с. 26–27\]](#). Там, где такие зоны отсутствуют, люди чаще избегают лишних контактов и предпочитают уединение. Немаловажным фактором является монотонность и типизация архитектурной среды, представляя третий модус пространственного барьера. Однообразная застройка, лишенная идентичности и уникальности, снижает уровень эмоционального комфорта жителей. В Великобритании в 1980-е годы массовое строительство типовых жилых районов без развитой инфраструктуры и общественных зон привело к снижению удовлетворенности населения условиями жизни на 25% [\[12, с. 17–18\]](#).

Особое внимание следует уделять доступности городской среды для уязвимых групп населения. Исследования показывают, что в 70% случаев отсутствие архитектурной адаптации для людей с ограниченными возможностями приводит к их исключенности из общественной жизни [\[37\]](#). Барьеры в виде лестниц, узких проходов, отсутствия пандусов и лифтов усиливают чувство изоляции и социальной беспомощности. В результате пространственные барьеры, обусловленные неудачными архитектурными решениями, однотипной застройкой и игнорированием потребностей различных социальных групп, становятся значимой проблемой, способствующей социальной изоляции.

Таким образом, одиночество и социальная изоляция в условиях урбанизации представляет собой не только социальную, но и экзистенциальную, эстетическую, технологическую, пространственно-урбанистическую проблему, что требует междисциплинарного подхода. Осознание важности вышеперечисленных проблем, становится необходимым условием устойчивого развития городов, а следовательно, необходима системная переоценка подходов к проектированию городской среды, с акцентом на инклюзивность, гибкость и социальную чувствительность архитектурного пространства. Архитектура, формирующая пространство жизнедеятельности, способна играть ключевую роль в преодолении этих вызовов, формируя условия для экзистенциальных и иных связей и вовлеченности людей разных категорий.

Пути преодоления социальной изоляции: инклюзивный дизайн и частно-общественная дополнительность архитектурного пространства

Проанализировав, какие архитектурные решения в тот или иной период преобладали в прошлом, а также как архитектура влияет на общественное сознание в условиях современной цивилизации, пришло время рассмотреть основные пути преодоления вышеозначенных проблем. Несмотря на многочисленные примеры одиночества и социальной изоляции, непосредственно порожденных неудачными архитектурными решениями, существуют и успешные проекты, демонстрирующие, как грамотное пространственное проектирование способно стимулировать взаимодействие между людьми и снижать уровень отчужденности. Такие архитектурные решения направлены на создание комфортной, доступной и инклюзивной среды, учитывающей потребности различных социальных групп. Одним из ярких примеров успешных кейсов социально-ориентированного проектирования является уже упоминавшийся проект реконструкции старой железнодорожной линии в Нью-Йорке, преобразованной в городской парк High Line (рисунок 4). Это линейное пространство стало новой социальной осью, объединившей жителей разных кварталов и предоставившей возможности для прогулок, отдыха, культурных мероприятий. High Line демонстрирует силу архитектурной трансформации, способной вдохнуть новую жизнь в заброшенные территории и превратить их в живые центры взаимодействия [\[20, с. 26–27\]](#). В современных жилых комплексах также появляются проекты, способствующие укреплению добрососедских отношений. Например, комплекс BedZED в Лондоне ориентирован на устойчивое и коммуникативное жилье. Его архитектура включает общие дворы, общественные кухни и зеленые зоны, которые стимулируют соседское взаимодействие. Согласно опросам, 75% жителей BedZED участвуют в совместных мероприятиях хотя бы раз в месяц, что является высоким показателем вовлеченности по сравнению с традиционными районами [\[38, с. 279–280\]](#).

Значительную роль в снижении социальной изоляции играет также природная компонента. Наличие зеленых насаждений, скверов и детских площадок в этих зонах способствует эмоциональному комфорту, облегчает контакт между людьми. Вспоминается народная мудрость: «все новое – это хорошо забытое старое». Уже упоминавшийся проект 1-го квартала «Соцгородка» в г. Магнитогорске спроектирован и построен как раз в русле подобной идеи. А использование тактильных и ароматических растений помогает улучшить пространственную ориентацию у людей с ограниченными возможностями и делает пространство более открытым для общения. Также важно отметить и экономический аспект: девелоперы и архитектурные бюро, внедряющие инклюзивные и социально-ориентированные решения, не только способствуют благополучию жителей, но и создают конкурентное преимущество на рынке недвижимости: «инвестиции в социальную инфраструктуру повышают ценность проектов и формируют устойчивое городское развитие» [\[22, с. 61\]](#).

В условиях растущей урбанизации и социальной поляризации ключевым направлением преодоления социальной изоляции становится внедрение принципов инклюзивного дизайна. Инклюзивная архитектура направлена на создание среды, доступной и удобной для максимально широкого круга пользователей – независимо от их возраста, физического состояния, социального статуса и культурной принадлежности. Такой подход предполагает отказ от дискриминационных или ограничивающих решений и акцентирует внимание на равенстве возможностей для участия в городской жизни. Основные принципы инклюзивного проектирования включают универсальный доступ, комфортность, безопасность, визуальную и тактильную навигацию (сенсорные зоны), а также создание среды, стимулирующей социальные взаимодействия. Согласно руководству ООН по инклюзивному дизайну, разработанному в 2016 году, приоритетными

задачами становятся устранение физических барьеров, повышение социальной восприимчивости среды и формирование условий для участия всех групп населения [\[39, с. 175–176\]](#).

Инклюзивный дизайн тесно связан с концепцией «дизайна для всех» (design for all), согласно которой каждый элемент городской инфраструктуры должен учитывать разнообразие пользовательских потребностей уже на этапе проектирования. Например, лестницы дополняются пандусами, стандартные информационные панели дублируются визуальными и звуковыми средствами, а туалетные и рекреационные зоны доступны для маломобильных групп населения [\[37\]](#). Такой подход повышает не только функциональность, но и ощущение принадлежности и уважения к индивидуальным особенностям каждого жителя. Примером эффективного внедрения принципов инклюзии может служить город Копенгаген, где в рамках программы устойчивого развития были реализованы десятки проектов по созданию безбарьерной среды. Интеграция инклюзивных решений позволила повысить посещаемость общественных пространств на 25% и укрепить участие различных групп населения в социальной жизни города [\[22, с. 61\]](#). Одним из ярких примеров успешных кейсов в этом направлении, является проект Superkilen (рис. 5) – общественное пространство, созданное в районе с высоким уровнем этнического и культурного разнообразия. В дизайн парка были интегрированы элементы, отражающие традиции и символику более чем 60 наций, проживающих в этом районе. Это позволило жителям ассоциировать пространство с собственной идентичностью и ощущать свою принадлежность к общему городу. Superkilen стал местом для встреч, досуга и межкультурного диалога, а также примером того, как архитектура может служить платформой для инклюзии [\[39, с. 175–176\]](#).

Рисунок 5 – проект Superkilen в Копенгагене

Инклюзия в архитектуре касается не только людей с ограниченными возможностями. Это также пожилые граждане, дети, семьи с младенцами, мигранты, представители разных культур. Пространства, ориентированные на инклюзию, такие как детские и спортивные площадки, зоны отдыха, арт-объекты, стимулируют взаимодействие между людьми разного возраста и социальных групп. Подобные зоны, становятся местом доверия, безопасности и взаимодействия, где каждый может чувствовать себя равноправным участником социальной жизни. Например, проект образовательных игровых площадок в благоустроенных открытых пространствах Владивостока показал положительное влияние на адаптацию и развитие детей с особыми потребностями [\[40\]](#). Таким образом,

инклюзивный дизайн – это не просто архитектурный подход, а гуманистическая стратегия формирования справедливой и открытой городской среды. Его внедрение является необходимым условием для снижения уровня социальной изоляции и создания пространств, которые укрепляют солидарность, доверие и социальное участие.

Еще одним эффективным путем преодоления одиночества и социальной изоляции в городской среде является частно-общественная дополнительность архитектурного пространства. Суть ее заключается в том, что для полноценного формирования социальной среды важен грамотный баланс между общественными и частными пространствами. Эти два типа городской структуры выполняют дополняющие функции: общественные зоны способствуют взаимодействию, а частные – предоставляют условия для уединения и восстановления. Нарушение этого баланса, в ту или иную сторону, может стать триггером одиночества и социальной изоляции. Общественные пространства являются основным ресурсом для формирования социальных связей. Парки, скверы, дворы, пешеходные зоны и уличные кафе создают точки притяжения, где возможно неформальное общение, коллективная активность, обмен опытом. Согласно данным Project for Public Spaces, наличие разнообразных общественных пространств может снизить уровень социальной изоляции в районе на 25% [\[39, с. 175–176\]](#).

Однако и частные пространства играют важную роль в социальной архитектуре. Квартиры, дома, балконы, террасы и небольшие дворики обеспечивают человеку чувство защищенности, принадлежности, возможности для восстановления. Архитектурная концепция «третьего места» – промежуточного между домом и общественной зоной – предлагает включение в жилые комплексы общих гостиных, кухонь, зеленых террас, создающих атмосферу доверия между соседями [\[17\]](#), (рис. 6). Опять-таки – эти идеи в 20-30-х годах предлагали немецкие конструктивисты в том же Магнитогорске и других городах СССР. Но в силу отсутствия финансовых средств у советского правительства в тот период истории, именно эта составляющая новаторских проектов не была реализована. Примером такой реализации может служить жилой комплекс в том же Копенгагене, разработанный бюро BIG, где организованы полузакрытые дворы, стимулирующие неформальные контакты между жителями.

Рисунок 6 – Архитектурная концепция «третьего места»

Типология частных пространств может варьироваться от полностью изолированных (индивидуальные квартиры) до частично открытых (общие балконы, дворы, рекреационные зоны). Современные исследования подчеркивают, что архитектурные элементы, такие как прозрачные границы между пространствами, видовые проемы, зоны визуального контакта, могут существенно повлиять на готовность человека к взаимодействию [38, с. 279–280]. Кроме физической структуры, важную роль в восприятии частного и общественного пространства играет субъективное ощущение контроля над средой. Люди склонны чувствовать себя более уверенно и безопасно в тех пространствах, где они могут влиять на происходящее – будь то через выбор маршрута, возможность отгородиться или управлять уровнем контакта с другими. Именно поэтому архитектура должна предоставлять вариативность: от зон для интровертивного уединения до мест для открытого общения. Такая гибкость повышает уровень доверия к пространству и снижает стресс, связанный с социальной перегрузкой или, наоборот, изоляцией. Также важно учитывать переходные зоны – так называемые «пространства-посредники», которые мягко соединяют частное и общественное. К ним относятся подъезды, общие веранды, лестничные холлы, площадки у входов. Архитектурно выразительное и дружелюбное оформление этих участков способствует формированию неформального общения и создает ощущение принадлежности к сообществу. Вместо резкого перехода от уединения к публичности создается плавный, эмоционально комфортный сценарий, в котором человек сам регулирует степень вовлеченности в социальную среду.

Таким образом, сбалансированное соотношение общественных и частных пространств, а также проектирование переходных зон – от индивидуальных к коллективным – является важнейшим условием для создания устойчивой и инклюзивной городской среды. Архитектура должна предоставлять человеку возможность выбора между взаимодействием и уединением, поддерживая тем самым психологическое и социальное здоровье общества. Успешные кейсы показывают, что продуманная архитектура может стать инструментом социальной интеграции, способствовать построению доверия и развитию локальных сообществ. Это требует от проектировщиков не только технической компетентности, но также понимания экзистенциальных вызовов и социальных процессов, происходящих в городской среде.

Рекомендации по проектированию инклюзивных городских пространств и перспективы развития социальной архитектуры

Формирование инклюзивной городской среды требует системного подхода, ориентированного на создание условий для открытого взаимодействия, равного доступа и укрепления локальных сообществ. На основе анализа современных архитектурных практик и теоретических исследований можно выделить ключевые рекомендации, позволяющие эффективно снизить уровень социальной изоляции через проектирование пространства.

Во-первых, при разработке общественных зон мы рекомендуем учитывать принципы универсального дизайна. Нам представляется важным, чтобы пространства были понятными, доступными и комфортными для всех категорий населения: людей с инвалидностью, пожилых, родителей с детьми и других уязвимых групп. Это включает продуманные маршруты передвижения, удобные навигационные системы, многофункциональные зоны для отдыха, общения, спорта и культурных активностей.

Во-вторых, с нашей точки зрения, архитектура должна стимулировать спонтанные формы взаимодействия. Мы считаем, что этого можно достичь за счет создания полуоткрытых пространств – террас, амфитеатров, внутренних дворов, переходных зон между частным и общественным. Мы рекомендуем активно использовать такие приемы, так как они способствуют естественным контактам между людьми и формируют чувство принадлежности к месту. Например, проект межпоколенческого центра в Татарстане демонстрирует, как архитектурные приемы могут гармонично соединять интересы разных возрастных групп, формируя основу для диалога и поддержки.

В-третьих, мы настаиваем на важности учета локального контекста: социокультурных особенностей района, привычек и потребностей жителей, климатических условий, уже существующей застройки. Мы рекомендуем проектировать пространства с участием самих жителей – через опросы, воркшопы, участие в pilotных инициативах. По нашему мнению, такой подход не только обеспечивает релевантность решений, но и повышает чувство вовлеченности и ответственности за обустройство среды.

Четвертое направление, которое мы выделяем, – интеграция «зеленых» решений. Мы рекомендуем активнее внедрять природные элементы – скверы, сады, парки, водные объекты – способствуют снижению стресса, повышению уровня физической активности и создают комфортную атмосферу для общения. Исследования показывают, что увеличение количества зеленых зон на 10% может снизить ощущение социальной изоляции на 15%.

Пятая рекомендация касается развития цифровых и коммуникационных инструментов, позволяющих жителям быть активными участниками городской жизни. Мы советуем создавать онлайн-платформы для обмена новостями, планирования мероприятий, совместного использования ресурсов и поддержки соседских инициатив. Наш взгляд таков, что такие инструменты особенно актуальны в условиях цифровизации и могут эффективно дополнять физические формы взаимодействия.

Шестая рекомендация касается необходимости обеспечения доступности базовой инфраструктуры: туалетов, освещения, уличной мебели, точек подзарядки, навесов от дождя и солнца. Пространство должно быть удобным для длительного пребывания, независимо от возраста и физического состояния. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделять безопасным маршрутам передвижения, освещенности и визуальной открытости пространства, что формирует доверие и ощущение защищенности.

И седьмое – эстетическая привлекательность архитектурной среды. Интенсивно входящие в городскую среду инновации (новые строительно-конструктивные системы, системы визуальной коммуникации и цветосветового оформления), вытесняют предыдущие формы архитектурно-художественной практики и подталкивают архитекторов, художников, дизайнеров продолжать экспериментировать с формой и цветом в новых условиях. Цвет, освещение, акустика и материалы напрямую влияют на эстетическую презентацию пространства, а значит – на уровень социальной эмпатии, открытости и вовлеченности. В этом контексте, рекомендация может быть следующая. Как мы уже писали во втором параграфе, если имеется понимание того, что вы не нарушите личное пространство другого человека или «красные линии» системы в ходе своих творческих экспериментов (что требует отдельной работы и согласований), то перед вами огромное поле для приложения энергии.

Рост масштабов урбанизации и глобальные социальные трансформации требуют пересмотра традиционных подходов к архитектуре. Сегодня очевидна необходимость

развития социальной архитектуры как самостоятельного направления, ориентированного на проектирование среды, способной укреплять человеческие связи, снижать изоляцию и способствовать формированию инклюзивного общества. Инклюзивная городская среда – это результат комплексного подхода, в котором социальные, архитектурные и культурные факторы рассматриваются как единая система. Реализация этих рекомендаций может способствовать не только снижению социальной изоляции, но и созданию устойчивых, динамичных и солидарных городских сообществ.

... Согласно прогнозам ООН, к 2050 году более 68% населения мира будет проживать в городах, что делает вопрос качества городской среды приоритетным направлением развития [39, с. 175–176]. Одним из ключевых векторов будущего социальной архитектуры становится переход от формального функционализма к «архитектуре смысла» – пространствам, наполненным культурным, социальным и эмоциональным содержанием. Это означает отход от обезличенной типовой застройки в пользу индивидуализированных, гибких решений, учитывающих контекст, идентичность и эмоциональное восприятие среды. Архитектура становится не только фоном жизни, но и активным участником социальных процессов. Оригинальным направлением является развитие «мягкой» инфраструктуры – элементов среды, способствующих взаимодействию, доверию и комфорту. Это включает уличную мебель, мобильные павильоны, временные арт-инсталляции, культурные кластеры, а также тактический урбанизм – малобюджетные проекты, способные быстро изменить восприятие пространства. Такие элементы играют роль социальных катализаторов, формируя «точки контакта» между жителями [17].

Перспективной формой интеграции социальных функций в архитектуре становится концепция «Superblocks» (суперблоков), реализуемая, например, в Барселоне. Она предполагает ограничение движения автотранспорта в жилых кварталах и превращение улиц в места для встреч, игр, отдыха. Результатом становится не только улучшение экологической ситуации, но и повышение уровня социальной вовлеченности [20, с. 26–27]. Такие проекты, как Superblocks, указывают на важность трансформации не только архитектурных форм, но и самих принципов использования городского пространства. Улица в традиционном понимании больше не является исключительно транзитным коридором – она превращается в «общественную гостиную», где люди проводят свободное время, участвуют в коллективных активностях, взаимодействуют с соседями. Это требует от архитекторов и градостроителей переосмыслиния роли уличного пространства в структуре города.

Наряду с физической трансформацией городов важным направлением становится эмоциональное и культурное программирование среды. Архитектура будущего должна учитывать не только эргономику и функциональность, но и эмоциональные сценарии поведения – то есть психологическое восприятие пространств. Пространства, вызывающие доверие, любопытство, ассоциации с безопасностью и уютом, способствуют укреплению социальных связей. В этом контексте особое значение приобретает использование цвета, света, текстуры и звука как архитектурных инструментов взаимодействия с пользователем. В то время как холодный дизайн и жесткая геометрия усиливают ощущение отчужденности, теплое освещение и естественные материалы, наоборот, повышают чувство уюта и предрасполагают к общению, а значит – повышают уровень социальной открытости [41, с. 289–297]. Также большое внимание уделяется устойчивости и долговечности решений. Перспективная социальная архитектура все чаще основывается на принципах экологичности, вторичного использования материалов и минимального вмешательства в природную среду. Такие подходы усиливают связь

человека с местом, создают ощущение заботы и ответственного отношения к общему будущему. В результате жители не просто пользуются пространством, а воспринимают его как часть собственной идентичности.

В ближайшие годы важную роль будет играть развитие локальных инициатив и микроурбанизма – малых проектов, инициированных самими жителями. Это могут быть временные конструкции, обустройство дворов, общественные сады или уличные фестивали, формирующие эмоциональные и социальные связи между участниками. Концепции партисипативного проектирования и «bottom-up» инициатив позволяют создавать пространства, отвечающие реальным нуждам жителей. Архитектура, способная поддерживать такие процессы, будет востребованной и устойчивой в условиях социальной фрагментации. Следовательно, архитектура будущего предполагает активное участие граждан в формировании среды, что требует новой культуры взаимодействия между архитекторами, девелоперами, властями и сообществами [40].

Наконец, важнейшую роль в будущем будут играть технологии. Интеграция искусственного интеллекта, анализа больших данных и поведенческого моделирования открывает новые возможности для адаптации среды под реальные потребности населения. Архитектура, способная «учиться» на основе данных о передвижениях, активности и предпочтениях пользователей, позволяет создавать гибкие, персонализированные и инклузивные пространства. Это расширяет горизонты архитектурного мышления и выводит социальную архитектуру на новый технологический уровень, где человек вновь становится центральной фигурой проектирования. Смарт-среда, дополненная реальность, цифровые платформы для планирования и голосования, сенсорные устройства для адаптивного освещения и озеленения – все это инструменты, которые позволяют архитекторам учитывать поведение пользователей и адаптировать среду в режиме реального времени.

Таким образом, развитие социальной архитектуры в XXI веке предполагает интеграцию гуманистических, технологических, эстетических и экологических принципов. Будущее городской среды – это не просто физическая форма, а живая социальная структура, призванная объединять людей, снижать изоляцию и укреплять солидарность.

Заключение

В работе проработаны основные моменты касательно архитектурной теории и практики, выявлены ее главнейшие экзистенциальные и социальные проблемы. В процессе проведенного исследования была рассмотрена взаимосвязь между архитектурными решениями и уровнем социальной изоляции в городской среде.

В ходе исследования выявлено, что социальная изоляция, как и одиночество связаны не только с особенностями организации физического пространства, но и являются следствием экзистенциальных, социальных, индивидуальных или культурных факторов. Урбанизация, цифровизация, однотипная застройка и дефицит качественных общественных пространств значительно снижают возможности для установления и поддержания социальных связей.

Установлено и обосновано, что архитектура, как инструмент формирования среды, способна как усиливать, так и преодолевать одиночество и социальную изоляцию. В статье приведены примеры как неудачных проектов, демонстрирующих последствия игнорирования социальной функции пространства, так и успешных кейсов, показывающих, как архитектурные решения могут стать платформой для инклузии,

доверия и взаимодействия.

Особое внимание в работе было уделено балансу между частными и общественными пространствами, а также принципам инклюзивного проектирования. Подчеркнуто, что современная архитектура должна учитывать потребности всех групп населения, обеспечивать доступность, безопасность и вариативность использования среды.

На основе проведенного анализа были выработаны рекомендации по созданию инклюзивной городской среды: применение универсального дизайна, развитие зеленых зон, партисипативное проектирование, адаптация к локальному контексту и использование цифровых решений. Отмечено, что архитектура будущего должна опираться на принципы устойчивости, гибкости и гуманизма.

Таким образом, архитектура оказывает значительное влияние на формирование общественно-социальной ткани города. Пространственные решения, принимаемые сегодня, определяют не только визуальный облик среды, но и качество жизни, степень участия, солидарность и ощущение принадлежности человека к обществу. Поэтому создание адекватных современным запросам общества пространств – это не просто задача архитекторов, а важный элемент социальной политики и устойчивого развития города.

Библиография

1. Новожилова А. Эдвард Хоппер – архитектура одиночества. URL: <https://losko.ru/edward-hopper-biography/> (дата обращения: 25.11.2025).
2. Бычков В. В. Метафизический дух сюрреализма: Хуан Миро // Философия и культура. 2016. № 3 (99). С. 417-429. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26183143&ysclid=mhbhjwup40169740577> DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.17083 EDN: WAZCPP.
3. Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация. М.: Ин-т географии РАН, 1994.
4. Ахиезер А. С. Город как саморазвивающаяся система: Контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 38-46.
5. Саяпин В.О. Трансдукция, системы, сети: теоретико-методологическая комплементарная триада в исследовании техносоциальной реальности // Философия и культура. 2025. № 8. С. 27-43. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.8.75145 EDN: UOWCOP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75145
6. Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. М., 1989. С. 21-43.
7. Блэр А. Рубл Стратегия большого города. М.: МШПИ, 2004.
8. Бергман Г. Дж. Город как историческая общность // Западная традиция права. М., 1994.
9. Алексеева Т. И. Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. 351 с.
10. Бэкон Ф. О дружбе // Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1972.
11. Деменёв Д. Н., Подобреева Е. К., Хисматуллина Д. Д. Феноменология идеального и утопического сквозь призму диалектических категорий // Философия образования. 2022. Т. 22. № 4. С. 97-108. DOI: 10.15372/PHE20220407 EDN: BQIEDT.
12. Лекус Е. Ю. Гуманизация общественных пространств в ночном городе // Светотехника. 2018. № 6. С. 17-23. EDN: DJYZEY.
13. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. Т. IX: Ск-У. СПб.: Азбука-классика, 2008. EDN: QXRESB.
14. Хёйзинга Й. Осень Средневековья / Пер. Д. В. Сильвестрова; Под ред. С. С.

- Аверинцева. М.: Наука, 1988.
15. Зотов. Современная западная философия: Учебн. М.: Высш. Шк., 2001.
16. Волошина И. Г., Ковальчук О. В., Королёва К. Ю., Поленова М. Е. (ред.) Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: ИД "Эпицентр", 2018. 437 с.
17. Иовлев В. И. Социально-экологические проблемы городского пространства // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2015. № 4. С. 11-15. EDN: TWLGOR.
18. Гришина М. П., Юсупова А. Б. Концептуальная модель межпоколенческого центра на примере Бавлинского района Республики Татарстан // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика. 2024. № 1(3). С. 57-71. EDN: CEDWBM.
19. Бурмистров Н. В. Новости науки 2025: гуманитарные и точные науки: сб. материалов LVIII междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 2. М.: НИЦ "Империя", 2024.
20. Птицына Л. М. Социальная и культурная природа дизайна среды общественных зданий и его роль в формировании социокультурной среды общества // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2014. № 1. С. 26-27. EDN: SXCUMJ.
21. Хегай И. В. Градостроительная организация смешанной жилой застройки в условиях нового строительства: автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2013. EDN: ZPBOKT.
22. Бабина В. В., Кириллова Е. С., Сыроваткина Т. Н. Влияние архитектурных решений объектов строительства на социально-экономические проблемы современного хозяйства // Тенденции развития науки и образования. 2021. С. 61-65. DOI: 10.18411/lj-07-2021-177. EDN: WRFDLI.
23. Сакутин В. А. Феноменология одиночества: опыт рекурсивного постижения: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Дальневост. гос. техн. ун-т. Владивосток, 2003. EDN: NMQQYX.
24. Румянцев М. В. Социально-философский анализ явления одиночества: монография / Сиб. федер. ун-т, Политехн. ин-т. Красноярск: СФУ, 2007. EDN: PZWSTP.
25. Палагина Н. С., Морозова А. А., Новоселова О. В. Определение и понимание понятия "одиночество" в современных науках // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 235-237. DOI: 10.24411/2073-3305-2022-1-235-237 EDN: EMAACJ.
26. Фрейд З. Художник и фантазирование: Пер. с нем. / Под ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова. М.: Республика, 1995.
27. Хайек Ф. А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 121-140.
28. Ивин А. А. Основы социальной философии: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2005.
29. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1991.
30. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Изд-во "Мысль", 1999.
31. Прохоров М. М. Процессуальность бытия // Философия и культура. 2016. № 3 (99). С. 320-336. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26183098&ysclid=mhbhfd345m180266076> DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.16849 EDN: WAZBYH.
32. Юнг К. Г. Психологические типы // Психология индивидуальных различий. М.: Академический проект, 2023.
33. Саяпин В.О. Техносоциальные вызовы XXI века: практическое применение трансдуктивной системно-сетевой методологии (ТССМ) // Философия и культура. 2025. № 8. С. 44-70. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.8.75285 EDN: VCOVDV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75285
34. Толстиков В. П. Археологические свидетельства катастрофы 480-475 гг. до н.э. в Пантиканее. Прощание с одной концепцией? // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 3 (81). С. 9-36. DOI: 10.18503/1992-0431-2023-2-80-9-36 EDN: PMIEUA.
35. Качан С. А. Император в образе Тота-Гермеса в Римском Египте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2025. № 2 (88). С. 18-31. DOI: 10.18503/1992-0431-2025-

2-88-18-31 EDN: IHLSBQ.

36. Зедльмайр Х. Искусство и истина / Х. Зедльмайр // О теории и методе истории искусства. М.: Искусствознание, 1999.

37. Степанчук А. В., Галикиева Р. И., Семенова У. Н., Шайхуллина А. М. Проектирование гериатрического центра в Советском районе города Казань // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика. 2023. Т. 2, № 2. С. 139-150. EDN: SEFEBO.

38. Черешнев И. В., Тисленко А. А. Применение интерактивных общественных пространств при формировании архитектурно-ландшафтной среды прибрежных территорий Волгограда // Вестник Волгоград. гос. архит.-строит. ун-та. 2022. Вып. 4 (89). С. 279-288. EDN: SVZZWQ.

39. Иванова О. Г., Копьёва А. В., Храпко О. В. Особенности обучения универсальному дизайну на примере проектирования сенсорного сада на территории школы для слабовидящих детей в Приморском крае // Современные научоемкие технологии. 2019. № 7. С. 175-180. EDN: LPGGZM.

40. Чирцова К. Е., Иванова О. Г. Перспективы организации игровых площадок для детей с ограниченными возможностями в структуре рекреационных пространств города Владивостока // Секция 3. Инновации в архитектуре, градостроительстве и дизайне среды. Владивосток: Владивосток. гос. ун-т, 2024. С. 393-397.

41. Панкина М. В. Дизайн городской среды как средство формирования экологической модели поведения // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 289-297. EDN: YXDHXN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена комплексному междисциплинарному анализу феномена социального одиночества в пространстве мегаполиса, находящемуся на стыке философии, урбанистики, социологии и искусствоведения. Предметом исследования является влияние архитектурной среды на экзистенциальные переживания человека, в частности на феномены одиночества и социальной изоляции в условиях современного города. В качестве основной целевой установки исследования авторы стремятся не только проанализировать взаимосвязь пространственных решений и социального самочувствия горожан, но и разработать практические рекомендации по проектированию инклюзивных городских пространств.

Методология исследования носит комплексный характер и включает элементы исторического подхода, историко-искусствоведческого анализа, герменевтики, сравнительного анализа, теоретического синтеза и кейс-метода. Столь широкий спектр методов адекватен междисциплинарному характеру темы, однако на практике их применение выглядит несколько электрическим. Исторический экскурс, охватывающий античность, Средневековье, индустриальную эпоху и модернизм, демонстрирует хорошую теоретическую подготовку авторов, но зачастую носит обзорный характер и не всегда сосредоточен на причинно-следственных связях между конкретными архитектурными формами и порождаемыми ими социальными практиками. Анализ конкретных кейсов, таких как Pruitt-Igoe, High Line или Superkilen, является сильной стороной работы, так как наглядно иллюстрирует ключевые тезисы. Однако переход от философской

рефлексии одиночества у М. Хайдеггера, Э. Фромма и З. Фрейда к сугубо прикладным рекомендациям по городскому дизайну порой кажется недостаточно последовательным и логически обоснованным. Не хватает своего рода философского «моста», который бы четко связал онтологию одиночества с конкретикой архитектурного проектирования.

Актуальность темы не вызывает сомнений. Проблема атомизации общества в условиях тотальной урбанизации и цифровизации является одной из центральных для социальной философии XXI века. Обращение к визуальному ряду картин Эдварда Хоппера в качестве отправной точки является удачным художественным приемом, который задает тон всему исследованию и позволяет говорить об экзистенциальном измерении городского пространства на языке образов. Работа тем самым приобретает не только научную, но и культурологическую глубину.

Научная новизна статьи заключается в попытке синтеза философской антропологии, теории архитектуры и социальной критики. Авторы не ограничиваются констатацией проблем, а предлагают систематизированный набор решений, сгруппированных вокруг концепций инклузивного дизайна и частно-общественной дополнительности. Введение и разработка понятия «пространственные барьеры» в их различных модусах (архитектурное разделение, нехватка качественных общественных зон, монотонность застройки) представляет собой продуктивную попытку концептуализации механизмов влияния среды на социальность.

Статья написана в научном стиле, однако текст местами перегружен избыточной метафоричностью, что может затруднить его восприятие. Структура статьи логична, но ее объем и стремление охватить максимально широкий спектр вопросов приводят к некоторой поверхностности в рассмотрении отдельных аспектов. Например, философский анализ одиночества, несмотря на привлечение солидного корпуса источников, остается скорее компилиативным, нежели предлагающим оригинальную интерпретацию.

Список литературы обширен и достаточен для заявленной тематики исследования. Он включает как классические философские и социологические труды, так и современные исследования по урбанистике и архитектуре.

Несмотря на указанные выше недостатки, выводы работы являются обоснованными и значимыми. Авторам удалось показать, что архитектура выступает не просто фоном для человеческого существования, но и является агентом формирования социальных связей и экзистенциальных состояний. Статья вызовет интерес у широкой читательской аудитории журнала «Философская мысль», включающей не только философов, но и социологов, культурологов, урбанистов и архитекторов, поскольку предлагает целостный взгляд на одну из самых острых проблем современности и намечает пути ее преодоления через гуманизацию окружающего нас пространства. Рекомендуется к публикации после устранения стилистических шероховатостей и углубления философского обоснования предлагаемых архитектурных решений.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Креписов К.М. Трансформация связи нормы и долга в эпоху технологий искусственного интеллекта // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76727 EDN: KOCGYZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76727

Трансформация связи нормы и долга в эпоху технологий искусственного интеллекта

Креписов Константин Михайлович

ORCID: 0000-0002-6991-2935

кандидат философских наук

Директор по юридическим вопросам; ООО "ЗУКМ"

454071, г. Челябинск, ул. Первой Пятилетки д.14, кв.304

[✉ krepisov@mail.ru](mailto:krepisov@mail.ru)

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76727

EDN:

KOCGYZ

Дата направления статьи в редакцию:

11-11-2025

Аннотация: Глобализация, цифровизация, нарастание коммуникаций в настоящее время стремительно трансформируют социальные связи и закономерности. Помимо этого, многослойность виртуальных срезов социального бытия фактически размывает границы общества, в котором живет субъект и ожидаемого общества будущего. Технологии ИИ детерминируют постоянную изменчивость оснований идентичности современного человека. Это усложняет восприятие нормы человеком и актуализирует проблемы долженствования в действии. Предметом исследования в данной статье выступает трансформированная соотнесенность нормы и долга в поведении человека эпохи компьютерных технологий. Целью анализа является доказательство тезиса, что норма – это не просто потенция эффективного включения в те или иные социальные процессы, это своеобразная точка бифуркации, из которой могут векторно разойтись многие направления поведенческой стратегии современного социального субъекта. Достижение цели опирается на решение главной задачи: проследить «вечность» соотношения нормы и долженствования в деятельности человека вопреки тенденциям поставить данное

соотношение под сомнение. Теоретическим основанием служит философский опыт исследования нормы в системе общественных отношений. Ведущим методологическим основанием данного исследования является структурно-генетический подход, для организации материала в исследовании использован системно-структурный подход. В решении определенных целью задач задействованы принципы феноменологической методологии – принцип интенциональности сознания и принцип беспредпосылочного описания трансформаций нормы в культуре для определения эволюции изменений ее семантики и формы. В результате проведенного исследования в условиях расширения сферы технологий искусственного интеллекта прослежена тенденция отрыва нормы от человека, трансформация отношения к чувству долга. Подвергнута критике позиция классической метафизики о возможности вневременного добра, блага в качестве гаранта нормативной составляющей действия человека. Через анализ нормы взаимности доказательно получен вывод о невозможности элиминации нормативности из системы общественных отношений. Делегирование некоторых функций технологиям ИИ не освобождает человека от ответственности, что сопряжено напрямую с соотнесением нормы и долга. Иллюзия возможности делегирования данным технологиям сферы социальной нормативности вызвана тем, что в условиях быстро меняющихся форм общественных отношений человек не всегда обнаруживает адаптивную им норму, так как последняя находится только в стадии формирования.

Ключевые слова:

норма, долг, деятельность, человек, искусственный интеллект, нейросеть, нормы взаимности, нормы морали, свобода, ответственность

Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) сегодня совершают революцию во многих ключевых отраслях социума – здравоохранение, финансы и государственное управление, но при этом порождают проблемы в сфере социальной нормативности, в том числе алгоритмическую предвзятость, нарушение конфиденциальности и проблемы ответственности и т. д. На данный запрос социальной практики философская мысль реагирует, прежде всего, развитием этических концепций нормы, где сегодня получает развитие информационная этика, которая сегодня часто определяется категорией компьютерная этика. И такая категориальная метаморфоза неслучайна. Если в середине XX столетия Н. Винер, исследуя возможные влияния информационной технологии на главные ценности человека, такие как жизнь, здоровье, счастье, его способности, знания, свобода, безопасность и перспективы будущего [1-2], во многом апеллирует к некоторым общим основам человеческих добродетелей, то Л. Флориди уже акцентирует внимание на снятии границы живого и неживого,нского и естественного. Допущение Универсума как системы информационных объектов базируется на некоторой фундаментальности блага, которое не зависит от человеческого этического суждения. Тем самым новая этика не концентрируется более на человеческих ценностях и действиях [3-5]. Следствием такого допущения становится неопределенность нормы в социальных взаимодействиях. Не только человек, но и информационный объект может стать начальной точкой действия, а в человеческой деятельности появляются непривычные анахронизмы. Среди них самым значимым является долг. Последнее вступает в противоречие с тем, как мыслил человек перспективы цифровизации и роботизации. В формулировке уже ставших классическими сегодня трех началах

роботехники поведение искусственного существа фиксировано долгом [\[6\]](#). Решение сложившейся ситуации зависит от понимания соотношения долга и нормы в существовании самого человека. Следовательно, одной из самых актуальных проблем социального развития сегодня можно считать проблему соотношения долга и нормы в условиях все более широкого распространения технологий ИИ.

Между тем, вследствие трансформации общественных отношений, социальных взаимодействий, само понятие нормы сегодня несколько размыто [\[7\]](#). Учитывая достижения гуманитарной и социальной мысли в исследованиях нормативности, возможно сделать вывод о недопустимости сведения нормы к системе общественно одобряемых привычек. Одновременно обращение к богатому наследству развития норм в истории общества позволяет допустить, их неким общим онтологическим основанием служит объективное структурирование формы нормативности [\[8\]](#). Этот своеобразный внутренний мир нормы как таковой философские школы трактуют по-разному, чаще всего через семантику конкретной нормы. Но в самых разных интерпретациях норма предстает как разрешение противоречия того, что есть и ожидаемого: того, что должно быть. В социальной практике косвенным доказательством данного тезиса является определенная претензия моральных норм быть доминирующим началом в общей картине социальной нормативности.

Учитывая эти тенденции, следует констатировать, что актуальность выбранной темы исследования обусловлена многими факторами. В данной работе акцентировано внимание на онтологической причине изменений соотношения долга нормы в поведенческих стратегиях человека: сегодня норма как регулятор общественных отношений часто не успевает достичь стабильной устойчивости вследствие убыстрения темпа социального развития. В результате человек теряет привычную традиционную опору, прежде всего, в виде моральных норм. Вместе с тем, при изменении самой структуры деятельности, когда функции человека перекладываются на машину, наиболее значимым для сохранности социума становится именно долженствование.

Актуальность темы исследования определяет объектом анализа структуры общественного взаимодействия, его предметом непосредственное взаимодействие нормы и долга в поведенческих стратегиях человека. Цель статьи состоит в поиске ответа на вопрос о сохранности доминанты человеческого долженствования через принятие норм общества в результатах социального развития. Достижение данной цели предполагает также обоснование активной роли носителя нормы в самом процессе ее формирования. Определены две основные задачи анализа: доказательство того, что соотношение долга и нормы в деятельности человека является объективацией снятия противоречия свободы и необходимости и обоснование особой роли норм взаимности в срезе социальной нормативности. Методологическая работа основана на достижениях феноменологической школы в применении принципа интенциональности сознания и принципа беспредпосылочного описания специфики нормы и изменений восприятия человеком долга. Логика анализа раскрывает эффективность диалектического подхода в раскрытии взаимозависимости появления новых норм и способов их явленности в действии человека. Научная новизна результатов данного исследования опирается на авторскую концепцию нормы, когда норма рассматривается не в качестве внешних в отношении человека запретов, а в основаниях бытия человека. В обозначенной теме данная новизна обоснована доказательством тезиса, что человеческое действие воплощает имеющиеся нормы в чувстве долга при одновременном созидании новых норм в фиксации изменений общественных отношений.

Подвижность нормы в соотношении свободы и необходимости

Норма в культуре всегда подвижна, так как ее объективация в культуре – это фиксация внутренних границ существования человека. Противоречивое существование нормы в системе общественных отношений во многом детерминировано тем, что она не сводима к алгоритму. Современный Homo Technology в этом плане не является системой программ, но остается в поле норм [9-10]. Норма остается в сфере свободы, формируется во взаимодействии многих воль субъектов. В этом плане норма сопряжена с долгом, который можно определить в качестве неких внутренних обязанностей человека. Обязанность явлена в активных действиях, которые нормативны по природе. Учитывая разнообразие поведенческих стратегий человека, современная философия предлагает условное деление «позитивного» и «негативного» долга [11], где «позитивный» долг – это ориентация на благотворительность, а «негативный» – закрепление позиции невмешательства. В процессах самоограничения человека норма формируется как определённость Я, соотношение с самим собой через долженствование, и ее доминанта в свободе человека детерминирована диалектикой нормы и не-нормы. В межличностных отношениях норма порождает обязательства по отношению к другому, формируя ожидание поведения, основанное на ней. Отсюда сам долг проявляется в этих своеобразных нормах взаимности. Эти традиционные положения деонтологии и сегодня позволяют сделать вывод, что долг не может быть сведен к запрету, и, в своей сути, норма – это соотношение долженствования и внутренних границ воли человека.

Независимо от содержания наличной эпохи пересечение долга и нормы идёт в сфере соотношения свободы и необходимости. Деятельность человека, включая целеполагание, на уровне явлений подчинена закону необходимости, но основания поведенческой стратегии должны быть мыслимы свободными. Абсолютизация долженствования способна поставить необходимость в априорные условия деятельности, тем самым, поглотить свободу [12]. Постоянную дилемму зависимости и свободы Кант предлагает решить через принцип автономии воли, когда воля сама представляет собой закон. Тогда долженствование раскрывается в норме как определённость человека, его соотношение с самим собой в реализации собственной свободы. А норма снимает в себе невозможность ни абсолютной зависимости, ни абсолютной свободы. Но остается еще одна сложная проблема. Человек, действующий по идеи долга, движим представлением того, что должно быть, но чего еще нет. Причина настоящего в будущем, и, чтобы она стала единственной в настоящем, Кант делает вневременным Добро. Но сегодня аксиологическая сфера социума переживает острый кризис, который особо агрессивен в области традиционных ценностей, которые на протяжении многих веков были для человечества незыблыми. В результате даже мораль не может сегодня апеллировать к вечности Добра.

Нормы взаимности в эпоху искусственного интеллекта

Технологии ИИ принципиально меняют нормы взаимности в системе общественных отношений. Контексты взаимодействия, опосредованные технологиями, теперь формируются не в сфере межличностного общения, а, прежде всего, включают в себя выбор платформы, а также объём и частоту общения [13]. Технологии ИИ позволяют человеку минимизировать взаимодействие с другими людьми. Более того, данные технологии способны создавать дополненную реальность взаимодействия для достижения человеком личных целей [14]. В результате анонимом становится не нейросеть, а ее собеседник. Если постмодернизм предупреждает о смерти субъекта, то здесь можно констатировать некую смерть человека. В плане того, что привычная

нормативность, долженствование лишаются среды своего функционирования. Элементарно не остается места даже для оценки отношений. Качественно меняется семантика коммуникаций. Текстовые сообщения, электронная почта вместо традиционных писем требуют меньше смысловых усилий и камуфлируют ответственность. Вне ответственности сужается поле свободы, соответственно, и поле нормативности. Лайки создают предпосылки для превращения долженствования в симулякр.

Сегодня у людей появляется все больше возможностей делегировать задачи инструментам на основе ИИ, которые до недавнего времени были доступны только людям. Наиболее наглядно это на больших языковых моделях, подобных ChatGPT, когда врачи делегируют компьютерным технологиям клинические решения, программисты – задачи по написанию кода, руководители организаций – письма, ответы на просьбы сотрудников и т. д. Есть ли место долгу в этих отношениях? Действуют ли здесь социальные нормы? Что в реальности представляет большую угрозу для человечества – проблема скрепки [15] или крах нормы, деформация чувства долга? Следует согласиться что ситуация усугубляется отсутствием эмоциональных реакций: благодарность, сочувствие и т. д., которые всегда усиливают чувство долга, так как человеку свойственно сохранять и усиливать положительные эмоции.

В поиске решения данной проблемы значимым является опыт, накопленный философским анализом. В обобщении многих философских школ очевидно, что норма, хоть и проявляет в коммуникациях, между тем, не исчерпывается закрепленными правилами поведенческой культуры. То есть, безусловно, изменение характера общения, формализация многих его сторон существенны для функционирования нормы, но не являются столь катастрофичным. Далее. Философия убеждает, что норма не есть творение субъекта, не есть и сам субъект. Норма – это событие, в которое и вовлечен субъект. Отсюда можно предположить, что нормативная составляющая человеческого бытия – это позитивная способность человека конструировать смысловую реальность. Тогда норма – это объективация смысла в поиске человеческого в человеке, то есть ответ на вопрос что есть человек. И в этом аспекте ни норма, ни долженствование в деятельности человека не могут быть элиминированы.

Заключение

Безусловно, в проблемах ИИ необходимо учитывать риски, которые могут возникнуть из-за несоответствия целей и поведения ИИ ценностям или благополучию человечества, что потенциально деструктивно. Но ответственность за это лежит исключительно на человеке. Такое несоответствие может быть вызвано плохо сформулированными целями, непредвиденным поведением системы или недостаточным контролем. Это подчёркивает исключительную важность надёжных стратегий согласования между людьми при разработке передовых систем искусственного интеллекта. Последнее возможно только в принятии человеком внутреннего долженствования и социальной нормативности. Например, в силу разрушительного последствия применения атомного оружия для выживания человечества автономные военные системы искусственного интеллекта воспринимаются в качестве потенциальной угрозы общей безопасности человечества. Но по факту реальная опасность будет создана только тогда, когда, игнорируя чувство Долга и принятие Нормы, человек смоделирует у них способность самостоятельно идентифицировать и уничтожать цели без надзора человека. Следовательно, и в современных условиях социальная нормативность, сопряженная с чувством долга, в деятельности человека является необходимой составляющей человеческого действия. Использование технологий ИИ расширяет функционал деятельности, но является

фактором, разрушающим основы бытия человека [\[16-18\]](#).

Библиография

1. Манжуева О. М. Информационная этика Норберта Винера // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2013. № 6. EDN: QAOPNB.
2. Шалак В. И. Алгоритмический взгляд на законы социальных наук // Вестник Удмуртского университета. Серия "Философия. Психология. Педагогика". 2024. № 2. Т. 34. С. 113-119. DOI: 10.35634/2412-9550-2024-34-2-113-119. EDN: KBXJOG.
3. Хлебников Г. В. Философия информации Лучано Флориди // Теория и практика общественно-научной информации. 2013. № 21. EDN: SJKJCV.
4. Гюллинг А. О., Назарова Ю. В. Этические проблемы антропоморфности искусственного интеллекта в контексте философии информации Лучано Флориди // Время науки – The Times of Science. 2025. № 21.
5. Глуховский А. С., Дурнев А. Д., Чирва Д. В. Распределенная моральная ответственность в сфере искусственного интеллекта // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 1. С. 129-145. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-1-129-143. EDN: USICEU.
6. Азимов А. Я. Я, робот / пер. с англ. А. Иорданского. М.: Эксмо, 2022.
7. Попова Е. В. Содержание понятия "норма": основные смыслы // Вестник ЧелГУ. 2013. № 38 (329). Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 108-112.
8. Креписов К. М. Норма-долг – ценность // Мировоззренческие основания культуры современной России. Сборник научных трудов XIV Международной научной конференции. Под общей редакцией В. А. Жилиной. Магнитогорск: МГТУ, 2023. С. 76-80.
9. Жилина В. А. Социотехническая системность и универсальность современной инженерии: Homo Technology // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2023. Т. 21. № 1. С. 109-117. DOI: 10.18503/1995-2732-2023-21-1-109-117. EDN: IGPQGF.
10. Жилина В. А. Кризис культуры как предмет философской рефлексии // Вопросы культурологии. 2014. № 8. С. 98-102. EDN: SKHMMZ.
11. Buckland, L., Lindauer, M., Rodríguez-Arias, D. et al. Testing the Motivational Strength of Positive and Negative Duty Arguments Regarding Global Poverty // Review of Philosophy and Psychology. 2022. Vol. 13. Pp. 699-717. DOI: 10.1007/s13164-021-00555-4. EDN: GTQNQB.
12. Жилина В. А., Креписов К. М. Проблема онтологизации нормативного бытия в религиозной практике человека // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 7-14. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14. EDN: UUMHMF.
13. Sosik, V. S., & Bazarova, N. N. Relational maintenance on social network sites: How Facebook communication predicts relational escalation // Computers in Human Behavior. 2014. Vol. 35. Pp. 124-131. DOI: 10.1016/j.chb.2014.02.044.
14. Dishop, C. R., Brown, A. S., Chao, P. Y. Machines in the Middle: Using Artificial Intelligence (AI) While Offering Help Affects Warmth, Felt Obligations, and Reciprocity // Journal of Business Psychology. 2025. DOI: 10.1007/s10869-025-10068-x.
15. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. URL: <https://avmim.com/wp-content/uploads/2018/11/Бостром-Н.-Искусственный-интеллект.-Этапы.-Угрозы.-Стратегии-2014.pdf>.
16. Лоскутов Ю. В. Онтологическая критика трансгуманизма // Вестник Омского университета. 2025. № 3 (30). С. 16-24. DOI: 10.24147/1812-3996.2025.3.16-24. EDN: CDSZHE.
17. Недорезов В. Г., Писарчик Л. Ю., Стрелец Ю. Ш. Трансгуманизм и постгуманизм: планы расчеловечивания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024.

18. Глебова С. В. О проблеме (без)ответственности в этике И. Канта // Дискурсы этики. 2025. № 1 (25). С. 11-22. EDN: IIGYFJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Трансформация связи нормы и долга в эпоху технологий искусственного интеллекта»

В данной статье автор не сформулировал, как определяется в требованиях к оформлению статей, основные положения исследования (объект, предмет, цель, задачи, методологию, актуальность и научную новизну) и не выделил основные структурные элементы (введение, основная часть, заключение). Тем не менее в тексте статьи соблюдается определенная последовательность и достаточно высокий научно-методологический уровень социально-философского исследования. Исходя из названия статьи и содержания работы предметом исследования являются отношения, связь понятия «норма» и понятия «долг» вообще и трансформация этих отношений в эпоху технологий искусственного интеллекта в частности. Автору статьи в процессе социально-философского анализа удаётся исследовать данную проблематику и продемонстрировать, что в современных условиях внедрения технологии искусственного интеллекта в основные сферы социума решение этических проблем зависит от «понимания соотношения долга и нормы в существовании самого человека».

Методология исследования опирается на разнообразные методы и принципы философского исследования социальной деятельности индивида и общественной жизни. В частности используется ретроспективный метод и компаративный анализ темы исследования. Однако, автор не представил в тексте статьи методы собственного исследования.

Актуальность темы исследования статьи не вызывает сомнения и определяется в настоящее время тем, что проблемы технологий искусственного интеллекта являются компонентами не только научной теории, но и предметом практической деятельности современного человека и общества. В этой связи автор статьи правильно подчеркивает, что одной из самых актуальных проблем социального развития можно считать проблему соотношения долга и нормы в условиях всё более широкого распространения технологий искусственного интеллекта. Однако, автор статьи отдельно не выделяет в тексте актуальность темы своего исследования.

Научная новизна данной работы автором статьи также отдельно не прописывается, тем не менее элементы новизны могут быть представлены в собственно попытке провести социально-философское осмысление сложных соотношений ключевых моральных категорий «долг», «норма» и представить современную аналитическую модель трансформации связи нормы и долга в ситуации внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность человека и общества. Кроме того, автор пытается по-новому раскрыть содержание классических этических понятий «долг» и «норма»

Несмотря на общее позитивное впечатление и определенные достоинства данного социально-философского исследования (логичность повествования, концептуальность, обоснованность выводов и другое) в статье имеются некоторые погрешности. Например, автор в тексте (начиная с первого предложения) постоянно приписывает

неодушевленным предметам активность. «Технологии...совершают революцию...», «Технологии...меняют нормы...» и так далее. Но технология — это не человек (субъект), поэтому она ничего делать не может. Правильно говорить «С помощью технологии...совершается революция..», «Посредством технологии...меняются нормы...» и тому подобное. Также есть замечание относительно ссылок в тексте. В ссылках отсутствуют страницы цитирования. Кроме того, в списке литературы работы расположены не по алфавиту. Впрочем эти комментарии имеют больше рекомендательный характер. Основное замечание заключается в том, что автор не сформулировал основные положения исследования (объект, предмет, цель, задачи, методологию, актуальность и научную новизну) и не выделил основные структурные элементы (введение, основная часть, заключение).

Стиль данной статьи в достаточной мере научный, автор демонстрирует достаточно высокий уровень владения социально-философской терминологией.

Структура работы отличается логичностью, однако в тексте не содержатся все необходимые разделы. Содержание статьи непротиворечиво, выводы обоснованы и согласуются с аналитической частью работы.

Библиография оформлена согласно предъявляемым требованиям и полностью соответствует содержанию статьи.

Апелляция к оппонентам в работе отсутствует, автор излагает собственную концепцию социально-философского анализа проблемы.

Содержание статьи может представлять определенный интерес для специалистов в сфере современной этики и социальной философии, исследователей социальной и индивидуальной деятельности, преподавателей социально-гуманитарных предметов и всех интересующихся этическими проблемами применения технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, в целом статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Однако, требуются незначительные корректировки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Трансформация связи нормы и долга в эпоху технологий искусственного интеллекта»

В тексте статьи соблюдается определенная последовательность и достаточно высокий научно-методологический уровень социально-философского исследования. Исходя из названия статьи и содержания работы предметом исследования являются отношения, связь понятия «норма» и понятия «долг» вообще и трансформация этих отношений в эпоху технологий искусственного интеллекта в частности. Автору статьи в процессе социально-философского анализа удаётся исследовать данную проблематику и продемонстрировать, что в современных условиях внедрения технологии искусственного интеллекта в основные сферы социума решение этических проблем зависит от «понимания соотношения долга и нормы в существовании самого человека».

Методология исследования опирается на методы и принципы философского исследования социальной деятельности индивида и общественной жизни. В частности используется ретроспективный метод, феноменологический подход и компаративный анализ темы исследования.

Актуальность темы исследования статьи не вызывает сомнения и определяется в настоящее время тем, что проблемы технологий искусственного интеллекта являются компонентами не только научной теории, но и предметом практической деятельности современного человека и общества. В этой связи автор статьи правильно подчеркивает, что одной из самых актуальных проблем социального развития можно считать проблему соотношения долга и нормы в условиях всё более широкого распространения технологий искусственного интеллекта.

Научная новизна данной работы представлена в собственно попытке провести социально-философское осмысление сложных соотношений ключевых моральных категорий «долг», «норма» и представить современную аналитическую модель трансформации связи нормы и долга в ситуации внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность человека и общества. Кроме того, автор пытается по-новому раскрыть содержание классических этических понятий «долг» и «норма»

Несмотря на общее позитивное впечатление и определенные достоинства данного социально-философского исследования (логичность повествования, концептуальность, обоснованность выводов и другое) в статье имеются некоторые погрешности. Например, автор в тексте (начиная с первого предложения) постоянно приписывает неодушевленным предметам активность. «Технологии...совершают революцию...», «Технологии...меняют нормы...» и так далее. Но технология — это не человек (субъект), поэтому она ничего делать не может. Правильно говорить «С помощью технологии...совершается революция...», «Посредством технологии...меняются нормы...» и тому подобное. Также есть замечание относительно ссылок в тексте. В ссылках отсутствуют страницы цитирования. Кроме того, в списке литературы в некоторых статьях нет страниц. Впрочем эти комментарии имеют рекомендательный характер.

Стиль данной статьи в достаточной мере научный, автор демонстрирует достаточно высокий уровень владения социально-философской терминологией.

Структура работы отличается логичностью, однако в тексте не содержатся все необходимые разделы. Содержание статьи непротиворечиво, выводы обоснованы и согласуются с аналитической частью работы.

Библиография оформлена согласно предъявляемым требованиям и полностью соответствует содержанию статьи.

Апелляция к оппонентам в работе отсутствует, автор излагает собственную концепцию социально-философского анализа проблемы.

Содержание статьи может представлять определенный интерес для специалистов в сфере современной этики и социальной философии, исследователей социальной и индивидуальной деятельности, преподавателей социально-гуманитарных предметов и всех интересующихся этическими проблемами применения технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, в целом статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Лисович И.И. Совершенствование тела, облагораживание чувств, обучение разума: об идеальной модели инкульпации в раннее Новое время // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76619 EDN: KOJMF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76619

Совершенствование тела, облагораживание чувств, обучение разума: об идеальной модели инкульпации в раннее Новое время

Лисович Инна Ивановна

ORCID: 0000-0003-4694-7737

доктор культурологии, кандидат филологических наук

профессор; Общекадемический факультет, ФГБОУВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ"

119571, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, пр-кт Вернадского, д. 82 стр. 1

✉ mag-inna@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76619

EDN:

KOJMF

Дата направления статьи в редакцию:

04-11-2025

Аннотация: В раннее Новое время возникает множество утопий и проектов, в которых гуманисты пересматривают средневековые практики инкульпации, обратившись к античному пониманию культуры. Предметом исследования является европейский ренессансный идеал инкульпации раннего Нового времени. В центре внимания находится анализ гуманистической модели инкульпации, целостно представленный в книге-полилоге Бальдассаре Кастильоне «Придворный». Предметом спора придворных становятся ряд ключевых взаимосвязанных аспектов: требование для придворного заниматься искусствами (наряду с традиционным военным) и философией; необходимость равного образования для придворной дамы; цель инкульпации идеального придворного (быть наставником правителя); представление о тождественности прекрасного, благого и полезного; неоплатоническое восхождение души от изменяющегося к неизменному истинному, от тьмы невежества к

просвещенности. В основу методологии исследования положен институциональный подход к инкультуации; компаративный метод и анализ дискурса, что позволило сопоставить разнородные дискурсы и точки зрения придворных, которые как взаимодополняют друг друга, так и вступают в полемику, в том числе апеллируя к средневековой и античной философии. Предложена авторская интерпретация идеальной ренессансной модели инкультуации, которая сочетает христианско-платоническое понимание добродетели, божественной любви и гармонии с античным философским и гражданским идеалом калокагатии и пайдеи. В качестве цели инкультуации выступает добродетель, счастливая жизнь и процветание государства, что возможно, если придворный посвятит себя управлению, будет совершенен и опытен настолько, чтобы стать наставником правителя. Рукописная книга обрела популярность среди правителей, аристократии и дворян Европы до публикации в 1528 г., заложила принципы современной системы образования, среди которых, – гармоничное всестороннее развитие личности и равные возможности, благодаря этому результаты исследования можно использовать в разработке современных моделей инкультуации, опираясь на ренессансную гуманистическую традицию.

Ключевые слова:

Бальдассаре Кастильоне, инкультуация, гуманизм, платонизм, аристотелианство, наставничество, придворный-философ, тело, чувства, интеллект

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации «12.11-2025-1 Обоснование и разработка комплекса общеразвивающих программ образовательной организации высшего образования, направленных на развитие личностных и направленческих качеств студентов».

Гуманистические утопии и проекты, направленные на преобразование социальных институтов и формирование нового типа личности, основаны на радикальном пересмотре средневековых практик инкультуации, опорой же для них становится античное пониманию культуры и идея продвижения к свету знания. Тем не менее, они не останавливаются на компиляции и подражании древним, а предлагают новое целостное видение, которое легло в основу развития европейской системы образования, до сих пор сохраняющееся в ее принципах. Современное продолжение идей, представленных в книге Бальдассаре Кастильоне «Придворный», можно увидеть в модели качеств личности государственных служащих, предложенной Н.С.Гаркушой, Н.Б.Авалуевой и Е.Н.Кроловецкой, где субъектность личности проявляется в деятельности и развитии, ценностном отношении и познании, соответственно чему необходимо сформировать такие качества личности, как направленность, ценностные ориентации и интеллектуальный потенциал [8, с.31-36].

С переводом М. Фичино корпуса текстов Платона и неоплатоников на латинский язык ренессансная модель инкультуации целостно соединяет христианские, древнегреческие и древнеримские идеи и практики. Возрождение обширного античного наследия, сохраняя христианское мировоззрение базовым элементом, существенно трансформирует и ряд идей аристотелианства, воспринятого в рамках средневековой схоластики. «Придворный» (Il Cortegiano, 1516, опубл. 1528) написан в форме, восходящей к

платоновскому диалогу, где читатель в числе собеседников не видит автора, как и Платона, взявшего на себя долг записать беседы, услышанные им от свидетеля, в память о славном дворе Урбино. Причем исследователями данный текст часто рассматривается, как исторически достоверное свидетельство о реальных соцокультурных практиках эпохи, оказавших существенное влияние на европейскую светскую культуру [2, 9, 10, 12].

По аналогии с идеальным цицероновским оратором в полилоге создается на глазах читателя образ не существующего идеального придворного. Звучат голоса единомышленников, их оппонентов, ушедших философов, историков, поэтов, теологов и исторических деятелей через узнаваемые цитаты. Благодаря этому дискурс разворачивается как по принципу взаимодополнения, так и полемики. Линия противостояния проходит не между античной философией и средневековой теологией, а между школами Аристотеля и Платона, причем, гуманистический дискурс находится на стороне последнего: «предпочту заблуждаться вместе с Платоном, Ксенофонтом и Марком Туллием, рассуждавшими об умопостигаемом мире и идеях, среди которых, по их мнению, существуют идеи совершенного государства, совершенного государя, совершенного оратора: ибо в нем также существует и идея совершенного придворного» [4, с.11].

Ключевое понятие, определившее гуманистическое виденье – культура в цицероновском понимании, согласно которому человек не довольствуется способностями, данными от природы, а должен при помощи философии возделывать душу, чтобы получить плоды в виде цивилизации и добродетелей [11]. Книга Кастильоне близка по своему жанру «Тускуланским беседам», которые включают рассуждения о различных философских учениях и понятиях, стихотворные тексты, отсылки к обычаям и традициям, мифическим, историческим и современным событиям.

Цицероновское представление восходит к платоновскому «Тимею» и неоплатоникам, определяется онтологией, где мир разделен на неизменное и рождающееся, последнее стремится к гармонии Космоса, сотворенного Демиургом. Соответственно, человек должен культивировать и развивать телесные и духовные качества, которые позволят ему приблизиться к утраченной идеальной божественной сущности себя, поскольку тело – одеяние / сосуд для души и отражает ее состояние [Еф. 4:20-24]. Практическая философия в данном контексте проявляет себя в виде идей калокагатии и пайдеи, возрождаемых гуманистами.

В активной жизненной позиции проявляется и христианская составляющая, так как человек, во смирении следя за Христом в его божественной сущности и человеческом теле, стремится к спасению, и его воскресшее тело (одежды души) также предстанут перед Судьей. Гуманисты интерпретировали историю о сотворении Адама по образу и подобию Божию, увидев божественный дар человека в творческой энергии, благодаря которой он способен преобразовывать себя, общество, государство и физический мир.

Следовательно, необходимость менять себя обусловлена христианским представлением о греховности человеческой природы в сочетании с неоплатоническим представлением о теле – земной темнице души, лишающей ее духовного созерцания божественной истины, поэтому ей следует прививать добродетели и избавлять от тьмы невежества, облагораживать чувства (вестники души), тогда душа «божественной добродетелью одерживает верх над вещественной природой, своим светом одолевая мрак тела» [4, с.506]. Инкультурация (возделывание души и тела) возможно при наличии свободы и

воли к совершенству, что побуждает гуманистов полемизировать с учениями о предопределении (августинизм, кальвинизм и т.п.) и аристотелевскими представлениями о необходимости и причинности (материальной, формальной, действующей и целевой), управляющей миром физическим и метафизическими [1, т.1, с. 151-152, 170-171].

Так в марте 1507 года благородное собрание в остроумной игре-беседе создает идею придворного [4, с.13] за четыре дня, посвященные почитаемым Платоном и Аристотелем кардинальным добродетелям, необходимым для управления государством; и христианским добродетелям, связующим человека и Бога. Повествовать о качествах, необходимых совершенному придворному, выбирают в наибольшей степени преуспевшего в той или иной добродетели, по мнению направляющих беседу герцогини Елизаветы Гонзага и дамы Эмилии Пиа, в которых можно увидеть проявление божественной Мудрости Софии, Любви и Красоты. Лудовико ди Каносса из веронских графов посвящает свой рассказ Мужеству (силе тела и духа) и Умеренности, во второй день знатный генуэзец Федерико Фрегозо рассуждает о Благородумии, в третий Джулиано де Медичи (Маньифико) повествует о Справедливости правителя и создает идеальную придворную даму (*donna di palazzo*), и последний день Пьетро Бембо завершает гимном божественным добродетелям – Любви, Вере и Надежде.

Собрание проходит в Палаццо Дукале в Урбино, где находится сохранившийся по сей день кабинет – студиоло, созданный в 1473-1476 просвещенным монархом Федерико да Монтефельтро, отцом графа Гвидобальдо. Помещение украшено ренессансными мастерами по рисункам Рафаэля аллегорическими изображениями добродетелей, искусств, наук и великих людей, о которых ведется речь в диалоге [7]. Кабинет служит визуальной канвой для книг Кастильоне и «театром памяти» для игры о «придворной жизни», подчеркивает преемственность поколений к сыну от венценосного отца-наставника, обладающего упомянутыми добродетелями, служит фундаментом новой придворной культуры, основой для инкультурации человека и сообщества нового склада, представленного через «живописный портрет урбинского двора» [4, с.9].

Граф Лудовико в первый день представляет эталон придворного, восходящий к античным представлениям о калокагатии, полагая, что он должен иметь «от природы не только ум, красивые стать и лицо, но и некое изящество» [4, с.26], благородное происхождение наделяет его способностями, закладывает стремление следовать семейным традициям, законам чести и преумножать славу рода [2]. Собравшиеся обсуждают, насколько важно благородное происхождение для идеального придворного, воспроизводя диапазон мнений от гомеровского и феогнидовского архаичного представления о наследственной аристократии до сократической традиции, отождествляющей прекрасное, благое и полезное [11, т.1, с. 237-239], когда целью добродетели является прекрасное [1, т.4, с.316], благодаря чему калокагатия – результат пайдейи, поскольку «всякий человек состоит из души и тела, а душа в свою очередь заключает в себе разум и страсти» [1, т.4, с.450].

Граф также полагает, что некоторые могут обладать «всеми благами души и тела» не только благодаря благородному семейному корню и добром воспитанию, ими может наделить природа и благоприятное расположение звезд. При этом рожденные со средними способностями «могут усердием и трудами сгладить и выправить большую часть природных недостатков» [13, с.26], также он признает наличие тех, кто не обладает прекрасным телом и душой и с трудом поддается образованию и воспитанию. Собеседники приводят множество примеров, иллюстрирующих, что придворный должен

проявлять непринужденное, свободное и изящное (грациозное) владение искусствами [14], в т.ч. и военным, необходимыми для служения правителю.

Жанр книги демонстрирует и формирует такую составляющую образования, как обучение навыкам коммуникации [22]. В основе коммуникации придворных урбинского двора лежит вежливость в поведении [18], в отличие от вежливости в этикете [20]. Придворный должен хорошо писать и изъясняться, чтобы точно, ясно, изящно и приятно выражать мысли. Книга начинается с обширного посвящения епископу Визеу, где Кастильоне размышляет о том, какие языки и наречия лучше – древние или новые, и этот спор периодически возникает далее [3]. Собравшиеся занимают позицию, что для наилучшей коммуникации не стоит злоупотреблять устаревшими или умершими словами, которые никто не понимает, хотя они придают речи возвышенность или учёность. Гуманисты-придворные демонстрируют глубокие познания в античной философии, истории и словесности; отсылают к знаменитой библиотеке герцога Монтефельтро, где собраны книги на древнегреческом, латинском и древнееврейском, и приходят к заключению, что знание древних языков необходимо. Для придворного важно в совершенстве владеть «народным языком», а для дипломатии – современными европейскими языками (испанским, французским и т.д.). Граф Лудовико настаивает на том, что придворный кроме важного ораторского [21] должен владеть и искусством изящной словесности, чтобы понимать и ценить великие произведения.

Цель идеального придворного – наставление государя, поскольку правитель отвечает перед Богом за доверенный ему народ. Его власть, согласно библейской традиции, – божественна по своему происхождению, но государя необходимо оберегать от искушений, источником которых являются лжецы, льстецы и охотники за привилегиями. Ему необходим идеальный придворный, долг которого – говорить правительству правду. Придворный должен наставлять правителя добродетелях, важных государства: любовь к отечеству, народу и свободе, справедливость, почитание закона, благочестие, честность, великодушие и щедрость; во избежание мятежа не способствовать появлению крайностей – нищеты и роскоши [1, с.298-299].

Придворное искусство гармонично сочетает владение воинским мастерством, мусикальными искусствами (поэзией, музыкой, танцами, живописью) и философией, поскольку правильное воспитание необходимо, «чтобы хорошим управлением дать досуг, покой и мир» [4, с.295], поскольку без досуга, в аристотелианском понимании, невозможно заниматься философией и управлением. Синьор Оттавио полагает, что добродетельные подданные, владеющие придворным искусством, делают великим и самого государя.

Оппоненты-аристотелики, возглавляемые Гаспаро Гонзага, сводят доблести и навыки придворного к военному делу, а дамы – к скромности и красоте, но платоновский страж должен обучаться философии, чтобы быть справедливым, великодушным к своим и суровым – к врагам. Оттавио, напротив, последовательно смешает фокус с придворного-военного на наставника правителя, уподобляя его и Аристотелю и Платону, наставлявшим Александра Македонского, который научил «добрым обычаям те варварские народы, которые одолел, <...> соединил Азию с Европой узами дружбы и святых законов» [4, с.303], и тирана Дионисия. Подчеркивается, что доброму придворному для осуществления его благородной цели требуется знать природу и наклонности государя, чтобы искусно получить его расположение и доверие, и затем вести к добродетели. Придворному и правительству, чтобы не оступиться в столь изменчивом мире,

необходимы такие качества, как умеренность и стойкость кударам судьбы, каковую можно достичь посредством усовершенствования разумной части души.

Совершенные придворный и государь, оказываются философами, что не противоречит военной доблести, поскольку Сократ, Платон, Аристотель в качестве граждан защищали свой город с мечом в руках. Именно философы должны заниматься управлением государства в военное и мирное время. Собравшиеся находят примеры доблестных правителей в прошлом (Александр Македонский), среди современных правителей (Гвидобальдо герцог Урбино, и др), и в молодом поколении одаренных талантами наследников (Генрих VIII, Карл V). Великие правители христианского мира посланы поданным Богом от достойного корня, что подчеркивает традиционную и наследственную составляющую власти, при этом не отменяет необходимости в обучении и воспитании монарха придворным-наставником.

Спор среди собравшихся вызвал вопрос об идеале придворной дамы и добродетелях, приличествующих ей [\[13\]](#). Гуманисты опираются на политические идеи инкультурации всех граждан – мужчин, женщин и детей Платона и Аристотеля [\[3\]](#). У Аристотеля обучение имеет целью поддержку имеющегося типа государства; у Платона его практический характер связан с идеей процветающего государства, где сословная принадлежность определяется в зависимости от предрасположенности, которая дополняется воспитанием [\[11, т.3, с.136-139, 421-423\]](#).

Маньифико и сеньор Чезаре отстаивают позицию Платона: женщин нужно воспитывать и образовывать как мужчин данного сословия, поскольку душа не обладает полом и человеческая сущность одинакова, а различие акциденциально и проявляет себя в том, что женщины телесно несколько слабее. Источником порчи оказывается низшая часть души, и поведение человека зависит от того, какая часть души и способ познания преобладают. В ответ на высказывание аристотеликов-оппонентов о большей склонности женщин к порокам, похоти и лживости гуманист указывает на их источник в изменяющемся мире и ненадлежащем воспитании, подчеркивая, что мужчинам свойственны те же пороки, более того, они часто искушают женщин, особенно красивых: «дурное воспитание, постоянные притязания любовников, подарки, бедность, надежды, обманы, страх и тысячи других вещей побуждают стойкость красивых и добрых женщин; по этим же или подобным причинам могут становиться преступными и красивые мужчины» [\[4, 506\]](#).

Синьор Гаспаро и его сторонники апеллируют к аристотелианскому представлению о женщине, ярко представленному в «Политике», согласно которому отношения мужчин и женщины онтологически определены и строятся по аналогии: форма – материя, душа – тело, земля – огонь. Хотя женщина и наделена человеческим разумом, в ней доминирует животная и растительная части души, поэтому она пассивна и должна быть управляема мужчиной: «мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [\[1, т.4, с.383\]](#). Соответственно мужская добродетель проявляет себя в управлении, а женская – в послушании и ведении домашнего хозяйства.

Маньифико опровергает высказывание о том, что женщина всегда должна находиться в подчинении, апеллируя к массе исторических и современных примеров женщин-воинов, философов и прекрасных правителей (Аспазия, Диотима, Гипатия, императрица Феодора, Изабелла I Кастильская, герцогиня Урбино и т.д.). Гуманисты полагают, что идеальному мужчине-придворному должна соответствовать идеальная женщина-придворная,

владеющая теми же искусствами и наделенная теми же добродетелями. Женщины, у которых преобладает созерцательное интеллектуальное познание, склонны к философии; разумное – к мусическим и другим искусствам (женщины-воины), а чувственное – к кухне и прялке (страстная и вожделеющая часть души). Образование дамы должно включать занятия воинским и мусическими искусствами (литературой, музыкой, живописью, танцами, красноречием) и философией, ее воспитание должно прививать такие добродетели как сдержанность, великодушие, осмотрительность, изящные манеры, повседневное умение поддерживать опрятность и телесную красоту.

Гуманисты, предлагая универсальное образование и воспитание для придворных и правителей, руководствуются идеей гармонии Космоса и процветания государства, что достижимо в условиях мира и невозможно при войне. Здесь мы видим влияние платоновского рассказа о некогда идеальном государстве Атлантида, смытом отцом-Посейдоном с лица земли, поскольку атланты утратили свою божественную сущность, предали забвению божественные законы и, ведомые завистью и алчностью, захватили и разграбили чужие земли. И Аристотель полагает, что «Конечной целью войны является мир, целью работы — досуг» [\[1, т.4, с.619\]](#). Отавио вслед за ним подчеркивает, что государства, процветающие благодаря войне, разрушаются в мирное время, поэтому правитель и придворные для защиты своего государства должны быть искусны в военном деле, совершенны и прекрасны физически, а эвдемонии (счастливой и добродетельной жизни) можно достичь благодаря мирной жизни и досугу.

Именно досуг позволяет укрепить разумную часть души, погрузив ее в философское созерцание божественной красоты и в добродетельную жизнь, облагородить слух посредством музыки и поэзии, а зрение – живописи и архитектуры. Разумная часть души должна преобладать над страстной и вожделеющей (животной), поэтому досуг как форма счастливой жизни, приближающей человека к божественному состоянию противоположен праздности и чувственным удовольствиям.

Данные идеи и последующие гуманистические проекты объединяет мысль о том, что образование и воспитание дается поданным для процветания и благополучия государства. Источником добродетелей является установленный Творцом порядок, который проявляется в платоновском Космосе и зиждется на мере и пропорции. Гармония проявляет себя и в структуре платоновского государства, аналогичной стихиями: воздух – философи, огонь – стражи, земля и вода – земледельцы, ремесленники и торговцы. Подобно Космосу, описанное в «Придворном» государство живое, обладает единым, сложенным и иерархичным человекоподобным телом, состоящим из государя-головы, знати и народа; сочетает три вида «доброго правления – монархии, аристократии и народоправства» [\[4, с. 445\]](#).

Гуманисты включаются в полемику о достойном образе жизни (*modus vivendi*), счастьи и блаже человека, посвятившего себя государственной деятельности, начатую Аристотелем и продолженную христианскими теологами. В «Никомаховой этике» он вслед за Сократом и Платоном связывает эвдемонию с добродетелями и выделяет три образа жизни: скотский (чувственные удовольствия и наслаждения), государственный (почет) и созерцательный [\[4\]](#). При этом кажется парадоксом, урбинский двор отдает предпочтение жизни созерцательной (*vita contemplativa*), а не активной (*vita activa*). Здесь гуманисты отходят от позиции Аристотеля, предавшего управляющим *vita activa*, и следуют не за новозаветной Марфой, а за Марией, севшей у ног Христа. Собравшиеся посвящают четвертый день рассуждению о познании, и сами проходят этот путь, завершая его интеллектуальным созерцанием (*vita contemplativa*), обретая счастье в божественной

истине.

В рамках полемики о женщинах возникает еще один вопрос: является ли красота благом, на что схоласты дают отрицательный ответ, поскольку красота может быть результатом иллюзии, гуманисты – положительный: «благое и прекрасное в каком-то смысле суть одно и то же, особенно же в человеческих телах; ибо главнейшей причиной их красоты считаю я красоту души, которая, как сопричастница той истинной божественной красоты, озаряет и делает прекрасным то, чего касается» [\[4, с.505\]](#). При этом обе стороны согласны, что чувственное восприятие является причиной заблуждений и невежества, но гуманисты настаивают на том, что источник прекрасного – благое, божественное, поэтому она познается разумной частью души. Бембо подчеркивает, что чувственное и телесное познание прекрасного никогда не удовлетворит желание, а приводит к меланхолии. Прекрасное можно постичь только глазами (созерцание), следуя таким добродетелям как благородство, учтивость, благоразумие.

Бембо соединяет учение Платона о душе (состоящей из разумной, страстной и вожделеющей частей), христианским теологическим гносеологическим представлением, восходящим к учению Фомы Аквинского: «В нашей душе имеются три способа познания – чувством, разумом и интеллектом; от чувства проистекает вожделение, общее у нас с грубыми животными; от разума проистекает выбор, то есть свойственное человеку; от интеллекта же, которым человек может общаться с ангелами, проистекает воля. Как чувство познает чувственно воспринимаемые вещи, вожделение только их одних и желает; как интеллект обращен лишь к созерцанию вещей умопостигаемых, то и соответствующая ему воля питается лишь духовными благами» [\[4, с.493\]](#).

Гуманисты согласны с Аристотелем и Платоном, что чувственные наслаждения питают вульгарную часть души, поэтому придворный должен руководствоваться разумом, который ведет к созерцательной жизни и добродетели. Данная цель коррелирует с мифом о пещере, поскольку на основании чувств мы получаем иллюзорное представление, а свет вечной истины познаем интеллектом. Воспитание чувств, страстей и органов восприятия [\[17\]](#) происходит посредством любви, что раскрывается в противопоставлении любви молодого и немолодого придворных к прекрасной даме, а также отсылает к платоновскому «Пиру» и петrarкистскому поэтическому идеалу. Любовь оказывается основным путем-восхождением от чувственного к познанию божественного [\[16, 19\]](#), ее предназначение раскрывается в сочетании с такими взаимосвязанными категориями, как красота, гармония, благо, добродетель, польза.

Бембо в заключительном гимне любви соединяет аристотелианское представление, согласно которому Первовигатель (целевая причина) движет «как предмет любви [любящего], а приведенное ею в движение движет остальное» [\[1, т.1, с.309\]](#)[\[5\]](#), платоновскую идею о любви (Эросе) как божественном, связующем бренное с небесным [\[6, с.119-122\]](#)[\[6\]](#); неплатоническое восхождение от чувственного познания к созерцанию, от земной красоты и любви к божественной, очищающей от порока и пробуждающей небесную душу[\[7\]](#). Апофеоз любви проявляет себя в метафоре смерти любящего как соединении с божественным началом, что символизирует христианскую жертвенную природу и обретение Любви Небесной[\[8\]](#). Так пламя божественной любви возникает среди собрания, достигшего калокагатии, поскольку ей «угодно обитать в цвете прекрасных тел и прекрасных душ и оттуда порой помалу являть себя глазам и умам достойных тебя видеть, думаю, что твоя обитель сейчас — здесь, среди нас» [\[4, с.523\]](#).

Придворная игра представляет собой очищение от пороков тела, обмана чувств и невежества души, неоплатоническое восхождение от тьмы незнания посредством очищения истинной философией к интеллектуальному познанию, возможному только для окрыленной любовью души, поэтому важнейшим элементом композиции книги является время. Беседы начинаются вечером с появлением на западе вечерней Венеры (Веспера) и заканчиваются с первыми лучами зари, с появлением на востоке утренней Венеры (Геспера). Собравшие, бодрствовавшие всю ночь, ощущают не усталость, а прилив жизненных сил, продолжая днем обсуждать услышанное, что является метафорой духовного возрождения, включающего христианское представление о бодрствовании души (противоположной духовной лени) во время пути через смерть (духовный запад, любовь земную) к обновлению (духовный восток, Любовь Небесную). В последний день происходит пробуждение душ от смертного сна, выход из пещеры незнания, гармонизацию души с природным порядком: «уже утро, — ответил мессер Чезаре и указал на свет, пробивавшийся через щели между ставнями. <...> занялась прекрасная розовая заря и исчезли все звезды, кроме нежной правительницы неба — Венеры, хранящей границы ночи и дня» [\[4, с.529\]](#).

Таким образом, к концу книги фокус с облагораживания чувств, смещается на вознику-разум, управляющий ими, что должно привести к эвдемонии. Это закольцовывает композицию и возвращает нас к началу книги так же, как в мифе о пещере, познавший должен вернуться и вызволить из оков оставшихся, пребывающих во тьме невежества, и обратить свое знание во благо живущих^[9]. Согласно сократической традиции грех происходит от незнания, тогда как в библейской истории прародители совершили грехопадение, вкусив запретный плод познания, а гуманистическая мысль примиряет традиции, делая разум основанием добродетели, апеллируя к божественному Логосу, которым был сотворен и освещен мир [Ин.:1-4]. Бытие в силу его вечности и неизменности доступно только разуму, поэтому путь придворного лежит из тьмы греха и оков незнания к свету знания и добродетели.

Идеи платоников дополняются неоплатоническим восхождением: в огненном оперении взлетающей души Бембо продолжает метафору Плотина. Следуя за любовью, она возносится от чувственного аффективного вульгарного восприятия телесной красоты к бестелесному воображению, которое поднимается от образа тела к созерцанию всеобщей красоты (душа уподобляется птенцу, меняющему пушок на оперение, но привязана к гнезду – органам чувств); затем душа открывает очи разума и, зажжённая небесной Любовью, поднимается к интеллектуальному ангельскому видению божественной Красоты [\[4, с. 398-400\]](#).

Завершается диалог на рассвете гимном Красоте и Любви – основах миропорядка согласно Платону и Данте: «Был ранний час, и солнце в тверди ясной / Сопровождали те же звезды вновь, / Что в первый раз, когда их сонм прекрасный / Божественная двинула Любовь» [«Ад» Песнь первая, ст. 37-40]. Красота интерпретируется как благо и причина возникновения любви, разделяемой платониками на Любовь разумную (небесную) и вульгарную (земную).

В трактате «О придворном» Б. Кастильоне излагается целостное представление об идеальной модели инкультурации, состоящей из совершенствования тела, облагораживания чувств и обучения разума для посвятивших себя политической жизни. Это образование не опирается на такие средневековые институты, как школа или университет. Искусства и науки, которым обучается придворный выходят за рамки тривиума и квадривиума, что указывает на стремление выйти за пределы средневековой

образовательной системы, превратить философию из служанки теологии в искусство, необходимое для управления государством, секуляризовать ее, сохраняя христианскую основу добродетелей и понятие общего блага.

Для данной модели необходим соответствующий тип учреждения, где будут учиться придворному искусству и, казалось бы, гуманисты должны предложить аристотелианский ликей, платоновскую академию или семью из идеального государства, но в процессе диалога становится очевидным, что сам двор становится тем местом, где придворный совершенствует свои практические навыки, мышление и добродетели, получает необходимый опыт управления. Гуманисты развиваются идеи Ксенофона, где в качестве наставников предлагаются опытные добродетельные люди, преуспевшие в том или ином искусстве (танце, музыке, живописи, военном и т.п.), включая государственное управление^[10]. Единственным упоминаемым способом инкультурации и приобщении к придворному искусству является наставничество, которое при помощи собственного примера и дружеской беседы позволяет передать физические навыки, опыт, знания, а также привить добродетели, без которых немыслима благая жизнь. Периодически собравшиеся примеряют на себя идеал придворного, обнаруживая, что искомые качества так или иначе проявлены среди собравшихся и современников, достойных стать наставниками.

Таким образом, доброго подданного нужно воспитывать и прививать ему то, что не дано от природы. Б. Кастильоне описывает познание как неоплатоническое восхождение от земного и божественному вечному: от воспитания тела и облагораживания чувств к пониманию – от рождающей (желания) и страстной (воли) души к душе бессмертной (разум, интеллект). Эту модель он дополняет аристотелевским способом воспитания и обучения: природному (фюсис) прививаются добродетели и искусства сначала через привычку, повседневный телесный навык и опыт (этос), затем – через понимание или разум (логос) [\[1, т.4. с.614-615\]](#).

Таким образом, композиция текста строится по платоническому принципу восхождения от мира изменяющегося к миру идей, небесному: придворный / придворная –> государь –> государство –> Космос –> познание –> добродетельная счастливая жизнь в государственном служении. Придворный, познавая и созерцая Космос, обретается в добродетели и привносит божественную гармонию в государство. Форма диалога-игры также служит средством наставничества при помощи рассуждения, сократического диалога, аргументации и отстаивания своей позиции в полемике. Дискурс разворачивается от описания идеи придворного, которая экстраполируется на придворную даму, к появлению блестящего двора, цель которого – служение государству и государю, наставничество правителя в добродетелях, досуге и управлении, необходимых для мирного процветания государства.

[\[1\]](#) «О философия, водительница душ, изыскательница добродетелей, гонительница пороков! <...> Ты породила города, ты соединила в общество рассеянных по земле людей, ты объединила их сперва домами, потом супружеством, наконец – общностью языков и письмен; ты открыла законы, стала наставницей порядка и нравственности <...> человеческая душа произошла от божественного духа и сравнима быть может только с самим Богом <...>, если о душе долгое время заботиться и следить, чтобы зрячесть ее не омрачалась никакими заблуждениями, то она становится совершенным умом, безотносительным разумом, иными словами – добродетелью. И если блаженно все то,

что само в себе полно и закончено, а это — свойство добродетели, то ясно, что всякий, кто причастен к добродетели, блажен [\[15, с. 324, 335\]](#).

[\[2\]](#) «чтобы наш придворный был по рождению рыцарем, и чтобы род его имел добрую славу. Ибо нерадение о делах доблести гораздо меньше пятнает человека неблагородного, чем благородного, который уклоняется от пути предков, порочит родовое имя, не только не приобретая ему славу, но теряя приобретенную до него. Благородное происхождение — как яркий светильник, который освещает и делает видными добрые и дурные дела, воспламеняя и побуждая к доблести как боязнью бесчестия, так и надеждой на похвалу» [\[4, с.25\]](#)

[\[3\]](#) «...семья составляет часть государства,<...> необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю; и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устроению, то надо иметь также достойных детей и достойных женщин.<...> женщины составляют половину всего свободного населения, а из детей потом вырастают участники политической жизни» [\[1, т.4, с.401\]](#).

[\[4\]](#) «люди весьма грубые, [разумеют под благом и счастьем] удовольствие, и потому для них желанна жизнь, полная наслаждений. Существует ведь три основных [образа жизни]: во-первых, только что упомянутый [животный], во-вторых, государственный и, в-третьих, созерцательный. <...> Люди достойные и деятельные (praktikoi) [понимают под благом и счастьем] почет, а цель государственного образа жизни почти это и есть» [\[1, т.1, с. 58\]](#).

[\[5\]](#) «Ты, прекраснейшая, преблагая, премудрая, происходишь из единства красоты, благости и премудрости Божией, и пребываешь в нем, и в нему, как по кругу, возвращаешься. <...> Ты приводишь в согласие стихии, побуждая природу производить то, что рождается в преемстве жизни. Ты соединяешь разделенное, несовершенному даешь совершенство, неподобному — подобие, враждующему — дружбу, земле — плоды, морю — спокойствие, небу — животворный свет» [\[4, с. 337-338\]](#).

[\[6\]](#) «Ты, сладчайшая связь мира, посредство между небесным и земным, благостным умягчением преклоняешь горние добродетели к управлению теми, что ниже их, и, обращая мысли смертных к их первоначалу, их с ним сопрягаешь» [\[4, с.337\]](#).

[\[7\]](#) «И как естественный огонь очищает золото, так этот священнейший огонь в душах уничтожает, сжигает все смертное, животворя и украшая ту небесную часть души, что была прежде умерщвлена и погребена чувством» [\[4, с.337\]](#).

[\[8\]](#) «Прими наши души, сами себя тебе приносящие в жертву; сожги их на живом огне, прожигающем всякую бренную некрасоту, чтобы они, всецело отделенные от тела, соединились вечной и сладчайшей связью с божественной красотой, а мы, отлучившись от самих себя, как истинно любящие, могли преобразиться в любимого и, вознеся их от земли, получили доступ на пиршество ангелов, где, вкушая амброзию и нектар бессмертия, наконец умрем счастливейшей и животворной смертью» [\[4, с.338\]](#).

[\[9\]](#) «Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого. <...> в том, что познааемо, идея Блага — это предел, <...> она — причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает

свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни» [\[6, т.3, с.298\]](#).

[\[10\]](#) «чему обязан был Фемистокл таким выдающимся положением в государстве <...>, общению ли с каким-нибудь ученым или своим природным дарованиям? Сократ <...> сказал, что если нельзя сделаться хорошим мастером в ремеслах без порядочного учителя, то было бы наивно воображать, будто способность к делу такой первостепенной важности, как управление государством, приходит к человеку сама собой» [\[6, с.116\]](#).

Библиография

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Под ред. В. Ф. Асмуса и др. М.: Мысль, 1976–1983.
2. Брагина А. М. От этикета двора к правилам поведения средних слоев: "Книга о придворном" Бальдассара Кастильоне и "Галатео, или О нравах" Джованни Делла Каза // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб.: Алетейя, 2001. Вып. 1. С. 196-215.
3. Жолудева Л.И. Трактат Б. Кастильоне «О придворном»: концепция «придворного» языка и итальянская национально-культурная идентичность // Litera. 2018. № 4. С. 251-258. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.4.28102 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28102
4. Кастильоне Б. Придворный / Пер. с ит. П. Епифанова. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021.
5. Кащей Н. А. Риторика раннего абсолютизма (Бальдасар Кастигионе) // Ученые записки НовГУ. 2018. № 6 (18). С. 1-4.
6. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Пер. с древне-греч. С. И. Соболевского. М.: Наука, 1993.
7. Махо О. Г. Образы войны и науки в интарсиях урбинского студиоло Федерико да Монтефельтро // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2015. № 2 (37). С. 155-161.
8. Модель качеств личности будущих служащих органов публичной власти: методическое пособие / Под ред. Н. С. Гаркуши. М.: Президентская академия, 2025.
9. Назарова Ю. И. Идеальный придворный в контексте гуманизма эпохи возрождения (по трактату Бальдассаре Кастильоне "О придворном") // В сб.: Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XL Всерос. науч. конф. "Курбатовские чтения". СПб, 2021. С. 306-311. EDN: RTNNUQ
10. Назарова Ю. И., Шадрина Н. А. Трактат Бальдассара Кастильоне как источник изучения специфики придворной жизни Италии XV-XVI вв. // Казанский вестник молодых учёных. 2021. Т. 5. № 2. С. 130-135. EDN: NRAZRQ
11. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Под ред. А. Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1990–1999.
12. Подшивалова П. И. Скульптурные образы в голландском портрете второй половины XVII в. Проблемы интерпретации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2024. № 4. С. 683-705. DOI: 10.21638/spbu15.2024.404 EDN: ETYYLB
13. Пророкова М. В. Особенности "споря о женщинах" в итальянском гуманизме XVI века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 78-89. EDN: NCBCTR
14. Рыков А. В. Классическое искусство, или универсальность лжи (к вопросу об интерпретации теоретического дискурса XVI-XVIII веков) // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2023. № 2. С. 87-90. DOI: 10.24412/2686-7443-2023-2-87-90 EDN: GBZVNE
15. Цицерон М. Т. Избранные сочинения / Пер. с лат. Гаспарова М. Л. М.:

Художественная литература, 1975.

16. Чжан Ц. Лестница любви у Бальдассаре Кастильоне и Эдмунда Спенсера // Аналогии, связи, влияния. Межвузовский сборник научных статей. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. С. 184-192. EDN: ZMEDLX
17. Gulizia S. "Castiglione's 'Green' Sense of Theater" // Poetics and Politics: Net Structures and Agencies in Early Modern Drama / Ed. by T. Bernhart, J. Drnovšek и др. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. С. 101-118.
18. Jucker A. H. Conduct politeness versus etiquette politeness: a terminological distinction // Journal of Politeness Research. 2024. Vol. 20. № 1. С. 87-109. DOI: 10.1515/pr-2023-0071 EDN: PAYONZ
19. Leushuis R. Castiglione and Platonic Love // Platonic Love from Antiquity to the Renaissance. Cambridge: Cambridge University Press eBooks, 2022. С. 258-274.
20. Paternoster A. The codification of nineteenth-century etiquette: On politeness, morality, rituals and discernment // Journal of Historical Pragmatics. 2023. № 24(1). С. 160-178. DOI: 10.1075/jhp.00069.pat EDN: OWHNBQ
21. Till D. "Simulatio/dissimulatio – Stellung/Verstellung: Rhetorik, höfische Verhaltenslehre, Ethik (mit Überlegungen zur Rezeption von Balthasar Graciáns Handorakel in Deutschland)" // Rhetorik. 2024. Vol. 43. № 1. С. 25-42. DOI: 10.1515/rhet-2024-0003 EDN: OYVCVA
22. Wareh P. 1 Imprinting and performance in Castiglione's Book of the Courtier // Courteous exchanges: Spenser's and Shakespeare's gentle dialogues with readers and audiences. Manchester: Manchester University Press, 2023. С. 39-72.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемый текст «Совершенствование тела, облагораживание чувств, обучение разума: об идеальной модели инкульпации в раннее Новое время» представляет собой историко-философское исследование инкульпационных практик раннего Нового времени (Венеция, начало XVI века), источниковой базой исследования является текст итальянского автора Бальдассаре Кастильоне «Придворный» (*Il Libro del Cortegiano*), который автором рассматривается как «исторически достоверное свидетельство о реальных социокультурных практиках эпохи, оказавших существенное влияние на европейскую светскую культуру». Работа таким образом содержит потенциал для междисциплинарного исследования, т.к. автор обращается к тексту, одновременно иллюстрирующему культурные практики конкретного времени и места (Венеция, 1510-1520-ые гг.), а с другой стороны являющемуся примером возрожденческой инкульпации античного наследия и христианских принципов. Автор не вполне воспользовался этими возможностями, сосредоточившись преимущественно на отражении в тексте Кастильоне платонических/неоплатонических мотивов и идей, что составляет безусловно важный, но не единственный аспект текста. Структурно работа сведена по сути к комментированному пересказу содержания текста Б. Кастильоне, научно-методический сегмент работе выражен слабо, характеристика источника дана поверхностно, обзор литературы по предмету исследования, равно как по общей проблематике инкульпации раннего Возрождения отсутствует: при том что библиографический список содержит достаточное количество российских и зарубежных

публикаций, их развернутый анализ отстуствует. Единственная указанная смысловая параллель, которую автор счел нужным упомянуть - между текстом Б. Кастильоне и методическим пособием «Модель качеств личности будущих служащих органов публичной власти: методическое пособие / Под ред. Н. С. Гаркуши (2025) - вызывает некоторое недоумение. Методология, новизна исследования, полемика относительно иных концепций, актуальность исследования не заявлены, в итоге поле исследования рецензируемой работы представляется значительно суженным по сравнению с изначально открывавшимися перспективами. Стилистически и композиционно работа, таким образом, скорее представляет собой историко-философское эссе, нежели полноценную научно-исследовательскую работу. В этом качестве работа вполне состоятельна и может представлять интерес для читателя, т.к. дает некоторое представление о самом тексте (Бальдассаре Кастильоне «Придворный»), общем контексте его создания, сюжете и проблематике текста. Выводы по итогам исследования носят довольно ограниченный характер, касаясь опять-таки сути транслируемых в конкретном тексте принципов и идей, без попыток экстраполяции, обобщений и т.д.: "В трактате «О придворном» Б. Кастильоне излагается целостное представление об идеальной модели инкультурации, состоящей из совершенствования тела, облагораживания чувств и обучения разума для посвятивших себя политической жизни. Это образование не опирается на такие средневековые институты, как школа или университет.. и т.д." Таким образом работа представляет определённую ценность именно в историко-философском анализе античного влияния на конкретный текст Б. Кастильоне. Рецензируемый текст рекомендуется к публикации.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Москвитин В.А. За пределами алгоритмов: Философская критика Хьюберта Дрейфуса // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.74146 EDN: KOLIJB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74146

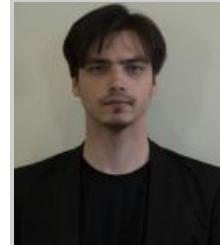
За пределами алгоритмов: Философская критика Хьюберта Дрейфуса

Москвитин Валерий Александрович

ORCID: 0009-0003-7642-6198

преподаватель; кафедра Б5 «Теоретическая и прикладная лингвистика»; «Балтийский государственный технический университет „ВОЕНМЕХ“ им. Д.Ф. Устинова» аспирант; кафедра Б4 «Философия и история России»; «Балтийский государственный технический университет „ВОЕНМЕХ“ им. Д.Ф. Устинова»

190005, Россия, г. Санкт-Петербург, Адмиралтейский р-н, ул. 1-я Красноармейская, д. 1/21

[✉ moskvitin_va@voenmeh.ru](mailto:moskvitin_va@voenmeh.ru)[Статья из рубрики "Философия техники"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.11.74146

EDN:

KOLIJB

Дата направления статьи в редакцию:

18-04-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена философскому анализу критики, выдвинутой Хьюбертом Дрейфусом в адрес традиционных концепций искусственного интеллекта (ИИ). Основное внимание уделяется детальному изложению аргументации Дрейфуса, касающейся принципиальных ограничений символического подхода в ИИ, который редуцирует человеческое мышление к формализованным алгоритмическим структурам. В рамках исследования рассматриваются ключевые работы Дрейфуса, такие как «Alchemy and AI», «What Computers Can't Do», «Mind Over Machine», а также его обращение к феноменологической традиции, представленной Хайдеггером и Мерло-Понти. Особое внимание уделяется критике рационалистических предпосылок, на которых основывается современный ИИ. Исследование акцентирует внимание на утверждении Дрейфуса о том, что человеческий интеллект не может быть сведён к вычислительным системам, что обусловлено важностью бессознательных механизмов, телесного опыта и социокультурного контекста в процессе познания. Методология включает философский

анализ ключевых работ Дрейфуса, деконструкцию рационалистических и функционалистских концепций ИИ, сравнение символического подхода с альтернативными парадигмами (нейронные сети, теория воплощённого познания). Используются герменевтические и феноменологические методы для раскрытия онтологических и эпистемологических основ критики. Научная новизна данного исследования проявляется в глубокой систематизации и теоретическом осмыслинии критических позиций Х. Дрейфуса, направленных против традиционных парадигм классического искусственного интеллекта. Анализируется его пятиступенчатая модель освоения навыков — путь от новичка к эксперту — которая раскрывает трансформацию когнитивных процессов от формализованного алгоритмического мышления к интуитивно обусловленному пониманию. Обоснована принципиальная неформализуемость здравого смысла и профессионального мастерства, которые имеют свои корни в телесно-ориентированном опыте и историко-социальной аккультурации субъекта. Сделанный вывод акцентирует необходимость сдвига исследовательских приоритетов в области ИИ с чисто символических методов на гибридные когнитивные системы, способные интегрировать экзистенциальные, культурные и эмпирические измерения человеческого бытия. Критический дискурс Дрейфуса побуждает к переосмыслению технократических практик создания интеллектуальных систем и стимулирует введение философских категорий и методологий в ядро разработки будущих интеллектуальных технологий.

Ключевые слова:

Хьюберт Дрейфус, искусственный интеллект, феноменологическая критика, символическая парадигма, рационалистический редукционизм, нейронные сети, телесность, технократическая критика, дрейфусовская модель, философия техники

Ход исследования

Хьюберт Дрейфус, выдающийся американский философ, представляющий феноменологическую традицию, в своих работах, таких как «Alchemy and AI»^[1], «What Computers Can't Do»^[2] и «Mind Over Machine»^[3], развивает ряд аргументов, которые ставят под сомнение возможность создания полноценного искусственного интеллекта (ИИ). Дрейфус утверждает, что человеческое мышление и интеллектуальное поведение в значительной степени основаны на бессознательных инстинктах, а не на сознательной обработке символической информации. Он подчеркивает, что эти бессознательные когнитивные способности, присущие человеку, по своей природе не могут быть адекватно встраиваемы в машинные системы через формализованные правила.

Дрейфус выдвинул аргумент, утверждающий, что человеческий интеллект и профессиональное мастерство в значительной степени опираются на бессознательные механизмы, а не на осознанную символическую обработку. Он акцентировал внимание на том, что эти неявные навыки невозможно полностью выразить через строгие формальные правила.

Критический анализ, проведённый Дрейфусом в контексте искусственного интеллекта, основывается на тщательном исследовании рационалистических эпистемологических предпосылок, которые служат основой для современного понимания человеческого интеллекта. Руководствуясь своей позицией, Дрейфус акцентирует внимание на несостоятельности рационалистической концепции, утверждающей, что человеческое понимание и интеллект могут быть сведены к формальным алгоритмическим процессам.

Дрейфус подчеркивает, что понимание, в отличие от простого сенсорного восприятия, связано с абстрактными идеями или универсалиями, обладающими вне временной и исторической значимостью. Эти идеи находятся вне зависимости от конкретных обстоятельств и контекстов, что ставит под сомнение возможность моделирования человеческого интеллекта с использованием алгоритмических принципов, основанных на формализме.

В рамках деконструкции функционалистских концепций, Дрейфус акцентировал внимание на несводимости ментальной деятельности к формализованной обработке символьных репрезентаций. В противовес доминирующему когнитивистским моделям, трактующим ум как информационно-обрабатывающее устройство, реализующее алгоритмические трансформации данных на основе детерминированных правил, Дрейфус, придерживаясь феноменологической перспективы, постулировал, что значительная часть человеческого знания конституируется не совокупностью эксплицитных декларативных утверждений, а сетью предпониманий, телесных навыков и контекстуальных ориентаций. Интерпретация мира осуществляется не посредством абстрактных символов, а на основе имплицитного, фонового горизонта здравого смысла, который принципиально не поддается репрезентации в форме дискретного набора фиксированных знаков. Следовательно, символическая модель знания утрачивает свою внешнюю валидность, если абстрагируется от экзистенциального контекста, в котором сам символизм обретает возможность.

При анализе более широкой философской проблемы формализуемости знания, Дрейфус ставит под сомнение одну из центральных предпосылок — веру в то, что любое знание, независимо от его происхождения или структуры, может быть выражено в строгих рамках формальной системы. Эта идея, поддерживаемая такими исследователями, как Джон Маккарти [5], основывается на принципах эпистемологического универсализма, который предполагает, что любое существующее знание может быть представлено через набор символов, подлежащих логическому анализу. В отличие от этого, Дрейфус подчеркивает, что значительная часть человеческой способности ориентироваться в мире проявляется не в декларативных знаниях, а в повседневной, телесно-воплощённой и контекстуально-определенной мудрости, которая принципиально недоступна полной формализации. Его концепция акцентирует внимание на знании как деятельностном процессе, встроенным в практику, а не имеющем универсальные аксиоматические свойства, которые могли бы быть выведены из него [4].

Фундаментальным основанием различных концептуальных построений, выявленных Дрейфусом, выступает глубокая онтологическая предпосылка, утверждающая возможность абсолютного выражения сущего посредством дискретных сущностей, характеризуемых определёнными свойствами и формально зафиксированными отношениями между ними. Такая когнитивная парадигма, исторически восходящая к новоевропейской метафизике и получившая своё дальнейшее развитие в рамках аналитической философии двадцатого столетия, постулирует способность бытию целиком подчиняться процессу символизации, означающего превращение любого феномена в объект точного научного осмысления, строгого категориального членения и чётких формализованных репрезентаций. Однако, основываясь на наследии экзистенциализма, особенно выраженному в трудах Мартина Хайдеггера [16], Хьюберт Дрейфус подвергает критике данную фундаментальную установку, определяя её как иллюзорную метафизику. По мнению Дрейфуса, человеческое существование нельзя свести лишь к позиции пассивного созерцателя внеположенного универсума, поскольку человек является существом, изначально погружённым в структуру самого существования, вследствие

чего полное отстранённое познание вещей, частью которых он сам оказывается, становится невозможным. Это критическое переосмысление пределов познавательной способности ведёт не только к сомнению относительно перспектив реализации полноценного искусственного интеллекта, но также радикально ограничивает амбициозность человеческих рациональных усилий в целом.

Хьюберт Дрейфус не отвергает возможность анализа человеческой активности — или любой другой — через призму определённых законов, аналогично тому, как можно воспринимать реальность как совокупность атомарных фактов в случае принятия данного подхода. Тем не менее, он указывает на то, что переход от этой условной интерпретации к утверждению о наличии объективной истины является неоправданным и логически проблематичным. Дрейфус акцентирует внимание на том, что такие предпосылки не обладают универсальной истинностью, и, как следствие, любое исследовательское направление, строящее свои выводы на данной основе, неизбежно столкнётся с основательными теоретическими и практическими вызовами. В результате, он утверждает, что современные усилия в сфере искусственного интеллекта подвергаются риску неудачи именно из-за своего уязвимого теоретического фундамента.

В своей критике классической парадигмы искусственного интеллекта, опираясь на герменевтическую феноменологию и экзистенциальную онтологию, Дрейфус оспаривает редукционистскую идею о возможности создания подлинно мыслящих машин исключительно посредством символьной обработки информации или моделирования формальных когнитивных структур. Он постулирует, что репликация человеческого мышления неразрывно связана с реконструкцией целостного онтологического контекста, конституирующего бытие человека. Данная перспектива имплицирует три фундаментальных условия, каждое из которых коренится в фундаментальных проблемах философии техники, антропологии разума и онтологии.

Философ утверждает, что создание устройств с интеллектом, аналогичным человеческому, потребовало бы наделения их:

- 1) Человекоподобным бытием-в-мире (термин Хайдеггера) [\[16\]](#),
- 2) Телом, сходным с человеческим,
- 3) Социальной аккультурацией (т.е. обществом, подобным нашему).

Дрейфус, интерпретируя хайдеггеровское понятие *Dasein*, акцентирует внимание на том, что мыслительный процесс и познание не представляют собой изолированные внутренние явления, а разворачиваются как формы бытийной вовлеченности индивида в окружающий мир. Человеческий интеллект коренится в экзистенциальной данности, в дофеноменологическом аспекте открытости миру, где понимание предшествует теоретическому отображению реальности. Таким образом, для воспроизведения человеческого интеллекта недостаточно лишь моделировать когнитивные функции — необходимо наделить машину способностью быть-в-мире. Это выражается в экзистенциальной соотнесенности с окружающим контекстом, восприятием не через символы, а через телесное присутствие и прагматическое вовлечение в конкретные условия.

Данное явление иллюстрирует переход от картезианской модели субъекта, рассматриваемого как мыслящая субстанция, к онтологии воплощённого сознания. В этой новой парадигме интеллект рассматривается не как изолированный продукт чистого разума, а как результат взаимодействия с миром. Познание происходит не в замкнутом

пространстве ума, а в процессе динамического взаимодействия субъекта с бытием. Это представляет собой радикальный сдвиг от репрезентационизма к онтологической герменевтике, где акцент смещается на интерпретацию и понимание в контексте существования. В рамках философии техники такая позиция выступает в качестве критики техно-наивности, которая предполагает возможность простого «программирования» интеллекта, игнорируя сложность и многогранность взаимосвязей между человеком и окружающей средой.

Вторым основополагающим условием, выдвигаемым Дрейфусом, является наличие у интеллектуального агента тела, сопоставимого с человеческим. В данной парадигме тело рассматривается не просто как носитель разума, а как первостепенный механизм, позволяющий ориентироваться в окружающем мире. Оно не является вторичным по отношению к разуму, а выступает его онтологической предпосылкой. Процессы познания, восприятия и интенциональности, а также логические структуры глубоко укоренены в телесной моторике и сенсомоторной взаимосвязи с объектами, что подразумевает «понимание через действие». Таким образом, тело становится неотъемлемой частью когнитивных процессов, формируя их основу и определяя способы взаимодействия с миром.

В соответствии с данной концептуальной рамкой, машинная система, лишенная телесного опыта, не обладает потенциалом для достижения аутентичного понимания реальности, ограничиваясь исключительно манипуляцией абстрактными символыми репрезентациями. Перцепция мира человеком фундирована на телесном опыте, посредством которого осуществляется дифференциация существенного и несущественного, а также устанавливается прагматическая значимость объектов. В этой связи, философия техники, исследуя перспективы конструирования сильного искусственного интеллекта, должна учитывать не только алгоритмические возможности, но и проблему телесного воплощения как фундамента конституирования любой значимости.

В заключение, Дрейфус акцентирует внимание на важности социализации будущего интеллектуального агента в контексте общества, структурно сопоставимого с человеческим. Он поднимает вопрос о том, что разум не развивается в условиях изоляции, а формируется в процессе социализации, который осуществляется через культурные практики, языковые взаимодействия, социальные нормы и обычаи — явления, охватываемые понятием аккультурации в антропологии. Таким образом, интеллект следует рассматривать не только как результат биологических или когнитивных процессов, но и как продукт социального становления, представляющий собой итог интернализации культурных форм и нормативных моделей поведения.

С точки технologизации науки ИИ следует рассматривать в контексте их неразрывной связи с культурной средой, которая формирует сознание и познавательную деятельность. Создание искусственного интеллекта невозможно без учета глубоких смысловых матриц, социальной истории и трансцендентного контекста, которые служат основой для интенциональных актов. В этой связи разработка машинного интеллекта представляет собой не только чисто инженерное задание, но и комплексную антропологическую и культурную проблему. Технологические достижения должны быть интегрированы в культурный контекст, а не изолированы в рамках логико-математических систем; это подчеркивает необходимость учета человечности в процессе создания и применения технологий.

Дрейфус разрушает миф о том, что разум можно выстроить из чисто абстрактных

компонентов. Он подчеркивает, что ум представляет собой бытийное качество, глубоко укорененное в теле, культурно структурированное и экзистенциально обусловленное. В контексте философии техники это выступает в качестве критики технократического редукционизма, который ограничивает интеллект рамками вычисляемого. Философия науки в этом аспекте предостерегает: любое знание о процессе мышления должно быть уравновешено той глубиной существования, которую оно стремится охватить. Иначе, технологии, пытающиеся имитировать разум, окажутся лишь симулякрами — математическими призраками, лишенными реального мира.

Дрейфус обосновал необходимость смещения фокуса в области искусственного интеллекта от формализации разумного поведения к автоматизации процессов, позволяющим нейронным сетям осуществлять обучение для различения образов и адекватной реакции на них. Он заметил, что создание устройства, способного эффективно выполнять это поведение, представляет собой значительно более сложную задачу. В своей аргументации он утверждал, что аксиоматизация физической системы и последующее аналитическое исследование её поведения являются осуществимыми и продуктивными процессами; напротив, аксиоматизация самого поведения и разработка физической системы на основе логического синтеза представляет собой значительно более трудоемкую и сложную задачу.

Следует подчеркнуть, что Дрейфус акцентирует внимание на приоритете практического, повседневного бытия и мышления по сравнению с теоретическим на уровне анализа, опираясь при этом на формально-логическую аргументацию. Это создает парадоксальную эпистемологическую ситуацию, в которой более глубинная природа одной структуры обосновывается средствами другой структуры, воспринимаемой в данном контексте как второстепенная и производная. Следовательно, данный эпистемологический парадокс может служить основой для сомнений как в обоснованности аргументации Дрейфуса, так и в самой позиции, занимаемой в рамках теоретической философии [12].

Дрейфус выдвигал критические замечания относительно целей и методов, применяемых в ИИ, подчеркивая, что они пронизаны рационалистическим пониманием интеллекта, которое на протяжении веков поддерживалось многими философами этого направления. В то время как Дрейфус сам склонялся к антирационалистическим взглядам XX века, представленным работами таких мыслителей, как Хайдеггер, Мерло-Понти [14] и Витгенштейн, он акцентировал внимание на том, что наиболее глубокое познание возникает не через рациональные вычисления, а через интуитивное восприятие. По мнению Дрейфуса, на начальных этапах профессионального обучения индивид действительно следует установленным правилам и предписаниям. Однако по мере накопления опыта и повышения мастерства его интеллектуальные процессы начинают опираться не на формализованные алгоритмы, а на эмпирические рекомендации и интуитивные решения, вытекающие из неформализуемого жизненного опыта. Таким образом, Дрейфус подчеркивает важность интуитивного понимания и эмпирического опыта в процессе освоения профессии, что ставит под сомнение доминирование рационалистических подходов в искусственном интеллекте [7].

Рационалистический подход в области искусственного интеллекта, как утверждает Дрейфус, наглядно проявляется в символическом ИИ, который редуцирует интеллектуальные процессы к манипуляциям с информацией в символической форме. Он подчеркивает, что такая редукция игнорирует значимость бессознательных и контекстуально зависимых практик, которые играют ключевую роль в человеческом

познании и не поддаются полной формализации.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что критика Дрейфуса в значительной мере сосредоточена на символических методах, применяемых в области искусственного интеллекта. На протяжении последних десятилетий научное сообщество активно развивает гибридные интеллектуальные системы, которые объединяют символическую парадигму с альтернативными подходами, такими как нейронные сети, эволюционные алгоритмы и модели, основанные на теории воплощённого познания. Эти новые системы предполагают иную интерпретацию интеллекта, которая выходит за рамки строгого анализа, предложенного Дрейфусом.

Во-вторых, критический подход Дрейфуса ярко выражает скептицизм, что обусловлено как его философскими убеждениями — в частности, влиянием позднего Хайдеггера и феноменологии, так и историческим контекстом его деятельности. Его работы были созданы в период, когда интерес к профессиональному интеллекту достиг своего пика, а критические взгляды на научные основы данной области оставались относительно маргинальными. В современных условиях, характеризующихся более прагматичным подходом к ИИ, его аргументы могут восприниматься как излишне категоричные, особенно с учётом частичных успехов новых технологий, которые формируют динамику исследовательских устремлений в данной сфере.

Центральный вектор критики Хьюберта Дрейфуса направлен на деконструкцию четырех фундаментальных априорных постулатов, конституирующих теоретический фундамент научных исследований в области искусственного интеллекта (ИИ). Первые два принципа квалифицируются исследователем как биологический и психологический, соответственно. Биологический принцип предполагает редукцию функциональности мозга к механизму вычислительной машины, а сознание интерпретируется как специфическая форма программного обеспечения, реализующего детерминированные инструкции. В рамках психологического принципа доминирует идея презентации мыслительных процессов как последовательности дискретных операций, организованных в соответствии с алгоритмическими правилами, оперирующими отдельными знаково-семантическими структурами.

Вторые два принципа в соответствии с мыслью Дрейфуса, имеют две основные установки: эпистемологическую и онтологическую. Первая установка предполагает, что любой аспект человеческой деятельности может быть представлен в виде чётко определённых и строго структурированных процедур, оформленных в рамках математического и формально-логического языка. Вторая установка, в свою очередь, постулирует существование реальности, составленной из множества изолированных элементарных сущностей, обладающих постоянством и автономией.

В своих ключевых трудах, особенно в «What Computers Can't Do», Хьюберт и Стюарт Дрейфусы формулируют одну из наиболее глубинных и философски аргументированных критик концепции сильного искусственного интеллекта. Центральный аспект их критики заключается в утверждении о принципиальной ограниченности вычислительных систем в овладении знаниями, связанными с повседневным здравым смыслом, а также об их неспособности к аутентичному интуитивному суждению. На взгляд авторов, корень проблемы не локализован в технических недостатках, а лежит в онтологических и эпистемологических основаниях символической парадигмы искусственного интеллекта. В этой перспективе Дрейфусы вводят концепцию градуированного освоения навыка, первоначально разработанную в практическом контексте обучения пилотов и операторов, однако позднее трансформировавшуюся в философскую критику

редукционистского понимания ИИ. Дрейфусовская модель приобретения навыков включает пять ступеней мастерства: новичок, продвинутый новичок, компетентный, продвинутый и эксперт, раскрывая тем самым динамику перехода от ригидного следования правилам к интуитивному и ситуативно адаптивному поведению [6].

Рассмотрим каждую ступень:

1. Новичок

На данной стадии познания знание представляется как совокупность независимых и строго определённых правил, предназначенных для применения в чётко очерченных ситуациях. Индивид на этом уровне не обладает способностью к ситуационному анализу; он следует предписаниям с абсолютной точностью, лишённый возможности интерпретировать информацию. Интеллект в этом контексте функционирует как чисто символическая операция, схожая с алгоритмической обработкой данных.

С точки зрения научной техназации, этот уровень соответствует классической логико-рационалистической модели: субъект (или машина) действует как автомат, опираясь на внешние инструкции. Данный этап может быть наиболее эффективно смоделирован в рамках искусственного интеллекта, однако он не охватывает даже элементарные аспекты адаптации к новым условиям. На этом уровне отсутствует интенциональность в феноменологическом смысле: мир воспринимается не как значимый контекст, а лишь как набор входных данных и выходных результатов.

2. Продвинутый новичок

Субъект демонстрирует зачатки контекстуализированного восприятия, сопоставляя текущие обстоятельства с ограниченным, но уже имеющимся опытом. Применение правил приобретает гибкий, ситуативный характер, свидетельствуя о формировании адаптивных механизмов.

С позиции философии науки, данный этап маркирует переход от формально-логической эпистемологии к праксеологической интуиции. Вычислительная система, обученная на обширном наборе данных, способна применять выявленные статистические закономерности, однако, ее функционирование остается вне экзистенциального горизонта. Формируется квази-контекст, лишенный подлинной интенциональности, то есть понимания ситуации как семантически нагруженной. Субъект оперирует с информацией, но не постигает ее смысл.

3. Компетентный

На этапе формирования целей субъект начинает осознавать направление своих действий, что свидетельствует о переходе от простого реагирования к активному оцениванию ситуации в её комплексной целостности. В этом контексте он принимает решения, основываясь на сравнении альтернатив, что в свою очередь порождает момент ответственности за сделанный выбор и инициирует процесс автономного мышления.

Данный этап можно рассматривать как ключевую точку трансформации: он представляет собой переход от детерминированных моделей поведения к феноменологической свободе — способности устанавливать собственные горизонты возможностей. Это явление принципиально выходит за пределы алгоритмических структур: выбор здесь не сводится к простому предпочтению, а становится актом глубокой интерпретации. Ни одно устройство не в состоянии осуществить ответственный выбор, поскольку оно лишь оптимизирует действия в соответствии с заданными критериями, не обладая

способностью к истинной рефлексии.

4. Продвинутый

На данном уровне субъект уже не ограничивается лишь оценкой, но начинает воспринимать ситуацию в её целостности, интуитивно осваивая её значимые аспекты и действуя в отсутствии явного аналитического процесса. Решение возникает не как результат последовательного расчёта, а как нечто, что воспринимается как знакомое и узнаваемое.

В данном контексте Дрейфус обращается к концепции интуиции в духе Бергсона и позднего Витгенштейна [9] — трактуя её не как иррациональное «чувство», а как глубокое единство с окружающим миром. В области техники и искусственного интеллекта такая форма действия принципиально недостижима: машинное восприятие остаётся дискретным и фрагментарным, не обладая способностью к холистическому восприятию ситуации в её значении.

5. Эксперт

Эксперт проявляет себя в действии немедленно, не поддаваясь анализу правил. Его знание представляет собой не просто информацию о чем-либо, а способность находиться в ситуации. Он не производит аналитической интерпретации — он полноценно присутствует в контексте, и его поступки вытекают из глубинной интуитивной сонастроенности с происходящим. Это подлинная форма экзистенциального знания, неотъемлемая от жизненного опыта, телесного бытия, культурного контекста и традиций.

В философии техники это соответствует концепции опыта мастера, согласно Хайдеггеру, который не объясняет свои действия, а непосредственно их осуществляет. Машина, даже самая высокотехнологичная, способна лишь имитировать внешние паттерны поведения, но не в состоянии вовлечься в ситуацию.

Критика редукционизма в концепциях искусственного разума

В свете поднятого Дрейфусом вопроса о принципиальной невозможности редукции человеческого интеллекта к формальным алгоритмическим процессам и символическим представлениям, возникает необходимость обратиться к философским и психологическим традициям, которые рассматривают разум не как автономный ментальный механизм, а как динамически развивающуюся социально-историческую форму человеческого бытия. В этом контексте особое внимание следует уделить отечественной культурно-исторической и деятельностной парадигме, представленной трудами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильинкова. Их теоретические конструкции открывают возможность переосмыслить данную проблему с иной, более интегративной и онтологически глубокой перспективы, подчеркивая взаимосвязь между индивидуальным сознанием и социальным контекстом, в котором оно разворачивается.

Лев Семёнович Выготский: интеллект как интериоризированная форма социального взаимодействия

Центральным элементом теории Л.С. Выготского является постулат о том, что высшие психические функции, включая мышление, речь, память, внимание и волю, имеют свои корни в социальной среде и формируются в процессе взаимодействия между индивидами [10]. Согласно его концепции, развитие интеллекта не следует рассматривать как изолированное созревание внутренних способностей, а как процесс интериоризации —

преобразование внешней, социально опосредованной активности (например, диалога с другим) в индивидуальную психическую функцию.

Таким образом, разум можно рассматривать как продукт культурных условий, в то время как язык выполняет двойную функцию: он не только служит инструментом для выражения мыслей, но и выступает в качестве основополагающего принципа, формирующего когнитивные процессы. Это обстоятельство ставит под сомнение возможность существования интеллекта вне контекста социальных и семиотических взаимодействий, в которые индивид вовлечен с момента своего появления на свет. В соответствии с рассуждениями Выготского, можно утверждать, что «искусственный интеллект», лишенный социального контекста, не способен к подлинному мышлению, поскольку ему недоступен опыт формирования через диалог, конфликт и совместное творчество с другим.

Интеллект можно рассматривать как комплексную способность, охватывающую планирование, организацию и координацию действий, направленных на достижение конкретных целей. В данном контексте важно отметить, что такое определение также охватывает устройства, обладающие элементами искусственного интеллекта. Тем не менее, познавательные способности человека представляют собой более многослойный конструкт, глубоко связанный с уровнем креативности и компетентностью в поиске рациональных решений. К тому же, ключевыми аспектами человеческого интеллекта являются интуитивное восприятие, изобретательность, находчивость и проницательность. Эти качества подчеркивают уникальность человеческого интеллекта, который выходит за пределы простых вычислительных процессов и механизмов, демонстрируя сложность и глубину человеческого мышления [8].

В этой связи особенно ярко проявляется сходство с аргументацией Хьюберта Дрейфуса: оба мыслителя подчеркивают, что интеллект не может быть редуцирован к ограниченному вычислительному модулю. Тем не менее, если Дрейфус сосредоточивается на критике формалистских подходов и акцентирует внимание на значении телесного и контекстуального опыта, то Выготский делает более глубокий шаг, утверждая, что сам контекст не является нейтральной величиной. Он выступает как культурно опосредованная конструкция, и только в рамках исторически сложившейся системы знаков, норм и смыслов может возникнуть то, что мы именуем разумом. Таким образом, Выготский вводит в обсуждение проблему исторической и культурной обусловленности интеллекта, подчеркивая значимость социокультурного контекста в формировании познавательных процессов.

Алексей Николаевич Леонтьев: сознание как структурный компонент деятельности

Развивая идеи Льва Семёновича Выготского, А.Н. Леонтьев сформулировал концепцию деятельности как ключевой формы бытия и становления сознания. Основополагающим аспектом его теории является утверждение, что «не сознание определяет деятельность, а деятельность формирует сознание» [13]. В этом контексте интеллект предстает не как статичное состояние, а как динамический функциональный элемент, встроенный в объективную практику субъекта, направленную на преобразование окружающего мира. Центральными категориями данного дискурса являются цель, мотив, средство, действие и операция — все они формируют смысловое пространство, в рамках которого и формируется разум.

В рамках дискуссии о природе искусственного интеллекта следует отметить, что подлинный интеллект не может существовать вне контекста мотивированной,

целенаправленной и практической деятельности. В отличие от человека, машины не обладают способностью формулировать цели, дифференцировать мотивации и задачи, а также конституировать объект своего действия — их функциональность ограничивается выполнением заранее заданных алгоритмических инструкций. Таким образом, даже наиболее сложные системы машинного обучения остаются внешними по отношению к подлинной человеческой сущности, которая обосновывает свое существование в мире.

Когнитивная сфера человеческого существа не может быть отделена от объективной реальности. Основой каждого аспекта человеческого опыта служит "сенсорная ткань", рождающая знание о мире через восприятие. Сенсорные органы действуют как "информаторы", позволяя получать информацию о внешних стимулах и формируя устойчивое ощущение реальности. Даже при работе с абстрактными концепциями человеческий интеллект остается неразрывно связанным с окружающей средой, и разрыв этой связи приводит к его деградации [\[15\]](#).

Теория деятельности А.Н. Леонтьева вносит существенный вклад в развитие критического дискурса, инициированного Х. Дрейфусом. В то время как фокус Дрейфуса направлен на дорациональную телесную укоренённость человека в мире, теория Леонтьева акцентирует внимание на предметной и мотивированной вовлечённости в систему общественно значимых деятельности. Вне данной структуры не возникает ни смысл, ни знание, ни разум. Следовательно, воспроизведение интеллекта предполагает не только физическое воплощение (в духе Дрейфуса), но и активную деятельность, обладающую глубокой социальной природой.

Эвальд Васильевич Ильенков: мышление как логика идеального

Эвальд Васильевич Ильенков занимает ключевую позицию в современном философском дискурсе, его идеи о мышлении пронизаны глубокими онтологическими и философскими изысканиями. Он следует концепции, в соответствии с которой мышление представляет собой объективное идеальное, органически связанное с историко-культурным контекстом [\[11\]](#). В противовес субъективному идеализму и редукционистским подходам в материализме, Ильенков настойчиво утверждает, что разум нельзя редуцировать до уровня нейронных процессов, языковых структур или алгоритмических вычислений. Его анализ подчеркивает необходимость учитывать социальные и культурные аспекты, формирующие умственную деятельность, таким образом, предлагая целостный взгляд на природу мышления как сложного явления, не сводимого к простым физиологическим или вычислительным моделям.

Ильенков полагает, что мышление не сводится исключительно к внутреннему процессу отдельной личности, изолированному от внешней реальности. Напротив, оно предстает как сложный механизм трансляции общественных знаний и опыта, воплощенный в виде концептуальных структур, логико-понятийных форматов, нормативных моделей поведения и культурных практик. Согласно его взорваниям, идеальное вовсе не иллюзорная сущность, а особая форма бытия, выраженная именно в социальных отношениях и культурном взаимодействии. Исходя из этого понимания, попытки создать искусственное сознание («мыслящий автомат»), пытающиеся моделировать мыслительные процессы вне контекста культурной среды и общественной практики, неизбежно сталкиваются с глубокими методологическими затруднениями, обусловленными принципиальной невозможностью адекватного воспроизведения идеального содержания вне соответствующего социального пространства.

Семантическая природа символа, аналогично его синтаксической структуре, служит

отражением специфической операции, такой как умножение. Перегрузка оператора изменяет его функциональные характеристики. Каждое поведение в этом контексте воспринимается как совокупность инструкций, формирующих логически согласованный объект. Существование данного объекта определяется корректностью выполнения программы, тогда как его сущность возникает в результате взаимодействия операндов. Символ оператора функционирует как материальный носитель абстрактного содержания, которое выражается через отношение, демонстрирующее природу самого символа [17].

В контексте развития искусственного интеллекта следует подчеркнуть, что попытки построения систем, основанных исключительно на символических манипуляциях, как это наблюдается в традиционных алгоритмических подходах, рисуют игнорировать многослойную сложность человеческого понимания и значимость контекстуальных факторов. Несмотря на то, что такие системы могут эффективно выполнять предписанные алгоритмы и адаптировать поведение в соответствии с заданными критериями, это не обеспечивает им способности к глубокому пониманию или адекватной интерпретации окружающей действительности. В результате возникает вопрос о пределах символической обработки информации и необходимости интеграции более сложных моделей, способных учитывать тонкости человеческого опыта и контекста. Такой подход предполагает переосмысление методов, используемых для создания искусственного интеллекта, с целью разработки систем, которые могли бы адекватно отражать богатство и разнообразие человеческого существования.

Ильенков утверждает, что любое знание, выраженное языком понятий, не является продуктом субъективного опыта, а относится к объективной логике человеческой практики, закреплённой в материальных предметах, социальных нормах и знаковых системах. Таким образом, истинный человеческий интеллект не исчерпывается «внутренними процессами обработки информации», а представляет собой интегративное проявление целостной формы бытия. Эта позиция радикализует концепцию Дрейфуса, который акцентирует внимание на телесности, контекстуальности и социальной укорененности интеллекта, оставаясь при этом в пределах индивидуального опыта. В противоположность этому, Ильенков выделяет универсальные идеальные формы как носители смысла, существующие вне и до возникновения какого-либо отдельного сознания, тем самым подчеркивая их объективную значимость в структуре человеческой деятельности.

Заключение

Исследование трудов Хьюберта Дрейфуса выявляет ключевые ограничения традиционных методов в области искусственного интеллекта, которые опираются на рационалистическую парадигму. Центральным тезисом Дрейфуса является утверждение о принципиальной неформализуемости глубинных структур человеческого мышления. Он показывает, что профессиональное мастерство, интуиция и здравый смысл возникают из эмпирического опыта и не могут быть сведены к строгим правилам или нейронным сетям, которые лишены телесного и социального контекста. Модель освоения навыков, предложенная Дрейфусом, иллюстрирует переход от механического следования инструкциям к интуитивному и ситуативно адаптивному поведению, которое остается недоступным для машин, ограниченных алгоритмической логикой.

Опираясь на идеи таких мыслителей, как Дрейфус, Выготский, Леонтьев и Ильенков, можно прийти к выводу, что редукция интеллекта к алгоритмическим моделям или символическим системам игнорирует ключевые аспекты, такие как социокультурный контекст, телесность, историчность и практическая деятельность.

Выготский акцентирует внимание на социокультурной сущности высших психических функций, утверждая, что интеллект не может быть изолирован от процессов диалога, конфликтов и совместной креативности. Данный подход вызывает сомнения в возможности существования "мыслящего" искусственного интеллекта вне сложной системы социальных и семиотических взаимодействий. Это подчеркивает, что разумная деятельность требует контекста, в котором происходит обмен символическими значениями и социальное взаимодействие, что ставит под вопрос потенциальные пределы и природу ИИ как автономного субъекта мысли.

Леонтьев, углубляя свою теорию деятельности, акцентирует внимание на значении активного взаимодействия с окружающей действительностью в процессе становления сознания. В его понимании, под истинным интеллектом подразумеваются такие аспекты, как целеполагание, мотивация и формирование объектов действия, которые остаются недоступными для алгоритмических систем, не обладающих необходимой степенью гибкости и контекстуальности.

Ильенков концептуализирует мышление как объективное идеальное, которое неразрывно связано с социальными и культурными практиками. Он утверждает, что любое моделирование сознания вне рамок культурного контекста лишено основания, так как идеальное содержание не может иметь автономное существование, изолированное от соответствующего социального пространства.

Таким образом, человеческий интеллект представляет собой сложный и многогранный феномен, глубоко укорененный в социокультурных и исторических контекстах, который не может быть редуцирован до простых вычислительных систем. Формализованные модели искусственного интеллекта остаются экзогенными по отношению к этой целостной сущности, что существенно ограничивает их потенциал для подлинного понимания. В связи с этим возникает необходимость переосмысления методологических основ разработки искусственного интеллекта с учетом уникальных аспектов человеческого опыта, таких как телесность, контекстуальность, креативность и социальная природа разума.

Библиография

1. Dreyfus H. Alchemy and AI. Santa Monica: RAND Corporation, 1965.
2. Dreyfus H. What Computers Can't Do. New York: MIT Press, 1972. ISBN 978-0-06-090613-9.
3. Dreyfus H., Dreyfus S. Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in

- the Era of the Computer. Oxford, U.K.: Blackwell, 1986.
4. Kenaw S. Hubert L. Dreyfus's Critique of Classical AI and its Rationalist Assumptions. *Minds & Machines*. 2008. Vol. 18, pp. 227-238. <https://doi.org/10.1007/s11023-008-9093-7>.
5. McCarthy J., Buvac S. Formalizing context: Expanded notes. In: Aliseda A., van Glabbeek R., Westerstahl D., eds. Computing Natural Language. Stanford University, 1997. Also available as Stanford Technical Note STAN-CS-TN-94-13.
6. Zhang F. Социальная природа навыков: За пределами модели навыков Дрейфуса. Т&Л. 2023. № 3.
7. Астахов С. Феноменология против символического искусственного интеллекта: философия научения Хьюберта Дрейфуса. *Логос*. 2020. Т. 30, № 2(135). С. 157-193. DOI: 10.22394/0869-5377-2020-2-157-190. EDN: NCHYMV.
8. Вислова А. Д. Потенциал психологии интеллекта в контексте моделирования искусственного интеллекта. *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2019. № 6(92). С. 32-46. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-6-92-32-46. EDN: UXVECH.
9. Витгенштейн Л. Философские исследования. Витгенштейн Л. Философские работы. Москва: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 76-319.
10. Выготский Л. С. Психология развития человека. Москва: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
11. Ильинков Э. В. Идеальное. Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 2. С. 17-28. EDN: KNULYV.
12. Ладов В. А. Критический анализ логико-эпистемологических оснований философии искусственного интеллекта Х. Дрейфуса. *Гуманитарная информатика*. 2013. № 7. С. 28-34. EDN: QCKPDD.
13. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. Под ред. Д. А. Леонтьева. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Смысл, 2020. 526 с.
14. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Санкт-Петербург: Ювента; Наука, 1999. EDN: QWJLFB.
15. Тендрякова М. В. Разум и искусственный интеллект: взгляд культурного антрополога. *Образовательная политика*. 2024. № 3(99). С. 22-30. DOI: 10.22394/2078-838X-2024-3-22-30. EDN: FIJOIW.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: Ad Marginem, 1997.
17. Чибисов О. Н. Проблема сильного искусственного интеллекта в философии Э. В. Ильинкова. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2024. № 4(44). С. 167-175. DOI: 10.24151/2409-1073-2024-4-167-175. EDN: VSZXEZ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Обращение к творчеству Х. Дрейфуса выглядит сегодня как никогда актуальным, более того, вряд ли можно ошибиться, предположив, что с каждым годом оно будет становиться всё более актуальным. Дело в том, что Дрейфус размышлял о «сущностной ограниченности» «искусственного интеллекта» и о том, какие аспекты мышления и деятельности человека становятся для нас более понятными, когда мы сравниваем его с ИИ. В целом статью можно оценить как добротное переложение основных идей и аргументов Дрейфуса, автор вполне компетентно рассказывает читателю о том содержании работ американского философа, которое представляется ему сегодня самым значимым. Собственно, единственное замечание, которое можно сделать в этой связи,

состоит в том, что автор, кажется, излишне обостряет критическую позицию Дрейфуса относительно возможности создания «полноценного искусственного интеллекта». Не приходится сомневаться, полагал американский философ, что в качестве именно «искусственного» интеллекта он может совершенствоваться неограниченно долго. Единственное, на что стремился указать американский исследователь, так это на то, что всегда сохранится «граница» с «человеческим интеллектом», что, соответственно, крайне ограниченным остаётся то понимание «человеческого интеллекта», которое сводит его деятельность к последовательности алгоритмических операций. Но такое понимание до сих пор господствует в западной, особенно, в американской, философии! И с этой точки зрения открывается главный недостаток рецензируемой статьи: мало того, что автор лишь «сочувственно излагает» взгляды Дрейфуса, в формировании своего отношения к рассматриваемой проблеме он вообще не выходит за границы тех источников, которыми пользовался и Дрейфус! Возникает впечатление, что это взгляд на Дрейфуса «глазами самого Дрейфуса», например, глазами его собственного ученика. Странно, что подобные работы появляются в отечественной культуре, которая имеет более разносторонний опыт изучения человека и его мышления, не ограничивающейся «аналитической философией» или весьма узко понимаемой «феноменологией». Если для адептов этих движений положение, что «мыслит» только человек, порождённый определённой культурой и включённый изначально в социальные отношения, может быть, и вправду выглядит парадоксальным утверждением, то и для русской философской традиции, и для западноевропейской классической философии мысль о человеке как социально-историческом существе, мысль о разуме как способности, которая актуализируется лишь в определённой социально-психологической среде, является скорее «общим местом» (без негативного оттенка этого выражения), исходным пунктом размышлений о том, чем же является человек, его разум, и как ему следует использовать ИИ, пределов совершенствования которого сегодня никто указать не может. И вот в этом отношении Дрейфус – как человек, который даже из тенет американской пропитанной натурализмом философии видит проблематичность ИИ как «замены человеку» – представляет настоящий интерес. Таким образом, рецензируемый материал – это, скорее, лишь начало статьи, необходимо выйти за границы того горизонта, который был доступен американскому исследователю, и посмотреть на его тему с более «органичной» точки зрения русской и западноевропейской культуры. (Только одно конкретное замечание в этой связи – как можно в рассмотрении этой темы обойтись без обращения к Выготскому, Леонтьеву, Ильинкову?) Возможности для продолжения работы в том направлении у автора имеются, поскольку и объём материала является небольшим (0,6 а.л.), и список используемой литературы может быть значительно расширен за счёт источников, преодолевающих горизонт аналитической философии или феноменологии. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена критическому анализу философских взглядов Хьюберта Дрейфуса на проблему искусственного интеллекта. Автор подробно рассматривает аргументацию Дрейфуса против возможности создания полноценного ИИ, основанную на феноменологическом подходе и критике рационалистической традиции. Центральным объектом исследования выступает философское обоснование положения о принципиальной неформализуемости человеческого мышления и невозможности редукции интеллекта к алгоритмическим процессам.

Методология исследования

Автор использует комплексный методологический подход, сочетающий историко-философский анализ, компаративистику и систематизацию. В статье прослеживается эволюция взглядов Дрейфуса в контексте его основных работ ("Alchemy and AI", "What Computers Can't Do", "Mind Over Machine"), проводится сопоставление его идей с концепциями других философских традиций, в частности, с отечественной культурно-исторической школой (Выготский, Леонтьев, Ильинков).

Методология включает критический анализ онтологических и эпистемологических оснований теорий искусственного интеллекта через призму феноменологической традиции. Особое внимание уделяется реконструкции пятиступенчатой модели освоения навыков Дрейфуса (от новичка до эксперта) как инструмента обоснования ограниченности алгоритмических подходов к моделированию интеллекта.

Актуальность

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, современное развитие технологий ИИ и их стремительное внедрение в различные сферы человеческой деятельности требует глубокого философского осмысления их природы, возможностей и пределов. Во-вторых, вопрос о соотношении человеческого и машинного интеллекта выходит за рамки чисто технических проблем и затрагивает фундаментальные онтологические и антропологические вопросы.

Особую актуальность работе придает включение в анализ идей отечественной философской традиции, что позволяет расширить контекст дискуссии и предложить альтернативный взгляд на проблемы ИИ. Кроме того, в условиях бурного развития нейросетевых технологий критический анализ философских оснований традиционных подходов к ИИ приобретает новое значение.

Научная новизна

Научная новизна статьи заключается в систематическом сопоставлении феноменологической критики Дрейфуса с положениями культурно-исторической теории деятельности. Автор не только реконструирует аргументацию Дрейфуса против формалистских подходов к ИИ, но и предлагает более широкую теоретическую рамку для анализа проблемы, интегрируя идеи Выготского о социальной природе высших психических функций, Леонтьева о деятельностной природе сознания и Ильинкова об идеальном.

Новаторским является анализ четырех фундаментальных априорных постулатов, лежащих в основе исследований ИИ (биологический, психологический, эпистемологический и онтологический), и демонстрация их ограниченности с позиций как феноменологической, так и деятельностной парадигм.

Стиль, структура, содержание

Статья написана в академическом стиле с использованием профессиональной философской терминологии. Текст отличается логической стройностью и последовательностью изложения, что свидетельствует о высоком уровне теоретической подготовки автора.

Структура работы включает введение, основную часть, состоящую из нескольких тематических блоков, и заключение. Автор последовательно рассматривает основные положения философии Дрейфуса, его модель освоения навыков, критику редукционизма в концепциях искусственного разума, а затем переходит к анализу альтернативных подходов, представленных отечественной философской традицией.

Содержание статьи отличается глубиной проработки материала. Автор демонстрирует отличное знание не только работ Дрейфуса, но и более широкого философского контекста, включая феноменологическую традицию (Хайдеггер, Мерло-Понти), аналитическую философию (Витгенштейн) и отечественную философию сознания и деятельности.

Особо следует отметить тщательный анализ пятиуровневой модели освоения навыков Дрейфуса, которая представлена не только как инструмент критики редукционистских подходов к ИИ, но и как самостоятельная концепция, имеющая значение для понимания процесса формирования человеческого мастерства.

Библиография

Библиографический список статьи включает 17 источников, в том числе классические работы Дрейфуса, труды других философов (Хайдеггер, Мерло-Понти, Витгенштейн), работы представителей отечественной философской традиции (Выготский, Леонтьев, Ильенков), а также современные исследования по данной проблематике.

Список охватывает как первоисточники на английском языке, так и русскоязычные публикации, что позволяет соотнести различные исследовательские традиции. Библиография включает как классические работы, так и современные публикации (вплоть до 2024 года), что свидетельствует о внимании автора к актуальному состоянию исследований в данной области.

Оформление библиографии соответствует академическим стандартам и включает все необходимые библиографические элементы (авторы, названия, выходные данные, DOI и др.).

Апелляция к оппонентам

Автор статьи демонстрирует сбалансированный подход к рассматриваемой проблеме, учитывая возможные контраргументы и ограничения критики Дрейфуса. В частности, отмечается, что "kritika Dreyfusa v значительной мере сосредоточена на символических методах, применяемых в области искусственного интеллекта", в то время как современные подходы включают "гибридные интеллектуальные системы, которые объединяют символическую парадигму с альтернативными подходами".

Кроме того, автор указывает на "эпистемологический парадокс" в аргументации Дрейфуса, который, критикуя приоритет теоретического мышления над практическим, сам опирается на формально-логическую аргументацию. Это свидетельствует о

критическом отношении автора не только к объекту исследования, но и к собственной методологии.

Также отмечается, что скептицизм Дрейфуса обусловлен как его философскими убеждениями, так и историческим контекстом его деятельности, что делает некоторые его аргументы "излишне категоричными" в свете современных достижений ИИ.

Выводы, интерес читательской аудитории

Заключение статьи представляет собой обобщение основных положений исследования и формулировку ключевого вывода о том, что "человеческий интеллект представляет собой сложный и многогранный феномен, глубоко укорененный в социокультурных и исторических контекстах, который не может быть редуцирован до простых вычислительных систем".

Статья представляет значительный интерес для широкого круга специалистов: философов науки и техники, исследователей искусственного интеллекта, когнитивных психологов, а также для всех, кто интересуется философскими аспектами современных технологий. Особую ценность работа имеет для междисциплинарного диалога между представителями естественнонаучного, технического и гуманитарного знания.

Автор убедительно демонстрирует необходимость переосмысления методологических основ разработки искусственного интеллекта с учетом уникальных аспектов человеческого опыта, таких как телесность, контекстуальность, креативность и социальная природа разума, что делает статью не только теоретически значимой, но и практически ориентированной.

Исследование вносит важный вклад в понимание философских оснований искусственного интеллекта и может служить теоретической базой для дальнейшего развития междисциплинарных исследований в этой области.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Саяпин В.О. Преодоление разрыва: философия техники Жильбера Симондона между детерминизмом и конструктивизмом // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76686 EDN: KPBSLE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76686

Преодоление разрыва: философия техники Жильбера Симондона между детерминизмом и конструктивизмом**Саяпин Владислав Олегович**

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

[✉ vlad2015@yandex.ru](mailto:vlad2015@yandex.ru)[Статья из рубрики "Философия техники"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.11.76686

EDN:

KPBSLE

Дата направления статьи в редакцию:

09-11-2025

Аннотация: Философия техники Жильбера Симондона занимает уникальную позицию в современном интеллектуальном поле, оказываясь в эпицентре ключевого и до сих пор неразрешенного противоречия социальных исследований технологий. С одной стороны, признавая имманентную логику технической эволюции через концепцию «конкретизации», она наследует интуиции технологического детерминизма. С другой, вводя понятия «ассоциированной среды» и «информации» как элементов, запускающих процесс «индивидуации», она открывает пространство для социального влияния, сближаясь с конструктивизмом. Актуальность данного исследования заключается в преодолении этой тупиковой дилеммы, которая парализует как теоретическую мысль, так и технологическую политику, заставляя выбирать между технократией и релятивизмом. Данная статья утверждает, что именно этот кажущийся парадокс делает наследие Симондона исключительно продуктивным для синтеза. Методологический подход исследования строится на стратегии междисциплинарного синтеза,

направленного на преодоление разрыва между философским анализом техники и эмпирическими социальными исследованиями. Его основу составляет интеграция трех ключевых перспектив: историко-философская реконструкция, критико-теоретическая интерпретация и социокультурный анализ технологий. Конкретные методы исследования включают: концептуальный и сравнительный анализ и анализ конкретных ситуаций. Таким образом, методология работы носит интегративный характер, нацеленный не на простое сравнение теорий, а на выработку нового концептуального языка для анализа и критики современных технологических процессов. Такой синтетический подход позволяет сформулировать научную новизну исследования, которая состоит в разработке прочных оснований для радикальной политики технологий, основанной не на внешней морализации, а на имманентной технической рациональности. Переосмысливая конкретизацию как не чисто технический, но техносоциальный процесс, статья обосновывает, что демократическое участие в формировании технологий является не внешним императивом, а внутренним условием подлинно прогрессивного развития, ведущего к большей интеграции между человеком, машиной и природой. Симбиоз идей Симондона с критической теорией Маркузе, выявляющей «потенциальность» технического развития, создает устойчивый теоретический фундамент для политики, направленной на преодоление отчуждения. В результате демократическое вмешательство в технологическое развитие получает глубокое философское и техническое обоснование: оно предстает не просто как моральный выбор, но как необходимое условие для подлинно рационального и прогрессивного пути, актуализирующего подавленные возможности самой техники.

Ключевые слова:

Симондон, Маркузе, техника, конкретизация, доиндивидуальное, индивидуация, критическая теория, детерминизм, конструктивизм, философия техники

Введение

Современная философия техники оказалась в методологическом тупике, задаваемом противостоянием технологического детерминизма и социального конструктивизма. Этот теоретический раскол имеет прямое отношение к сфере технологической политики, где доминируют либо технократические установки, либо релятивистские позиции. Консервативные аргументы продолжают апеллировать к устаревшим представлениям о прогрессе, в то время как общественные движения, выступающие за трансформацию технологий, часто обвиняются в иррационализме. Парадоксальный разрыв между передовой теорией и консервативной практикой составляет центральную проблему, решению которой посвящено настоящее исследование.

Философия техники Жильбера Симондона^[1,2,3] предлагает оригинальный путь преодоления этой дилеммы. Его концепции «конкретизации» и «индивидуации» позволяют рассматривать техническое развитие как процесс, обладающий внутренней логикой, но одновременно открытый для влияния социальных и природных факторов. Уникальность позиции Ж. Симондона заключается в определении прогресса через имманентные технические критерии, а не через экономические показатели или внешние ценности. Этот подход перекликается с философскими изысканиями Герберта Маркузе^[4,5], который видел в работах французского философа техники основу для освободительной теории науки и технологий. Несмотря на свой потенциал, проект

синтеза философии техники и критической теории остался нереализованным. Маркузе не хватило технической компетенции для разработки конкретной альтернативы, а сам Симондон, как отмечал Жильбер Оттуа^[6,п.78], не углублялся в политические последствия своей теории, что объяснимо эпохой его творчества, предшествовавшей появлению общественных движений в технической сфере. Поэтому удивительное сближение этих философов на почве призыва к трансформации технологий осталось практически незамеченным. Однако современное развитие исследований науки и технологий, в частности, «акторно-сетевая теория» (АСТ) Бруно Латура^[7,8,9], теория «ассамбляжей» Мануэля Деланда^[10,11] или теория «фармакона» Бернара Стиглера^[12,13,14], позволяют по-новому осмыслить наследие Ж. Симондона и довести до логического завершения начатый им проект.

Цель настоящего исследования заключается в разработке интегративного подхода на основе синтеза трех ключевых перспектив: философии техники Симондона, критической теории Маркузе и методологии социальных исследований науки и технологий. Этот синтез позволяет не только преодолеть разрыв между детерминизмом и конструктивизмом, но и предложить новые основания для демократического участия граждан в принятии решений, касающихся технологического развития. Основная гипотеза исследования состоит в том, что демократическое участие в формировании технологических систем является не внешним моральным требованием, а имманентным условием подлинно прогрессивного технологического развития. Интеграция концепций «конкретизации» и «индивидуации» с «критической теорией» открывает перспективы для формирования новой концепции технологической рациональности, способной ответить на вызовы современности.

Структура статьи предполагает последовательный анализ ключевых концепций Симондона, их критическое осмысление в свете современных теоретических разработок и демонстрацию практической значимости предлагаемого синтеза для решения актуальных проблем технологического развития. Особое внимание уделяется переосмыслению политики технологий через призму симондонианского понимания прогресса как процесса конкретизации, ведущего к большей интеграции между человеком, машиной и природой.

За пределами конструктивизма: в поисках объективных оснований технического прогресса

Анализ современных философских концепций в области технологий позволяет выделить две фундаментальные категории, находящиеся в диалектическом противоречии. С одной стороны, существуют онтологические или культурные теории, которые рассматривают технологию как воплощение прогресса, определяемого преимущественно через критерии инструментальной эффективности, производительности и экономического вклада в благосостояние человека. Эти подходы, часто имеющие позитивистскую ориентацию, фокусируются на описании технических инноваций, которые действительно вносят значительный вклад в экономический рост и повышение качества жизни. Однако у этого прогрессистского подхода существует систематически игнорируемая «теневая» сторона, которая становится центральным предметом критики для второй категории концепций. Этой второй категорией являются теории «технизации» общественной жизни, наиболее влиятельной и философски проработанной из которых по праву считается теория Мартина Хайдеггера. Согласно распространенным интерпретациям его

работ [15,16,17], в процессе технанизации происходит фундаментальная трансформация человеческого мировоззрения и социальных практик, в ходе которой многообразие человеческих ценностей и смыслов приносится в жертву универсальной логике эффективности и неограниченного технологического развития. Техника перестает быть нейтральным инструментом и становится способом раскрытия мира, который навязывает ей свои условия. Такой критический взгляд закономерно сочетается с идеей необходимости духовного возрождения, которое часто ассоциируется с тем или иным вариантом отказа от технологического образа жизни или, по крайней мере, с радикальным пересмотром его оснований.

Вот почему эти две категории концепций образуют напряженное концептуальное поле, в рамках которого технологический прогресс предстает либо как безусловное благо, измеряемое экономическими показателями, либо как угроза человеческой сущности, требующая преодоления. Эта дилемма создает теоретический «тупик», поскольку заставляет выбирать между некритическим принятием технологической детерминации и радикальным отрицанием технического развития как такового. Реализуя стратегию историко-философской реконструкции, направленную на выявление генеалогии и внутренней логики концепций, данный анализ позволяет вскрыть подлинный радикализм проекта Симондона. Реконструкция ключевых положений его труда «О способе существования технических объектов» (1958) [1] в их соотнесенности с политико-философским проектом Маркузе выявляет неочевидное, но глубокое концептуальное родство. Метод реконструкции позволяет увидеть, что за внешним противоречием между «техничностью» Симондона и «критикой технологической рациональности» Маркузе скрывается общая цель: найти имманентные основания для альтернативной траектории технического развития, укорененные не в моральном протесте, а в самой онтологии техносоциальных отношений. Именно историко-философский анализ позволяет прочесть маркузианскую «потенциальность» не как метафизический пережиток, а как аналог симондонианского «доиндивидуального» заряда, а призыв Симондона к интеграции человека и машины – как техническое обоснование проекта преодоления отчуждения, к которому стремился Маркузе. В итоге реконструкция не просто сравнивает идеи, но синтезирует из них новый концептуальный «каркас», обнаруживая в наследии Симондона тот самый недостающий элемент «технической компетенции», которого, по признанию самого Маркузе, ему не хватало для завершения его критической теории.

Именно в этом контексте позиция Симондона занимает уникальное положение среди философов техники, поскольку определяет прогресс не через экономические критерии, а с сугубо технической точки зрения. Он обнаруживает принцип технического прогресса в самой природе техники, а не в ее отношении к обществу. Казалось бы, это отдаляет его от проекта Маркузе. Однако на самом деле Маркузе как раз нуждался в такой концепции прогресса, чтобы избежать радикального пессимизма Хайдеггера и своих коллег по Франкфуртской школе. В отличие от них его культурная концепция технологической рациональности оставляла пространство для перехода на более высокий уровень технического развития, и альтернативная концепция прогресса Симондона могла бы служить этой цели. Симондон отвергал идею духовного искупления и утверждал, что путь вперед лежит через более тесную интеграцию технологий с человеком и природой. Он пишет, что в высокоминдустриальной цивилизации отношение отдельного человека к обществу опосредовано машиной. Далее философ определяет, что идеал этих отношений заключается в подлинных взаимодополняющих отношениях, где человек должен быть сущим, дополняемым машиной, а машина – существом, которое обретает в человеке свое единство, завершенность и связь с совокупностью технического мира между двумя

Вселенными, которые иначе остались бы разделенными [2, р.277-278].

Такая позиция перекликается с утверждением Маркузе о возможности новой технологии, которая уважала бы людей и природу. Маркузе цитирует фрагмент из работы Симондона, содержащий призыв к культуре, рассматривающей как технические проблемы вопросы целеполагания, ошибочно относимые к сфере этики, а иногда и религии. Маркузе понимал это как необходимость воплощения ценностей в самой структуре и функционировании технологии, а не как противопоставление идеалов технологической реальности. Поэтому вслед за Симондоном он утверждал, что освобождение потребует глубоких изменений как в культуре, так и в научно-технической рациональности, раскрывая при этом скрытый радикализм Симондона. В этом случае эта малозаметная связь между радикальным марксистским социальным критиком и французским философом техники была обусловлена стремлением Маркузе разработать освободительную теорию науки и технологий. Несмотря на свою критическую позицию по отношению к тому, что он называл «технологической рациональностью», Маркузе не был враждебно настроен к науке и технологиям. В работах Симондона он обнаружил размышления о технологиях, которые предлагали альтернативу как некритическому восхвалению, так и чисто негативной критике [4, р.232-234].

Итак, сегодня особенно показательно, что первоначальная архитектура цифрового пространства, создававшаяся в логике хакерской этики и пользовательских инноваций, была в значительной степени подчинена и трансформирована возникшей позднее структурой «капитализма платформ» (Срничек) [18, 19]. То, что начиналось как пространство горизонтального сотрудничества, стало фундаментом для «эксплуататорских бизнес-моделей», где цифровые платформы, а не пользователи аккумулируют основную власть и ценность. В этом контексте современный феномен «технологического гражданства» проявляет двойственную природу. С одной стороны, он существует в формах сопротивления этой логике, будь то краудсорсинговые экологические мониторинги, оспаривающие корпоративные данные, или сообщества разработчиков открытого кода, создающие альтернативы закрытым экосистемам. С другой стороны, сама эта активность часто разворачивается на «аренах», архитектура которых подчинена целям «надзорного капитализма» (Зубофф) [20], превращающего человеческий опыт в поведенческие данные для прогнозирования и контроля.

Метод социокультурного анализа позволяет перевести теоретический спор о детерминизме и конструктивизме в плоскость конкретных технологических практик и конфликтов, демонстрируя эвристическую силу предлагаемого синтеза. Этот подход заключается в рассмотрении технологий как воплощенных социальных отношений, чья архитектура и траектория развития раскрываются через анализ столкновения различных ценностных систем и структур власти. Так, феномен «платформенного капитализма» (Срничек) анализируется здесь не просто как экономическая модель, а как специфический тип техносоциального ансамбля, где логика «надзорного капитализма» (Зубофф) вступает в противоречие с имманентным потенциалом цифровых сетей к горизонтальному сотрудничеству. Активизм в сфере «технологического гражданства» или экологических движений предстает в этом свете не как внешнее моральное давление на технику, а как социокультурная «информация», стремящаяся перенаправить процесс технической индивидуации в русло большей открытости, подконтрольности и экологической интегрированности. Таким образом, социокультурный анализ служит ключевым инструментом верификации, показывая, как абстрактные философские категории «конкретизации» и «ассоциированной среды» материализуются в современных «битвах» за дизайн алгоритмов, стандарты связи и право на ремонт.

Эти трансформации бросают вызов не только традиционной философии и социологии технологий, но и самой идее демократического технологического развития. Они демонстрируют, что вопрос заключается не просто в расширении участия рядовых граждан, а в фундаментальном конфликте за саму архитектуру цифрового будущего. Технологическое развитие становится полем острой политической борьбы между альтернативными траекториями: между миром, изобретенным будущим по логике Сринчека, ориентированным на автоматизацию платформенного капитализма и освобождение от труда, и миром надзорного капитализма согласно Зубофф, где технологии используются для укоренения новых, невиданных ранее форм рыночной власти и социального управления. В результате переопределяются сами понятия «прогресса» и «рациональности»: прогрессивной оказывается не та технология, что эффективнее извлекает данные, а та, что расширяет возможности коллективного самоуправления и высвобождает человеческий потенциал из-под власти алгоритмических систем.

Феномен технического гражданства, проявляющийся в современных формах коллективного действия, со всей очевидностью демонстрирует ограниченность классических теорий технлизации, в частности, хайдеггеровской версии, сосредоточенной на анализе тотального навязывания технологической рациональности современному обществу. Подобные теории, восходящие к веберовской концепции «рационализации»^[21] как глобальной социальной трансформации, описывают процесс, в ходе которого техническая рациональность выходит за пределы традиционных рамок доиндустриальных обществ. Однако большинство этих теорий изображают сопротивление технлизации как исторически обреченное, не оставляя пространства для продуктивного преодоления сложившейся ситуации. Версия Маркузе, напротив, акцентирует принципиальный контраст между господствующей «технологической рациональностью», рассматривающей все сущее как объект контроля и манипуляции, и альтернативной формой технической рациональности, способной реализовать внутренний потенциал самих объектов. В этой связи понятие «потенциала» у Маркузе отсылает к имманентной динамике развития объектов. В его понимании как люди, так и природные системы обладают собственной способностью к росту и развитию, то естьteleологическими свойствами, которые систематически игнорируются и подавляются господствующей технологической рациональностью. Маркузе предполагал существование особого типа прогрессивных технических изменений, которые не противоречили бы этой внутренней динамике объектов, а соответствовали ей. Хотя его рассуждения сохраняли умозрительный характер, они обнаруживали глубокое созвучие с практикой социальных движений, формирующихся вокруг технических проблем. Это концептуальное сближение получило признание и у самого философа в поздний период творчества, когда в конце 1970-х годов он стал одним из первых представителей марксистской традиции, открыто поддержавших экологическое движение.

Вот почему, казалось бы, можно было ожидать определенной концептуальной близости между проектом Маркузе и конструктивистскими исследованиями науки и технологий, хотя и основанной на различных методологических предпосылках. Однако в литературе социального конструктивизма практически отсутствуют ссылки к идеи его оригинальной технической практики. Можно предположить, что конструктивисты сочли бы его концепцию «потенциальности излишне метафизичной», если бы вообще обратились к ее рассмотрению. Вероятно, именно эту позицию имплицитно разделял Латур^[9], последовательно отвергавший саму возможность существования некой сущности у людей и вещей. Кроме того, объяснение и нормативное обоснование сопротивления тому, что

Маркузе называл «технологической рациональностью», встречает серьезные теоретические затруднения и в рамках конструктивистского подхода к социальным движениям. Когда экологические активисты вынуждены опровергать консервативные обвинения в регressiveном иррационализме, доказывая прогрессивный характер своих требований, они апеллируют к определенному пониманию рациональности. Однако конструктивистская традиция склонна связывать саму идею «рационализации» с устаревшими позитивистскими и детерминистскими представлениями о технологическом развитии. В этом случае отказ от технологического детерминизма привел конструктивизм к парадокльному результату: утрате способности адекватно концептуализировать специфику современности^[22]. В своих радикальных версиях отказ от понятия «рационализации» ведет к отрицанию особого характера технической рациональности как таковой. Многие представители исследований науки и технологий оспаривают существование «великой пропасти» между досовременными и современными обществами, рассматривая ее как артефакт наивных представлений о прогрессе. Такой подход, однако, создает серьезные трудности как для критики существующего «общества платформ», так и для разработки нормативно обоснованной концепции его трансформации, поскольку лишает исследование твердых оснований для социальной критики.

Однако, несмотря на эти расхождения, конструктивистская критика технологического детерминизма может быть полезна общественным движениям в полемике с консервативными аргументами. Социально-конструктивистские исследования технологий демонстрируют, что за конструктивными особенностями техники стоят социальные субъекты. Это имеет как герменевтические, так и причинно-следственные аспекты. Техническое развитие рассматривается как относительное по отношению к социальной интерпретации решаемых проблем. Стандартные технические категории, такие как работоспособный и неработоспособный, эффективный и неэффективный, анализируются через призму социальных требований и восприятия^[23, p.42].

Несмотря на свой эвристический потенциал, как конструктивистский подход, так и акторно-сетевая теория демонстрируют принципиальные ограничения при анализе технологического развития. Социальный конструктивизм, последовательно отвергая технологический детерминизм, оказывается неспособен предложить нормативные основания для критики существующих технологических систем и концептуализации прогрессивных альтернатив. Акторно-сетевая теория, расширяя понятие актора до включения нечеловеческих сущностей, тем не менее утрачивает категориальный аппарат для анализа структур власти и неравенства, что особенно проблематично в контексте таких вызовов, как, например, изменение климата или концентрация капитала. Подход Латура, заменяющий «критику» на «композицию» приводит к политическойнейтрализации в момент, когда требуется четкая нормативная позиция. В этом контексте теория Симондона предлагает перспективный путь синтеза, позволяющий преодолеть указанные противоречия. Его концепции «конкретизации»^[1, p.50] и «технической рациональности» создают теоретический мост между имманентным техническим развитием и социальными требованиями. В отличие от акторно-сетевой теории, Симондон сохраняет возможность критического анализа, а в отличие от классического конструктивизма, предлагает позитивное понимание технического прогресса через идею интеграции человеческого, технического и природного. Такой подход не только объясняет существующие технологические конфликты, но и открывает нормативную перспективу для их разрешения через демократизацию технологического развития, что особенно актуально в условиях современных экологических и социальных вызовов.

Конкретизация как имманентная логика технического прогресса

В философской системе Симондона проводится фундаментальное разграничение между технической сущностью, определяющей природу технологии как таковой, и утилитарной функциональностью, выраждающей способы удовлетворения человеческих потребностей. Техническая сущность понимается как онтологическое основание техники, проявляющееся через особый тип мышления (технический менталитет)[\[24, р. 21\]](#), ориентированный на внутреннюю логику технических взаимосвязей. Эта фундаментальная характеристика воплощается в каждом техническом устройстве и системе, оказывая формирующее влияние на современную культурную парадигму. Другими словами, техническое мышление – это нечто большее, чем просто идеологическая или субъективная категория, как в традиционных формах критической теории[\[25, р. 13\]](#). Поэтому симондонианский технический менталитет вместо этого включает в себя метастабильное поле способов мышления, аффективных тенденций и этических ценностей, которые модулируют то, как мы думаем о технологиях и материально взаимодействуем с ними. При этом Симондон выдвигает предположение, что последовательное раскрытие технического потенциала создаст предпосылки для гармоничной интеграции человеческого и машинного начал в контексте усложненной техносоциальной организации.

Поэтому, несмотря на преобладающий утилитарный подход к восприятию технологий, Симондон предлагает методологическое воздержание от оценок практической полезности. Понимание принципов технического функционирования, согласно его позиции, должно основываться на закономерностях развития автономного способа существования, не сводимого к человеческим целям. Эти имманентные закономерности направляют прогрессивную эволюцию, достигающую своей кульминационной точки в феномене «технических индивидов» – машинных комплексов индустриальной эпохи. Основным принципом данного развития выступает «конкретизация», которую можно интерпретировать как аналог того, что специалисты в области техники обозначают термином «функциональная элегантность»[\[26\]](#).

Иными словами, в рамках предлагаемой Симондоном новой генетической онтологии, или онтогенеза, технический объект осмысливается в двойственном модусе существования. В отличие от живого сущего, технический объект Симондона никогда не достигает состояния завершенной конкретности, что обуславливает особый характер его генезиса. Технический объект лишен органической целостности, присущей живому существу. В отличие от линейного развития к конечной форме, его становление является непрерывным процессом конкретизации. То есть Симондон утверждает, что технический объект лишен индивидуации в смысле абсолютного генезиса и происхождения, присущего биологическим организмам. Вместо этого он проходит процесс конкретизации, который приобретает характер индивидуализации в индустриальную эпоху машин. При этом, согласно философской концепции Симондона, именно незавершенность технического объекта открывает пространство для его постоянного совершенствования и трансформации, составляя сущность не только технического прогресса, но и человеческого прогресса. Симондон утверждает, что человеческий прогресс – это способность переходить от одной исчерпанной формы развития (язык, религия) к другой (техника) и так далее без остановки. При этом мы не должны путать текущую «волну» прогресса (например, техническую) с прогрессом в целом[\[27\]](#).

Такая фундаментальная незавершенность находит свое прямое выражение в генезисе технического объекта, чья особенность проявляется в принципиальной открытости и способности к бесконечному совершенствованию через установление новых связей со своей ассоциированной средой [1, р. 56–57, 3, р. 24–25]. В этом контексте незавершенность технического объекта следует понимать не как недостаток, а как онтологическое условие возможности его развития. Именно благодаря отсутствию окончательной конкретности технический объект способен эволюционировать, порождая не только новые технические индивиды, но и усложняющиеся технические ансамбли [28, р. 232]. В этом случае конкретизация представляет собой непрерывный процесс, в ходе которого технический объект становится все более целостным и внутренне согласованным. Данный процесс находит свое конкретное выражение в том, что различные части технического объекта начинают выполнять множественные функции, устраняются внутренние противоречия, и объект приближается к состоянию технической индивидуальности.

Важно подчеркнуть, что данный процесс разворачивается исключительно в рамках видовой линии технических объектов (коллективной филетической линии), где никогда не завершающийся генезис отдельного индивида оказывается в действительности целым филогенезом. Поэтому новый технический индивид, каковым является промышленная машина, должен быть признан автономным в сфере труда. Это освобождение машин создает предпосылки для освобождения людей при условии преодоления психофизиологического отчуждения работников посредством такой технической автономии. Данный тезис составляет реальную социально-политическую цель философского проекта Симондона, поскольку его теория фаз культуры фактически представляет собой новую проблематику, своеобразным образом интегрирующую технологию в культуру. Однако при более глубоком рассмотрении эта теория оказывается парадоксальной генетической эйдемикой (учение о сущностях), а не историей культуры в традиционном понимании.

Вместе с тем процесс конкретизации, согласно логике Симондона, оказывает трансформационное воздействие не только на внутреннюю структуру технического объекта, но и на его отношение к технико-географической среде, той внешней нише, которая необходима для его функционирования. Данная взаимозависимость обладает «градионным» характером, проявляясь на различных уровнях: от простых технических требований, таких как стандартизация напряжения для электрических устройств, до сложных форм синергии, при которых технология активно трансформирует и реорганизует различные элементы внешнего мира, формируя новую целостную систему. Классическим примером подобной трансформации служит плотина гидроэлектростанции, которая целенаправленно создает искусственное водохранилище, выступающее одновременно и как продукт инженерной деятельности, и как неотъемлемый компонент самой технологической системы, обеспечивающий работу турбин. В результате конкретизированный технический объект не просто адаптируется к готовой среде, но и активно участвует в генезисе сложного гибридного ландшафта, где природные и технические элементы коэволюционируют в рамках единого функционального комплекса.

Именно в данном контексте Симондон вводит нормативный аспект, отсутствующий в чисто описательных подходах исследований науки и технологий, но необходимый для осмыслинного и ответственного технологического развития. Развивая свою мысль в русле критической теории и признавая наличие внутреннего напряжения, присущего современному этапу технологического развития, философ усматривает его источник не только в конфликте социальных интересов, но и в самом способе существования техники

в мире. Он полагает, что это фундаментальное напряжение должно быть преодолено не через политическое противостояние, а через глубокую и продуманную интеграцию человечества, природы и машин в будущем обществе, которое сумеет освободиться от пороков «слепой» и отчужденной технологизации. Вот почему Симондон видит в технике не угрозу, а исторический шанс. Шанс создать такую систему «человек-техника», которая благодаря своей укорененности в самой человеческой природе сможет избежать судьбы языка и религии, не замкнется в себе и сохранит высокий «внутренний резонанс», обеспечивая подлинный прогресс для всего человечества.

Индивидуация и доиндивидуальное: онтологические основания философии техники Симондона

Конкретизация технологий раскрывает их внутреннюю динамику, но для Симондона эта динамика является проявлением более фундаментальной процессуальной онтологии. Он рассматривает техническую эволюцию как одну из фаз процесса индивидуации, в ходе которой любое сущее, будь то живой организм, сознание или технический объект, обретает свою целостную форму через взаимодействие со средой. Именно этот подход позволяет установить связь с биологией: в основе философии Симондона лежит теория «индивидуации», находящаяся под влиянием концепции «Umwelt» немецко-русского биолога и философа Яакова фон Икскюля. Икскюль утверждал, что организм взаимодействует не с природой как таковой, а с определенным ее сегментом, к которому он адаптирован, а именно со своей экологической нишей.^[29] В этом подходе целое предшествует частям: живое сущее и природные объекты формируют его среду совместно. Эта теория повлияла на хайдеггеровское понятие «бытия-в-мире» и на мировоззрение учителей Симондона Жоржа Кангилема^[30] и Мориса Мерло-Понти^[31,32,33].

Согласно Симондону, индивид не предшествует своим отношениям с миром, а возникает в процессе дифференциации из «доиндивидуальной»^[3,p.28] среды, которая разделяется на индивида и его «индивиду-среду». Моделью этого процесса служит образование кристаллов в перенасыщенном растворе при нарушении равновесия. Единичная частица пыли может инициировать процесс, который затем распространяется по всей метастабильной жидкости, пока не выпадет в осадок все вещество. Этот процесс, называемый Симондоном «трансдукцией»^[3,p.32-34] зависит от внешнего элемента, который он обозначает как «информация». Хотя он критически относится к теории «информации» Клода Эльвуда Шеннона^[34], его подход несет на себе ее отпечаток.

Именно здесь концепция «информации» Симондона находит мощный резонанс в критической теории Маркузе. Если «доиндивидуальное» у Симондона – это поле неактуализированных потенциалов и напряжений в системе, то «потенциальность» у Маркузе – это те скрытые возможности более свободной и недеструктивной технической рациональности, которые существуют в латентном состоянии. Социальное движение в этой связке и выступает той самой «информацией» – внешним по отношению к сложившейся технической системе элементом, который, однако, резонирует с ее внутренними противоречиями и инициирует процесс ее трансдукции (трансиндивидуации). Ярким историческим примером является экологическое движение, которое с 1970-х годов выступало в роли такой «информации» для автомобильной промышленности. Требования снижения вредных выбросов, актуализируя маркузианскую «потенциальность» к более гармоничным отношениям с природой, резонировали с

внутренними техническими противоречиями неэффективных двигателей. Это событие социального требования и технической проблемы инициировало процесс конкретизации, выразившийся во внедрении каталитических нейтрализаторов, систем непосредственного впрыска топлива и, в конечном счете, в развитии гибридных и электрических силовых установок. Поэтому «информация» от социального движения перенаправила траекторию «индивидуации» целого технического ансамбля, актуализировав имманентный, но подавленный потенциал («потенциальность») его развития в новом направлении.

Вместе с тем, хотя кристаллизация полезна для иллюстрации «доиндивидуального», она может создать ложное впечатление, что процесс индивидуации^[1, р.46-77] начинается с полностью неиндивидуализированной среды. Это может быть истолковано как утверждение, что доиндивидуальное существует до разделения на субъективную и объективную фазы. Однако если бы доиндивидуальное существовало как сущность, у него тоже должна была бы быть своя доиндивидуальная основа. Сам раствор, в котором образуется осадок, уже является индивидом в лабораторных условиях, что предполагает необходимость поиска источника на еще более глубоком уровне доиндивидуальности, создавая угрозу бесконечного регресса.

Реальное содержание понятия «доиндивидуальности» имеет аналитический характер. Это способ объяснения потенциальности и динамики развития. Симондон утверждает, что индивиды сохраняют заряд «доиндивидуальной» энергии или потенциала, который может реализоваться в процессе их развития. При этом теория «индивидуации» призвана заменить аристотелевскую гилеморфическую схему^[3, р.48-49]. Аристотелевская «субстанция» состоит из внутреннего соотношения материи и формы. Например, план архитектора (форма) реализуется в строительных материалах (материя). Каждая субстанция имеет свою основу и лишь контингентна^[35, 36, 37] связана с окружающей средой. Ветер и дождь воздействуют на дом поверхностно, не затрагивая его сущности. Именно эта статичная и субстанциальная концепция и представляет собой фундаментальную проблему для современной мысли, которая стремится осмыслить реальность как непрерывный процесс становления. В этом случае Симондон предлагает альтернативу аристотелевской концепции «потенциала». Если Аристотель видит в потенциале (например, в желуде, становящемся дубом), метафизическую сущность, то Симондон рассматривает его как динамическое напряжение в системе «индивиду-среда». Это напряжение, а не внутренняя сущность служит источником развития и движет системой к большей целостности, что отражает прогрессивную логику его теории «конкретизации». Таким образом, теория Симондона сохраняет идею направленного развития, но отвергает ее метафизические основания, предлагая более универсальную модель.

Можно отметить, что отдельные аспекты теории «индивидуации» Симондона перекликаются с акторно-сетевой теорией (ACT), что позволяет яснее увидеть суть его полемики с Аристотелем. В интерпретации Латура ACT^[9] представляет собой то, что Симондон назвал бы «онтогенетической» теорией общества: социальные группы возникают и существуют благодаря сетям связей, объединяющих людей и не людей. Человеческие сообщества и технологии взаимосвязаны, выступая друг для друга средой в процессе взаимной индивидуализации. Этот процесс, обозначаемый как совместное «производство» устанавливает внутреннюю связь между технологией и обществом, а не рассматривает их как отдельные субстанции, вступающие во внешние взаимодействия. Ярким примером служит производительный труд, где рабочие объединяются вокруг инструментов, которые, в свою очередь, могут быть ими усовершенствованы.

Повсеместное распространение технологий умножает подобные отношения. Как отмечает современный философ Донна Харауэй, люди и их инструменты становятся гибридами, киборгами, воплощающими совместное производство^[38]. Такой взгляд противоречит представлению о независимом существовании людей и инструментов. Человек неотделим от технического объекта: люди по своей сути являются создателями и пользователями инструментов в конкретных практиках. Однако это порождает вопрос о происхождении кажущейся замкнутой системы, в которой люди зависят от инструментов, а инструменты – от людей.

Но как мыслить эту взаимозависимость, не впадая в порочный круг? Где искать источник этой гибридности? Ответ заключается в отказе от поиска «начала» и признания, что сама оппозиция «человек-инструмент» является не исходной точкой, а производным результатом. Именно эту онтологическую позицию и разделяют акторно-сетевая теория и философия Симондона. Основная точка соприкосновения между ними заключается в понимании изначальной природы реальности. Оба подхода отвергают привычные дуализмы (например, субъект/объект, природа/культура) как нечто первичное. Вместо этого они исходят из идеи гибрида, или доиндивидуального единства. Латур утверждает, что любая технология с самого начала представляет собой сплав «социограммы» (сети социальных отношений) и «технограммы» (конфигурации технических элементов). Эти два аспекта неразделимы: информация об одном одновременно является информацией о другом^[39, p.138]. Разделение на «социальное» и «техническое» – это не отражение сущностной разницы, а всего лишь аналитическая абстракция, «очищение», которое маскирует изначально гибридную реальность.

Но если эта техносоциальная реальность первична, то как она устроена? Что предшествует самому акту разделения? Ответ на этот вопрос требует выхода за рамки социологии, в сферу онтологии. Здесь ключевой становится философия Симондона, которая раскрывает «доиндивидуальную реальность», существующую до любых противопоставлений. Такие бинарные оппозиции, как «живое и инертное» (а, по аналогии – «человеческое и нечеловеческое») возникают позже, как результат наложения дуалистической схемы мышления. Они являются не первичными сущностями, а лишь «маркерами границ», которые «выталкиваются» из единого целого. В результате, если интерпретировать Симондона через призму АСТ, технология-гибрид – это и есть базовая техносоциальная реальность «срединного Царства»^[7, p.78], пространства непрерывного обмена свойствами между человеком и нечеловеком. А то, что мы воспринимаем как отдельные «природные» или «социальные» компоненты – это всего лишь производные абстракции, возникающие при взгляде на это единое целое с определенной точки зрения.

Следовательно, неверно понимать технологический гибрид как механическое соединение двух готовых сущностей – «социального» и «природного». Это не гилеморфический акт наложения внешней формы на инертную материю. Реальность является изначально гибридной, доиндивидуальной. Именно из этого первичного единства, согласно логике Симондона, через процесс индивидуации последовательно и возникают все привычные нам категории. Поэтому «социальное» и «природное» – это не исходные точки, а результаты дифференциации. Однако именно здесь траектории Латура и Симондона радикально расходятся. Латур, отрицая саму категорию сущности, растворяет все в «плоской онтологии сетей». Симондон же совершает онтологический сдвиг: он не упраздняет сущность, а переносит ее в новое, «трансиндивидуальное»^[2, p.19] измерение, в совокупность индивида и его среды. Это

позволяет ему разработать то, что принципиально отсутствует в акторно-сетевой теории, – имманентную теорию технического прогресса. Для Симондона развитие технологии – это не случайное блуждание сетей, а внутренний процесс разрешения противоречий и актуализации скрытых возможностей, ведущий к «конкретизации» технического объекта.

Таким образом, этот симондонианский поиск потенциала, не опирающийся на традиционную телеологию, находит неожиданный резонанс не в Social Studies of Science and Technology (STS), а в критической теории. При этом Маркузе сталкивается с той же фундаментальной проблемой: ему требуется обосновать возможность перехода к новой постпрессыной организации общества. Как и Симондон, он находит источник этого потенциала не внутри изолированного субъекта или объекта, а в реляционной ткани, связывающей технологию и общество. Вот почему, хотя Маркузе и апеллирует к Гегелю за диалектическим методом и концепцией «исторической возможности», но именно концепции «доиндивидуального» и «трансиндивидуального» у Симондона предлагают более строгое и мощное обоснование технологического потенциала. Однако именно эта способность обосновывать технологический потенциал, минуя детерминизм, делает особенно актуальной проблему технологического детерминизма для наследия Симондона.

Проблема детерминизма: переосмысление наследия Симондона

Итак, проблема технологического детерминизма представляет собой серьезный вызов для наследия Симондона. Его философский замысел во многом утрачивает свою убедительность, поскольку может быть воспринят как устаревшая детерминистская философия техники. Большинство современных исследователей в области социальных исследований технологий уже не считают детерминизм жизнеспособным подходом. Хотя в последнее время и предпринимались интересные попытки переосмыслить детерминизм, ни одна из них не приблизилась к той радикальной форме, которую он, судя по всему, принимает у Симондона. Во многих своих работах он аргументирует в пользу того, что, например, современный исследователь Салли Уайатт называет «нормативным технологическим детерминизмом»^[40] – позиции, практически полностью исключающей возможность социального влияния.

Применяя метод критико-теоретической интерпретации, данный анализ целенаправленно помещает наследие Симондона в поле напряженной дискуссии с современными теоретическими подходами. Эта стратегия позволяет не просто констатировать возможные обвинения в детерминизме, но и провести их содержательный разбор, выявляя как уязвимые места, так и скрытые резервы симондонианской мысли. Критико-теоретическая интерпретация позволяет, с одной стороны, использовать аргументацию социального конструктивизма (в лице таких исследователей, как Уайатт), для вскрытия слабостей радикальных утверждений Симондона об автономии техники. С другой стороны, этот же метод дает инструменты для содержательной полемики с «плоской онтологией» акторно-сетевой теории (Латур), демонстрируя, что симондонианские концепции «трансиндивидуального» и имманентного потенциала развития предлагают более мощное основание для критики структур власти, нежели латуровская «композиция». В результате критико-теоретическая интерпретация работает здесь как механизм двойного действия: она подвергает теорию Симондона стресс-тесту, одновременно используя ее саму как критический инструмент для выявления ограниченности альтернативных подходов.

Эта радикальная позиция, однако, представляет собой лишь одну из крайностей в рамках более широкого теоретического противостояния. Традиционный технологический детерминизм, постулирующий единственный путь развития технологий и их предопределяющее влияние на общество, противостоит конструктивистскому подходу, признающему множественность траекторий технологического развития под воздействием социальных факторов. Хотя исторические примеры демонстрируют взаимное влияние технологий и общества, позиция Симондона оказывается сложнее, чем может показаться. В своем труде «О способе существования технических объектов» он, используя технически нейтральные примеры, проводит ключевое различие между внешними и внутренними причинами технологического развития. Это противопоставление техничности и полезности создает эффект технологической автономии, где обществу отводится роль адаптирующейся стороны. Как отмечает Бернар Стиглер, симондонианская надежда на примирение технологии и общества основана не на социальной воле, а на имманентных изменениях внутри самой технической системы^[12]. При этом позиция Симондона достигает крайности в его более поздних работах, где он утверждает абсолютную автономию техники, чьи нормы развития якобы полностью независимы от общества. Паскаль Шабо иллюстрирует этот подход примером с «имманентным идеалом размера» технических объектов^[41, p. 73]. Действительно, логика увеличения электростанций или миниатюризации электроники имеет техническое обоснование. Однако такой детерминизм не объясняет, почему масштабность ассоциируется с американской культурой, а миниатюрность – с японской. Социальный контекст не просто сопровождает техническое развитие, а придает ему культурный смысл и направление, объясняя конкретные формы и время внедрения инноваций, которые с чисто технической точки зрения могут казаться контингентными.

В связи с этим Жан-Юг Бартелеми оспаривает интерпретацию Ж. Симондона как последовательного технологического детерминиста^[42]. Важно отметить, что сам Симондон проводил различие между внешней историей и внутренним «генезисом» технологий, который, по его мнению, отражал их имманентную логику. Хотя этапы развития действительно следуют этой внутренней логике, он не утверждал, что технология единолично определяет форму социальной жизни. При этом Бартелеми подчеркивает, что Симондон писал: «Изобретение происходит тогда, когда социальный фильтр его пропускает»^[43, p. 312]. Это ключевой момент: путь технического прогресса может быть либо заблокирован, либо разрешен обществом, но не он сам по себе предопределяет общественное устройство. Тем не менее одно из ключевых возражений против позиции Симондона представляется в значительной степени обоснованным. По крайней мере, в большинстве его работ движущей силой технического развития выступает имманентная логика самой технологии, а не запросы общества или его потребности.

Эта методологическая установка находит свое прямое выражение в его ошибочном анализе становления и развития практики механической репродукции визуальных образов (фотографирования). Хотя Симондон оценивал растущую автоматизацию массовых камер как регресс, в действительности она представляла собой прогрессивное развитие, приведшее к созданию универсальной технической платформы. Его критика игнорировала ключевое достоинство зеркальных камер: сочетание автоматизации с сохранением творческого контроля, что в конечном счете удовлетворило потребности как обычных пользователей, так и профессионалов. Ошибочность предсказаний Симондона ярко проявилась в его увлечении камерой Polaroid с ее мгновенной печатью,

тогда как реальный путь развития фототехники пошел в сторону SLR-систем. Именно универсальность и способность к адаптации, а не узкая специализация определили успех зеркальной платформы, которая доминировала в фотографии десятилетиями и плавно эволюционировала в цифровую эпоху. Этот пример демонстрирует принципиальную ограниченность его подхода, не учитывавшего, что подлинная «конкретизация» технологии происходит через ее способность адаптироваться к разнообразным социальным практикам, а не через движение по заранее предопределенному техническому пути.

Однако методологическая ограниченность отдельного прогноза не отменяет эвристической ценности его концептуального аппарата, что становится особенно очевидным при анализе современных технологических конфликтов. Борьба за «право на ремонт» представляет собой столкновение двух моделей конкретизации: одна направлена на создание замкнутой, контролируемой производителем системы (запланированное устаревание), а другая – на развитие открытой, ремонтопригодной системы, увеличивающей автономию пользователя и устойчивость устройства. Аналогично в развитии алгоритмов рекомендаций мы наблюдаем конкуренцию между траекторией, ориентированной на сиюминутную максимизацию вовлечения (порождающую социальную метастабильность), и траекторией, нацеленной на поддержку когнитивного разнообразия и социальной связности. Наконец, глобальные споры вокруг регулирования искусственного интеллекта суть не что иное, как борьба за определение его «ассоциированной среды»: будет ли она корпоративно-контролирующей или же станет средой общественного блага, ориентированной на коллективное процветание. Эти примеры показывают, что «конкретизация» – это не имманентный и единственно возможный путь, а поле политической борьбы, где социальные требования выступают той самой «информацией», которая направляет техническую эволюцию. Кроме того, ошибка Симондона была вызвана его излишней концентрацией на различии между оптическими и химическими процессами, которое он считал фундаментальным для техники фотографии. Однако он не пояснил, почему этот аспект должен быть важнее, чем, например, различие между ручным и автоматическим управлением, которое в итоге и определило дальнейшее развитие. Данный пример наглядно демонстрирует произвольность, присущую «чисто» техническому подходу: при огромном разнообразии технических характеристик не существует имманентных чисто технических причин для того, чтобы в прогнозировании будущего выделять одни свойства и игнорировать другие.

Предлагаемый синтез, основанный на философии Симондона, закономерно сталкивается с рядом серьезных возражений, систематический разбор которых позволяет укрепить и прояснить нашу позицию. Во-первых, это обвинение в технологическом детерминизме, которое, как мы видели, подкрепляется отдельными радикальными формулировками самого Симондона. Однако наш синтез, интегрирующий понятие «ассоциированной среды» снимает остроту этого обвинения: имманентная логика «конкретизации» задает не единственный предопределенный путь, а спектр возможных траекторий, из которых реализуется та, что получает необходимую «информацию» от социокультурного контекста. В результате детерминизм «конкретизации» является не жестким, а градуированным и условным. Во-вторых, критики могут указать на технологический оптимизм проекта, который якобы игнорирует репрессивный потенциал любой техники. Ответ на это возражение заключается в синтезе с критической теорией Маркузе: признавая «потенциальность» техники, мы одновременно признаем и возможность ее «неверной» актуализации в условиях доминирующих отношений власти. Задача же политики технологий – вскрывать эти подавленные потенциалы и бороться за их

реализацию. Наконец, третий аргумент – утопизм утверждает, что надежда на демократическую «информацию» технической эволюции наивна перед лицом мощи корпораций и технократических элит. Однако этот утопизм снимается онтологией Симондона: отчуждение, порождаемое нефункциональными и репрессивными системами, создает внутреннюю «метастабильность» – системное напряжение, которое делает сопротивление не внешним моральным жестом, а имманентной необходимостью для самого выживания и развития техносоциального ансамбля. Таким образом, предлагаемый подход не гарантирует «окончательной победы», а предоставляет фундаментальную теоретическую основу для осмысленной и обоснованной борьбы за направление технологического развития.

Однако у теории Симондона существует и другая, менее заметная сторона. Некоторые не столь развитые аспекты его мысли поддерживают идею, близкую конструктивистскому понятию «недостаточной детерминации». Его центральная концепция «индивидуации» напрямую зависит от понятия «метастабильности», которое в своей сути несовместимо с детерминистской теорией «прогресса». Симондон считает, что существование может обладать несколькими последовательными энтехиями [2, p.216]. Это означает, что нормы, в соответствии с которыми объекты проходят процесс индивидуализации, не заданы раз и навсегда. Они способны изменяться, и можно предположить, что это происходит под влиянием меняющихся условий ассоциированных сред с техническими объектами, в которых различные внешние стимулы актуализируют различные внутренние потенциалы.

Вместе с тем наиболее плодотворный путь преодоления антиномии функционирования и использования открывается при последовательном развитии самого симондонианского понимания технологии как открытой системы. Если машина действительно представляет собой не замкнутую субстанцию, а свободную совокупность элементов, способную к бесконечным рекомбинациям, то социальные практики и культурные коды закономерно входят в саму ткань технической эволюции как полноценные компоненты этой системы. Социальная среда в таком случае перестает быть внешним «паразитарным» фактором и становится имманентным условием технической индивидуации, трансформируя культурные паттерны. Например, преобразуя устойчивые культурные паттерны, подобные японской эстетике миниатюризации, в действенные технические «информации». Этот синтез позволяет преодолеть ограниченность как технологического детерминизма, так и социального конструктивизма, раскрывая человеческий прогресс как процесс совместной эволюции технических возможностей и человеческих смыслов, где социальное не просто влияет на технологию, а становится внутренним измерением ее развития.

Заключение

Таким образом, современная борьба за направление технологического развития представляет собой социально-политический процесс, в котором демократические вмешательства бросают вызов устоявшимся техническим кодексам. В отличие от конструктивистского подхода, игнорирующего внутреннюю техническую рациональность, симондонианская концепция «техничности» признает имманентную логику технических систем как полноправных акторов техносоциального синтеза. Этот синтез преодолевает тупик взаимоисключающих методологий через теоретическую «конкретизацию», а именно органичное объединение техничности с пониманием социальных акторов. Такой подход позволяет анализировать технологические изменения как процесс совместной эволюции, где техническая рациональность и социальные ценности находятся в

рекурсивном взаимодействии^[44]. В этом случае переосмыщенная концепция «конкретизации» открывает новые перспективы для политической теории технологий, хотя и требует дополнения пониманием роли конфликтов интересов и власти. Синтез нормативности Симондона и понятия «потенциальности» Маркузе создает методологическую основу для преодоления ограничений технократического подхода. Признание имманентного потенциала технологического развития, проявляющегося через социальное сопротивление, позволяет вскрывать альтернативные траектории прогресса. Конкретизация демонстрирует, что экологические и социальные требования – это не внешние ограничения, а законные выражения внутренней логики развития, способные порождать синергетические эффекты.

Отсюда можно сделать вывод, что Симондон предлагает модель прогресса как последовательность волнообразных циклов развития различных сфер человеческой деятельности. Современная техническая эпоха представляет собой исторический шанс создать относительно устойчивую систему «человек-техника», способную избежать судьбы предыдущих форм развития. Ключом к этому является создание «метрологии человека», позволяющей обратить технический прогресс на самого человека. Это открывает путь к новому этапу развития, где техническая эволюция становится инструментом реализации человеческих и природных потенциалов в их органическом единстве, а демократическое участие – когнитивной необходимостью для достижения высших форм конкретизации.

Вместе с тем актуальность предлагаемого синтеза становится особенно очевидной в контексте таких глобальных вызовов, как антропогенный экологический кризис, развитие искусственного интеллекта и биоинженерии. Эти проблемы не являются чисто техническими или чисто социальными по своей природе. Они требуют именно техносоциального подхода. Концепция «ассоциированной среды» Симондона позволяет увидеть, например, что климатические изменения – это не внешний сбой, а результат системной дисфункции в гигантском техногенном ансамбле индустриальной цивилизации. Следовательно, данное решение требует не просто «зеленых» технологий, а глубокой трансиндивидуации всей системы «человек-техника-природа», где экологические императивы становятся имманентной «информацией», направляющей процесс технической конкретизации. Поэтому демократическое участие в технологическом развитии предстает не как право голоса внешних наблюдателей, а как когнитивный и онтологический процесс интеграции разнородных «ассоциированных сред» – от локальных сообществ, страдающих от последствий тех или иных решений, до экспертов и самих технических систем. Это предполагает создание новых гибридных форумов, где «техническое гражданство» реализуется в практике коллективного поиска таких траекторий развития, которые одновременно усиливают имманентную техническую рациональность (конкретизацию) и актуализируют подавленные социальные и природные потенциалы (потенциальность по Маркузе). Борьба за открытые стандарты, против тотальной алгоритмизации и цифрового надзора, за «право на ремонт» – все это эмпирические формы такой техносоциальной индивидуации.

Критик мог бы возразить, что такой синтез является утопическим, учитывая доминирование платформенного капитализма и технократических элит. Однако сила симондонианско-маркузианского подхода заключается в том, что он находит точки опоры для сопротивления не в моральных призывах извне, а в имманентных противоречиях самой технологической системы. Отчуждение, порождаемое неконкретизированными, нефункциональными или репрессивными технологиями, создает внутреннее напряжение (метастабильность), которое и является источником новых фаз индивидуации.

Социальные движения, выступающие за альтернативные технологии, в этой логике являются не противниками прогресса, а, напротив, агентами, способными «проинформировать» и направить техническую эволюцию по более рациональному и прогрессивному пути, снимающему это отчуждение

В конечном счете, наследие Симондона, прочитанное в диалоге с Маркузе и современными STS, позволяет сформулировать проект новой технологической рациональности. Это рациональность, которая отказывается от ложного выбора между технократическим детерминизмом и социальным релятивизмом. Ее ядро составляет понимание того, что наиболее подлинная, эффективная и устойчивая техническая система – это та, которая достигает высшей степени конкретизации именно через свою открытость к трансиндивидуальному измерению, то есть к интеграции с человеческими коллективами и природными средами. В этом смысле демократия и технический прогресс перестают быть оппозициями. Они становятся взаимно необходимыми условиями для друг друга в процессе бесконечного становления техносоциального мира.

Библиография

1. Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. *L'individuation psychique et collective*. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
3. Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
4. Marcuse H. *One-Dimensional Man*. Boston: Beacon Press, 1964. 257 p.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
6. Hottois G. *Simondon et la philosophie de la 'culture technique'*. Bruxelles: De Boeck Université, 1993. 140 p.
7. Latour B. *We Have Never Been Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 157 p.
8. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford, UK: Oxford UP, 2005. 312 p.
9. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173–200.
10. DeLanda M. *Assemblage Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 198 p.
11. Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамблажей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
12. Stiegler B. *Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus*. Stanford, CT: Stanford University Press, 1998. 316 p.
13. Stiegler B. *Technics and time. Part 2*. Stanford, CT: Stanford University Press, 2009. 285 p.
14. Stiegler B. *Technics and Time. Part 3*. Stanford, CT: Stanford University Press, 2010. 280 p.
15. Хайдеггер М. Понятие времени. СПб.: «Владимир Даль», 2021. 199 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 452 с.
17. Хайдеггер М. Исток художественного творения. СПб.: Академический проект, 2008. 528 с.
18. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
19. Срничек Н. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
20. Зубоф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 781 с.

21. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–273.
22. Lynch M. Scientific practice and ordinary action: ethnomet hodology and social studies of science. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 355 p.
23. Pinch T., Bijker W. The Social construction of technological systems new directions in the sociology and history of technology. Cambridge, MIT Press, 1989. 405 p.
24. Simondon G. Culture and technics (1965) // Radical Philosophy. 2015. № 189. P. 17–23.
25. Boever De A. Gilbert Simondon: Being and Technology. Edinburgh University Press, 2012. 236 p.
26. Simondon G. On techno-aesthetics // Parrhesia. 2012. № 14. P.1–8.
27. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: Presses universitaires de France, 2014. 460 p.
28. Simondon G. The limits of human progress: A critical study // Cultural Politics: An International Journal. 2010. № 6 (2). P. 229–236.
29. Uexküll J. Theoretical biology. London, New York: K. Paul, Trench, Trubner & co. ltd., Harcourt, Brace & company, inc., 1926. 362 p.
30. Canguilhem G. Le Normal et le pathologique. Paris: PUF, 1972. 224 p.
31. Merleau-Ponty M. La Structure du comportement. Paris: PUF, 1942. 314 p.
32. Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible. Evanston: Northwestern University Press. 1968. 282 p.
33. Merleau-Ponty M. Phénoménologie de la perception. Paris: Gallimard, 1945. 531 p.
34. Shannon C.E. The Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. № 27 (3). P. 379–423.
35. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V A C Press, 2020. 400 с.
36. Ивахненко Е.Н. Навстречу «новой эпистемологии»: рекурсивность и контингентность Юка Хуэя // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 220–233.
37. Саяпин В.О. Рекурсивные миры и контингентные порядки: техносоциальная динамика в философии Жильбера Симондона и Никласа Лумана. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. 324 с.
38. Харауэй Д. Манифест киборгов. М.: Совместная издательская программа Музея современного искусства «Гараж» и издательства Ad Marginem, 2017. 128 с.
39. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 274 p.
40. Wyatt S. Technological Determinism is Dead: Long Live Technological Determinism // The Handbook of Science and Technology Studies. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 165–180.
41. Chabot P. La Philosophie de Simondon. Paris: Vrin, 2003. 157 p.
42. Barthelemy J.-H. Life and Technology: An Inquiry Into and Beyond Simondon. Meson Press, 2015. 74 p.
43. Simondon G. L Invention dans les Techniques, Paris: Seuil, 2005. 347 p.
44. Саяпин В.О. Рекурсия как способ самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2023. № 3 (49). С. 62–67.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".
В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья представляет собой серьезное и оригинальное исследование, обладающее несомненной научной ценностью и полностью соответствующее профилю журнала «Философская мысль». Предмет исследования четко определен и обладает значительной теоретической глубиной. Автор сосредотачивается на анализе философии техники Жильбера Симондона как перспективного пути преодоления методологического тупика, заданного противостоянием технологического детерминизма и социального конструктивизма. Особую актуальность работе придает то, что автор не ограничивается историко-философской реконструкцией, а намечает проект синтеза, соединяющий идеи Симондона с критической теорией Герберта Маркузе и современными социальными исследованиями науки и технологий (STS), в частности, с акторно-сетевой теорией Бруно Латура.

Методология исследования отличается продуманностью и комплексностью. Автор грамотно сочетает метод историко-философской реконструкции, позволяющий выявить глубинные связи между проектами Симондона и Маркузе, с методом критико-теоретической интерпретации, который дает возможность вступить в продуктивную полемику с современными теоретическими подходами. Также автором задействуется социокультурный анализ, переводящий абстрактные философские категории в плоскость анализа конкретных технологических практик и конфликтов, таких как борьба за «право на ремонт» или развитие алгоритмов рекомендаций. Это демонстрирует не только теоретическую, но и практическую научную ценность работы, показывая, как предложенный синтез может служить инструментом для осмысливания актуальных проблем технологического развития.

Научная новизна статьи заключается в предложенном автором интегративном подходе. Ключевой гипотезой является утверждение, что демократическое участие в формировании технологических систем является не внешним моральным требованием, а имманентным условием подлинно прогрессивного технологического развития. Для обоснования этой гипотезы автор проводит тонкий анализ центральных концептов Симондона: «конкретизации», «индивидуации», «доиндивидуального» и «трансиндивидуального» и убедительно показывает их созвучие с маркузианской «потенциальностью». Данный синтез позволяет переосмыслить природу технологического прогресса и открывает нормативную перспективу для его демократизации.

Структура работы логична и последовательна, имеются тематические подзаголовки, которые облегчают восприятие сложного материала. Стиль изложения соответствует канонам академического письма, он точен и содержателен. Список литературы впечатляет своей основательностью и релевантностью. Автор демонстрирует свободное владение широким пластом философских источников и современной литературы, включая не только ключевые тексты Симондона, Маркузе и Латура, но и работы таких авторов, как Бернар Стиглер, Мануэль Деланда, Шошана Зубоф и Ник Срничек, что позволяет вписать исследование в самый широкий интеллектуальный контекст.

Важным достоинством работы является то, что автор не уклоняется от потенциальных возражений, а напротив, апеллирует к оппонентам, заранее подвергая свою позицию возможной критике. В статье автор предвосхищает и дает содержательный ответ на такие серьезные обвинения, как технологический детерминизм, технологический оптимизм и утопизм. Это не только укрепляет аргументацию, но и демонстрирует глубину проработки проблемного поля.

В заключении автор убедительно подводит итоги, суммирует вклад своего исследования в существующий исследовательский контекст и намечает перспективы дальнейшей работы. Предложенный синтез представляется чрезвычайно плодотворным для философии техники, политической теории и социальных исследований технологий. Статья однозначно вызовет значительный интерес у читательской аудитории журнала «Философская мысль», поскольку предлагает оригинальный концептуальный аппарат для анализа самых острых проблем современного технологического и социального мира. Работа заслуживает высокой оценки и рекомендуется к публикации в представленном виде без значительных изменений.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Аторин Р.Ю. Универсум как система и её научно-философская рефлексия в контексте рациональной теологии Фомы Аквинского // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76736 EDN: JWVPPM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76736

Универсум как система и её научно-философская рефлексия в контексте рациональной теологии Фомы Аквинского

Аторин Роман Юрьевич

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии; Государственный университет управления
307473, Россия, Курская обл., Глушковский р-н, село Коровяковка, ул. Ленина, д. 83

 romanos-85@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия науки и образования"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76736

EDN:

JWVPPM

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2025

Аннотация: В настоящей статье предметом исследования является метафизическая концепция универсума как разумно управляемой системы, разработанная Фомою Аквинским и представлена им в качестве пятого, одного из «космологических аргументов в пользу бытия Бога. Во II томе «Суммы теологии», в вопросах 103 «Об управлении вещами в общем», 104 «О следствиях божественного управления в частном» и 105 «Об изменении творения Богом» Фома Аквинский продолжает исследование феноменов детерминизма и казуальности в природе, относя принцип взаимосвязи вещей к признакам действия Божественного ума. Разработанная концепция всецело носит научный характер, что обуславливает синтез теологического подхода и научно-теоретической методологии, что делает Аквината одним из передовых учёных своего времени. Методология включает в себя совокупность общенаучных теоретических методов исследования, таких, как анализ и синтез, формальный и диалектический подход. При написании настоящего исследования применен также системный метод и казуальный анализ. Герменевтический метод использован для

анализа текстов первоисточников – основных трудов Фомы Аквинского: "Сумма теологии" и "Сумма против язычников" и др. Результаты исследования и научная новизна: а) произведён философский анализ одной из фундаментальных космологических концепций Фомы Аквинского – пятого аргумента в пользу божественного бытия – «от управления вещами»; б) рассмотрено рационально-теологическое объяснение Фомою Аквинским происхождение универсума и системное управление как способ организации вещей в их соотношении и причинно-следственных связях; в) проанализированы принципы осуществления детерминизма, казуальности и целеполагания в универсуме, определена степень самостоятельности природы вещей; г) показано, что творение Богом самостоятельности природы вещей состоит в наделении их потенцией к естественному самораскрытию без какого-либо «чудесного» вмешательства; д) выявлена концепция рационального обоснования креационистской парадигмы универсума. Выводы, представленные в данной статье обосновывают рациональную рефлексию божественного ума как воспроизводящей первопричины и творческого начала, исключающего безличностный механицизм. Результаты, представленные в настоящем исследовании, могут быть применены в качестве дальнейших научных изысканий в области метафизики и философской гносеологии, рациональной теологии и философии науки, поднимающей проблемы осмыслиения феноменов научного знания.

Ключевые слова:

космология, казуальность, целеполагание, природа, системность, упорядоченность, телеологичность, детерминизм, иерархичность, управление

1. Актуальность проблемы

Один из современных исследователей философии Фомы Аквинского, Алексей Апполонов пишет: «<...> в России, в силу различных причин, средневековая западноевропейская философия XIII-XIV веков никогда не была объектом исследования на соответствующем уровне, и лишь в последнее время ситуация стала медленно меняться в лучшую сторону» [1, с. 3]. Данная тенденция обусловлена:

а) сущностью философии как науки и мыслительной деятельности, выражаящейся «в постоянном возобновлении процесса метафилософской рефлексии». (Ким А. Л. Критика онтологического доказательства как основания гносеологического оптимизма. Автореферат на соискание учёной степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.01. «Онтология и теория познания». - Томский государственный университет, 2005. - С. 3). Иными словами – востребованностью в качестве научного анализа классических философских идей, которыми богато, в том числе и Средневековье, решавшее такие фундаментальные проблемы онтологии и гносеологии, как происхождение универсума, соотношение веры и разума и др.

б) возросшим в современной российской науке интересом к философии религии и сопутствующей ей науке – рациональной теологии, должное понимание которой без обращения к трудам Фомы Аквинского невозможно.

Таким образом, проблема, рассматриваемая в представленной статье, не вызывает сомнений в актуальности.

2. Идея и логика «пятого пути» Аквината

Фома Аквинский известен как разработчик и систематизатор т.н. «пяти путей», более известных, как рациональных аргументов – логических доказательств в пользу бытия Бога. В основании доказательств положены такие категории, как «движение», «причинность», «необходимость», «совершенство» и «целеполагание», то есть действий, происходящих в самом универсуме [\[28, с. 8-9\]](#), постигаемых с помощью разума.

В контексте настоящего исследования представляет отдельный интерес пятое доказательство бытия Бога, дополнительное восполняющее теологический смысл четырех предыдущих, так как: «перводвигатель», «первопричина», «необходимое само по себе», и «высшая степень совершенства» могут восприниматься абстрактными понятиями, представляющимися результатами индуктивных умозаключений.

Доказательство звучит так: «Пятый путь исходит из управления вещами [универсума]. В самом деле, мы видим, что нечто, лишённое познавательной способности, а именно природные тела, действуют ради цели, что очевидно из того, что они всегда или почти всегда действуют одним и тем же образом, так, что стремятся к тому, что для них является лучшим. Поэтому ясно, что они движутся к цели не случайно, но намеренно. Но то, что лишено познавательной способности, может стремиться к цели только в том случае, если оно направляемо кем-то познающим и мыслящим: так стрела [направляется в цель] лучником. Следовательно, существует нечто мыслящее, которым все природные вещи направляются к [своей] цели. И такое мы называем Богом» [\[34, с.70\]](#).

Вводя путь «из управления вещами», Фома Аквинский, посредством детерминации, целеполагания и телеологии, дополнительно обосновывает необходимость важного для объективного идеализма и рациональной теологии атрибута Бога – разума, откуда вытекает идея божественного руководства, философское объяснение которого возможно посредством рефлексии целеполагающей целесообразности в мире [\[27, с. 938\]](#).

Сущность пятого аргумента в том, что всё мироустройство обусловлено божественным провидением, заложившим в вещи универсальную цель – устремление к своему естеству. Основываясь на учении Аристотеля о несамостоятельности материи, требующей оформления, возможного только посредством разумного начала [\[33, с. 85\]](#), Фома Аквинский утверждает, что неразумные вещи не могут осуществить целеполагание самих себя: «Для того, чтобы нечто направлялось к данной цели, требуется знание самой цели, знание того, что служит достижению этой цели и знание должного соотношения между тем и другим. А знать это может лишь умное [существо]» [\[33, с. 36-38\]](#). Таким образом, системность опосредована божественным умом, действие которого обуславливает целеполагание вещей: «определенный ход природных вещей, лишённых познания, ясно показывает, что мир управляет неким разумом» [\[35, с. 455\]](#). Здесь важно уточнение. С одной стороны, всемогущество Бога необходимо приводит к постулату о его всеведении, исходя из которого, Фома Аквинский утверждает: «Божий ум познаёт всё одновременно, без последовательности; значит, ничто не мешает ему познавать бесконечное, точно так же, как и конечное» [\[32, с. 309\]](#). Однако высшее всеведение вовсе не предполагает вмешательство божественного ума в естественное движение вещей каждое мгновение. Нужно сказать, что вещи имеют определённую самостоятельность осуществлять своё естество благодаря вложенным в них формам, и для этого Богу не нужно «мыслить заново» ход вещей и каждой из них. Фома Аквинский придерживается того мнения, что божественному уму достаточно вложить некий принцип существования в вещь, охарактеризованный Аристотелем как движение – «осуществление сущего в возможности, как такового» [\[2, с. 289\]](#). «Так как вещь обладает

бытием, она подчинена его Могуществу. Бог управляет этим могуществом совершенным образом, так как он является силой, действующей посредством ума» [\[29, с. 147\]](#). Вещи предопределены божественным умом к бытию, по замечанию Э. Стамп, «божественные идеи служат формальными причинами вещей» [\[22, с. 187\]](#), но бытие осуществляется в вещах как их собственная природа посредством естественного состояния.

3. Диалектика «промысла» и «естества»

Вложенное Богом естество в вещь, как это уточняется Фомою, не имеет ничего общего с понуждением, т. к. понуждение не есть самый совершенный способ создания системы. Предицирование понуждения, как главного инструмента Творца обедняло бы само понятие божественного творчества, и наводит ум на видение его как некой заставляющей силы, но не актуализирующейся в природе стремлению вещи к сохранению своего вида, стремления как свойства, измышленного божественным умом, реализующегося под его провиденциальным управлением. В связи с этим Аквинат делает замечание: «Движение не противоречит природе движимого и потому есть движение не насильственное, а естественное» [\[32, с. 123\]](#). Заметим, что Фома Аквинский тонко балансирует между «предопределением» и мыслью, что Бог чего-то «не может», объясняя божественное действие в природе с помощью «пророчества»: «В самом деле, помимо того действия, которым Бог учредил природы вещей, наделив каждую [вещь] собственными формами и способностями, посредством которых они могут осуществлять свои действия, Он действует в вещах деяниями пророчества, направляя и подвигая способности вещей к их собственным действиям» [\[30, с. 27\]](#).

Таким образом, само-устремление вещей к своим естественным местам, как лучшему, посредством чего вещь может быть, только свидетельствует о божественной мудрости как феномене, и никак не принижает последнюю. Не случайно Фома Аквинский характеризует системность универсума, осуществляющую посредством управления как «пророчества, направляющего природные вещи к благой цели» [\[35, с. 455\]](#), показывая, что в соответствии с пророчеством истинное существенное благо вообще, к которому устремлены вещи, управляемые Богом, нельзя обрести через понуждение, но только через естественное раскрытие, ибо последнее более совершенно. Богу же свойственно то, что более совершенно. Благо есть бытие, актуализирующееся как «законченная полнота существующей субстанции» [\[33, с. 241\]](#). Следовательно, очевидное несовершенство понуждения, как способа управления далёкого от идеального, неспособного привести к высшей общей цели, – благу, не даёт основания приписать понуждение Богу в общем смысле. Тем не менее, противоестественность таковому бытию вещей понуждения не отрицает существование в вещах причинности. Все частные цели, к которым казуально устремлены вещи, как это наглядно демонстрирует природа, служат реализации общей единой цели – обретение блага, при этом частные сбои к этому устремлению не могут нарушить главный принцип – целеустремление к благу: «то, что одна вещь противодействует другой, показывает, что нечто может противодействовать порядку, который соответствует некоей частной причине, а не то, что такое противодействие возможно в отношении порядка, зависящего от всеобщей причины всего» [\[35, с. 455\]](#).

Аквинат, подчёркивая объективную обусловленность причинно-следственных связей и законов, придерживается концепции детерминизма, согласно которой «реально имеющиеся природные, общественные и психические процессы <...> возникают, развиваются и исчезают закономерно вследствие действия определённых причин» [\[27, с. 127\]](#).

[\[243\]](#). В средневековой философии детерминирующей причиной является высший божественный лόγος: «природная необходимость, присущая вещам, детерменированы к чему-то одному, есть некое воздействие Бога, направляющего [природные вещи] к цели» [\[35, с. 455\]](#).

4. Метафизика промысла: возникновение и управление

В управлении универсумом, как это представлено Фомой, необходимо различать два аспекта:

- α) план управления
- β) исполнение плана

План управления есть само непосредственное божественное пророчество относительно сущего в целом, с включением в него всех вещей. План управления – реализация совершенства вещей посредством их собственной природы. Однако, Бог есть высшее благо, большее совершенство которого заключается не только в его «самодостаточности-в-себе», но также в способности обусловить предрасположение вещей к благу. Поэтому при вложении в вещи потенции к благу некоторым из них, обладающим более высокой степенью бытия, ничто не мешает быть причиной других вещей: «Но поскольку результатом управления является то, что управляемые вещи приводятся к совершенству, то управление тем лучше, чем большее совершенство управляющий сообщает вещам. Но большее совершенство состоит в том, что нечто благо не только само в себе, но и является причиной благости иного <...>. Бог управляет вещами таким образом, что некоторые [из них] учреждены причинами других» [\[35, с. 465\]](#). То есть «понудить» к чему-то вещь может только другая вещь, однако не абсолютно необходимым образом, но лишь в той степени необходимости, которая требуется от вещи для осуществления общего плана-замысла. Аквинат обращает внимание на так называемое «совершенство причинности» [\[35, с. 465\]](#), и расценивает его как более разумный принцип управления, утверждая, что имеющаяся в структуре управления системой опосредованность есть признак совершенства божественного ума: «если бы Бог управлял всем непосредственно, то от вещей устранилось бы совершенство причинности. Именно потому, что осуществляется через многое, не осуществляется через одно» [\[35, с. 465\]](#).

Исполнение плана опосредовано осуществлением заложенных причинно-следственных связей между вещами [\[35, с. 464\]](#).

Итак, вещи детерминированы к своим природам и через них – к общему сущностному благу. Конечной целью управления Фома Аквинский видит то, что называется «сущностным благом». Благо по сущности можно определить, как бытие вещи естественным способом, актуализация собственной природы, её субстанциальная реализация. Смысл субстанциальности, как цели всех вещей, – общее универсальное благо, как таковое, «то, что является благом само по себе, по своей сущности» [\[35, с. 457\]](#), заключающееся в универсуме, целью которого является «благо, существующее в нём самом, т.е. порядок самого универсума» [\[35, с. 458\]](#). Сущностное благо не может предопределено, но возможно только в процессе реализации вещей к нему. А предопределение вещей к своим природам, осуществляющееся в разнообразии явлений, причинно-следственных связей, способностей производить другие вещи и т.п. – лишь подчёркивает умственное величие промысла, способного даровать благо и

совершенство, которое более ценно не через способность вещи «быть благой», но через «быть усовершенствованной к благу», то есть движение. Известно, что промысел и предопределение имеют различие. Промысел есть потенциальная возможность к актуализации блага и совершенства. Предопределение – известный заранее вывод. То, что названо Фомою «совершенством причинности» возможно посредством исполнения плана, как промысла.

Божественное провидение, как план управления также двуаспектно и может рассматриваться в общем, и в частном порядке. Общая причина – Бог как первопричина замысла, заключающегося в устремлении вещей к сущностному благу. Это всецелый онтологический принцип божественного управления, которому ничто не может противодействовать, так как «порядок божественного управления всецело обращён на благо» [35, с. 468]. В частном порядке – «сообразно тому, что он происходит от некой частной причины, исполняющей божественную управляющую [волю]» [35, с. 467]. То есть с одной стороны, есть воля Бога на благо, с другой – божественное устройство естества вещей таким образом, что «всё, что действует по природе или по воле, приводится – как бы собственными усилиями – к тому, к чему определено Богом. И потому говорится, что Бог гармонично всё устрояет» [35, с. 468]. Данный принцип применим к автономности человеческого разума, который, подобно божественному, мыслит по собственному волеизъявлению: «при любом познании истины человеческий ум нуждается в божественном действии; однако в отношении того, что познаётся естественным образом, он не нуждается в новом свете, но только в движении и направлении» [30, с. 27].

У Фомы есть различие между вещами, которые являются причинами и возникновения, и бытия, а есть таковые, которые обуславливают одно лишь возникновение [35, с. 471, 473]. Причина бытия объясняется следующим образом. Со ссылкой на IV часть «Буквального толкования на Книгу Бытия» блаженного Августина, Фома указывает, что управляющая сила Бога проявляется в поддержании существования формы, благодаря которой вещь есть [35, с. 473]. Далее он описывает способ, посредством которого Бог управляет «бытийностью» вещей: «сохранение творений Богом осуществляется не через некое новое действие, но через продление действия, которое даёт бытие, и это действие осуществляется без движения и не во времени» [35, с. 474]. Иными словами – Богу уже не нужно измышлять некий новый акт бытия для вещей, ибо способность «быть» уже актуализирована посредством умопостигаемой формы.

В чём причина возникновения? Исследования Фомы Аквинского лежат в области отвлечённого знания, поэтому, в дидактических целях, для облегчения понимания сути изучаемого предмета он часто прибегает к аналогиям, когда недоступные чувственному восприятию абстрактные вещи уподобляются конкретным предметам. «Аналогия является неотъемлемым структурным компонентом любой формы научного моделирования. Модель – это «представитель» или «заместитель» оригинала в познании» [14, с. 63]. Чтобы различить «причину бытия» и «причину возникновения» Аквинат прибегает к аналогии домостроительства. Строитель дома не является:

- а) причиной формы дома, так как «форма дома есть составленность и порядок, каковая форма, понятно, следует за естественными силами некоторых вещей» [35, с. 471], так как;
- б) материал, использующийся для строительства (кирпич, доска и т.п.) уже оформлен в качестве вещей в своём естественном бытии, которые при строительстве «являются воспринимающими и сохраняющими таковую составленность и порядок» [35, с. 471].

Таким образом, строитель не создаёт форму по бытию, следовательно, он не может быть причиной бытия вещи, как таковой, ибо не обладает способностью творения по сущности, а лишь направляет силы природы на возникновение новых вещей, исходя из присутствия вложенных форм в предыдущие вещи, так как «бытие дома зависит от природ этих вещей так же, как возникновение дома зависит от действий строителя» [35, с. 471]. В данном случае речь идёт о том, что актуализировать предыдущее естество вещи к возникновению других вещей может лишь разумное существо. (Фома Аквинский также приводит аналогии с профессиями повара, врача). Однако творить и сохранять неподвижную форму вещи, то есть её сущность, подвластно только абсолютному разуму, способному на это, то есть Богу, осуществляющему онтологию системности универсума, названную Фомою «планом». Именно в этом смысле он пишет: «как не может существовать нечто, не созданное Богом, так же не может быть ничего, что не подчинялось бы его управлению» [35, с. 462]. Однако некоторые неразумные вещи могут быть причинами возникновения (но, повторим, не бытия), других вещей и даже сообщать им форму благодаря тому, что материя, из которой состоит вещь, содержит эту форму, перетекающую в другую вещь. Особенно когда это касается процессов между едиными по виду вещами, например, репродуктивной функции. Далее мы не считаем необходимым приводить дополнительные аналогии, и продемонстрируем концептуальное умозаключение Фомы Аквинского: «всякий раз, когда природное следствие по природе приспособлено к восприятию воздействия действующего сообразно тому же смысловому содержанию, сообразно коему оно присутствует в действующем, тогда от действующего зависит возникновение следствия, но не его бытие» [35, с. 472].

Во 2 разделе 104 вопроса «Суммы теологии» Аквинат, исследуя вопрос о способе божественного управления частными вещами, снова обращается к детерминации и объясняет осуществление управления порядком, обусловленным иерархией причин. Непосредственно Бог, как разумная первопричина, учреждает такое взаимодействие между вещами, когда управление осуществляется в их причинной взаимозависимости посредством реализации собственного естества, так как «то, что Бог желает осуществить сообразно естественному порядку вещей, сообщённому творению, может быть рассмотрен на основании природ самих вещей» [35, с. 478]. Отсюда можно сказать, что Бог управляет вещами не так, чтобы каждый раз непосредственно воспроизводить отдельную частную причину, а «при посредствовании неких причин» [35, с. 473]. Между вещами есть причинно обусловленная взаимозависимость, которой достаточно для возникновения других вещей, когда предыдущие вещи имеют вложенную по естеству предрасположенность быть причинами последующих, и «творение может быть причиной другого в том, что касается обретения новой формы или предрасположенности, но только по способу некоего изменения» [35, с. 475]. Бог как первопричина обеспечивает онтологически преимущественное следствие в вещах, однако есть средние причины, через которые возможно сообщение форм, но, как говорилось выше – не по бытию, а по возникновению. На первый взгляд Фома Аквинский наделяет вещи, да и весь универсум широкой свободой действий, что многие из вещей могут показаться настолько автономными, и здесь недалеко до мнения о дейстических началах аквинатовской космологии. Тем не менее, необходимо сказать, что Фома, проявлял немалый интерес к натурфилософии [31, с. 186-191] и оставлял за вещами их «бытийное право на осуществление», отмечая широкую автономию их субстанций и форм [10, с. 184], не впадает в деизм, если понимать последний, как учение, утверждающее, что «Бог больше не вмешивается в закономерный ход событий в природе, а также в правильно

организованной,rationально осуществляющей человеческой жизни» [\[26, с. 335\]](#). Это исключено ввиду изложенной нами выше концепции Аквината о сущностном благе, к которому стремится универсум посредством божественного сбережения и непрерывного участия божественных энергий в его бытии, зависящего всецело от воли Бога [\[35, с. 476-477\]](#), так как без его воли и его благости невозможно осуществление сущностного всеобщего блага.

Однако истинно ли благ тот Бог, воля которого бы не допустила какого-либо движения вещей в собственных природах к естественному (сущностному) благу? Не в том ли более удивительно своей мудростью творение вещей Богом, когда последние не просто совершенны по факту бытия, а достигают его во взаимодействии между собою? Аквинат отмечает: «тварная вещь совершеннее уподобится Богу, если будет не только сама по себе хороша, но и сможет действовать ради блага других» [\[33, с. 207\]](#). То есть, если Бог «сразу» даёт вещам какое-либо фиксированное благо, некую его онтологическую константу – то будет ли возможность соотнести данное благо с абсолютным благом, которое есть сам Бог, и возможно ли будет в таком случае само богопознание от каких-либо космологических начал? Будем ли мы знать нечто о благости Бога, актуализирующейся в вещах, если мы уже инстинктивно удовлетворены неким «благом», не имея даже возможности направить собственные усилия к его постижению с одной единственной целью – иметь понятие о степенях его совершенства и созерцания их? При этом не важно, говорим ли мы о вещном естественном благе, к которому вещи устремлены неосознанно, но по вложенному в них естеству, или, же о собственном, внутреннем осознаваемом благе Бога-личности. Вопрос остаётся дискуссионным, и мы его направляем в ведение такой области теологии, как «Основное богословие» и науке о духовной жизни.

5. Влияние Аквината на дальнейшее развитие философской мысли

Наше исследование было бы не полным, если не совершил краткий обзор влияния интеллектуального наследия Фомы Аквинского на дальнейшее развитие метафизики, теории познания, рациональной теологии, и эпистемологии в целом. (Отметим, что данный вопрос нами уже затрагивался в опубликованном ранее исследовании) [\[4, с. 140-151\]](#).

а) Влияние на метафизику и теорию познания

а.а.) Критика томизма

Необходимо отметить, что томистская концепция, основанная на позициях умеренного реализма, была встречена неоднозначно, и первые скептические ноты в отношение метафизического способа богопознания мы находим в рамках ещё одной проблемы средневековой философии – определения онтологического статуса универсалий. Укрепление позиций номиналистических тенденций в последующей европейской философии вызвало в адрес классического томизма целую волну критики. Так Уильям Оккам относил универсалии к абстрагированному производному, существующему только в мышлении, лишённому какой-либо реальной метафизической сущности [\[20, с. 114-133\]](#), а потому отрицал всякие рациональные попытки вынести адекватное заключение о божественных вещах [\[20, с. 145-190\]](#), напоминая о бесконечном величии божественной природы, постигаемом только верой [\[7, с. 77-78\]](#).

Номинализм средневековых схоластиков обретает второе дыхание в скептицизме Дэвида

Юма, главная мысль которого состояла в следующем: британский мыслитель считал все используемые в рациональной теологии логические приёмы верными, но умозаключения – не достоверными, а вероятными, являющимися всего лишь понятиями, существующими в уме, связь которых с сущностью вещей весьма сомнительна, а выносимые рассудком суждения не могут составить адекватного знания о божественном [37, с. 98-101]. Более того, Дэвид Юм считает любовь мудрецов к метафизике обусловленной их же страстью к религии, что, по мнению британского философа привносит, в природу самих метафизических идей немало домыслов и фантазий [36].

Самым известным и авторитетным критиком томистской космологии считается Иммануил Кант. Его теория познания сформировалась во многом благодаря развитию идей Дэвида Юма, суть которой в следующем. Иммануил Кант, исследуя инструмент рационального познания – разум, доходит до агностицизма. Трансцендентное является себя не сущностно, но лишь феноменально. Сущностное остаётся ноуменально, т.е. непознаваемо. К области ноуменального относится, в том числе объект исследования рациональной теологии – Бог, следовательно, у разума нет оснований посредством логически безупречной с виду причинности, законно дойдя до первопричины, приписать ей божественное достоинство, ибо слишком несовершены возможности рассудка, чтобы охватить субстанцию абсолютно трансцендентального Бога. Да и сама безусловность первопричины объявляется философом не необходимой [17, с. 75-77]. Иммануил Кант объединяет все аргументы в пользу божественного бытия, построенные методом индукции (именно таковыми являются «пять путей» Фомы Аквинского) в один и называет его «космологическим аргументом» [15, с. 484], познавательная ценность которого, по мнению немецкого классика, остаётся философской спекуляцией на уровне субъективного рассудочного требования, исходя из чего, все претензии космологического аргумента на получение объективного знания не обоснованы [15, с. 514-522]. Не отрицая существования Бога, Иммануил Кант выводит свой аргумент в пользу его существования, отталкиваясь от моральной природы человека [16, с. 118-133]. Однако это уже тема отдельного исследования и его область – моральная теология и иррациональная теология, развитие которых мы находим, например, у Сёrena Кьеркегора [18, с. 217-233].

а.β.) апология томизма

Появление неотомизма – «обновлённой схоластики», пережившей в XX веке второе рождение, вызвано своего рода философской реакцией на тенденцию укоренения номиналистского подхода и является попыткой защитить рациональную теологию, обоснование которой следует искать в началах философского объективного идеализма и реализма, (к которым относится и Фома Аквинский). Если кантовская философия наносит удар по самой философской методологии рациональной теологии и оборачивается критикой реализма, то неотомисты первоочередной задачей ставят обратное. Отныне необходимо обосновать, что выветривание реалистических тенденций несёт негативные последствия не только для философии, но и трансформирует другие области духа: религию, этику, мораль, культуру. Такой представитель неотомизма, как, Мартин Грабман, видит в распространении номинализма причину упадка схоластики, рассматривая критически тенденцию ухода от реализма, расценивая это как путь к скептицизму, агностицизму, субъективизму и индивидуализму – плодам Просвещения, подорвавшим, ни много ни мало, религиозное начало. Известно, что на почве Просвещения взросли философский модерн и постмодерн. Далее Мартин Грабман обращает внимание на главную проблему номиналистов: если номиналистский тип философского мудрствования отрицает объективность и универсальность естественных

общечеловеческих истин, наделив последние духом релятивизма – то, как с этих же позиций возможно адекватно рассудить о познаваемости или непознаваемости чего-то из области высшего божественного [11, с. 493-496].

В продолжение темы нельзя не упомянуть имя Этьена Жильсона, основательно переработавшего идеи Средневековья и Фомы Аквинского, благодаря чему схоластическая философия зазвучала по-новому и стала более понятной современникам. Этьен Жильсон напоминает об исконном смысле томистских аргументов, цель которых – доказать существование разумного Творца универсума [13, с. 101-110], (что особенно подчёркивается в пятом аргументе Аквината), и через сложность явлений и разнообразие форм, присутствующих в нём узреть Его величие [13, с. 204]. Интересно, что средневековое понятие причинности, по мнению Жильсона, не было бы возможным, если бы мыслители той эпохи не нашли её не в природе, а в самом мыслящем существе, находящемся в природе [13, с. 120]. Не обходит Жильсон и критику кантианской парадигмы. Исконная цель Канта, по Жильсону – интеллектуальная атака на философский реализм, которому отныне противопоставляется субъективный мир идей, а законы природы – лишь способ их отображения в человеческом мышлении, и только последнее наделяет вещи закономерностями, по которым они существуют. И если категории рассудка, почерпнутые из метафизики, становятся помехой в обретении знания о божественном бытии – то необходимо обратиться к иному типу познания. Такова кантовская логика. И здесь Этьен Жильсон делает весьма ценное замечание: средневековые христианские философы, как учёные, выстраивали рациональную теологию на условиях самой философии, то есть придерживались научной методологии, не апеллируя иррациональному. Инструмент *ratio* необходимо использовать таким, каков он есть, и исследовать все возможности богопознания, исходя из природы самого *ratio*, а не его критики, ибо любое знание о Боге, добытое этим способом должно иметь ценность в философии, даже если это знание несовершенно, так как разум – божественный дар во свидетельство уникального статуса человеческой природы [1, с. 335-336].

Такие представители неотомизма, как Хорст Зайдль и Ричард Суинбёрн также отмечают несостоительность кантовской критики. По замечанию Хорста Зайдля последняя совершенно пренебрегает аристотелевским типом философствования и онтологией перипатетизма, без которой понимание томистских аргументов невозможно. Сами же «пять путей» имеют своей предпосылкой не «Бога», а давшей начало универсуму первопричины, необходимо существующей, обладающей совершенным умом, продолжающей управлять миром. В общем и целом, Зайдлем поднимается главная проблема, породившая полемику вокруг доказательств – приравнивание метафизической первопричины к Богу [28, с. 21-24]. Томистский рационализм имеет своей основой философскую логику, в то время как кантовская концепция критикует рациональное – чувственным, что, по мнению Зайдля, не совсем корректно. (Того же мнения придерживается отечественный исследователь Даниил Пивоваров, по мнению которого Иммануил Кант критикует логическую мыслимость вещей тем, что дано в экзистенциальном опыте) [21, с. 261-268]. Ричард Суинбёрн, анализируя выдвинутое Дэвидом Юмом и Иммануилом Кантом, говорит о отсутствии у данных мыслителей должного проникновения в предмет средневековой теологии. Критика, как утверждает оксфордский профессор, была осуществлена на основе общих понятий и смутных представлений, не учитывались методологические нюансы, логическая тонкость понятий, их предметность [23, с. 110-111].

Таким образом, с точки зрения неотомистов, кантовское редуцирование богопознания в область чувства расценивается как обеднение рациональной философии. Мы же отметим, что полемика вокруг пяти доказательств бытия Бога Фомы Аквинского и развитие рациональной теологии в целом, осуществляется в контексте разрешения основного вопроса философии: насколько мыслимое является истинно соответствующим тому, что есть в действительности. Философское наследие Фомы Аквинского востребовано и сегодня и вопрос остаётся открытым. Метафизика, и теология Фомы Аквинского и сегодня является объектом рассмотрения целого ряда исследователей, в том числе и отечественных учёных таких, как упомянутый выше А. В Аполлонов [\[1\]](#), Д. А. Федчук [\[25\]](#), В. П. Гайденко [\[9\]](#), Т. Ю. Бородай [\[6\]](#), К. В. Бандуровский [\[5\]](#) и др.

β) Влияние на философскую эпистемологию

β.α) рационализм

Философия Фомы Аквинского бесспорно носит научный характер, отличаясь логичностью, беспристрастностью, системностью, доказуемостью, академизмом, наличием специфического понятийного аппарата. В этом, более широком смысле схоластика заявляет себя как теоретический метод исследования, основанный на индукции и дедукции, анализе, систематизации и синтезе. Всё это стало вновь востребовано мыслителями XVII-XVIII вв. Нельзя не согласиться с утверждением отечественного специалиста по средневековой философии Татьяны Бородай, что Аквинат «положил начало традиции, в которой укоренена философия Нового времени: мысль Декарта и Лейбница следует путями, которые проложил Аквинат» [\[6, с. 17\]](#). Похожая мысль встречается и у других исследователей [\[13, с. 19-20; 24, с. 209-212\]](#). Дело в том, что для рационалиста Фомы Аквинского истина находится в разуме [\[34, с. 259-261\]](#), что находит отражение в учении Рене Декарта об истинном знании, как идеях, - обретаемых в процессе мышления [\[12, с. 184-189\]](#).

В одном из фундаментальных сочинений Готфрида Лейбница «Опыты теодиции...» [\[19\]](#) положена логика исследуемого в данной статье пятого доказательства Фомы «от управления вещами». Объектом исследования у Лейбница является природа зла, и он доказывает, что зло как таковое, не имеет собственной сущностной природы, оно акцидентально, однако в универсуме зла, в конечном итоге, оборачивается благом. Иными словами – зло как бы «встраивается» в механизм благо-созидания, управляемый божественным умом, и начинает осуществляться как нечто целе-положенное работая на идею устремления всех вещей к высшему благу, которым может быть только Бог.

β.β) эмпиризм

Известно, что Френсис Бэкон, склоняясь к номинализму, восстал против метафизического подхода, как не пригодного для осуществления научного исследования, объявив плоды метафизики «идолами театра» [\[8, с. 23\]](#). Недоверие к идеям разума заменяется обращением к опыту постижимой с помощью чувств физической реальности, где принципы существования вещей становятся ясны с помощью наблюдения и эксперимента [\[8, с. 27\]](#). На первый взгляд, эмпирическое знание может показаться противоречивым метафизическому, однако в философии Фомы Аквинского две возможности познания не противопоставляются. Аквинат (вслед за Аристотелем) утверждает, что познание начинается с чувства [\[35, с. 265, 293\]](#), (напомним, что все «доказательства» построены на методе индукции, которому Бэкон отдаёт преимущество),

лишь с той оговоркой, что одного чувственного недостаточно, так как первое познаёт единичное, а разум - общее, тем не менее для познания общего необходимо познание единичного [35, с. 277]. Телесное бытие обуславливает функционирование всех известных, задействованных в эмпирическом познании чувства, поэтому Фома справедливо утверждает, что тело человека необходимо для мышления [35, с. 253-254], поскольку «чувство обладает истинным восприятием чувственно воспринимаемого» [34, с. 276-277], но только субстанция вещи, её неподвижная понятийно осознаваемая форма отображает истинное бытие вещи, что является уделом умопостижения. Таким образом в мировоззрении Аквината эмпирическое и теоретическое познание не являются чем-то взаимоисключающими, но наоборот, представляющими два взаимосвязанных модуса познания. Можно добавить, что Фома Аквинский не был сторонником излишней теоретизации натурфилософии, и как бы наперёд примиряет метафизическое и чувственное познание, эмпиризм и рационализм, что мы находим в его интересном суждении: «в устройении естественных вещей следует рассматривать не то, что может сделать Бог, но то, что подобает природе вещей» [35, с. 131].

Фрэнсис Бэкон, со своей стороны, призывал рассматривать вещи с позиций чувства и опыта, наблюдения и эксперимента, однако родоначальник эмпиризма не забывал главный постулат средневековой онтологии: мир, природа, вселенная, универсум – творение Божие, а механическая картина мира Рене Декарта, управляемая Богом есть прямое влияние схоластики. На этом полагаем завершенным данный раздел, ибо область нашего исследования выходит за рамки темы текущей статьи.

В заключение резюмируем: подробное исследование космологии Фомы Аквинского в контексте его рациональной теологии на примере пятого доказательства бытия Бога ещё раз подтвердило томистскую концепцию о непротиворечии веры и разума, религиозного мировоззрения и научного познания. Обусловленность универсума высшим разумом не уничтожает интеллектуальной потребности в научном исследовании универсума как явления, а изучение законов природы приводит к выводу о существовании их Законодателя. Интеллектуальное наследие Фомы Аквинского породило немало дискуссий в истории философской мысли, оно актуально и продолжает быть предметом научных изысканий.

Библиография

1. Апполонов А. В. Некоторые важнейшие принципы философии святого Фомы Аквинского // Фома Аквинский. Сумма Теологии: Т. 1. Первая часть: Вопросы 1-64. Билингва латинско-русский. Пер. с лат. / Под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013. – С. 3-44.
2. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырёх томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. – М.: "Мысль", 1976.
3. Аристотель. Физика / Аристотель; пер. с др.-греч. В. Карпова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.
4. Аторин Р. Ю. Средневековая философско-теологическая мысль и прогрессивное научное познание // Философия науки на пути к цифровой постнеклассике: монография / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Государственный университет управления; науч. ред.: М. Ю. Захаров, И. Е. Старовойтова. – Москва: ГУУ, 2025. – С. 120-156.
5. Бандуровский К. В. Наш собеседник и современник // Фома Аквинский. Сумма теологии: с комментариями и объяснениями / Фома Аквинский; пер., сост., предисл., comment. К. Бандуровского. – М.: Издательство ACT, 2019. – С. 5-24.

6. Бородай Т. Ю. Фома Аквинский и его "Сумма против язычников" // Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 1. Пер. вступ. ст., comment. Т. Ю. Бородай. – Долгопрудный: Вестком, 2000. – С. 9-31.
7. Бэймкер К. Европейская философия средневековья: Пер. с нем. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом "Либроком", 2015.
8. Бэкон Ф. Новый Органон; Опыты / Френсис Бэкон; пер. с лат. С. Красильщикова, пер. с англ. З. Александровой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021.
9. Гайденко В. П. О трактате Фомы Аквинского "De mixtione elementorum" // Философия природы в античности и средние века. Ч. 2. – М., 1999.
10. Гайденко В. П. Об исходных понятиях доктрины Фомы Аквинского // Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. – М., 2001. – С. 3-32.
11. Грабман М. История схоластического метода: Первый том: Схоластический метод от первых истоков в святоотеческой литературе до начала XII века. 1957 / Мартин Грабман. – [б.м.]: Издательские решения, 2024.
12. Декарт Р. Рассуждение о методе / Рене Декарт; пер. М. Позднева, Н. Сретенского, А. Гутермана. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022.
13. Жильсон Э. Дух средневековой философии. / Пер. с французского Г. В. Вдовиной. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. EDN: QXBPRR.
14. Ивин А. А. Искусство правильно мыслить: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1986.
15. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант; пер. с нем. Н. Лосского, М. Левиной; сост. и comment. А. Арамян; предисл. А. Маркова. – М.: Издательство АСТ, 2022.
16. Кант И. Лекции о философском учении о религии (редакция К. Г. Л. Пёлица) / Перевод, примечания и послесловие Л. Э. Крыштоп / Под ред. А. Н. Круглова. – М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2016. EDN: UXJMWY.
17. Кант И. Обоснование непостижимого: [перевод с английского] / Иммануил Кант. – М.: Издательство "Э", 2018.
18. Кьеркегор С. Дневник обольстителя / Сёрен Кьеркегор; состав., предисл. и comment. Н. Плужниковой, пер. П. Ганзена. – М.: Издательство АСТ, 2023.
19. Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 т.: Пер. с франц. Т. 4 / редкол.: Б. Э. Быховский, Г. Г. Майоров, И. С. Нарский и др. – М.: Мысль, 1989.
20. Оккам У. Избранное: Пер. с лат. / Под общ. ред. А. В. Апполонова. Изд. 4-е. – М.: ЛЕНАНД, 2024.
21. Пивоваров Д. В. Онтология религии: основные понятия и принципы. – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 261-268.
22. Стамп Э. Аквинат / Пер. с англ. Г. В. Вдовиной; науч. ред. К. В. Карпов / Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2013.
23. Суинбёрн Р. Существование Бога / Пер. с англ. М. О. Кедровой; науч. ред. Р. Суинбёрн / Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2014. EDN: RJEWEC.
24. Апполонов А. В. Наука о религии и её постмодернистские критики. [Текст] / Апполонов А. В.; Нац. Исслед. Ун-т "Высшая школа экономики". – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
25. Трошихин В. В., Толстиков В. А. Философия, наука, религия: Монография. – Белгород: Кооперативное образование, 2008.
26. Федчук Д. А. Голос "Единого": Альберт Великий, Фома Аквинский и дунс Скот / Д. А. Федчук. – СПб.: Изд-во РХГА, 2019.
27. Философия. Краткий тематический словарь. – Ростов н/Д: "Феникс", 2001.
28. Философский словарь. – К.: А. С. К., 2006.
29. Фома Аквинский. Доказательства бытия Бога в "Сумме против язычников" и "Сумме

- теологии". / Сост. введ. и комм. Х. Зайдля. Пер. с лат. и нем. К. В. Бандуровского, отв. ред. С. С. Неретина. – М.: Ин-т философии РАН, 2000.
30. Фома Аквинский. Комментарии Фомы Аквинского к трактату Аристотеля "Об истолковании" / Перевод, комментарии и предисловие О. А. Антоновой, Е. В. Журавлёвой; послесловие Я. А. Слинина; под общей редакцией Я. А. Слинина, Т. Е. Сохор. – 2-е изд. – СПб.: Издательство РХГА, 2021.
31. Фома Аквинский. О единстве разума против аверросистов // Сочинения: Билингва латинско-русский / Сост., пер. с лат., ввод. ст. и comment. А. В. Апполонова. Изд. 8-е. – М.: ЛЕНАНД, 2021.
32. Фома Аквинский. О смешении элементов // Философия природы в античности и средние века. Ч. 2. – М., 1999. – С. 186-191.
33. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. I. Перевод, вступ. ст. и comment. Т. Ю. Бородай. – Долгопрудный: "Вестком", 2000.
34. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга II. Перевод и примечания Т. Ю. Бородай. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.
35. Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. I. Первая часть: Вопросы 1-64. Билингва латинско-русский. Пер. с лат. Н. Лобковица, А. В. Апполонова. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом "Либроком", 2013.
36. Фома Аквинский. Сумма теологии: Т. II. Первая часть. Вопросы 65-119. Билингва латинско-русский. Пер. с лат. / Под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова. – Изд. 2-е, испр. – М.: КРАСАНД, 2014.
37. Юм Д. Диалоги о естественной религии: С приложением статей "О самоубийстве" и "О бессмертии души". Пер. с англ. / Предисл. С. М. Роговина. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2022.
38. Юм Д. О человеческой природе / Дэвид Юм; пер. с англ. С. Церетели. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования выступает герменевтическое рассмотрение рациональной философии Фомы Аквинского. В фокусе работы пятое доказательство бытия Бога. Автор не дает разъяснений о своем выборе, почему именно пятое, и как оно перекликается с другими четырьмя путями (*viae*). Стоит отметить высокий научный уровень анализа, представленного в настоящей статье. Автору удается расставить такие акценты, которые многими исследователями ранее не были выделены должным образом. Это относится, в первую очередь, к выявлению таких важных сторон учения Аквинского, как предопределенность вещей божественным умом к бытию, и осуществления этого бытия из собственной природы вещей посредством естественного состояния. Автор справедливо эксплицирует разведение самим Аквинатом таких понятий, как «предицирование понуждением» и «деяния провидения», противопоставляя их друг другу. Интерес представляют и рассуждения автора по вопросу управления «с сотворенным бытием – универсумом» с опорой на детерминизм в контексте плана управления и исполнения плана как субстанциональной реализации в восхождении к сущностному благу. Таким образом Бог выступает как разумная первопричина, чистый Акт, универсум же – это уже взаимозависимость Акта и потенциальности возможностей

собственного естества вещей. Именно потому пятое доказательство следует из необходимости божественного руководства в контексте целеполагающей целесообразности в мире. Этот вывод как бы напрашивается из вышеприведенных рассуждений автора статьи, ожидается сопоставление с другими путями. Если первое доказательство требует Первовигателя, второе – Первопричины, третье – Необходимости, четвертое – Эталона, то пятое – Разумного управления. Однако автором этот поворот не выполняется, что создает впечатление незавершенности работы.

В целом, главное замечание состоит в слабой структурированности статьи, вследствие чего не выявлена актуальность и научная новизна исследования. Создается впечатление, что в качестве статьи представлен некоторой фрагмент, вырванный из более широкого исследования. Такая фрагментарность оставляет за рамками работы рассуждения о значимости концепции универсума Фомы Аквинского и влияния ее на дальнейшее развитие науки и теологии. Фома Аквинский – ключевая фигура в истории философии и теологии, наследие которого породило весьма острое противостояние между его последователями (томистами) и критиками и по сей день активизирует полемику вокруг вопросов о соотношении веры и разума. Однако апелляция к оппонентам в статье никак не представлена.

Отмечается хороший стиль изложения, содержание статьи отражает глубокое понимание исследуемого материала и демонстрирует высокую научную компетентность автора.

Библиографический аппарат включает 12 источников, половину которых составляют ссылки на работы Фомы Аквинского. Исследований зарубежных и российских ученых по заявленной теме статьи представлено недостаточно.

Содержание статьи может вызвать интерес у специалистов в области истории философии и философии религии. Может быть рекомендована к публикации при устранении указанных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования выступает герменевтическое рассмотрение рациональной философии Фомы Аквинского. В фокусе работы пятое доказательство бытия Бога. Автор не дает разъяснений о своем выборе, почему именно пятое, и как оно перекликается с другими четырьмя путями (*viae*). Стоит отметить высокий научный уровень анализа, представленного в настоящей статье. Автору удается расставить такие акценты, которые многими исследователями ранее не были выделены должным образом. Это относится, в первую очередь, к выявлению таких важных сторон учения Аквинского, как предопределенность вещей божественным умом к бытию, и осуществления этого бытия и из собственной природы вещей посредством естественного состояния. Автор справедливо эксплицирует разведение самим Аквинатом таких понятий, как

«предицирование понуждением» и «деяния провидения», противопоставляя их друг другу. Интерес представляют и рассуждения автора по вопросу управления «созданным бытием – универсумом» с опорой на детерминизм в контексте плана управления и исполнения плана как субстанциональной реализации в восхождении к существенному благу. Таким образом Бог выступает как разумная первопричина, чистый Акт, универсум же – это уже взаимозависимость Акта и потенциальности возможностей собственного естества вещей. Именно потому пятое доказательство следует из необходимости божественного руководства в контексте целеполагающей целесообразности в мире. Этот вывод как бы напрашивается из вышеприведенных рассуждений автора статьи, ожидается сопоставление с другими путями. Если первое доказательство требует Первовдвигателя, второе – Первопричины, третье – Необходимости, четвертое – Эталона, то пятое – Разумного управления. Однако автором этот поворот не выполняется, что создает впечатление незавершенности работы.

В целом, главное замечание состоит в слабой структурированности статьи, вследствие чего не выявлена актуальность и научная новизна исследования. Создается впечатление, что в качестве статьи представлен некоторой фрагмент, вырванный из более широкого исследования. Такая фрагментарность оставляет за рамками работы рассуждения о значимости концепции универсума Фомы Аквинского и влияния ее на дальнейшее развитие науки и теологии. Фома Аквинский – ключевая фигура в истории философии и теологии, наследие которого породило весьма острое противостояние между его последователями (томистами) и критиками и по сей день активизирует полемику вокруг вопросов о соотношении веры и разума. Однако апелляция к оппонентам в статье никак не представлена.

Отмечается хороший стиль изложения, содержание статьи отражает глубокое понимание исследуемого материала и демонстрирует высокую научную компетентность автора.

Библиографический аппарат включает 12 источников, половину которых составляют ссылки на работы Фомы Аквинского. Исследование зарубежных и российских ученых по заявленной теме статьи представлено недостаточно.

Содержание статьи может вызвать интерес у специалистов в области истории философии и философии религии. Может быть рекомендована к публикации при устранении указанных замечаний.

Автором учтены все замечания.

Представлена удачная структура статьи, четко выявляющая позицию автора по поводу роли и влияния Фомы Аквинского на развитие научной мысли. Статья состоит из 5 разделов: 1. Актуальность. 2. Идея и логика «пятого пути» Аквината, в котором определена взаимосвязь пятого пути с рациональными аргументами четырех *viae*, и обоснован выбор автора в исследовании особого интереса мыслителя к вопросу об управлении вещами посредством детерминации, целеполагания и телесущности, что на высоком предметном уровне рассматривается в третьем и четвертом разделах Диалектика «промысла» и «естества» и Метафизика промысла: возникновение и управление. Важным добавлением является пятый раздел «Влияние Аквината на дальнейшее развитие философской мысли», написанный объемно и содержательно, что служит весомым аргументом в пользу актуальности выбранной в статье темы исследования. Следует также отметить расширение списка используемых в статье источников в количестве 38, необходимость которых продиктована рассмотрением автором статьи оппонирующих учению Аквинского точек зрения.

Статьи представляет собой законченную работу, содержит в себе оригинальные результаты, может быть рекомендована к опубликованию.

Англоязычные метаданные

The development of nosological classifications in the context of the social construction of scientific facts problem

Koretskaya Marina Aleksandrovna

Doctor of Philosophy

Associate Professor, Head of the Department; Department of Philosophy and Bioethics; Samara State Medical University

443100, Russia, Samara region, Samara, Oktyabrsky district, Novo-Sadovaya str., 2, sq. 47

 listarh@list.ru

Abstract. Western medicine, having gone through the historical path of becoming scientific knowledge, found itself included in epistemological discussions on the nature of scientific fact, the process of cognition social context and the organization of science as a social institution. The purpose of the article is to answer the question of what the construction of a scientific fact is, when we discuss the history of medicine as a science and specifically the development of nosological classification principles. Methodologically, the work is based on the constructivist paradigm of the philosophy and sociology of science. Furthermore, the logic of the practical turn in the humanities and an interdisciplinary approach are relevant to this study. The study analyzes two key texts related to the constructivist tradition: L. Fleck's "The Genesis and Development of Scientific Fact" and M. Foucault's "The Birth of the Clinic". The result of the analysis is a description of the development of medicine in the perspective of a constructivist epistemological paradigm. Fleck wrote about how understanding disease depends on a culture's style of scientific thinking. Foucault's work allows us to confirm the hypothesis that the nosological construct of a disease is formed under the influence of certain institutions, such as the clinic. The clinic structures the hospital space by analogy with the laboratory space and places the disease phenomenon into the cells of the nosological classification created as a result of practical actions. The constructivist approach to medical knowledge also allowed us to consider the ICD system as an epiphenomenon of the development of clinical thinking in the era of biopolitics and to explicate the logic of the conflict around the transition from ICD-10 to ICD-11, the effect of differences in value horizons influencing the styles of scientific thinking.

Keywords: medical perception, clinic, social institutions, thought-styles, scientific fact, nosology, disease, social constructionism, constructivism, International Classification of Diseases

References (transliterated)

1. Borodulin V.I. K probleme nauchnykh revolyutsii v meditsine XVII–XIX vekov // Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2017. № 1. S. 109–113.
2. Vizgin V.P. Granitsy Novoevropeiskoi nauki: modern / postmodern // Granitsy nauki. M.: IF RAN, 2000. S. 192–227.
3. Dyugem P. Fizicheskaya teoriya, ee tsel' i stroenie / Per. s fr. Predisl. E. Maxa. SPb., 1910. (Reprint: M.: KomKniga, 2007. 328 s.).
4. Zabludovskii P. E. Meditsina i vrachi v epokhu Velikoi frantsuzskoi revolyutsii // Sovetskoe zdravookhranenie. 1989. № 7. S. 56–59.

5. Informatsionnyi byulleten' Mezhdunarodnoi klassifikatsii boleznei (MKB) / Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya. URL: <http://who-fic.ru/icd/factsheet/> (data obrashcheniya 04.09.2024).
6. Kabmin priostanovil vnedrenie MKB-11 iz-za protivorechiya traditsionnym tsennostyam // Vedomosti. 02 fevralya 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/02/02/1018243-minzdrav-priostanovil-mkb-11> (data obrashcheniya 10.09.2024).
7. Karnaп R. O protokol'nykh predlozheniyakh // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2005. T. VII. № 1. S. 219-231.
8. Kolyadenko V. G., Stepanenko V. I. Sifilis. Istoriya proiskhozhdeniya i rasprostraneniya v Evrope i Rossiiskoi imperii. Zabolevaemost' i bor'ba s sifilisom v Sovetskem Soyuze i Ukraine // Iskusstvo Lecheniya. Mistetstvo likuvannya. Kiev, 2004. № 6. URL: <https://web.archive.org/web/20220419114953/https://m-l.com.ua/-aid=280> (data obrashcheniya 12.04.2024).
9. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. M.: AST, 2002. 608 s.
10. Latur B. Daite mne laboratoriyu i ya perevernu mir // Logos. 2002. № 5-6 (35). S. 211-242.
11. Latur B. Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 414 s.
12. Mezhdunarodnaya statisticheskaya klassifikatsiya boleznei i problem, svyazannykh so zdorov'em (MKB). Kodirovanie zabolevaemosti i smertnosti / Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/international-classification-of-diseases> (data obrashcheniya 04.09.2024).
13. Neirat O. Protokol'nye predlozheniya // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2005. T. VI. № 4. S. 226-234; EDN: NCOGBX.
14. Pirogovskaya M. Dnevnik bol'nogo serediny XVIII v.: Vzglyad iz Rossii // Zaboty i dni sekund-maiora Alekseya Rzhevskogo. Zapisnaya knizhka 1755–1759 gg. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2019. S. 51-86. EDN: OQQMAF.
15. Stochik A. M., Zatravkin S. N. Prakticheskaya meditsina i ee reformirovanie v XVII-XIX vekakh. Soobshchenie 1. Klassifikatsionnaya meditsina. Vozniknovenie klinicheskoi idei // Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2012. № 1. S. 51-55. EDN: RBQLGX.
16. Stochik A.M., Zatravkin S.N. Reformirovanie prakticheskoi meditsiny v protsesse nauchnykh revolyutsii 17-19 vekov. M.: Shiko, 2012. 128 s. EDN: QMBZKP.
17. Stochik A.M., Zatravkin S.N. Formirovanie estestvenno-nauchnykh osnov meditsiny v protsesse nauchnykh revolyutsii 17-19 vekov. M.: Shiko, 2011. 144 s. EDN: QMBZLJ.
18. Flek L. Vozniknovenie i razvitiye nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva. M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 220 s.
19. Frakastoro Dzh. O sifilise / Per. s lat. V. O. Gorensteina; Primech. K. R. Astvatsaturova, P. E. Zabludovskogo, V. P. Zubova. M.: Medgiz, 1956.
20. Fuko M. Rozhdenie kliniki. M.: Smysl, 1998. 310 s.
21. Fuko M. Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, prochitannykh v Kolledzhe de Frans v 1977–1978 uch. godu / Per. s fr. Yu. Yu. Bystrova, N. V. Suslova, A. V. Shestakova. SPb.: Nauka, 2011. 274 s. EDN: QXBZNV.
22. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollegzh de Frans v 1978–1979 uch. godu / Per. s fr. A. V. D'yakov. SPb.: Nauka, 2010. 448 s.
23. Chernyak V.S. Dyuem // Novaya filosofskaya entsiklopediya. Elektronnaya biblioteka IF

RAN. URL:

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH915aba5f4715ea41784291> (data obrashcheniya 12.04.2024).

24. Chumakov E.M., Petrova N.N., Smirnova I.O. Evolyutsiya vzglyadov na psikhicheskie rasstroistva u bol'nykh sifilisom // Klinicheskaya dermatologiya i venerologiya. 2019. T. 18. № 1. S. 71-77. DOI: 10.17116/klinderma20191801171. EDN: ZDDFTV.
25. Shchepin V.O., Proklova T.N., Tel'nova E.A. K voprosu o razvitiyu mezhdunarodnoi klassifikatsii boleznei // Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2018. № 26(1). S. 10-12. DOI: 10.18821/0869-866X-2018-26-1-10-12. EDN: XRVHNZ.
26. Cimbora G. Ludwik Fleck: Philosopher of Scientific Practice // Journal for General Philosophy of Science. 2025. URL: <https://doi.org/10.1007/s10838-024-09713-5>.
27. Sciortino, L. The Emergence of Objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // Studies in History and Philosophy of Science. 2021. 88: 128-137. URL: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>.

Conceptualization of memory within the framework of cognitive systems theory

Gribkov Andrei Armovich

Doctor of Technical Science

Leading researcher; Scientific and production complex 'Technological Center'

124498, Russia, Moscow, Shokin square, 1, building 7

✉ andarmo@yandex.ru

Zelenskii Aleksandr Aleksandrovich

PhD in Technical Science

Leading researcher; Scientific and production complex 'Technological Center'

124498, Russia, Moscow, Shokin square, 1, building 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

Abstract. The subject of this research is the formation of generalized concepts of memory systems. Memory systems are analyzed in the context of various representations: within and beyond the informational model of consciousness; within management systems of objects with varying degrees of stability, including real-time systems; as an element of the actor model of cognitive systems. Significant attention is paid to analyzing existing and prospective representations of the cognitive model of memory, which includes principles of learning, memory retention, memory updating, forgetting, and the mechanism of multi-system integration of knowledge in memory, which provides cognitive intellectual systems with the ability to comprehend knowledge through its integration into a complex of existing representations, as well as facilitating creative intellectual activities—creativity. The research methodology is based on considering memory within the framework of various representations formed in system theory, algorithm theory, and cognitive system theory. The foundation of the comprehensive analysis of memory is the definition of memory within the informational concept of consciousness, supplemented by a definition of the non-informational components of memory. The research presented in the article revealed the inseparable connection between a system's memory and its changes over time. The adequacy of the representation of cognitive systems, including memory subsystems, within the framework of the actor model

was established. Cognitive models of memory were defined, the practical realization of which is manifested in learning methodologies, including transfer learning, which serves as a precursor to the mechanism of multi-system integration of knowledge that underlies knowledge comprehension and creativity. An authorial interpretation of the complexity of cognitive systems and their memory subsystems was proposed, which includes temporal, spatial, and configurational complexities, and the possibilities for increasing memory efficiency by reducing its complexity while maintaining functionality were discussed. Priority mechanisms for enhancing the effectiveness of memory management processes were identified. The scientific novelty of the research lies in forming a holistic understanding of the formation, content, functioning, and interconnections of memory subsystems within cognitive systems, based on which directions for their further development and improvement can be determined. As a result of the research, it was established that memory is a key component of cognitive systems, determining the stability and continuity of their changes over time, as well as setting fundamental limits on the expansion of knowledge that cognitive systems can operate with.

Keywords: complexity, non-informational memory, continuity of changes, actor model, learning, management, informational model of consciousness, cognitive system, memory, multisystem integration of knowledge

References (transliterated)

1. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Opredelenie soznaniya, samosoznaniya i sub"ektnosti v ramkakh informatsionnoi kontseptsii // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 12. S. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.12.69095 EDN: VZRLGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69095
2. Sayre K.M. Cybernetics and the Philosophy of Mind. Routledge and Kegan Paul, 1976. 265 p.
3. Dubrovskii D.I. Problema "Soznanie i mozg": teoreticheskoe reshenie. M.: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2015. 208 s.
4. Prygin G.S. Fenomen soznaniya: yavlyayetsya li informatsionnaya kontseptsiya soznaniya proryvom v ego ponimanii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya filosofiya. Psichologiya. Pedagogika. 2017. T. 27. Vyp. 4. S. 456-463. EDN: YMOXEP
5. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Obshchaya teoriya sistem i kreativnyi iskusstvennyi intellekt // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 11. S. 32-44. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.11.68986 EDN: EQVTJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68986
6. Gros S. Complex and Adaptive Dynamical Systems. A Primer. Third Edition. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013. 356 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-36586-7>. EDN: WTRAER
7. Nurkova V.V. Pamyat' / Obshchaya psichologiya. V 7 t.: uchebnik dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenii / pod red. B.S. Bratusya. T. 3. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2006. 320 s.
8. Nozdrachev A.D. Fiziologiya vegetativnoi nervnoi sistemy. L.: Meditsina, 1983. 296 s.
9. Seledtsov V.I., Litvinova L.S., Goncharov A.G., Shupletsova V.V., Seledtsov D.V., Gutsol A.A., Seledtsova I.A. Kletochnye mekhanizmy generatsii immunologicheskoi pamyati // Tsitokiny i vospalenie. 2010. T. 9. № 4. S. 9-15. EDN: OFYYIT
10. Tsirkin V.I., Trukhina S.I., Trukhin A.N. Neirofiziologiya: Fiziologiya pamyati: uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2021. 407 s.

11. Palacios S., Bruno S., Weiss R., Salibi E., Goodchild-Michelman I., Kane A., Ilia K., Del Vecchio D. Analog epigenetic memory revealed by targeted chromatin editing // *Cell Genomics*. 2025. Vol. 5. 100985. <https://doi.org/10.1016/j.xgen.2025.100985>
12. Zelenskii A.A., Gribkov A.A. Ontologicheskie aspeki problemy realizuemosti upravleniya slozhnymi sistemami // *Filosofskaya mysl'*. 2023. № 12. S. 21-31. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.68807 EDN: VIVNFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68807
13. Popov V.L. Nanomashiny: obshchii podkhod k indutsirovaniyu napravленного dvizheniya na atomnom urovne // *Zhurnal tekhnicheskoi fiziki*. 2002. T. 72. Vyp. 11. S. 52-63. EDN: RYQVVZ
14. Zelenskii A.A., Ilyukhin I.V., Gribkov A.A. Pamyat'-tsentricheskie modeli sistem upravleniya dvizheniem promyshlennyykh robotov // *Vestnik Moskovskogo aviationsnogo instituta*. 2021. T. 28. № 4. S. 245-256. <https://doi.org/10.34759/vst-2021-4-245-256>. EDN: AJRVJD
15. Liu X., Zhou Y., Weigend F., Sonawani S., Shuhei Ikemoto S., Amor H.B. Diff-Control: A Stateful Diffusion-based Policy for Imitation Learning // 2024 IEEE/RSJ International Conference on Intelligent Robots and Systems (IROS). <https://doi.org/10.1109/IROS58592.2024.10801557>.
16. Zhang B., Luo C., Yu D., Li X., Lin H., Ye Y., Zhang B. MetaDiff: Meta-Learning with Conditional Diffusion for Few-Shot Learning // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2024. Vol. 38. P. 16687-16695. <https://doi.org/10.1609/aaai.v38i15.29608>. EDN: HMWOVV
17. Keysers C., Gazzola V. Hebbian learning and predictive mirror neurons for actions, sensations and emotions // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014. Vol. 369. Issue 1644. 20130175. <https://doi.org/10.1098/rstb.2013.0175>
18. Lu S., Sengupta A. Deep unsupervised learning using spike-timing-dependent plasticity // *Neuromorphic Computing and Engineering*. 2024. Vol. 4. Num. 2. 024004. <https://doi.org/10.1088/2634-4386/ad3a95>. EDN: GADNCC
19. Mohamed A., Lee H., Borgholt L., Havtorn J.D., Edin J., Igel C. Self-Supervised Speech Representation Learning: A Review // *IEEE Journal of Selected Topics in Signal Processing*. 2022. Vol. 16. Issue 6. P. 1179-1210. <https://doi.org/10.1109/JSTSP.2022.3207050>. EDN: XOXOKN
20. Hosna A., Merry E., Gyalmo J., Alom X., Aung Z., Azim M.A. Transfer learning: a friendly introduction // *Journal of Big Data*. 2022. Vol. 9. 102. <https://doi.org/10.1186/s40537-022-00652-w>. EDN: AIMXEG
21. Zelenskii A.A., Gribkov A.A. Vychislitel'naya slozhnost' v real'nom vremeni // Modelirovanie, optimizatsiya i informatsionnye tekhnologii. 2025. T. 13. № 3. <https://doi.org/10.26102/2310-6018/2025.50.3.038>. EDN: HTXURG
22. Gribkov A.A. Palliativnye sistemy s imitatsionnoi aktivnost'yu: faktory ustoichivosti i stsenarii upravleniya // *Filosofskaya mysl'*. 2025. № 4. S. 69-84. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.74090 EDN: KQUNND URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74090
23. Nevel'skii P.B., Flanchik V.L. Izbytochnost' i propusknaia sposobnost' pamyati // Problemy bioniki: respublikanskii mezhvedomstvennyi nauchno-tehnicheskii sbornik. 1970. № 2. S. 33-35.
24. Karavanov A.A., Ustinov I.Yu. Psikhofiziologiya i dostoovernost' dobrosovedstnykh svидетел'skikh pokazanii // *Territoriya nauki*. 2014. № 2. S. 170-176. EDN: TJDTHR

25. Osipov V.Yu. Predely pamyati rekurrentnykh neironnykh setei so stiraniem ustarevshei informatsii // Nauchnyi vestnik NGTU. 2014. T. 56. № 3. S. 115-122. EDN: SNYWBL

The nature of the fear of death, as well as whether it is possible to overcome these experiences

Rozin Vadim Markovich

Doctor of Philosophy

Chief Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Goncharnaya, 12 str.1, kab. 310

 rozinvm@gmail.com

Abstract. The article discusses the phenomenon of fear of death and the possibility of reducing or overcoming this fear. The existing psychological explanations of this phenomenon are considered by the author but seem insufficient to him. He proposes to examine the fear of death within the framework of the schematology concept he developed, in which the main object is semiotic schemes. Several examples illustrate the author's understanding of the concept of "scheme" as a structure that contains a "problematic situation," a "new reality" that allows for understanding what is happening, and a "new action." The author shows the connection between the concept of a scheme and the concept of culture. Research shows that in culture, problematic situations arise, and "semiosis" is formed, the signs and knowledge of which a person uses to construct schemes (from a semiotic point of view, a scheme is a complex sign, and in relation to reality, it is knowledge). It is discussed why the fear of death was minimal in archaic culture and the culture of the Middle Ages, while in others, especially in modern times, it is at its maximum. This is primarily related to the fact that early cultures were based on spiritual practices that assumed the existence of immortal souls, whereas in modernity, such existence is denied by science. Nevertheless, individuals, even in modern European culture, as V.S. Bibler writes, can overcome social and cultural conditioning. An analysis is proposed, explaining within the framework of schematology how the change of a person's lifeworld and sensibility occurs. According to the author, these processes underlie the fear of death or its overcoming. He tries to show that the construction of schemes and the change of lifeworld entail a regrouping and restructuring of brain structures and neurons, but the latter cannot be considered the cause of schematization and the change of lifeworld, since this determination is mediated by the presence of such intermediaries as imagination, comprehension, and awareness.

Keywords: lifeworld, dream, reality, understanding, reconstruction, culture, schemes, fear, death, personality

References (transliterated)

1. Bekker E. Otritsanie smerti. M.: AST, 2023. 416 s.
2. Berdyaev N. Smert' i bessmertie // Nikolai Berdyaev "O naznachenii cheloveka". M.: Respublika, 1993. 383 s.
3. Bibler V. S. Obraz prostetsa i ideya lichnosti v kul'ture Srednikh vekov // Chelovek i kul'tura. M.: Nauka, 1990. S. 81-125. EDN: QAZYXN
4. Zhiznennyi mir. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zhiznennyi_mir (data obrashcheniya: 25.10.2023).
5. Ivanov V. Dionis i pradionisiistvo. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "ALETEIYa", 1994. 350

s.

6. Klochkov I. S. Dukhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya. M.: Nauka, 1983.
7. Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. Per. s ang. I. Polonskoi. M., 2014. 384 s. EDN: SYZVMJ
8. Platon. Poslezzakonie. Sibr. soch. v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1994. S. 438-460.
9. Platon. Gosudarstvo. Sibr. soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1994.
10. Pochemu lyudi boyatsya smerti. URL: <https://www.google.com/search?q=Pochemu+chelovek+boit'sya+smerti&oq=chrome..69i57.12094j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (data obrashcheniya: 25.10.2023).
11. Rozin V. M. Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovani. M.: URSS, 2011. 256 s.
12. Rozin V. M. Fenomen mnozhestvennoi lichnosti: Po materialam knigi Deniela Kiza "Mnozhestvennye umy Billi Milligana". S. 89.
13. Tatian Assiriets. Rech' protiv ellinov. 2023. URL: http://k-istine.ru/library/tatian_asiriec-01.htm (data obrashcheniya: 25.10.2023).
14. Khyubner K. Istina mifa. M.: Respublika, 1966. 448 s.
15. Shapovalov I. S. Postizhenie smerti v kul'turnoi antropologii Ernesta Bekkera // Manuskript. 2023. Vyp. 6. S. 398-409. DOI: 10.30853/mns20230071 EDN: IGEDQK
16. Yung K. Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya. Kiev: Air Land, 1994. 405 s.
17. Yung K. Peremeny. Veb-zhurnal. URL: <https://www.peremeny.ru/column/view/1202/> (data obrashcheniya: 25.10.2023).
18. Yalom I. Vglyadyvayas' v solntse: zhizn' bez strakha smerti. M.: Bombora, 2021. (tsit. po URL: <https://kraevushka.livejournal.com/872876.html>) (data obrashcheniya: 25.10.2023).
19. Greenberg, J., Pyszczynski, T., & Solomon, S. The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory. In Public self and private self. New York, NY: Springer, 1986. S. 189-212.
20. Iverach, L., Menzies, R. G., & Menzies, R. E. Death anxiety and its role in psychopathology: Reviewing the status of a transdiagnostic construct. Clinical Psychology Review, 2014. T. 34, № 7. S. 580-593.
21. Furer, P., & Walker, J. R. Death anxiety: A cognitive-behavioral approach. Journal of Cognitive Psychotherapy, 2008. T. 22, № 2. S. 167-182.
22. Solomon, S., Greenberg, J., & Pyszczynski, T. The Worm at the Core: On the Role of Death in Life. Random House, 2015. 274 s.

"Myth, ritual, discourse: mechanisms of constructing political habitus in everyday practices (using the example of the Soviet legacy)"

Tselykovskiy Aleksey Andreevich □

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy and Social Communications; Lipetsk State Technical University

30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398055, Russia, Lipetsk region

✉ alts1085@mail.ru □

Polyakova Irina Pavlovna □

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Philosophy and Social Communications; Lipetsk State Technical University

30 Mbskovskaya St., Lipetsk, 398055, Russia

✉ polyakova_ip@stu.lipetsk.ru

Yashina Kristina Aleksandrovna

Junior Researcher; Scientific Research Institute; Lipetsk State Technical University

30 Mbskovskaya St., Lipetsk, 398055, Russia

✉ yashina_ka@stu.lipetsk.ru

Abstract. The object of the study is political habitus as a stable system of dispositions formed in everyday practices through rituals and discourse. The relevance of the work is determined by the need to understand the complex and contradictory processes in Russian socio-political life. At the same time, three interrelated elements play a key role in the mechanism of habit formation in the daily sphere: modern myth-making, rituals and discursive practices. Through their prism, the article explores how latent political attitudes and values are translated and fixed in the mass consciousness. In the study, these processes are analyzed using the example of the return of the Soviet legacy to Russian socio-political practice. In modern conditions, the specificity of these processes lies in the active mobilization of symbolic capital of the Soviet era to legitimize the current political order and consolidate society. Thus, the subject of the analysis is the mechanisms of constructing this habitus through the triad "myth-ritual-discourse", studied on the basis of the reception of the Soviet heritage. The theoretical and methodological basis of the article is the concept of habitus P. Bourdieu, as well as approaches to the study of political mythology and performative practices. The scientific novelty of the research lies in the proposed analytical tools that allow us to consider the construction of political habitus not through the prism of institutional politics, but through the triad of "myth-ritual-discourse" in everyday practices. Using the example of the reception of the Soviet heritage, it is clearly demonstrated how the reactualization of mythologies and rituals of a bygone era takes place. The main conclusions of the work show that the symbolic capital of the Soviet period is actively used in modern Russia to form an integral political habitus. The analysis shows that it is through routine everyday practices such as the use of specific vocabulary, participation in rituals, or consumption of media products that the mass consciousness learns key political dispositions. Thus, myth, ritual, and discourse are key mechanisms for the incorporation of the "Soviet" as an unreflected scheme of perception and action into the structures of modern political consciousness and behavior.

Keywords: power, symbolic capital, everyday life, discourse, ritual, myth-making, myth, political habitus, identity, USSR

References (transliterated)

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – 364 s.
2. Bart R. Mifologii. – M.: Izd-vo Akademicheskii proekt, 2008. – 352 s.
3. Boim S. Budushchee nostal'gii. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. – 680 s.
4. Burd'e P. Prakticheskii smysl. – M.: Aleteiya, 2001. – 560 s. EDN: QOGTMH
5. Burd'e P. Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki. – M.: Aleteiya, 2017. – 576 s.

6. Gigauri D.I., Gutorov V.A. Politicheskii mif v strukture istoricheskoi pamyati // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2017. № 2. S. 24-45. EDN: ZRKNOP
7. Koposov N. Pamyat' strogogo rezhima: Iстория i политика в России. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. – 320 s.
8. Lotman Yu.M. Semiosfera. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. – 704 s.
9. Polyakova I.P. Povsednevnost' kak ob'ekt nauchnogo poznaniya // Filosofiya i kul'tura. 2019. № 2. S. 24-37. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.2.29185 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29185
10. Tselykovskii A.A. Konstruktivnye i destruktivnye effekty mediatizatsii semeinoi pamyati // Filosofskaya mysl'. 2024. № 10. S. 1-11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.10.72095 EDN: ZBJIBD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72095

From Philosophical Concepts to Psychoanalytic Practice: An Analysis of the Epistolary Legacy of Lou Andreas-Salomé in Interaction with Sigmund and Anna Freud

Bakhareva Marina Dmitrievna □

PhD in Philosophy

Lecturer; Department of International Journalism; Moscow State Institute of International Relations (University)

76 Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119454, Russia

✉ marbakhareva@mail.ru

Abstract. The article examines the philosophical and scientific legacy of Lou Andreas-Salomé, her contribution to the development of psychoanalysis, and her role in the intellectual life of early 20th century Europe. Special attention is given to the analysis of her correspondence with Sigmund and Anna Freud. The aim of the article is to reveal the role of Lou Andreas-Salomé in the development of psychoanalytic thought and to explore the nature of her relationships with the Freuds. The results of the study demonstrate the unique nature of Salomé's relationships with the Freuds and her contribution to the development of psychoanalytic theory, particularly in the study of the creative process. Salomé views narcissism as a source of creativity and sublimation as a way of transforming internal energy into artistic creation, paying special attention to the concept of the artist as an explorer of their own "self." The methodology of the study is based on a hermeneutic-interpretative approach and includes an analysis of correspondence, biographical materials, and Salomé's psychoanalytic works. The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of Salomé's correspondence with the Freuds, revealing little-known aspects of the development of psychoanalysis and the role of women in the intellectual life of the early 20th century. The practical significance of the work lies in the potential application of the findings in further research on the history of psychoanalysis, the intellectual history of women, and epistolary culture. The conclusions of the study indicate that Lou Andreas-Salomé's contribution to the history of psychoanalysis extends beyond the role of "muse" and includes original scientific ideas. The studied correspondence between Sigmund Freud, Anna Freud, and Lou Andreas-Salomé is a historical document that sheds light on the development of psychoanalytic thought and forms a unique triangle in the history of philosophy and psychoanalysis, deserving further conceptual reading.

Keywords: philosophical discourse, Rainer Maria-Rilke, creative process, narcissism, psychoanalysis, Sigmund Freud, Anna Freud, Lou Andreas-Salomé, epistolary legacy, correspondence

References (transliterated)

1. Ebert Kh. O svyazi strategii, struktury i stilya na primere "anatomii" chastnogo pis'ma / Kh. Ebert // "Ya k tebe". Izdanie, retseptsiya i kommentirovanie pisem / Pod red. V. M. Bauera, I. Dzhona, V. Vismyullera. – Seriya "Germanistika". – Band 62. – 2001. – 278 s. – ISBN 978-3-901064-25-8. (na nem. yazyke)
2. Ril'ke i Rossiya / Sost. T. Shmidt ; per. s nem. V. Agafonova, O. Aspisova, E. Sokolova, V. Kuzavlev ; red. A. Aleksandrova, O. Starikova ; verstka A. Epaneshnikova, A. Liptsic, M. Kondrashova. – M. : Literaturnyi muzei, 2018. – 304 s. : il. – ISBN 978-5-9500566-3-5.
3. Zal'ber, L. Lu Andreas-Salome / L. Zal'ber. – Rovol't Tashenbukh Ferlag, 1990. – ISBN 13: 978-3499504631. (na nem. yazyke)
4. Andreas-Salome L. Erotika / Bochkareva M. M., per.; Sirotkin S. F., Chirkova I. N., red. // Lu Andreas-Salome. Sobranie trudov. – Ergo, 2011. – 80 s. – ISBN 978-5-98904-112-1.
5. Andreas-Salome, L. Ocherki i esse. T. 2: "Ideal i askeza" (Filosofiya) / s kommentariyami i poslesloviem Kh. R. Shvaba. – 2-e ispravленное изд. – V kn.: Sochineniya i pis'ma Lu Andreas-Salome. – 352 s. (na nem. yazyke)
6. Vel'sh, U. Lu Andreas-Salome. Ot "bliznetsa po umu" Nitsshe k "interpretatoru" Freida / U. Vel'sh // DOI: 10.30965/9783846749586_012 (na nem. yazyke)
7. Freid, Z., Andreas-Salome, L. Perepiska / Pod red. E. Pfaiffera. – Frankfurt-na-Maine: S. Fisher Ferlag, 1966. – 293 s. (na nem. yazyke)
8. Andreas-Salome, L. Moya blagodarnost' Freidu. Otkrytoe pis'mo professoru Freidu po sluchayu ego 75-letiya / L. Andreas-Salome. – Vena: Mezhdunarodnyi psichanaliticheskii izdatel'skii dom, 1931. – 127 s. (na nem. yazyke)
9. Andreas-Salome, L. V shkole u Freida: Dnevnik 1912/13 goda / Pod red. M. Klemanna. – 2017. – 246 s. – ISBN 978-3937211503. – (Dnevniiki i pis'ma). (na nem. yazyke)
10. Freid, Z. Khudozhnik i fantazirovanie: sbornik rabot / Per. s nem. R.F. Dodel'tseva, A.M. Kessel'. – M.: Respublika, 1995. – S. 350-351.
11. Ril'ke, R. M., Andreas-Salome, L. Perepiska / R. M. Ril'ke, L. Andreas-Salome. – 643 s. – ISBN 978-3458059868. (na nem. yazyke)
12. Andreas-Salome, L., Freid, A. "...slovno ya vernulas' k ottsu i sestre": Lu Andreas-Salome – Anna Freid. Perepiska 1919–1937 / V 2-kh tomakh. – Gettingen: Val'shtein Ferlag, 2001. – 907 s. – ISBN 9783892442134. (na nem. yazyke)

The polyphonic principle and the deconstruction of subjectivity: the aporias of postmodern multiplicity.

Aminov Eldar Fazilovich □

Postgraduate student; Department of Ontology and Theory of Cognition; Dagestan State University

367000, Russia, Rep. Dagestan, Makhachkala, Magomet Gadzhiev str., 43A

✉ eldar@aminov.ru

Abstract. This paper undertakes a systematic investigation of the critical limits and internal

contradictions of the polyphonic principle in postmodern philosophy. The category of polyphony, borrowed by Bakhtin from the musical tradition and developed by post-structuralism, is reconsidered in terms of its aporetic structures. The focus is on the deconstruction of the Cartesian subject and the transformation of understanding subjectivity from cogito to a model of a resonant field of multiple processes. Three interrelated dimensions of this transformation are examined: temporal (Derridean analysis of auto-affection, Deleuzian syntheses of time), affective (Spinozist philosophy of affects, Foucauldian techniques of the self), and evental (Deleuzian concept of pre-individual singularities). The article analyzes the reconceptualization of the individual/collective opposition through the Deleuze-Guattarian concept of collective machines of enunciation, Negri and Hardt's notion of multitude, and Simondon's theory of individuation. Ethical implications of the polyphonic principle are considered: Levinasian ethics of the face, Derridean concept of aporetic decision, and Lyotardian differend. The research employs an aporetic method of analysis integrating Derrida's deconstructive strategy, Deleuzian analysis of multiplicity, and Levinasian phenomenology of alterity. The scientific novelty lies in systematic exposition of three fundamental aporias: self-foundation (universality of critique of universality), communication (incommensurability of language games), and criteria (evaluation without transcendent foundations). It is demonstrated that these aporias represent not external obstacles but productive tensions constituting the dynamism of polyphonic thinking. The concept of resonant relations is developed as an alternative to the translation model, and a strategy of immanent validation is proposed. It is shown that the polyphonic principle transforms subjectivity from substantial subject to evental crystallization in force fields. It is established that the task of polyphonic philosophy consists not in overcoming aporias but in developing ways of productive work with them, opening new perspectives for post-foundationalist thought in political philosophy, ethics, and epistemology.

Keywords: differend, postmodernism, deconstruction, aporia, subjectivity, multiplicity, polyphony, individuation, event, incommensurability

References (transliterated)

1. Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo / M. M. Bakhtin. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1979. – 320 s. EDN: VQMUYY.
2. Derrida, Zh. Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya / per. s fr. S. G. Kalinina, N. V. Suslova. – SPb.: Aleteiya, 1999. – 208 s.
3. Delez, Zh. Razlichie i povtorenie / per. s fr. N. B. Man'kovskoi, E. P. Yurovskoi. – SPb.: Petropolis, 1998. – 384 s. EDN: TCNXLB.
4. Delez, Zh. Spinoza: prakticheskaya filosofiya / per. s fr. S. Ermakov. – M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2001. – 256 s.
5. Spinoza, B. Etika / per. s lat. N. A. Ivantsova. – SPb.: Aksioma, 1993. – 250 s.
6. Fuko, M. Iстория сексуальности – III: Забота о себе / пер. с фр. Т. Н. Титовой, О. И. Кхомы. – Киев: Дух и литература, 1998. – 288 с.
7. Delez, Zh. Logika smysla / per. s fr. Ya. I. Svirskogo. – M.: Akademicheskii proekt, 2011. – 472 s. EDN: QXABFT.
8. Kholl, S. Voprosy kul'turnoi identichnosti / S. Kholl // Logos. – 2004. – № 3-4. – S. 5-15.
9. Delez, Zh., Gvattari, F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / per. s fr. Ya. I. Svirskogo. – Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. – 895 s.
10. Negri, A., Khardt, M. Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii / per. s angl.

- V. L. Inozemtseva. – M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. – 559 s.
11. Simondon, G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information / G. Simondon. – Grenoble: Millon, 2005. – 571 p.
12. Levinas, E. Total'nost' i Beskonechnoe. Esse o vnesnosti / per. s fr. A. V. Paribka. – M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. – 416 s.
13. Derrida, Zh. Politiki druzhby / per. s fr. D. Yu. Kralechkina. – M.: Grundrisse, 2021. – 400 s.
14. Liotar, Zh.-F. Razlichie / per. s fr. V. E. Lapitskogo. – SPb.: Machina, 2007. – 184 s.
15. Lyotard, J.-F. The Differend: Phrases in Dispute / J.-F. Lyotard; trans. G. Van Den Abbeele. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. – 200 p.
16. Derrida, Zh. Sila zakona: misticheskoe osnovanie avtoriteta / per. s fr. B. M. Skuratova. – M.: Izdatel'skii dom "Territoriya budushchego", 2014. – 96 s.
17. Gadamer, Kh.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki / per. s nem. B. N. Bessonova. – M.: Progress, 1988. – 704 s.
18. Riker, P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike / per. s fr. I. S. Vdovinoi. – M.: Kanon-Press-Ts, 2002. – 624 s.

Gilbert Simondon and the Genealogy of Speculative Realism: Ontology of the "Pre-Individual"

Sayapin Vladislav Olegovich □

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

✉ vlad2015@yandex.ru

Abstract. The philosophical project of Gilbert Simondon, long remaining obscure, today emerges as a key link in the genealogy of the contemporary speculative turn. This article demonstrates that the ontology developed by Simondon of the "pre-individual" – a metastable field of virtual potentials that precedes any formed individuality – represents a radical challenge to anthropocentric correlationalism. Through the lens of individuation processes, his thought allows for the articulation of reality as independent of human access, thus anticipating the central pathos of speculative realism in overcoming Kant's "Copernican Revolution." Simondon's analysis of technical objects and non-human forms of life offers a concrete phenomenology of the "world-without-us," serving as a bridge between speculative theory and empirical research, and finds direct continuation in four main branches of speculative realism: Meillassoux's speculative materialism, Harman's object-oriented ontology, Grant's transcendental materialism, and Brassier's transcendental nihilism. The methodological approach of the research is based on the consistent application of genealogical and comparative-analytical methods. These methods are used for systematic comparison and ontological modeling of Simondon's positions with the works of key representatives of speculative realism (Harman, Meillassoux, Grant). This allows for the conceptualization of the ontology of the "pre-individual" as the foundation for a non-anthropocentric realism that transcends the limitations of correlationalism. Such a comprehensive approach not only establishes historical-philosophical continuity but also reveals the heuristic potential of the concept of the "pre-individual" for addressing the problems posed by speculative realism. The relevance and novelty of the research lie in the systematic comparison of the concept of the "pre-individual" with various projects of

speculative realism, united by a critique of correlationalism but diverging in its overcoming. While traditional interpretations see in Simondon primarily a philosopher of technology and culture, this work reveals him as a major precursor of non-human ontology. This reinterpretation not only clarifies the origins of the very "speculative impulse" of the 21st century but also uncovers in Simondon's legacy an undervalued resource for philosophical reflection on contemporary issues – from ecology and technology to the question of the status of non-human actors. The novelty of the approach lies in demonstrating how Simondon's ontology of process offers an alternative to both correlationalism and rigid schemes of speculative metaphysics, opening the way to a dynamic and polymorphic understanding of reality through the principles of individuation, metastability, and transduction.

Keywords: individuation, pre-individual, ontology, speculative realism, Grant, Brassier, Meillassoux, Harman, Simondon, correlationism

References (transliterated)

1. Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. *L'individu et sa genèse physico-biologique*. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
3. Simondon G. *L'individuation psychique et collective*. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
4. Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
5. Meiyasu K. *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti*. Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi, 2015. 196 s.
6. Meiyasu K. *Chislo i sirena. Chtenie "Broska kostei"* Mallarme. Moskva: Nosorog, 2018. 224 s.
7. Kharman G. *Chetveroyakii ob"ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera*. Perm': Hyle Press, 2015. 152 s.
8. Kharman G. *Spekulyativnyi realizm: vvedenie*. Moskva: RIPOL klassik, 2020. 290 s.
9. Kharman G. *Immaterializm. Ob"ekty i sotsial'naya teoriya*. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara, 2018. 152 s.
10. Kharman G. *Gosudar' setei: Bruno Latur i metafizika // Logos*. 2014. № 4. S. 229-248. EDN: TGWGOR
11. Grant I.H. *Philosophies of Nature After Schelling*. London; N'yu-Iork: Continuum, 2006. 246 p.
12. Grant I.H. *Does Nature Stay What-it-is? Dynamics and the Antecedence Criterion // The Speculative Turn Continental Materialism and Realism*. Mel'burn, 2011. S. 66-83.
13. Brass'e R. *Ponyatiya i ob"ekty // Logos*. 2017. T. 27. № 3. S. 227-262. EDN: YMICHV
14. Delez Zh., Gvattari F. *Desert Islands and Other Texts 1953-1974*. L.: Rasprostranyaetsya MIT Press, 2004. 323 p.
15. Skot I.D. *Traktat o pervonachale*. Moskva: Izd-vo "Frantsiskantsev", 2001. 181 s.
16. Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moskva: Akademicheskii proekt, 2020. 567 s.
17. Delez Zh., Gvattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moskva: Astrel', 2010. 895 s.
18. Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburg: Edinburgh University Press, 2011. 247 p.
19. Bryant L., Srnicek N., Harman G. *Towards a Speculative Philosophy // The Speculative Turn Continental Materialism and Realism*. Mel'burn, 2011. S. 1-18.

20. Brassier R. *Nihil Unbound. Enlightenment and Extinction*. London: Palgrave Macmillan, 2007. 275 p.
21. Sellars W. *Philosophy and the Scientific Image of Man* // *Frontiers of Science and Philosophy*. Pittsburg, 1962. S. 35-78.
22. Brass'e R. *Prezentatsiya kak anti-fenomen v "Bytii i sobytii"* Alena Bad'yu // Khora. 2008. № 1. S. 63-80.
23. Brass'e R. *Tanatoz Prosveshcheniya* // Logos. 2019. T. 29. № 4. S. 83-106. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-4-83-104 EDN: TNJQNZ
24. Devaikin I.A. *Programma preodoleniya korrelyatsionizma v knige "Nesvyazannoe Nichto: prosveshchenie i vymiranie"* Reya Brass'e // *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*. 2023. T. 16. № 3. S. 132-146.

Existential and social issues in contemporary architecture: ways to overcome loneliness and social isolation

Demenev Denis Nikolaevich □

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Architecture and Fine Arts; Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin St., 38

✉ denis-demenev@mail.ru

Podobreeva Ekaterina Konstantinovna □

PhD in Architecture

Associate Professor; Department of Architecture and Fine Arts; Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin St., 38

✉ mgnket@mail.ru

Hismatullina Dina Damirovna □

docent; Department of Architecture and Fine Arts; Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin St., 38

✉ xdd.dina@yandex.ru

Kopylov Kirill Sergeevich

student; Department of Architecture and Fine Arts; Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin St., 38

✉ urqs@mail.ru

Abstract. To this day, the problem of loneliness and social isolation in urban environments has become particularly acute in the context of changing lifestyles, digitalization, and the loss of traditional forms of neighborhood communication. Urbanization, digitalization, uniform development, and a lack of quality public spaces significantly reduce opportunities for establishing and maintaining social connections. In this regard, the subject of research is the influence of architecture on the level of loneliness and social isolation. The aim of this article is to analyze the relationship between the architectural environment and social isolation, followed by the development of recommendations for designing inclusive urban spaces.

Considering architecture as a factor in social interactions, special attention is paid to the balance between private and public spaces, as well as the principles of inclusive design. The research methodology is based on the sequential application of elements of the historical approach, historical and art criticism analysis, hermeneutic method, comparative analysis methods, theoretical synthesis, case method (analysis of specific architectural solutions and urban planning practices), as well as visual analysis of certain public spaces and design solutions that influence social engagement. The novelty of the research lies in the author's approach, through which: 1) architecture is considered a socio-existential tool that affects the quality of human interactions in the urban environment; 2) definitions of "loneliness" and "social isolation" are provided; 3) the understanding of the interdisciplinary nature of architecture is generalized and expanded, connecting philosophical, sociological, art criticism, and design approaches to the urban environment. The theoretical foundation of the article can be used for further research in the field of social urbanism. The practical significance of the research lies in the proposed author's recommendations, which can be applied in the development of urban environment projects, residential complexes, and public spaces, as well as in educational activities for training specialists in the field of architecture and urban planning. It is noted that the spatial solutions made today define not only the visual appearance of the environment but also the quality of life, the degree of participation, solidarity, and the sense of belonging of individuals to society. Since architecture significantly influences the formation of the socio-spatial fabric of the city, it should account for the needs of all population groups in the future, ensuring accessibility, safety, and variability of space usage.

Keywords: communication, interaction, engagement, inclusive space, technosocial reality, social isolation, loneliness, urbanization, architecture, digitalization

References (transliterated)

1. Novozhilova A. Edvard Khopper – arkitektura odinochestva. URL: <https://losko.ru/edward-hopper-biography/> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
2. Bychkov V. V. Metafizicheskii dukh syurrealizma: Khuan Miro // Filosofiya i kul'tura. 2016. № 3 (99). S. 417-429. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26183143&ysclid=mhbhjwup40169740577> DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.17083 EDN: WAZCPP.
3. Pivovarov Yu. L. Sovremennaya urbanizatsiya. M.: In-t geografii RAN, 1994.
4. Akhiezer A. S. Gorod kak samorazvivayushchayasya sistema: Kontury novoi paradigm // Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa. M.: Nauka, 1995. S. 38-46.
5. Sayapin V.O. Transduktsiya, sistemy, seti: teoretiko-metodologicheskaya komplementarnaya triada v issledovanii tekhnosotsial'noi real'nosti // Filosofiya i kul'tura. 2025. № 8. S. 27-43. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.8.75145 EDN: UOWCOP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75145
6. Akhiezer A. S., Kogan L. B., Yanitskii O. N. Urbanizatsiya, obshchestvo i nauchno-tehnicheskaya revolyutsiya // Voprosy filosofii. M., 1989. S. 21-43.
7. Bler A. Rubli Strategiya bol'shogo goroda. M.: MShPI, 2004.
8. Bergman G. Dzh. Gorod kak istoricheskaya obshchnost' // Zapadnaya traditsiya prava. M., 1994.
9. Alekseeva T. I. Gorod kak samorazvivayushchayasya sistema: kontury novoi paradigm // Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa. M.: Nauka, 1995. 351

s.

10. Bekon F. O druzhbe // Bekon F. Soch. : v 2 t. T. 2. M., 1972.
11. Demenev D. N., Podobreeva E. K., Khismatullina D. D. Fenomenologiya ideal'nogo i utopicheskogo skvoz' prizmu dialekticheskikh kategorii // Filosofiya obrazovaniya. 2022. T. 22. № 4. S. 97-108. DOI: 10.15372/PHE20220407 EDN: BQIEDT.
12. Lekus E. Yu. Gumanizatsiya obshchestvennykh prostranstv v nochnom gorode // Svetotekhnika. 2018. № 6. S. 17-23. EDN: DJYZEY.
13. Vlasov V. G. Novyi entsiklopedicheskii slovar' izobrazitel'nogo iskusstva: v 10 t. T. IX: Sk-U. SPb.: Azbuka-klassika, 2008. EDN: QXRESB.
14. Kheizinga I. Osen' Srednevekov'ya / Per. D. V. Sil'vestrova; Pod red. S. S. Averintseva. M.: Nauka, 1988.
15. Zotov. Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Uchebn. M.: Vyssh. Shk., 2001.
16. Voloshina I. G., Koval'chuk O. V., Koroleva K. Yu., Polenova M. E. (red.) Sotsial'naya rabota v sovremennom mire: vzaimodeistvie nauki, obrazovaniya i praktiki: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Belgorod: ID "Epitsentr", 2018. 437 s.
17. Iovlev V. I. Sotsial'no-ekologicheskie problemy gorodskogo prostranstva // Arkhitektura, gradostroitel'stvo i dizain. 2015. № 4. S. 11-15. EDN: TWLGOR.
18. Grishina M. P., Yusupova A. B. Kontseptual'naya model' mezhpokolencheskogo tsentra na primere Bavlinskogo raiona Respubliki Tatarstan // Arkhitektura. Restavratsiya. Dizain. Urbanistika. 2024. № 1(3). S. 57-71. EDN: CEDWBM.
19. Burmistrov N. V. Novosti nauki 2025: gumanitarnye i tochnye nauki: sb. materialov LVIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. T. 2. M.: NITs "Imperiya", 2024.
20. Ptitsyna L. M. Sotsial'naya i kul'turnaya priroda dizaina sredy obshchestvennykh zdanii i ego rol' v formirovaniyu sotsiokul'turnoi sredy obshchestva // Arkhitektura, gradostroitel'stvo i dizain. 2014. № 1. S. 26-27. EDN: SXCUMJ.
21. Khegai I. V. Gradostroitel'naya organizatsiya smeshannoj zhiloj zastroiki v usloviyakh novogo stroitel'stva: avtoref. dis. ... kand. arkhitektury. M., 2013. EDN: ZPBOKT.
22. Babina V. V., Kirillova E. S., Syrovatkina T. N. Vliyanie arkhitekturnykh reshenii ob'ektov stroitel'stva na sotsial'no-ekonomicheskie problemy sovremenennogo khozyaistva // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021. S. 61-65. DOI: 10.18411/lj-07-2021-177. EDN: WRFDLI.
23. Sakutin V. A. Fenomenologiya odinochestva: opyt rekursivnogo postizheniya: Dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.13 / Dal'nevost. gos. tekhn. un-t. Vladivostok, 2003. EDN: NMQQYX.
24. Rumyantsev M. V. Sotsial'no-filosofskii analiz yavleniya odinochestva: monografiya / Sib. feder. un-t, Politekhn. in-t. Krasnoyarsk: SFU, 2007. EDN: PZWSTP.
25. Palagina N. S., Morozova A. A., Novoselova O. V. Opredelenie i ponimanie ponyatiya "odinochestvo" v sovremennykh naukakh // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2022. № 1. S. 235-237. DOI: 10.24411/2073-3305-2022-1-235-237 EDN: EMAACJ.
26. Freid Z. Khudozhnik i fantazirovanie: Per. s nem. / Pod red. R. F. Dodel'tseva, K. M. Dolgova. M.: Respublika, 1995.
27. Khaiek F. A. Doroga k rabstvu // Voprosy filosofii. 1990. № 10. S. 121-140.
28. Ivin A. A. Osnovy sotsial'noi filosofii: Ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Vyssh. shk., 2005.
29. Yaspers K. Istoki istorii i ee tsel'. Vyp. 1. M., 1991.
30. Kant I. Osnovy metafiziki nравственности. M.: Izd-vo "Mysl'", 1999.
31. Prokhorov M. M. Protsessual'nost' bytiya // Filosofiya i kul'tura. 2016. № 3 (99). S.

- 320-336. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26183098&ysclid=mhbhfd345m180266076> DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.16849 EDN: WAZBYH.
32. Yung K. G. Psikhologicheskie tipy // Psikhologiya individual'nykh razlichii. M.: Akademicheskii proekt, 2023.
  33. Sayapin V.O. Tekhnosotsial'nye vyzovy XXI veka: prakticheskoe primenenie transduktivnoi sistemno-setevoi metodologii (TSSM) // Filosofiya i kul'tura. 2025. № 8. S. 44-70. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.8.75285 EDN: VCOVDV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75285
  34. Tolstikov V. P. Arkheologicheskie svидетельства катастрофы 480-475 гг. до н.э. в Пантакапии. Прощchanie с одной концепцией? // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2023. № 3 (81). S. 9-36. DOI: 10.18503/1992-0431-2023-2-80-9-36 EDN: PMIEUA.
  35. Kachan S. A. Imperator v obraze Tota-Germesa v Rimskom Egipte // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2025. № 2 (88). S. 18-31. DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-18-31 EDN: IHLSBQ.
  36. Zedl'mair Kh. Iskusstvo i istina / Kh. Zedl'mair // O teorii i metode istorii iskusstva. M.: Iskusstvoznanie, 1999.
  37. Stepanchuk A. V., Galikieva R. I., Semenova U. N., Shaikhullina A. M. Proektirovaniye geriatriceskogo tsentra v Sovetskem raione goroda Kazan' // Arkhitektura. Restavratsiya. Dizain. Urbanistika. 2023. Т. 2, № 2. S. 139-150. EDN: SEFEBO.
  38. Chereshnev I. V., Tislenko A. A. Primenenie interaktivnykh obshchestvennykh prostranstv pri formirovaniyi arkhitekturno-landshaftnoi sredy pribrezhnykh territorii Volgograda // Vestnik Volgograd. gos. arkhit.-stroit. un-ta. 2022. Vyp. 4 (89). S. 279-288. EDN: SVZZWQ.
  39. Ivanova O. G., Kop'eva A. V., Khrapko O. V. Osobennosti obucheniya universal'nому dizainu na primere proektirovaniya sensornogo sada na territorii shkoly dlya slabovidyashchikh detei v Primorskem krae // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2019. № 7. S. 175-180. EDN: LPGGZM.
  40. Chirtsova K. E., Ivanova O. G. Perspektivy organizatsii igrovых ploshchadok dlya detei s ogranicennymi vozmozhnostyami v strukture rekreatsionnykh prostranstv goroda Vladivostoka // Sektsiya 3. Innovatsii v arkhitekture, gradostroitel'stve i dizaine sredy. Vladivostok: Vladivostok. gos. un-t, 2024. S. 393-397.
  41. Pankina M. V. Dizain gorodskoi sredy kak sredstvo formirovaniya ekologicheskoi modeli povedeniya // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2017. Т. 7. № 6A. S. 289-297. EDN: YXDHXN.

Transformation of the connection between norm and duty in the era of artificial intelligence technologies.

Krepisov Konstantin Mihailovich

PhD in Philosophy

Director of Legal Affairs; LLC 'ZUKM

First Five-year Plan str., 14, block 304, Chelyabinsk, 454071

✉ krepisov@mail.ru

Abstract. Globalization, digitalization, and the escalation of communications are currently rapidly transforming social connections and patterns. Moreover, the multi-layered virtual slices of social existence effectively blur the boundaries between the society in which the subject

lives and the anticipated society of the future. AI technologies determine the constant variability of the foundations of modern human identity. This complicates the perception of norms by individuals and brings the issues of obligation in action to the forefront. The subject of this research article is the transformed correlation between norms and obligations in the behavior of individuals in the age of computer technologies. The aim of the analysis is to prove the thesis that a norm is not just the potential for effective inclusion in various social processes, but a peculiar point of bifurcation from which many directions of behavioral strategy for the modern social subject can vectorially diverge. The achievement of this aim relies on solving the main task: to trace the "eternity" of the relationship between norms and obligations in human activities despite trends to question this relationship. The theoretical foundation is based on the philosophical experience of studying norms within the system of social relations. The leading methodological basis of this research is the structural-genetic approach, while a systemic-structural approach has been used to organize the material in the study. In addressing certain tasks aimed at this goal, principles of phenomenological methodology are employed—the principle of intentionality of consciousness and the principle of presuppositionless description of transformations of norms in culture to determine the evolution of changes in their semantics and form. As a result of the conducted research in the context of the expanding sphere of artificial intelligence technologies, a trend towards the disconnection of norms from individuals and a transformation in the perception of the sense of duty has been traced. The position of classical metaphysics regarding the possibility of timeless good, good as a guarantor of the normative component of human action, has been criticized. Through the analysis of the norm of mutuality, a conclusive finding has been made about the impossibility of eliminating normativity from the system of social relations. Delegating certain functions to AI technologies does not exempt individuals from responsibility, which is directly associated with the correlation between norms and obligations. The illusion of the possibility of delegating the sphere of social normativity to these technologies is caused by the fact that in rapidly changing forms of social relations, individuals do not always identify adaptive norms, as they are still in the process of formation.

Keywords: responsibility, norms of morality, norms of reciprocity, neural network, artificial intelligence, person, activity, debt, norm, freedom

References (transliterated)

1. Manzhueva O. M. Informatsionnaya etika Norberta Vinera // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2013. № 6. EDN: QAOPNB.
2. Shalak V. I. Algoritmicheskii vzglyad na zakony sotsial'nykh nauk // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika". 2024. № 2. T. 34. S. 113-119. DOI: 10.35634/2412-9550-2024-34-2-113-119. EDN: KBXJOG.
3. Khlebnikov G. V. Filosofiya informatsii Luchano Floridi // Teoriya i praktika obshchestvenno-nauchnoi informatsii. 2013. № 21. EDN: SJKJCV.
4. Gyulling A. O., Nazarova Yu. V. Eticheskie problemy antropomorfnosti iskusstvennogo intellekta v kontekste filosofii informatsii Luchano Floridi // Vremya nauki – The Times of Science. 2025. № 21.
5. Glukhovskii A. S., Durnev A. D., Chirva D. V. Raspredelennaya moral'naya otvetstvennost' v sfere iskusstvennogo intellekta // Eticheskaya mysl'. 2024. T. 24. № 1. S. 129-145. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-1-129-143. EDN: USICEU.
6. Azimov A. Ya. Ya, robot / per. s angl. A. Iordanskogo. M.: Eksmo, 2022.
7. Popova E. V. Soderzhanie ponyatiya "norma": osnovnye smysly // Vestnik ChelGU.

2013. № 38 (329). Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Vyp. 31. S. 108-112.
8. Krepisov K. M. Norma-dolg – tsennost' // Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury sovremennoi Rossii. Sbornik nauchnykh trudov KhIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pod obshchei redaktsiei V. A. Zhilinoi. Magnitogorsk: MGTU, 2023. S. 76-80.
  9. Zhilina V. A. Sotsiotekhnicheskaya sistemnost' i universal'nost' sovremennoi inzhenerii: Homo Technology // Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova. 2023. T. 21. № 1. S. 109-117. DOI: 10.18503/1995-2732-2023-21-1-109-117. EDN: IGPQGF.
  10. Zhilina V. A. Krizis kul'tury kak predmet filosofskoi refleksii // Voprosy kul'turologii. 2014. № 8. S. 98-102. EDN: SKHMMZ.
  11. Buckland, L., Lindauer, M., Rodríguez-Arias, D. et al. Testing the Motivational Strength of Positive and Negative Duty Arguments Regarding Global Poverty // Review of Philosophy and Psychology. 2022. Vol. 13. Pp. 699-717. DOI: 10.1007/s13164-021-00555-4. EDN: GTQNQB.
  12. Zhilina V. A., Krepisov K. M. Problema ontologizatsii normativnogo byтия v religioznoi praktike cheloveka // Sotsium i vlast'. 2022. № 1 (91). S. 7-14. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14. EDN: UUMHMF.
  13. Sosik, V. S., & Bazarova, N. N. Relational maintenance on social network sites: How Facebook communication predicts relational escalation // Computers in Human Behavior. 2014. Vol. 35. Pp. 124-131. DOI: 10.1016/j.chb.2014.02.044.
  14. Dishop, C. R., Brown, A. S., Chao, P. Y. Machines in the Middle: Using Artificial Intelligence (AI) While Offering Help Affects Warmth, Felt Obligations, and Reciprocity // Journal of Business Psychology. 2025. DOI: 10.1007/s10869-025-10068-x.
  15. Bostrom N. Iskusstvennyi intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii / per. s angl. S. Filina. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. URL: <https://avmim.com/wp-content/uploads/2018/11/Bostrom-N.-Iskusstvennyi-intellekt.-Etapy.-Ugrozy.-Strategii-2014.pdf>.
  16. Loskutov Yu. V. Ontologicheskaya kritika transgumanizma // Vestnik Omskogo universiteta. 2025. № 3 (30). S. 16-24. DOI: 10.24147/1812-3996.2025.3.16-24. EDN: CDSZHE.
  17. Nedorezov V. G., Pisarchik L. Yu., Strelets Yu. Sh. Transgumanizm i postgumanizm: plany raschelovechivaniya // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. 2024.
  18. Glebova S. V. O probleme (bez)otvetstvennosti v etike I. Kanta // Diskursy etiki. 2025. № 1 (25). S. 11-22. EDN: IIGYFJ.

Perfecting the body, ennobling the senses, and educating the mind: about ideal model of inculturation in early Modern period

Lisovich Inna Ivanovna

Professor; General Academic Faculty, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky ave., building 1, Troparevo-Nikulino district, Moscow, 119571, Russia

✉ mag-inna@yandex.ru

Abstract. In the early Modern period, many utopias and projects emerged in which humanists

revisited medieval practices of inculcation. The subject of the study is the European Renaissance ideal of early Modern inculcation. The focus is on the analysis of the humanistic model of inculcation, presented holistically in Baltasar Castiglione's polylogue book "The Courtier". The courtiers are arguing about: the requirement for a courtier to practice the arts and philosophy; the need for equal education for a lady; the goal of inculcating a courtier (a mentor to a ruler); the idea of the identity of the beautiful, the good and the useful; the neoplatonic ascent of the soul from the changing to the unchanging true, from darkness ignorance leads to enlightenment. The research methodology is based on an institutional approach to inculcation; a comparative method and analysis of discourse, which made it possible to compare diverse discourses and points of view of courtiers, which both complement each other and enter into polemics, including appealing to medieval and ancient philosophy. The author's interpretation of the ideal Renaissance model of inculcation is proposed, which combines the Christian-Platonic understanding of virtue, divine love and harmony with the ancient philosophical and civic ideal of kalokagatia and Paideia. The goal of inculcation is virtue, a happy life and the prosperity of the state, which is possible if the courtier devotes himself to management, is perfect and experienced enough to become a mentor to the ruler. The handwritten book gained popularity among the rulers, aristocracy and nobles of Europe before its publication (1528). It laid down the principles of the modern education system, including harmonious comprehensive personal development and equal opportunities, thanks to which the results of the research can be used in the development of modern models of inculcation, based on the humanistic tradition.

Keywords: body, sensation, courtier-philosopher, mentoring, humanism, Platonism, Aristotelianism, inculcation, Baldassare Castiglione, intellect

References (transliterated)

1. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. / Pod red. V. F. Asmusa i dr. M.: Mysl', 1976–1983.
2. Bragina A. M. Ot etiketa dvora k pravilam povedeniya srednikh sloev: "Kniga o pridvornom" Bal'dassara Kastil'one i "Galateo, ili O nravakh" Dzhovanni Della Kaza // Dvor monarkha v srednevekovoi Evrope: yavlenie, model', sreda / Pod red. N. A. Khachaturyan. M.; SPb.: Aleteiya, 2001. Vyp. 1. S. 196-215.
3. Zholudeva L.I. Traktat B. Kastil'one «O pridvornom»: kontseptsiya «pridvornogo» yazyka i ital'yanskaya natsional'no-kul'turnaya identichnost' // Litera. 2018. № 4. S. 251-258. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.4.28102 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28102
4. Kastil'one B. Pridvorny / Per. s it. P. Epifanova. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2021.
5. Kashchei N. A. Ritorika rannego absolyutizma (Bal'dasar Kastiglione) // Uchenye zapiski NovGU. 2018. № 6 (18). S. 1-4.
6. Ksenofont. Vospominaniya o Sokrate / Per. s drevne-grech. S. I. Sobolevskogo. M.: Nauka, 1993.
7. Makho O. G. Obrazy voiny i nauki v intarsiyakh urbinskogo studiolo Federiko da Montefel'tro // Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoi. 2015. № 2 (37). S. 155-161.
8. Model' kachestv lichnosti budushchikh sluzhashchikh organov publichnoi vlasti: metodicheskoe posobie / Pod red. N. S. Garkushi. M.: Prezidentskaya akademiya, 2025.
9. Nazarova Yu. I. Ideal'nyi pridvornyi v kontekste gumanizma epokhi vozrozhdeniya (po traktatu Bal'dassare Kastil'one "O pridvornom") // V sb.: Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva. Materialy XL Vseros. nauch. konf. "Kurbatovskie

- chteniya". SPb, 2021. S. 306-311. EDN: RTNNUQ
10. Nazarova Yu. I., Shadrina N. A. Traktat Bal'dassara Kastil'one kak istochnik izucheniya spetsifiki pridvornoi zhizni Italii XV-XVI vv. // Kazanskii vestnik molodykh uchenykh. 2021. T. 5. № 2. S. 130-135. EDN: NRAZRQ
  11. Platon. Sobranie sochinienii: v 4 t. / Pod red. A. F. Loseva i dr. M.: Mysl', 1990-1999.
  12. Podshivalova P. I. Skul'pturnye obrazy v gollandskom portrete vtoroi poloviny XVII v. Problemy interpretatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie. 2024. № 4. S. 683-705. DOI: 10.21638/spbu15.2024.404 EDN: ETYYLB
  13. Prorokova M. V. Osobennosti "spora o zhenshchinakh" v ital'yanskem gumanizme XVI veka // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertseva. 2010. № 124. S. 78-89. EDN: NCBCTR
  14. Rykov A. V. Klassicheskoe iskusstvo, ili universal'nost' Izhi (k voprosu ob interpretatsii teoreticheskogo diskursa KhVI-KhVIII vekov) // Novoe iskusstvoznanie. Iстoriya, teoriya i filosofiya iskusstva. 2023. № 2. S. 87-90. DOI: 10.24412/2686-7443-2023-2-87-90 EDN: GBZVNE
  15. Tsitseron M. T. Izbrannye sochineniya / Per. s lat. Gasparova M. L. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975.
  16. Chzhan Ts. Lestnitsa lyubvi u Bal'dassare Kastil'one i Edmunda Spensera // Analogii, svyazi, vliyaniya. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. SPb: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2019. S. 184-192. EDN: ZMEDLX
  17. Gulizia S. "Castiglione's 'Green' Sense of Theater" // Poetics and Politics: Net Structures and Agencies in Early Modern Drama / Ed. by T. Bernhart, J. Drnovšek i dr. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. S. 101-118.
  18. Jucker A. H. Conduct politeness versus etiquette politeness: a terminological distinction // Journal of Politeness Research. 2024. Vol. 20. № 1. S. 87-109. DOI: 10.1515/pr-2023-0071 EDN: PAYONZ
  19. Leushuis R. Castiglione and Platonic Love // Platonic Love from Antiquity to the Renaissance. Cambridge: Cambridge University Press eBooks, 2022. S. 258-274.
  20. Paternoster A. The codification of nineteenth-century etiquette: On politeness, morality, rituals and discernment // Journal of Historical Pragmatics. 2023. № 24(1). S. 160-178. DOI: 10.1075/jhp.00069.pat EDN: OWHNBQ
  21. Till D. "Simulatio/dissimulatio – Stellung/Verstellung: Rhetorik, höfische Verhaltenslehre, Ethik (mit Überlegungen zur Rezeption von Balthasar Graciáns Handorakel in Deutschland)" // Rhetorik. 2024. Vol. 43. № 1. S. 25-42. DOI: 10.1515/rhet-2024-0003 EDN: OYVCVA
  22. Wareh P. 1 Imprinting and performance in Castiglione's Book of the Courtier // Courteous exchanges: Spenser's and Shakespeare's gentle dialogues with readers and audiences. Manchester: Manchester University Press, 2023. S. 39-72.

Beyond Algorithms: The Philosophical Critique of Hubert Dreyfus

Moskvitin Valerii Aleksandrovich

Lecturer; Department B5 'Theoretical and Applied Linguistics'; 'Baltic State Technical University 'VOENMEH' named after D.F. Ustinov'
postgraduate student; Department B4 'Philosophy and History of Russia'; 'Baltic State Technical University 'VOENMEH' named after D.F. Ustinov'

1/21 1st Krasnoarmeyskaya St., Admiralteysky District, Saint Petersburg, 190005, Russia

Abstract. The present article is dedicated to a philosophical analysis of the criticism put forward by Hubert Dreyfus against traditional concepts of artificial intelligence (AI). It focuses on a detailed exposition of Dreyfus's arguments regarding the fundamental limitations of the symbolic approach in AI, which reduces human thinking to formalized algorithmic structures. The study examines key works by Dreyfus, such as "Alchemy and AI" and "What Computers Can't Do," as well as his reference to the phenomenological tradition represented by Heidegger and Merleau-Ponty. Special attention is given to the critique of the rationalist assumptions underlying contemporary AI. The study emphasizes Dreyfus's assertion that human intelligence cannot be reduced to computational systems, as it is conditioned by the importance of unconscious mechanisms, bodily experience, and sociocultural context in the process of cognition. The methodology includes a philosophical analysis of Dreyfus's key works, a deconstruction of rationalist and functionalist concepts of AI, and a comparison of the symbolic approach with alternative paradigms (neural networks, embodied cognition theory). Hermeneutic and phenomenological methods are used to reveal the ontological and epistemological foundations of the critique. The scientific novelty of this research manifests in the deep systematization and theoretical understanding of Dreyfus's critical positions against traditional paradigms of classical artificial intelligence. At the center of the analysis is his five-stage model of skill acquisition—the journey from novice to expert—which reveals the transformation of cognitive processes from formalized algorithmic thinking to intuitively-based understanding. The inherent non-formalizability of common sense and professional expertise is justified, as they have their roots in bodily-oriented experience and the historical-social acculturation of the subject. The conclusion emphasizes the need to shift research priorities in the field of AI from purely symbolic methods to hybrid cognitive systems capable of integrating existential, cultural, and empirical dimensions of human existence. Dreyfus's critical discourse urges a rethinking of technocratic practices in the creation of intelligent systems and stimulates the introduction of philosophical categories and methodologies into the core development of future intelligent technologies.

Keywords: phenomenological critique, philosophy of technology, Dreyfus Model of Skill Acquisition, embodiment, technocratic critique, neural networks, rationalist reductionism, symbolic paradigm, artificial intelligence, Hubert Dreyfus

References (transliterated)

1. Dreyfus H. Alchemy and AI. Santa Monica: RAND Corporation, 1965.
2. Dreyfus H. What Computers Can't Do. New York: MIT Press, 1972. ISBN 978-0-06-090613-9.
3. Dreyfus H., Dreyfus S. Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in the Era of the Computer. Oxford, U.K.: Blackwell, 1986.
4. Kenaw S. Hubert L. Dreyfus's Critique of Classical AI and its Rationalist Assumptions. *Minds & Machines*. 2008. Vol. 18, pp. 227-238. <https://doi.org/10.1007/s11023-008-9093-7>.
5. McCarthy J., Buvac S. Formalizing context: Expanded notes. In: Aliseda A., van Glabbeek R., Westerståhl D., eds. Computing Natural Language. Stanford University, 1997. Also available as Stanford Technical Note STAN-CS-TN-94-13.
6. Zhang F. Sotsial'naya priroda navykov: Za predelami modeli navykov Dreifusa. T&L. 2023. № 3.
7. Astakhov S. Fenomenologiya protiv simvolicheskogo iskusstvennogo intellekta:

- filosofiya naucheniya Kh'yuberta Dreifusa. Logos. 2020. T. 30, № 2(135). S. 157-193.
DOI: 10.22394/0869-5377-2020-2-157-190. EDN: NCHYMV.
8. Vislova A. D. Potentsial psikhologii intellekta v kontekste modelirovaniya iskusstvennogo intellekta. Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2019. № 6(92). S. 32-46. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-6-92-32-46. EDN: UXVECH.
  9. Vitgenshtein L. Filosofskie issledovaniya. Vitgenshtein L. Filosofskie raboty. Moskva: Gnozis, 1994. Ch. 1. S. 76-319.
  10. Vygotskii L. S. Psikhologiya razvitiya cheloveka. Moskva: Smysl; Eksmo, 2005. 1136 s.
  11. Il'enkov E. V. Ideal'noe. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2006. T. 2, № 2. S. 17-28. EDN: KNULYV.
  12. Ladov V. A. Kriticheskii analiz logiko-epistemologicheskikh osnovanii filosofii iskusstvennogo intellekta Kh. Dreifusa. Gumanitarnaya informatika. 2013. № 7. S. 28-34. EDN: QCKPDD.
  13. Leont'ev A. N. Problemy razvitiya psikhiki. Pod red. D. A. Leont'eva. 5-e izd., ispr. i dop. Moskva: Smysl, 2020. 526 s.
  14. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. Sankt-Peterburg: Yuventa; Nauka, 1999. EDN: QWJLFB.
  15. Tendryakova M. V. Razum i iskusstvennyi intellekt: vzglyad kul'turnogo antropologa. Obrazovatel'naya politika. 2024. № 3(99). S. 22-30. DOI: 10.22394/2078-838X-2024-3-22-30. EDN: FIJOIW.
  16. Khaidegger M. Bytie i vremya. Moskva: Ad Marginem, 1997.
  17. Chibisov O. N. Problema sil'nogo iskusstvennogo intellekta v filosofii E. V. Il'enkova. Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2024. № 4(44). S. 167-175. DOI: 10.24151/2409-1073-2024-4-167-175. EDN: VSZXEZ.

Overcoming the Gap: Gilbert Simondon's Philosophy of Technology Between Determinism and Constructivism

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

 vlad2015@yandex.ru

Abstract. The philosophy of technology by Gilbert Simondon occupies a unique position in the contemporary intellectual landscape, finding itself at the epicenter of a key and still unresolved contradiction in the social study of technology. On one hand, by recognizing the immanent logic of technical evolution through the concept of "concretization," it inherits the intuitions of technological determinism. On the other hand, by introducing the concepts of "associated milieu" and "information" as elements that initiate the process of "individuation," it opens up space for social influence, aligning itself with constructivism. The relevance of this research lies in overcoming this deadlock dichotomy that paralyzes both theoretical thought and technological policy, forcing a choice between technocracy and relativism. This article argues that it is this apparent paradox that makes Simondon's legacy exceptionally productive for synthesis. The methodological approach of the research is based on an interdisciplinary synthesis strategy aimed at bridging the gap between philosophical analysis of technology and empirical social studies. Its foundation consists of the integration of three key perspectives: historical-philosophical reconstruction, critical-theoretical interpretation, and

sociocultural analysis of technologies. Specific research methods include: conceptual and comparative analysis and case studies. Thus, the methodology of the work is integrative in nature, aimed not at simple comparison of theories, but at developing a new conceptual language for the analysis and critique of contemporary technological processes. Such a synthetic approach allows for the formulation of the scientific novelty of the research, which consists in developing solid foundations for a radical technology policy based not on external moralization but on immanent technical rationality. By rethinking concretization as not merely a technical but a technosocial process, the article argues that democratic participation in technology formation is not an external imperative but an internal condition for genuinely progressive development, leading to greater integration between humans, machines, and nature. The symbiosis of Simondon's ideas with Marcuse's critical theory, which reveals the "potentiality" of technical development, creates a robust theoretical foundation for a policy aimed at overcoming alienation. As a result, democratic intervention in technological development receives a deep philosophical and technical justification: it appears not just as a moral choice but as a necessary condition for a truly rational and progressive path that actualizes the suppressed potentials of technology itself.

Keywords: constructivism, determinism, critical theory, individuation, pre-individual, specification, technics, Marcuse, Simondon, philosophy of technology

References (transliterated)

1. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
3. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
4. Marcuse H. One-Dimensional Man. Boston: Beacon Press, 1964. 257 p.
5. Markuze G. Odnomernyi chelovek. M.: REFL-book, 1994. 368 s.
6. Hottois G. Simondon et la philosophie de la 'culture technique'. Bruxelles: De Boeck Université, 1993. 140 p.
7. Latour B. We Have Never Been Modern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 157 r.
8. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, UK: Oxford UP, 2005. 312 p.
9. Latur B. Ob aktorno-setevoi teorii. Nekotorye raz"yasneniya, dopolnennye eshche bol'shimi uslozhneniyami // Logos. 2017. T. 27. № 1. S. 173–200.
10. DeLanda M. Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 198 p.
11. Delanda M. Novaya filosofiya obshchestva. Teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'. Perm': Gile Press, 2018. 170 s.
12. Stiegler B. Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus. Stanford, CT: Stanford University Press, 1998. 316 p.
13. Stiegler B. Technics and time. Part 2. Stanford, CT: Stanford University Press, 2009. 285 p.
14. Stiegler B. Technics and Time. Part 3. Stanford, CT: Stanford University Press, 2010. 280 p.
15. Khaidegger M. Ponyatie vremeni. SPb.: «Vladimir Dal'», 2021. 199 s.
16. Khaidegger M. Bytie i vremya. SPb.: Nauka, 2006. 452 c.
17. Khaidegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniya. SPb.: Akademicheskii proekt, 2008.

528 s.

18. Srnichek N. Kapitalizm platform. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. 128 s.
19. Srnichek N. Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda. M.: Strelka Press, 2019. 336 s.
20. Zuboff Sh. Epokha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2022. 781 s.
21. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma // Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 61–273.
22. Lynch M. Scientific practice and ordinary action: ethnomethodology and social studies of science. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 355 p.
23. Pinch T., Bijker W. The Social construction of technological systems new directions in the sociology and history of technology. Cambridge, MIT Press, 1989. 405 p.
24. Simondon G. Culture and technics (1965) // Radical Philosophy. 2015. № 189. P. 17–23.
25. Boever De A. Gilbert Simondon: Being and Technology. Edinburgh University Press, 2012. 236 p.
26. Simondon G. On techno-aesthetics // Parrhesia. 2012. № 14. P.1–8.
27. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: Presses universitaires de France, 2014. 460 r.
28. Simondon G. The limits of human progress: A critical study // Cultural Politics: An International Journal. 2010. № 6 (2). P. 229–236.
29. Uexküll J. Theoretical biology. London, New York: K. Paul, Trench, Trubner & co. Ltd., Harcourt, Brace & company, inc., 1926. 362 r.
30. Canguilhem G. Le Normal et le pathologique. Paris: PUF, 1972. 224 p.
31. Merleau-Ponty M. La Structure du comportement. Paris: PUF, 1942. 314 p.
32. Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible. Evanston: Northwestern University Press. 1968. 282 r.
33. Merleau-Ponty M. Phénoménologie de la perception. Paris: Gallimard, 1945. 531 r.
34. Shannon C.E. The Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. № 27 (3). P. 379–423.
35. Khuei Yu. Rekursivnost' i kontingentnost'. M.: V A C Press, 2020. 400 s.
36. Ivakhnenko E.N. Navstrechu «novoi epistemologii»: rekursivnost' i kontingentnost' Yuka Khueya // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022. Т. 59. № 3. С. 220–233.
37. Sayapin V.O. Rekursivnye miry i kontingentnye poryadki: tekhnosotsial'naya dinamika v filosofii Zhil'bera Simondona i Niklasa Lumana. Tambov: Izdatel'skii dom «Derzhavinskii», 2025. 324 s.
38. Kharauei D. Manifest kiborgov. M.: Sovmestnaya izdatel'skaya programma Muzeya sovremennoego iskusstva «Garazh» i izdatel'stva Ad Marginem, 2017. 128 s.
39. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 274 p.
40. Wyatt S. Technological Determinism is Dead: Long Live Technological Determinism // The Handbook of Science and Technology Studies. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. R. 165–180.
41. Chabot P. La Philosophie de Simondon. Paris: Vrin, 2003. 157 p.
42. Barthelemy J.-H. Life and Technology: An Inquiry Into and Beyond Simondon. Meson Press, 2015. 74 p.

43. Simondon G. L Invention dans les Techniques, Paris: Seuil, 2005. 347 p.
44. Sayapin V.O. Rekursiya kak sposob samoorganizatsii sovremenennogo sotsiuma // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Voronezh, 2023. № 3 (49). S. 62–67.

The universe as a system and its scientific-philosophical reflection in the context of the rational theology of Thomas Aquinas.

Atorin Roman YUr'evich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy, State University of Management

83 Lenin St., Korovyakova village, Glushkovsky district, Kursk region, 307473, Russia

✉ romanos-85@yandex.ru

Abstract. The present article presents the metaphysical concept of the universe as a rationally governed system, developed by the prominent medieval thinker Thomas Aquinas and presented by him as the fifth, so-called "cosmological" argument for the existence of God. In Volume II of "Summa Theologiae," in questions 103 "On the Governance of Things in General," 104 "On the Consequences of Divine Governance in Particular," and 105 "On the Change of Creation by God," Thomas Aquinas continues to explore the phenomenon of determinism in nature, relating the very principle of the interconnection of things to the attributes of the action of the Divine Mind. Aquinas's concept is entirely based on scientific methodology, which vividly demonstrates the non-contradictory application of a theological approach in scientific-theoretical research, making Thomas one of the leading scholars of his time. The methodology includes a set of general scientific theoretical research methods such as analysis and synthesis, formal and dialectical approaches. Also applied in this study is the systemic method and causal analysis. The results of the study: one of the fundamental concepts of Thomas Aquinas, the fifth argument for divine existence—"from the governance of things"—is analyzed; the rational-theological explanation by Thomas Aquinas of the origin of the universe and systematic governance as a means of organizing things in their relationships and causal links is considered. The principles of determinism, causality, and goal-setting in the universe are identified, and the degree of independence of the nature of things is determined. It is shown that God's creation of a certain independence for the nature of things and endowing them with the potential for natural self-revelation without any "miraculous" intervention allows for a deeper understanding of the perfection of the divine mind as a creative principle, to which it is hardly possible to attribute any soulless universal mechanism, "deism," or any fatal character in the governance of the world.

Keywords: management, hierarchy, teleology, determinism, orderliness, systemicness, nature, goal-setting, causality, cosmology

References (transliterated)

1. Appolonov A. V. Nekotorye vazhneishie printsy filosofii svyatogo Fomy Akvinskogo // Foma Akvinskii. Summa Teologii: T. 1. Pervaya chast': Voprosy 1-64. Bilingva latinsko-russkii. Per. s lat. / Pod red. N. Lobkovitsa, A. V. Appolonova. Izd. 2-e, ispr. – M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2013. – S. 3-44.
2. Aristotel'. Metafizika // Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 1. Red. V. F. Asmus. – M.:

- "Mysl'", 1976.
3. Aristotel'. Fizika / Aristotel'; per. s dr.-grech. V. Karpova. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023.
  4. Atorin R. Yu. Srednevekovaya filosofsko-teologicheskaya mysl' i progressivnoe nauchnoe poznanie // Filosofiya nauki na puti k tsifrovoi postneklassike: monografiya / Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii, Gosudarstvennyi universitet upravleniya; nauch. red.: M. Yu. Zakharov, I. E. Starovoitova. – Moskva: GUU, 2025. – S. 120-156.
  5. Bandurovskii K. V. Nash sobesednik i sovremennik // Foma Akvinskii. Summa teologii: s kommentariyami i ob"yasneniyami / Foma Akvinskii; per., sost., predisl., komment. K. Bandurovskogo. – M.: Izdatel'stvo AST, 2019. – S. 5-24.
  6. Borodai T. Yu. Foma Akvinskii i ego "Summa protiv yazychnikov" // Foma Akvinskii. Summa protiv yazychnikov. Kn. 1. Per. vступ. st., komment. T. Yu. Borodai. – Dolgoprudnyi: Vestkom, 2000. – S. 9-31.
  7. Beimker K. Evropeiskaya filosofiya srednevekov'ya: Per. s nem. Izd. stereotip. – M.: Knizhnyi dom "Librokom", 2015.
  8. Bekon F. Novyi Organon; Optyty / Frencis Bekon; per. s lat. S. Krasil'shchikova, per. s angl. Z. Aleksandrovoi. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021.
  9. Gaidenko V. P. O traktate Fomy Akvinskogo "De mixtione elementorum" // Filosofiya prirody v antichnosti i srednie veka. Ch. 2. – M., 1999.
  10. Gaidenko V. P. Ob iskhodnykh ponyatiyakh doktriny Fomy Akvinskogo // Foma Akvinskii. Ontologiya i teoriya poznaniya: fragmenty sochinenii. – M., 2001. – S. 3-32.
  11. Grabman M. Iстория scholasticheskogo metoda: Pervyi tom: Scholasticheskii metod ot pervykh istokov v svyatootecheskoi literature do nachala XII veka. 1957 / Martin Grabman. – [b.m.]: Izdatel'skie resheniya, 2024.
  12. Dekart R. Rassuzhdение о методе / Rene Dekart; per. M. Pozdneva, N. Sretenskogo, A. Gutermana. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022.
  13. Zhil'son E. Dukh srednevekovoi filosofii. / Per. s frantsuzskogo G. V. Vdovinoi. – M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011. EDN: QXBPRR.
  14. Ivin A. A. Iskusstvo pravil'no myslit': Kn. dlya uchashchikhsya. – M.: Prosveshchenie, 1986.
  15. Kant I. Kritika chistogo razuma / Immanuil Kant; per. s nem. N. Losskogo, M. Levinoi; sost. i komment. A. Aramyan; predisl. A. Markova. – M.: Izdatel'stvo AST, 2022.
  16. Kant I. Lektsii o filosofskom uchenii o religii (redaktsiya K. G. L. Pelitsa) / Perevod, primechaniya i posleslovie L. E. Kryshtop / Pod red. A. N. Kruglova. – M.: Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2016. EDN: UXJMWY.
  17. Kant I. Obosnovanie nepostizhimogo: [perevod s angliiskogo] / Immanuil Kant. – M.: Izdatel'stvo "E", 2018.
  18. K'erkegor S. Dnevnik obol'stitelya / Seren K'erkegor; sostav., predisl. i komment. N. Pluzhnikovoi, per. P. Ganzena. – M.: Izdatel'stvo AST, 2023.
  19. Leibnits G. V. Sochineniya v 4 t.: Per. s frants. T. 4 / redkol.: B. E. Bykhovskii, G. G. Maiorov, I. S. Narskii i dr. – M.: Mysl', 1989.
  20. Okkam U. Izbrannoe: Per. s lat. / Pod obshch. red. A. V. Appolonova. Izd. 4-e. – M.: LENAND, 2024.
  21. Pivovarov D. V. Ontologiya religii: osnovnye ponyatiya i printsipy. – SPb.: Aleteiya, 2017. – S. 261-268.
  22. Stamp E. Akvinat / Per. s angl. G. V. Vdovinoi; nauch. red. K. V. Karpov / In-t filosofii

- RAN. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013.
23. Suinbern R. Sushchestvovanie Boga / Per. s angl. M. O. Kedrovoi; nauch. red. R. Suinbern / In-t filosofii RAN. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. EDN: RJEWEC.
  24. Appolonov A. V. Nauka o religii i ee postmodernistskie kritiki. [Tekst] / Appolonov A. V.; Nats. Issled. Un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018.
  25. Troshikhin V. V., Tolstikov V. A. Filosofiya, nauka, religiya: Monografiya. – Belgorod: Kooperativnoe obrazovanie, 2008.
  26. Fedchuk D. A. Golos "Edinogo": Al'bert Velikii, Foma Akvinskii i duns Skot / D. A. Fedchuk. – SPb.: Izd-vo RKhGA, 2019.
  27. Filosofiya. Kratkii tematicheskii slovar'. – Rostov n/D: "Feniks", 2001.
  28. Filosofskii slovar'. – K.: A. S. K., 2006.
  29. Foma Akvinskii. Dokazatel'stva bytiya Boga v "Summe protiv yazychnikov" i "Summe teologii". / Sost. vved. i komm. Kh. Zaidlya. Per. s lat. i nem. K. V. Bandurovskogo, otv. red. S. S. Neretina. – M.: In-t filosofii RAN, 2000.
  30. Foma Akvinskii. Kommentarii Fomy Akvinskogo k traktatu Aristotelya "Ob istolkovanii" / Perevod, kommentarii i predislovie O. A. Antonovoi, E. V. Zhuravlevoi; posleslovie Ya. A. Slinina; pod obshchei redaktsiei Ya. A. Slinina, T. E. Sokhor. – 2-e izd. – SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2021.
  31. Foma Akvinskii. O edinstve razuma protiv averrosistov // Sochineniya: Bilingva latinsko-russkii / Sost., per. s lat., vvod. st. i komment. A. V. Appolonova. Izd. 8-e. – M.: LENAND, 2021.
  32. Foma Akvinskii. O smeshenii elementov // Filosofiya prirody v antichnosti i srednie veka. Ch. 2. – M., 1999. – S. 186-191.
  33. Foma Akvinskii. Summa protiv yazychnikov. Kn. I. Perevod, vступ. st. i komment. T. Yu. Borodai. – Dolgoprudnyi: "Vestkom", 2000.
  34. Foma Akvinskii. Summa protiv yazychnikov. Kniga II. Perevod i primechaniya T. Yu. Borodai. – M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2004.
  35. Foma Akvinskii. Summa teologii. T. I. Pervaya chast': Voprosy 1-64. Bilingva latinsko-russkii. Per. s lat. N. Lobkovitsa, A. V. Appolonova. Izd. 2-e, ispr. – M.: Knizhnyi dom "Librokom", 2013.
  36. Foma Akvinskii. Summa teologii: T. II. Pervaya chast'. Voprosy 65-119. Bilingva latinsko-russkii. Per. s lat. / Pod red. N. Lobkovitsa, A. V. Appolonova. – Izd. 2-e, ispr. – M.: KRASAND, 2014.
  37. Yum D. Dialogi o estestvennoi religii: S prilozheniem statei "O samoubiistve" i "O bessmertii dushi". Per. s angl. / Predisl. S. M. Rogovina. Izd. stereotip. – M.: LENAND, 2022.
  38. Yum D. O chelovecheskoi prirode / Devid Yum; per. s angl. S. Tsereteli. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2020.